Александр БУШКОВ вот уже много лет самый известный и любимый писатель России. Общий тираж его книг превысил 20 миллионов экземпляров. Невероятная эрудиция и потрясающая фантазия автора не умещаются в рамки одного литературного направления, поэтому Бушков творит в трех — остросюжетный роман, фэнтези и историко-документальная литература, причем в каждом направлении он совершил переворот. Каждая его книга — это событие в литературном мире.

Эта книга о Гражданской войне в США 1861–1865 гг.

Почему именно о ней? Автор отвечает: чтобы извлечь для себя урок. Нашу страну гражданские войны тоже не обошли стороной. Даже Швейцария, которую мы привыкли считать тихой и мирной, пережила свою Гражданскую войну.

А. Бушкову, для того чтобы восстановить подробную картину такого «известного» события, как Гражданская война в США, пришлось перелопатить две с половиной сотни книг, после чего он пришел к выводу, что такая история относится к числу тайных.

«Все знают», что на американском Юге обитали реакционные рабовладельцы, чьи сердца пылали ненавистью к противникам рабства. Когда подлые южане злодейски подняли мятеж против правительства и создали свое южное государство, благородные северяне начали войну за уничтожение рабства.

Рабовладение на Юге существовало и конечно же было злом. Но подлинные мотивы и побуждения северян не имели ничего общего с прогрессом. Они были грязными и шкурными, и ничего общего с борьбой за освобождение чернокожих не имели…

ISBN 978-5-373-01801-2
ОЛМА МЕДИА ГРУПП
9 785373 018012

Александр БУШКОВ

Неизвестная ВОЙНА

Тайная история США

А. БУШКОВ

Неизвестная ВОЙНА

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ США

Все войны, в сущности — драка из-за денег.
М. Митчелл. «Унесенные ветром»

Александр
БУШКОВ

Неизвестная война

Тайная история США

Москва
ОЛМА Медиа Групп
2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Исключительное право публикации книги А. Бушкова «Неизвестная война. Тайная история США» принадлежит издательству ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Оформление переплета *А. Ферез*

Бушков А.
Б 90 Неизвестная война. Тайная история США: Роман. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. - 576 с.

ISBN 978-5-373-01801-2

Эта книга о Гражданской войне в США 1861 — 1865 гг.

Первый вопрос, который может возникнуть у читателя — почему именно о ней? Автор с присущим ему полемическим задором отвечает: чтобы извлечь для себя урок. Нашу страну гражданские войны тоже не обошли стороной. Даже Швейцария, которую мы привыкли считать тихой и мирной, пережила свою гражданскую войну.

А. Бушкову для того, чтобы восстановить подробную картину такого «известного» события, как Гражданская война в США пришлось перелопатить две с половиной сотни книг, после чего автор пришел к выводу, что такая история относится к числу тайных.

«Всем известно», что на американском Юге обитали реакционные рабовладельцы, жестокие люди, чьи сердца пылали ненавистью к противникам рабства. И когда подлые южане злодейски подняли мятеж против правительства и создали свое южное государство, благородные северяне начали войну за уничтожение рабства.

Рабовладение на Юге существовало и, конечно же, было злом. Но подлинные мотивы и побуждения северян не имели ничего общего с прогрессом. Они были грязными и шкурными и ничего общего с борьбой за освобождение негров не имели...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-373-01801-2

© А. Бушков, 2008
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2008

И было, что наутро они снова выступили в бой; и был велик и страшен тот день; все же они остались без победы.

Книга Мормона, Ефер, 15, 17

Все войны, в сущности — драка из-за денег.

М. Митчелл. «Унесенные ветром»

Вступление

УМНОЕ СЛОВО ОТ АВТОРА

— Не-ет, голубчики, видно, я вовремя взялся за эту книгу. Надо же, какими идиотскими легендами все это обросло!..

А. и Б. Стругацкие.
«Жук в муравейнике»

И как было в древние времена, так будет и в будущие времена, ибо путь Господень — один вечный круг. А потому помни, о человек, что за все твои дела ты будешь приведен на суд.

Книга Мормона,
1 Нефий, 10, 19–20

Эта книга — о Гражданской войне в США, бушевавшей в 1861–1865 годах и унесшей сотни тысяч человеческих жизней.

«Позвольте! — возмущенно воскликнет иной читатель. К чему в таком случае столь интригующее название? Снова хитрецы-писатели и рвачи-издатели пытаются срубить денежек на мнимой завлекательности? Как может быть „тайным“ хорошо известное событие?»

Да вот, оказалось, может...

Если для того чтобы восстановить подробную картину этого «известного» события, приходится перелопатить две с половиной сотни книг, извлекая из каждой по крупице истины, и только после этого начинаешь представлять себе происшедшее — то *такая* история, на мой взгляд, как раз и относится к числу *тайных*. Кроме того, оказалось, что ни в России дореволюционной, ни в СССР, ни в России нынешней так и не было обстоятельной, подробной, «глубококопающей» книги о Гражданской войне в США. Если же я ошибаюсь и таковая все же выходила когда-то, то она, несомненно, либо издавалась черт-те сколько времени назад, либо появилась на свет удручающе малым тиражом, либо оказалась прочно забытой. Или — все вместе. Частности, кусочки, детали войны описаны во множестве книг — но посвященных совсем другим *главным* темам. А великолепная недавняя работа К. Маля (99) на девяносто девять процентов посвящена исключительно военной истории, военным аспектам американской «гражданки».

Одним словом, нравится кому-то или нет, но ваш покорный слуга, право же, выступает первопроходцем. Хотелось бы ошибиться, но...

Могут спросить, конечно: а для чего нам, собственно, вновь погружаться в давным-давно отшумевшие события, случившиеся полторы сотни лет назад, к тому же на другом континенте, за океаном? Ответ прост: чтобы, очень возможно, извлечь и для себя какие-то уроки. Поскольку и нашу страну никак нельзя отнести к тем, которых гражданские войны обошли стороной (впрочем, сильно сомневаюсь, что подобные страны вообще существуют, даже Швейцария, которую мы привыкли считать испокон веку тихой и мирной, примерно в те же времена, что и США, пережила *свою* гражданскую). Говоря о России, я имею в виду, конечно же, не только войну между белыми и красными. Московские бои октября 1993-го были натуральнейшей гражданской войной — а чем же еще прикажете их считать? Да и чеченские события — это в первую очередь *гражданская* война. Участие в ней иностранцев этому определению нисколечко не противоречит: чуть ли не всякая гражданская война, где бы дело ни происходило, без участия иностранцев не обошлась...

Кроме того, детальное знание американской Гражданской войны очень важно для понимания всей истории США, поскольку именно эта война и определила лицо *нынешней* Америки — которое могло оказаться совершенно другим при победе *другой* стороны.

Об этом говорил американский историк Шелби Фут, автор признанного классическим трехтомного труда по истории Гражданской войны в США: «Любое понимание этой нации (т. е. американцев. — *А. Б.*) должно основываться, я имею в виду, по настоящему основываться, на изучении гражданской войны. Я совершенно в этом уверен. Она определила нас. Революция внесла свою лепту. Наше участие в европейских войнах, начиная с Первой мировой войны, также внесло свою лепту. Но гражданская война сделала нас такими, какие мы есть, определила наши хорошие и плохие стороны, и, если вы собираетесь постичь американский характер 20-го века, вам совершенно необходимо изучить великую катастрофу века 19-го. Это был перекресток нашего бытия, и этот перекресток был адским» (99).

Совершенно верно. Если бы победили не северяне, а южане, то весь мир был бы другим, а не только США. А потому элементарное любопытство требует пристально изучить «перекресток бытия», адский перекресток...

Начнем с того, что устоявшиеся штампы, мирно почивающие в массовом сознании, не имеют ничего общего

с реальностью — как не раз случалось в мировой истории. Я имею в виду причины войны, которые вроде бы «все знают». Между тем опыт исторических расследований, оставшихся за плечами вашего покорного слуги, доказывает: то, что «все знают», обычно оказывается брехней, внедренной в массовое сознание чаще всего умышленно и с дальним прицелом...

В данном конкрстном случае «все знают», что на американском Юге обитали презренные, отсталые, консервативные, реакционные рабовладельцы, жестоко угнетавшие своих чернокожих невольников. На Севере, соответственно — прогрессивные, передовые благородные люди, чьи сердца пылали ненавистью к рабству. И когда однажды подлые южане, стремясь распространить свой образ жизни на все США, злодейски подняли мятеж против правительства, президента, Конституции, создали свое южное государство и возжелали отколоться, благородные северяне начали войну за полное и бесповоротное уничтожение рабства.

Именно эти формулировки присутствуют в любом *официозе*: солидных энциклопедиях, школьных учебниках, словарях и прочем. Знаменитейший английский словарь Хатчинсона (177), именуемый, собственно, «карманной энциклопедией», со спартанской прямотой лаконично изрекает, что Гражданская война в США велась «за сохранение Союза и запрещение рабства». В точности такие определения кочуют из книги в книгу, причем неважно, идет ли речь об американском учебнике или советском.

Но в том-то и суть, что благородная борьба за уничтожение рабства была далеко не самой главной причиной войны. Мало того, в этой борьбе не оказалось ни капли благородства. Происходившее полностью укладывалось в приведенную в качестве эпиграфа цитату из знаменитого романа Маргарет Митчелл.

Но давайте по порядку. Автор этих строк долгие годы не ставил под сомнение устоявшийся штамп о «гнусных рабовладельцах Юга» и «благородных северянах, борцах с рабством». Поскольку, как и подобало всякому юному пионеру, воспитывался на романе американки Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», где была выведена целая вереница тех самых гнусных рабовладельцев, венчаемая вовсе уж чудовищем и монстром Саймоном Легри. И смотрел году в шестьдесят шестом великолепную американскую экранизацию сего романа. Естественно, все учебники и исторические книги, которые автор раскрывал в детстве, были написаны с тех же позиций: гнусные рабовладельцы и благородные северные борцы против рабства...

Точности ради нужно сказать, что формирование вышеупомянутого устоявшегося штампа нисколечко не зависело от наличия в СССР советской власти и послушного ей могучего пропагандистского аппарата. Мои американские сверстники в те годы точно так же проходили в школе «Хижину дяди Тома» и учились по учебникам, где описывалось, как благородные северяне и гнусные южане... Ну, вы поняли. Что касается *этой* частности, американские и советские учебники были словно бы написаны одной рукой. Говорю уверенно, поскольку в свое время скрупулезно все проверил...

Так я прожил большую часть жизни, не подвергая ревизии прочно вколоченные в сознание штампы.

А потом стали *выскакивать* мелкие пустячки, несмотря на свою вроде бы невзрачность, меняющие картину событий...

В благонамереннейших с точки зрения партийной доктрины книгах верного ленинца Яковлева (202, 204) обнаружился любопытнейший факт: оказывается, Джон Фицджеральд Кеннеди, будучи еще не президентом, а молодым

сенатором, написал книгу о гражданском мужестве американских сенаторов. О людях, которые ради своих идей и убеждений выступали в сенате против мнения большинства — и кое-кто из них поплатился за это сломанной политической карьерой. Канул в небытие, подвергся травле и оскорблениям — но убеждениями не поступился.

Все десять сенаторов, изображенных Кеннеди как пример гражданского мужества, честности и верности идее, оказались южанами. Все десять. Это как-то категорически не вязалось с классическим обликом «гнусных рабовладельцев», отстаивавших свои порочные идеи. Среди благородных северян, воевавших исключительно за прогресс и свободу, борцов за идею как-то не отыскалось. А если учесть, что сам Кеннеди не имел никакого отношения к Югу, был классическим северянином, можно сказать, северянином в квадрате — он родом из Бостона, из тех штатов, что под общим названием «Новая Англия» считаются словно бы сердцем, символом и истоком США... Игра приобретала интерес. Следовало все же попристальнее присмотреться к Югу и его жителям — а что, собственно, они собой представляли? Нельзя же основываться исключительно на дяде Томе и его пролетарской хижине...

Вскоре последовало потрясение и почище — мне в руки попала автобиографическая книга Уильяма Дюбуа, изданная в СССР еще при Хрущеве.

Нельзя сказать, пользуясь расхожим штампом, что ныне Уильям Дюбуа совершенно забыт. Его прочно забыли в Советском Союзе еще лет тридцать назад — сразу же после естественной кончины. Но вплоть до середины шестидесятых личность эта в СССР была чертовски популярна — по причине своей невероятной прогрессивности и «правильных» взглядов.

Уильям Дюбуа — чернокожий, пусть и с крохотной толикой белой крови. Знаменитый некогда американский общественный деятель, борец за права черных (серьезно, без иронии!) Еще в конце XIX в. основал так называемое «Ниагарское движение» за равноправие американских негров, десятки лет работал в широко известной некогда «Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения». Доктор философии, член американской компартии, большой друг Советского Союза, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»...

Одним словом, человек, которого разве что в алкогольном кошмаре можно заподозрить в симпатиях к белым расистам и «реакционерам» всех мастей и оттенков. А посему лично я испытал нечто вроде шока, когда дошел до места, где Дюбуа повествует о своем дедушке и о начале Гражданской войны. Фраза была ошеломляющей: «Еще неясно было, как отнесутся цветные американцы к этой войне».

Позвольте! Война, как нам долго и старательно объясняли, как раз и началась ради освобождения негров — но еще совершенно «неясно», как они, негры, отнесутся к этой войне. Дедушка Дюбуа, к слову, срочно уехал на Гаити, чтобы не участвовать в войне, а отец Дюбуа *опасался*, что его на войну, вульгарно выражаясь, загребут...

И наконец: «Будущее цветного населения представлялось сложной проблемой».

Полное впечатление, что речь шла о какой-то *другой* войне. Совсем не той, какую нам рисовали. Лично мне и этого было достаточно, чтобы по своей всегдашней привычке ощутить охотничий зуд.

А вдобавок в вышедшем всего три года назад учебнике для вузов по истории США обнаружилась преинтересней-

шая фразочка: «Экономически свободный и независимый Юг представлял собой серьезнейшую угрозу интересам Севера» (69).

Интересно, откуда угроза, если Юг, как нам долго и старательно объясняли, был «отсталым», «неразвитым» и «архаичным»? Какую такую угрозу он мог нести развитому, прогрессивному, промышленному Северу?

К тому же магическое слово «экономика» на меня действует подобно шпорам, вонзившимся в бока боевого коня. Потому что я давно уже придерживаюсь простого принципа: о каком бы историческом событии ни шла речь, следует решительно отбросить примитивно-романтические объяснения событий в духе «похищенных подвесок» Дюма. *Любые* мало-мальски масштабные исторические события (войны, перевороты, международные конфликты), а также большая часть мятежей и покушений на убийство владетельных особ имеют, при вдумчивом рассмотрении, чисто экономические причины. Пусть даже те самые устоявшиеся штампы утверждают обратное.

Да, и еще... Давненько я подметил некую странность в действиях советской пропаганды, упоенно боровшейся с олицетворением «мирового зла» в лице США. В этой пропаганде были свои строгие правила, сформировавшиеся давным-давно и соблюдавшиеся свято. Примитивно выражаясь, там, где американцы говорили «белое», советские пропагандисты обязаны были орать «черное» — и наоборот. Все толковое и полезное, что наличествовало в американской жизни, обязательно высмеивалось, карикатурно искажалось, поливалось грязью, «разоблачалось» и опровергалось. В частности, и те трактовки, которые американцы давали своей и чужой истории. Наши знали лучше, как оно обстояло на самом деле...

Так вот, Гражданская война была одним-единственным исключением из строжайших правил. Советская пропаганда смело, можно сказать, с пеной у рта, отстаивала... официозную точку зрения на Гражданскую войну, бытовавшую в США. Без малейших попыток опровергнуть «реакционных буржуазных историков», в чем-либо их уличить и дать свою, единственно верную точку зрения. В этом, исключительном случае советские пропагандисты ни на миллиметр не отступали от тех тезисов, что выдвигали «реакционеры» и «империалисты», не владевшие единственно верным учением марксизма-ленинизма.

Это было странно, мягко выражаясь. Советские пропагандисты, отроду не обладавшие ни голубиным нравом, ни элементарными представлениями о стыде, приличиях и честной игре, отчего-то отказались от возможности лишний раз пнуть «реакционную буржуазную историческую науку» — что, зная советские реалии, было следствием не личной порядочности, а выполнением спущенных сверху указаний. Шарада...

Порой упражнения отечественных партийцев представали вымученным бредом, лишенным всякой логики и здравого смысла. Классический пример (124) — повествование о том, как составлявшие значительную часть населения Юга белые бедняки люто ненавидели южных же богатых плантаторов: «Во время гражданской войны они (белые бедняки. — *А. Б.*) выступали против них (плантаторов. — *А. Б.*) вместе с северянами, они же и питали к неграм самую большую ненависть».

И, без всякого перехода, следующая фраза: «Поэтому, когда вспыхнула гражданская война, она сделалась для белых южан отечественной войной, и это обстоятельство, между прочим, было основной причиной того, что она приняла такой затяжной и упорный характер».

Логика отсутствует начисто. Белые бедняки выступали против плантаторов вместе с северянами — но они же в то

же самое время ожесточенно и долго сопротивлялись северянам...

И тут же автор, обличая южных реакционеров, цитирует обширно документы того времени, напрочь разрушающие его же собственные построения...

Забегая вперед, скажу, что я в конце концов довольно быстро нашел причину столь странного поведения советской пропаганды — но об этом после. Главное, я, перелопатив немалое количество абсолютно открытых источников (правда, многие из них были давно и прочно забыты-ми), все же уяснил для себя *подлинную* картину событий — и посему рад представить читателю результаты очередного исторического расследования.

Никоим образом не хочу утверждать, будто всё, что раньше писали о Гражданской войне в США — ложь. Нам, в общем, не лгали — нам просто-напросто не предъявляли *всей* правды. В точности как у Сименона: «Судья не солгал, потому что судьи не умеют лгать. Он просто не сказал всей правды».

Рабовладение на Юге США безусловно существовало — это исторический факт. И оно, конечно же, было несомненным злом. Вот только это далеко не вся правда. А правда состоит в том, что подлинные мотивы и побуждения северян, четыре года воевавших с возжелавшим отделиться Югом, не имели ничего общего с «благородством», «прогрессом» и прочими красивыми, благородными словами. Подлинные мотивы и побуждения были грязными, шкурными и с борьбой за освобождение негров не имели ровным счетом ничего общего. К тому же все оказалось в сто раз сложнее, чем нас приучали думать.

И окончательно меня добил (а также вдохнул энергию) очередной учебник для вузов (134), где американской Гражданской войне не уделено даже отдельной подглавки

с собственным заголовком — так, пара абзацев, мимоходом, наспех. Между тем речь идет об одном из, без преувеличений, масштабнейших событий девятнадцатого века. В Гражданской войне США потеряли убитыми своих граждан больше, чем в обеих мировых войнах, Вьетнаме и Корее, вместе взятых. Эта война, повторяя вслед за Шелби Футом, определила нынешний облик Америки. Именно победа Севера сделала США такими, какими мы их сегодня знаем — хотя и Штаты, и мир могли оказаться совершенно иными.

Я, конечно, человек честолюбивый. Чуточку. Мне приятно знать, что моя книга — *первая* появившаяся в нашей стране достаточно обширная работа по истории Гражданской войны в США. Простите за нахальство, но именно так дело и обстоит, и ничего тут не попишешь. Есть некоторые причины для законной гордости, мне думается.

Беда только, что после подобных исторических расследований всякий раз приходится истребить изрядное количество спиртного, чтобы избавиться от тоски и грусти — столько грязи выплескивается в душу после скрупулезного изучения сотни-другой источников... Устоявшиеся штампы, пусть и не имеющие ничего общего с исторической правдой, обладают одним достоинством: с ними *уютнее*. Они дают восхитительное чувство блаженного неведения... но человек ведь обязан знать правду, господа мои?

Ну что же, оставим лирику. Займемся американской историей — *подлинной*, забытой массами. Иной раз в ходе очередного путешествия в давно прошедшие века доведется и посмеяться — но в основном нам с вами будет, увы, не до смеха.

Отступить во времени придется довольно далеко — в конец шестнадцатого столетия. Таков уж оказался предмет исследования: очень быстро выяснилось, что для того, что-

бы понять причины самой страшной в истории США войны, вернуться нужно к самому началу, к первым европейцам в Северной Америке. Иначе не нарисовать подробной и законченной картины.

Кстати, Гражданская война, о которой идет речь, собственно говоря, *третья* гражданская война в США (дай Бог, последняя, хотя кто знает...) Мы и об этом поговорим позже.

Итак... Соединенные Штаты, как должны помнить даже двоечники, были созданы выходцами из Англии.

Из *опоздавшей* Англии...

Глава первая

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

> И было, проплыв много дней, мы прибыли в землю обетованную и, высадившись на землю, раскинули наши шатры и назвали ее землей обетованной.
>
> *Книга Мормона, 1 Нефий, 18, 23*

1. Там, за синью непогоды, есть блаженная страна...

Англия (как и большинство других европейских стран) опоздала к дележу богатого американского «пирога». Всю Южную Америку, Центральную и часть Северной к середине шестнадцатого столетия захватили и не без скандалов поделили меж собой Испания и Португалия. Такой уж получился расклад. В свое время Сталин умно сказал: «Кадры решают все». У двух вышеназванных стран отыскались кадры для занятия и удержания американских владений, а прочие страны этим похвастаться не смогли.

Дело в том, что как раз к моменту открытия Америки кончилась наконец затянувшаяся на семьсот лет война с обосновавшимися на Пиренейском полуострове маврами. Христианское воинство заняло все до единого государства

мавров, водрузило кресты на месте полумесяцев. Ясно стало, что отнятые у мавров земли завоеваны прочно и навсегда...

И многие тысячи бравых вояк нежданно-негаданно оказались совершенно не у дел. Распушенная армия никому больше была не нужна, но удалая вольница, увешанная оружием, уже ни за что не хотела возвращаться к прежним занятиям — ни бедные дворяне, ни простолюдины. Дворянам некуда было податься по причине полного отсутствия фамильных поместий, а хлебнувшие вольной солдатской жизни простолюдины не собирались вновь тащиться за плугом или горбить спину, занимаясь прежними ремеслами. Подобное случалось во многих странах после многих войн, и симптомы везде одинаковы: всплеск преступности среди фронтовиков, кабаки, набитые бравыми ветеранами, ощутившими себя обделенными и ненужными...

Вот тут, как нельзя более кстати для испанской и португальской короны, и вернулся из дальних странствий Христофор Колумб с известиями о новом богатом континенте. И орава «дембелей» с превеликой охотой кинулась за океан искать счастья...

Подобного «кадрового резерва» у других европейских стран не оказалось — и они чуть ли не сто лет с бессильной завистью наблюдали, как богатеют на американской добыче везучие соседи. И в конце концов от безнадежности решено было послать людей хотя бы в Северную Америку. Там не имелось индейских государств, где можно было поживиться золотом так, как это удалось испанцам с португальцами, североамериканские индейцы вели практически первобытный образ жизни — но как-никак, с точки зрения европейцев, там имелись «бесхозные» земли, а это все же лучше, чем ничего...

Первую попытку устроить колонию в Северной Америке предпринял человек, оставивший в истории заметный след: англичанин Уолтер Рэли, пират и поэт, путешественник и философ (в те бурные времена сочетание самого оголтелого пиратства с занятиями поэзией и философией считалось в порядке вещей). Рэли в 1585 г. высадил в Америке несколько десятков поселенцев, но место выбрал неудачно: земля оказалась совершенно бесплодной, и незадачливые колонисты, промучившись год, вернулись в Англию, произнося в адрес пирата-философа разные нехорошие слова, на которые английский язык достаточно богат.

Рэли был человеком упрямым. В 1587 г. он высадил новую партию колонистов — сто шестнадцать человек, в том числе женщин и детей. Место, где они основали поселок, философствующий пират (или пиратствующий философ, поди пойми теперь) назвал *Виргинией* — в честь английской королевы Елизаветы, без особых на то оснований считавшейся девственницей («virginia» по-латыни как раз и означает «девственница»).

Только через три года туда смог заглянуть какой-то случайный английский корабль. И моряки не нашли в поселке ни единого поселенца. Все сто шестнадцать человек исчезли бесследно. Вместе с припасами, инструментами, кухонной утварью и оружием.

Это событие до сих пор остается одной из головоломнейших загадок американской истории. Не обнаружилось никаких следов нападения индейцев. На дереве английские моряки нашли вырезанное слово «Кроатон» — так называлось одно из обитавших поблизости индейских племен, но это ни о чем не говорило... В общем, так никогда и не отыскалось никаких следов пропавших колонистов, хотя в гипотезах, как легко догадаться, недостатка нет

(в том числе имеет хождение и экзотическая версия о похищении поселенцев инопланетянами, но это уж по ведомству психиатрии и к нашему повествованию отношения не имеет...)

После этого англичане оставили всякие попытки освоиться в Америке чуть ли не на двадцать лет. Но тут вдруг поступили известия, что в Новом Свете *замаячили* главные соперники и конкуренты — французы. В Лондоне насторожились — и решили поспешать. Дело было не только в извечном соперничестве англичан и французов: в Англии развелось чересчур уж много безземельных и бесприютных бедняков, от которых было одно беспокойство. Брат Уолтера Рэли так и писал в своем меморандуме на высочайшее имя: «Мы могли бы обжить некоторую часть этих стран и поселить здесь бедствующих граждан нашей страны, которые ныне доставляют много хлопот государству и из-за нужды, гнетущей их на родине, принуждены совершать мерзостные преступления, отчего их каждодневно вздергивают на виселицах» (8).

Испанский посол в Англии в своем секретном докладе был с этим полностью согласен: «Первейшая причина, побуждающая их колонизовать эти земли, — стремление дать отдушину уйме оставшихся без дела несчастных людей и тем отвратить опасности, которые могут грозить с их стороны».

Таким образом, к освоению Америки Англию подтолкнул в первую очередь необычайно высокий процент бродяг и безработных, зашкаливший за опасные пределы... Британцы, уяснив проблему, действовали энергично: в 1606 г. новый король Яков I лично учредил Плимутскую и Лондонскую компании — самые настоящие акционерные общества «дворян, джентльменов и купцов». Вышеперечисленные господа в два счета собрали немалые денежные суммы на обу-

стройство колоний за океаном. Естественно, не по доброте душевной: каждому акционеру полагались в Новом Свете немалые земельные владения.

В 1607 г. к берегам нынешнего американского штата Виргиния пристали три корабля, с которых высадилось сто восемь человек. В строгом соответствии с тогдашними британскими обычаями они делились на «джентльменов» и «работников». «Джентльмены» были дворянами, в основном младшими сыновьями в семье, которым по британским законам из наследства причиталась лишь дырка от бублика. Ну а работники были работниками, что тут еще скажешь? Вот так и получилось, что колонизация Америки началась именно с Юга.

Здесь же позднее родилась незатейливая песенка:

Виргиния — счастливый штат,
Здесь поселиться всякий рад.
Здесь всюду реки и леса,
И голубые небеса...

Места, без малейшего преувеличения, оказались райские — сущий Эдем. Плодороднейшие земли, где дают огромные урожаи кукуруза и табак, пшеница и фруктовые деревья. В лесах масса дичи, в реках — множество рыбы. В лесах деревья с ценной древесиной: красное дерево, камедь... Работники вкалывали, а джентльмены благоденствовали, став хозяевами огромных плантаций.

Одним из активнейших деятелей Виргинии, много сделавшим для процветания колонии, был Джон Смит — человек, чья биография даже для того бурного века выглядела крайне экзотично.

Сын небогатого английского крестьянина, он в шестнадцать лет сбежал не просто из дома, а — в Европу, где завербовался в солдаты. Воевал в голландской армии про-

тив испанцев, за хорошую плату поучаствовал во французских войнах католиков с протестантами, потом отправился к венграм, как раз сцепившимся с турками. К туркам Смит и угодил в плен. Турки, не особенно и заморачиваясь, продали его в рабство крымским татарам. От татар неугомонный крестьянский сын бежал к запорожским казакам, добрался до Московии, а оттуда — домой через всю Европу, подгадав как раз к отправке экспедиции в Виргинию.

На корабле с нашим героем снова что-то произошло. Судя по сохранившимся документам, бравый вояка всерьез собирался захватить власть и стать королем Виргинии. Его там же, на полпути в Америку, арестовали, но по прибытии в Новый Свет не просто освободили, а назначили одним из членов Совета, управлявшего колонией: со специалистами было туго, и власти решили, что непрактично будет разбрасываться такими кадрами, пусть и склонными к заговорам...

Правда, осмотрительные джентльмены, не особенно и допуская буйного Смита к текущим делам, *выпихнули* его исследовать новообретенные земли. Смит не особенно и упирался: все интереснее, чем сидеть на месте и шуршать скучными бумагами. Он плавал вдоль побережья, составляя карты, странствовал по суше — где ненароком закрутил бурный роман с очаровательной дочкой индейского вождя по имени Покахонтас (вполне возможно, эта романтическая история кому-то из читателей знакома по одноименному американскому мультфильму). В конце концов, постарев, подустав и получив несколько ранений, наш искатель приключений вернулся в Англию, купил именьице и зажил более-менее спокойно.

Ну, а что же Север?

Терпение, друзья мои, терпение...

К 1620 г. обозначилась «вторая волна» английских переселенцев, решивших попытать счастья в Новом Свете. Правда, на сей раз причины были не столько экономическими, сколько идеологическими. Точнее, религиозными. И переселенцы обитали не в Англии, а прозябали в Голландии, куда им пришлось бежать с родного острова...

Поскольку читатель, без сомнения, подзабыл, как обстояли церковные дела в Англии того времени, постараюсь вкратце напомнить. Король Генрих VIII в первой трети шестнадцатого столетия *вывел* британскую церковь из подчинения Риму, назначив ее главой самого себя. Новая церковь, получившая название англиканской, все же сохранила многое от католицизма: церковная иерархия (архиепископы, епископы, священники), пышные обряды, богато украшенные церкви, киоты и статуи святых, органная музыка, красивые облачения священнослужителей.

Но понемногу в Англии вслед за Европой развелись свои протестанты, именовавшиеся пуританами (от латинского «*purus*» — «чистый»). Эти люди, пренебрегавшие любой роскошью, одетые в черное с ног до головы, на первый взгляд провозглашали дельные вещи: следует, мол, восстановить первозданную чистоту и простоту христианства, жить не по лжи, честно трудиться, хранить супружескую верность, заставить духовенство отказаться от ненужной пышности...

Однако, как это частенько случается, благородные стремления очень быстро оказались доведенными до полного и совершеннейшего абсурда. Пуритане всерьез решили превратить *всю* страну в подобие монастыря. Яркая лента в прическе девушки, пестрое платье — смертный грех. Кружка доброго пива в воскресенье — смертный грех. Танцы и песни — смертный грех. И так далее. Особенно досталось от пуритан театру, который они именовали «чер-

товой капеллой», а драматургов, актеров и зрителей — «грешниками, язычниками, легкомысленными и безбожными людьми».

Новоявленные проповедники от слов перешли к делу — поносили «грешниц», любивших наряжаться, буянили в пивных, требуя от завсегдатаев покончить с питием «греховных жидкостей». В довершение всего устраивали скандалы на представлениях шекспировских пьес — за что бессмертный бард Уильям Шекспир, по достоверным историческим сведениям, прилюдно честил пуритан словечками, которые вытерпит не всякий забор...

Одним словом, как-то незаметно глашатаи благородных идей превратились в шайку экстремистов, увлеченно буянивших где только возможно, по поводу и без повода. Тут уж подключились власти, быстро сообразившие, что дела принимают скверный оборот. Король Яков I, мужик весьма неглупый, высказался прямо: сегодня эти ораторы требуют отменить епископов, а завтра, чего доброго, и до короля доберутся... (Кстати, его величество как в воду смотрел: не прошло и тридцати лет, как пуритане сыграли огромную роль в английской революции и казни короля Карла I).

Как легко догадаться, за пуритан с превеликим рвением взялись тогдашние силовые структуры, которых, что греха таить, поддерживала британская общественность, не намеренная отказываться от пива, зрелищ, увеселений, танцев и праздников. И пуритане (отнюдь не горевшие желанием принять мученическую смерть за веру) стали разбегаться кто куда.

Группа таких беглецов, обосновавшаяся в Голландии, решила после долгих размышлений поискать счастья за океаном. Возглавлявший их тридцатилетний Уильям Брэдфорд принадлежал к суперрадикальной секте так называемых

«браунистов», которым даже пуритане казались излишне развращенными. По браунистам, в христианской церкви имел право состоять отнюдь не всякий крещеный — а лишь небольшая кучка «избранных». Кто избранный, а кто нет, разумеется, определял глава секты....

Именно эта теплая компания, боявшаяся, что оппоненты до нее доберутся и в Голландии, решила перебраться за океан, чтобы строить там жизнь «с чистого листа», основать собственную землю обетованную по своему вкусу и разумению, под своей безраздельной властью.

Прослышав о готовящемся путешествии, к ним явился Джон Смит, которому наскучило сидеть дома, — и предложил свои услуги в качестве капитана, проводника, вообще специалиста по Америке. Наивный был человек... Компания Брэдфорда с негодованием отказалась от услуг старого искателя приключений, объявив, что присутствие среди них столь сомнительного субъекта может дурно повлиять на религиозную мораль общины.

Дело тут, впрочем, было не в морали, а в расчетливости. Брэдфорт к тому времени уже раздобыл написанные Смитом книги об Америке и составленные Смитом карты Америки — а потому сам Смит был уже и не нужен...

И вот настал великий (без преувеличения) миг. 6 сентября 1620 г. поднял паруса «Мэйфлауэр» — самый знаменитый корабль в истории Америки, чье название знакомо в США каждому ребенку. У нас это имя, не мудрствуя, переводят буквально — «Майский цветок», хотя «майским цветком» в Англии исстари называли боярышник.

Брэдфорд и его люди отправлялись в Америку отнюдь не «вольными стрелками». Поскольку денег у них не имелось, им пришлось заключить самый что ни на есть кабальный договор с Виргинской компанией: компания оплачивает всем переезд, а странники обязуются отрабо-

тать на плантациях семь лет... Дефицит рабочих рук в Америке был адский, а выбирать Брэдфорду было не из чего.

Об этом мало кто помнит, но переселенцы отправились было через океан на *двух* кораблях. Однако второй, «Спидуэлл», всего через два дня плавания продолжать рейс не смог: на нем обнаружилась течь, и он вернулся в порт, а его пассажиры перешли на «Мэйфлауэр», благодаря чему последний и стал *историческим* судном. Ну, а бедолага «Спидуэлл» был прочно забыт...

Двухмесячное плаванье, протекавшее в самых жутких условиях (шторма, нехватка провизии и воды), закончилось успешно. На американскую землю высадились сто два человека — сорок один мужчина, девятнадцать женщин и сорок два ребенка.

Едва осмотревшись, мистер Брэдфорд самым беззастенчивым образом *кинул* своих нанимателей. С навигацией тогда обстояло не ахти, и капитаны сплошь и рядом плавали по тому принципу, что отражен в знаменитой некогда песне: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону». Как выражаются у нас в Сибири, шпарили бесхитростно: на два лаптя правее солнышка. Вот и шкипер «Мэйфлауэра», некто Кристофер Джонс, малость промахнулся, полагая не без оснований, что Американский континент — земля протяженная и мимо все равно не проскочишь, обязательно упрешься в какую-нибудь сушу...

Возней с компасом и прочими приборами (если только у него имелись «прочие приборы») Джонс себя не особенно утруждал — и в результате причалил к берегу не в Виргинии, а на *семьсот* миль севернее (американская миля, напоминаю, равняется 1600 метрам). Большой был спец по навигации...

Поселенцы оказались в совершенно безлюдных местах, никому не принадлежавших, — в дикой глухомани. Однако Брэдфорд нисколечко не протестовал, потому что у него родилась гениальная идея... Странники подписали обязательство отработать семь лет в Виргинии? Но здесь-то, черт побери, не Виргиния, здесь *ничьи* земли, насчет которых в договоре ничего не говорилось!

А потому договор со спокойной совестью похерили. Виргинская компания, узнав, что ее облапошили, махнула рукой — у нее не было сил и возможностей, чтобы принудить нарушителей контракта, обосновавшихся аж за семьсот миль от Виргинии, выполнять взятые на себя обязательства...

Место, где обосновались пуритане, сейчас называется Массачусетским заливом. Так на Американском континенте появились два отдельных английских поселения, разделенных, в переводе на наши меры, более чем тысячей километров. Так появились Север и Юг. Южане называли себя виргинцами, а северянам дали пренебрежительную кличку «янки». По самой достоверной из множества версий, она происходит от имени некоего датчанина Яна Киза (Jan Kees — yankee).

А вот дальше, на мой взгляд, произошла вопиющая несправедливость. Судите сами. *Первой* была основана *южная* колония Виргиния — в 1607 г. Только тринадцать лет спустя образовалась северная, Массачусетс — в 1620 г. И тем не менее в США именно с северной колонии ведется отсчет исторических дат, именно к ней привязаны главные национальные праздники. 22 декабря, день высадки на берег пассажиров «Мэйфлауэра», пышно отмечается в Америке как Forefather's Day — «Прародительский день». Название «Мэйфлауэр» известно каждому американскому дитяти. Между тем дата высадки южан, имевшая место быть на тринадцать лет раньше, известна лишь узким специалистам, названия кораблей вирджинцев забыты совер-

шенно (мне, несмотря на долгие поиски, не удалось откопать ни одного из трех), в США есть памятник Брэдфорду, но не сыщется памятников Джону Смиту — который, помимо всего прочего, как раз первым и исследовал те места, где впоследствии возникли штаты Новой Англии... В США считается невероятно престижным вести свою родословную от «отцов-пилигримов» с «Мэйфлауэра» — но гораздо менее престижным считается быть потомком поселенцев с трех виргинских кораблей...

Подозреваю, все дело в том, что в Гражданской войне победил Север, а не Юг. Случись иначе, все было бы наоборот... Историю, как давно известно, пишут победители.

Сама по себе история становления колоний — и южной, и северной — достаточно интересна. Здесь и кровопролитные войны с индейцами, и голодные зимы, когда порой даже разрывали могилы и питались покойниками, и более веселые моменты. Вот только она, в общем, к теме данной книги имеет мало отношения, а потому я ее опущу.

Разговор пойдет о другом — о рабочих руках.

Рабочих рук, как уже говорилось, катастрофически не хватало что на Юге, что на Севере. На Юге возникли крупные плантации, а Север был представлен гораздо более скромными по размеру *фермерскими* хозяйствами — но проблема была общей и для виргинцев, и для янки.

Перед испанцами и португальцами такая проблема в свое время не стояла — на них работали индейцы. Но *североамериканских* индейцев к подневольному труду приспособить не удавалось. Все дело в менталитете. Испанцы и португальцы захватили *государства*. Тамошние индейцы за столетия привыкли вкалывать на старшего, не покладая рук, а потому белые завоеватели, собственно, ничего нового в сложившуюся систему не внесли, всего лишь заняли место индейской правящей верхушки, и не более того.

В Северной Америке дело обстояло иначе. Индейцы в тех краях вели первобытный образ жизни, а потому у них просто-напросто не умещалась в сознании идея, столь привычная европейцам: подневольный труд на чужого дядю. Все попытки поселенцев «приспособить» индейцев к работе оказались безуспешными, краснокожие держались стойко: хоть убей, а работы не дождешься! Ни битье не помогало, ни показательные убийства. Вдобавок племена, откуда белые захватывали работников, в отместку нападали на поселения, сжигая все дочиста и истребляя все живое.

В конце концов и южане, и северяне плюнули и отступились, четко осознав, что из индейцев работников не получится и продолжать в том же духе выйдет себе дороже. Но выход все же, поразмыслив, отыскали...

Нет, вы зря подумали про негров. Первые рабы в американских колониях были *белыми* и происходили из Европы...

2. Семь — число несчастливое...

Гораздо позже, когда противоречия между Югом и Севером дошли до критической черты и война вот-вот должна была грянуть, поэт-южанин Джон Рэндолф на одном из собраний говорил: «Эти джентльмены с Севера думают, что мы склоним головы перед нашими черными рабами; так пусть они знают, что мы заставим их раболепствовать перед их собственными рабами — белыми».

Рэндолф, конечно, чуточку преувеличил — к тому времени ни на Севере, ни на Юге уже не осталось белых рабов. Но раньше, до американской революции, их число было громадным...

Речь идет о так называемых «сервентах» (от латинского «сервентус» — «слуга»). На деле значительная часть слуг

были настоящими бесправными белокожими рабами. О них помнят слабо, потому что на памяти в первую очередь чернокожие рабы, — но они были...

Вообще-то именно Англия была инициатором широкого развития рабства в своих американских колониях. Напоминаю: колонии были в первую очередь акционерным предприятием, и значительная часть американских земель принадлежала не обосновавшимся там «джентльменам», а господам акционерам из Лондона, многие из которых в жизни не бывали в Америке, но желали иметь хорошие прибыли с вложенных денег. А потому Лондон прямо-таки *требовал* от колоний не разбрасываться на всякую «ерунду» вроде выращивания тыкв, рыболовства и охоты на пушного зверя, а бросить все силы на создание огромных плантаций, ориентированных на какую-то одну сельскохозяйственную культуру. Именно с таких плантаций и поступал нешуточный доход — а обеспечить его можно было только с помощью подневольного труда бесправных рабов, работавших исключительно за одежду и кормежку. Экономика, господа мои, только и всего...

Классический пример — южный штат Джорджия. Рабство там ввели только в 1750 г. — по настоянию Лондона, которому требовался отличный виргинский табак. Южный же штат Южная Каролина десятки лет прекрасно существовал без рабства, производя кукурузу, свинину, вывозя оленьи кожи, древесину и пеньку (все это вовсе не требовало рабского труда). Однако к 1710 г. те самые акционеры из Лондона категорически порекомендовали заняться рисом — а вот рисовые плантации существовали исключительно на рабском труде.

В общем, не сами южане придумали и пестовали рабство — они всего лишь вынуждены были выполнять директивы Лондона...

Вернемся к сервентам, именовавшимся еще «кабальными слугами» и на протяжении всей колониальной эпохи составлявшим от 10 до 15 процентов населения.

Таковые делились на две категории: добровольных и недобровольных. «Добровольцы» звались еще «выкупниками» и «учениками». Выкупники в оплату за проезд в Америку должны были отработать в качестве слуг (в доме, на ферме, в мастерской) от двух до семи лет — без права в течение этого срока менять хозяина, жаловаться на скверное обращение, вообще «качать права». Это, конечно, было не рабство, но и никак не свобода.

«Ученики» — это дети из бедняцких семей, которые были обязаны за обучение ремеслу отработать определенный срок, заканчивающийся обычно по достижении ими двадцати одного года (при том, что в ученики можно было попасть и лет в десять). Часть из них в Америку отправляли сами родители, будучи не в силах прокормить, а часть (обычно сирот и бездомных) высылали в колонии английские власти. Легко догадаться, что любой хозяин пытался выжать из подобной рабочей силы все, что только возможно...

С «недобровольными» сервентами дело обстояло еще хуже. Часть из них составляли коренные американцы, которых превращали в кабальных слуг местные суды за неуплату долгов или мелкие уголовные преступления вроде воровства или самовольной отлучки с работы. И уж эти бедолаги свой семилетний срок отбывали от звонка до звонка, не обремененные и минимумом прав.

Кроме того, из Англии шел прямо-таки «бурный поток» людей, отправляемых в белые рабы насильно.

Начнем с детей. Англичане создали целую *индустрию* по похищению детей — как у себя в стране, так и в Европе. Специальные агенты высматривали на улицах бедно оде-

тых детей, за которых явно некому было бы вступиться. Выбрав подходящий момент, хватали, тащили в «накопители», а потом целыми кораблями отправляли за океан. Один из таких прохвостов похвалялся, что за двенадцать лет похитил и переправил в колонии по *пятьсот* ребятишек ежегодно (8).

И наконец, хозяйственные англичане массами отправляли в колонии уголовных преступников, которым смертная казнь или пожизненное заключение заменялось кабалой в колониях на срок от семи до четырнадцати лет, а порой и пожизненно. А заодно брали и бродяг. Перечень «негодяев и бродяг», которых следовало ловить и высылать за океан, был разработан четко: «Всех тех, кто, попрошайничая, называет себя школярами; всех моряков, которые делают вид, что потеряли свои корабли и товары в море и слоняются по стране, выпрашивая милостыню; всех праздношатающихся людей по любой сельской местности, которые либо попрошайничают, либо занимаются всякими таинственными ремеслами или нелегальными играми... актеров, выступающих в интермедиях, и бродячих музыкантов... всех этих странников и простых работников, слоняющихся без дела и отказывающихся трудиться за разумную оплату, которую обычно предлагают».

«Разумная оплата» составляла сущие гроши. Такая вот старая добрая Англия, колыбель европейской демократии...

В колонии, кроме того, массово отправляли «политических». Английский закон, направленный главным образом против секты квакеров, гласил: всякий, кто был трижды признан виновным в посещении «незаконных религиозных собраний», будет выслан в колонии на семь лет. Такая же участь ждала тех, кто знал об этих «незаконных собраниях», но не донес властям... (8). Это — на заметку тем краснодушным интеллигентам, кто полагает, что уголовную

ответственность за «недонесение» придумали в Советском Союзе злобные чекисты...

Тех, кто читает и любит книги Рафаэля Сабатини о приключениях капитана Блада, могу проинформировать: события там изображены в строжайшем соответствии с исторической правдой. Когда было разгромлено восстание Монмута (в котором по воле автора случайно оказался замешан вымышленный Блад), вождей мятежа казнили, а рядовых участников и в самом деле отправили в рабство в колонии. Между прочим, в старинных документах того времени среди взятых в плен мятежников действительно значится некий ирландец по фамилии Блад...

В колониальное рабство отправляли и участников восстания ирландцев против диктатуры Кромвеля, и многих других бунтовщиков — опять-таки *навечно*.

Ну, а вдобавок по Европе странствовало множество вербовщиков, расписывавших простакам сказочные сокровища Америки: «Они способны были убедить любого, что в Америке нет ничего, кроме Елисейских полей, изобилующих дарами природы, добывание которых не требует никакого труда; что в горах много золота и серебра, а колодцы и родники наполнены молоком и медом; что любой иммигрант, отправляющийся туда в качестве слуги, станет богачом, девушка-служанка превратится в грациозную леди, крестьянин станет дворянином» (93).

Дуралеев, подмахнувших контракт, обычно до отплытия держали в английских тюрьмах — чтобы ненароком не передумали и не сбежали. Все, и принудительные, и добровольные, плыли через океан в жутчайших условиях. Капитаны кораблей, которые за перевозку сервентов получали немалые денежки с головы, напихивали людей в трюмы, как сельдей в бочки. Пассажиры, как прилежно засвидетельствовали американские историки, от четырех недель до

четырех месяцев валялись в трюме не раздеваясь и страдали из-за скудости рациона. Отмечено много случаев, когда оголодавшие «счастливцы» охотились за мышами и крысами. Случалось и похуже. На одном из кораблей полупомешанные от голода люди съели шесть трупов своих умерших ранее спутников (93, 58). Смертность, кстати сказать, была ужасающей: в 1709 г. на одном из кораблей из четырехсот «контрактников» за время пути умерло восемьдесят, но в 1730 г. этот мрачный рекорд был побит: из партии в сто пятьдесят сервентов до Америки доплыли только *тринадцать*.

По прибытии в Америку сервентов (в том числе и «добровольцев») преспокойнейшим образом распродавали. Подлинное объявление в одной из американских газет: «Только что в Лидстаун прибыл корабль «Юстиция» с примерно сотней физически здоровых сервентов — мужчин, женщин и мальчиков. Продажа состоится во вторник, 2 апреля».

Между прочим, это объявление относится к 1771 г., когда американская революция вот-вот должна была грянуть...

Тех, на кого покупателей не нашлось, отдавали так называемым «торговцам душами», которые торговали белыми рабами, так сказать, вразнос — этакие коробейники. Они брали некупленного за шкирку, вели в глубь страны и предлагали всем желающим по дешевке: «А вот кому?!»

В американской истории зафиксирован анекдотический случай — белый раб оказался малым сообразительным и проворным. Пока его торговец спал в сарае, он отправился к местным и преспокойно заявил, что «торговец душами» как раз он, а в сарае дрыхнет свежедоставленный раб. Продал его, получил денежки и благополучно скрылся. Как выпутался из этой истории торговец, мне неизвестно.

Но подобные шутки случались редко — сплошь и рядом было не до смеха. Нужно добавить еще, что семьи белых рабов, как и черных, повсеместно разлучали: мужа покупал один хозяин, жену — другой, дети попадали к третьему. Однажды произошел вовсе уж диковинный казус, в котором трагическое мешается с комическим: некий человек, приехав однажды в Америку, смог выбиться, как говорится, из грязи в князи, разбогатев, решил прикупить себе сервентов. Заочно, не видя «товара», приобрел белого раба, его жену и дочь. Когда товар доставили, оказалось, что это отец, мать и сестра покупателя... Случалось и такое.

Самое примечательное: белым рабам жилось гораздо *хуже*, чем черным! Причины ясны из письма, написанного в восемнадцатом веке: «Негры являются пожизненной собственностью, смерть рабов в расцвете молодости и сил наносит материальный ущерб владельцу; поэтому почти во всех случаях рабы живут в более комфортабельных условиях, чем несчастные европейцы, в отношении которых строгий плантатор проявляет неумолимую жестокость. Они выбиваются из сил, чтобы выполнить порученную им работу».

Ассамблея Виргинии (орган местного самоуправления) еще в 1662 г. отмечала: «Варварское обращение жестоких хозяев с рабами вызвало множество скандалов и нанесло ущерб престижу страны в целом, в результате чего люди, которые намеревались приехать сюда, теперь воздерживаются от этого из-за всяких опасений; и по этой причине приток, особенно мужской, рабочей силы и благосостояние владений его величества наталкиваются на большие трудности».

Речь идет исключительно о *белых* рабах. Подобные заявления ничего, в общем, не изменили — положение сер-

вентов оставалось ужасающим. За все время кабальной службы белый раб не получал ни гроша заработной платы, работая исключительно за ночлег, пищу или обучение ремеслу (даже одежды не полагалось, приходилось все эти годы донашивать ту, в которой приплыл). Для «добровольцев» после отбытия срока (а как это иначе назвать?) полагалось скудное вознаграждение: кое-какая одежонка, немного денег, иногда участок земли. Но до этого нужно было еще дожить — хозяин из временного работника, как уже говорилось, старался выжать все соки. Продолжительность рабочего дня и условия труда устанавливал сам хозяин — а сервент не имел права протестовать. В 1663 г. шестеро кабальных слуг в штате Мэриленд (Север!) отказались работать и пришли в суд жаловаться на своего хозяина, который кормил их скудно, а мяса они и в глаза не видели. Судья, не моргнув глазом, заявил: ежели вы, сукины дети, немедленно не пойдете работать, получите по тридцать плетей! И ушли бедняги восвояси...

Бегство от хозяина, кстати, каралось не только жестокой поркой, но и удвоением (а то и утроением) срока кабальной службы. За повторный побег белому рабу выжигали раскаленным железом клеймо на шее и плече.

Свидетельство современника: «Я видел, как надсмотрщик бил сервента палкой по голове, пока не потекла кровь, за промах, о котором и говорить не стоит».

Белого раба можно было не только избивать как душе угодно, но и убить вообще. Английский *писаный* закон гласил: «Если раб, будучи наказан хозяином за бегство или другой проступок против него, потеряет жизнь или какой-либо член, то никто не обязан за это никаким возмещением. Но если кто-либо из баловства или жестокости намеренно убьет своего раба, он уплатит в казну 15 фунтов стерлингов» (237).

Для богатого плантатора уплатить казне 15 фунтов было не труднее, чем нынешнему олигарху оплатить штраф за неправильную парковку. Процитированный закон относится не к американским колониям, а к британскому острову Барбадос, но в Америке дела обстояли примерно тем же образом. В 1666 г. (и снова на Севере!) под судом оказалась некая супружеская пара: хозяйка, воспитывая своего сервента, так увлеклась, что ненароком отрезала ему все пальцы на ногах, отчего бедолага умер. Суд дамочку оправдал вчистую. Там же, в те же примерно времена, стало известно, что другой «крепкий хозяин» заковал сервента в цепи и забил до смерти, а двух «контрактниц»-служанок изнасиловал. Суд вынес шалунишке порицание — по делу об убийстве, а изнасилования вообще рассматривать не стал.

Законы *северного* штата Массачусетс о рабстве высказывались, надо признать, не без некоторого изящества: «Среди нас никогда не будет ига рабства, крепостной зависимости или людей, содержащихся на положении пленников, если это не законные пленники, захваченные в справедливых войнах, или иностранцы, добровольно продавшие себя или проданные нам. Но и эти будут пользоваться всеми свободами и христианским обращением, которые предписаны моралью Божьего закона в Израиле для таких лиц. Это, однако, никого не освобождает от рабства, присужденного властями».

Как видим, белого человека держать в рабстве нельзя... но ежели по закону, то можно. Легко догадаться, что ни о каких таких свободах или «христианском обращении» речь в большинстве случаев и не шла. Кстати, формулировки статей закона об отбывших свой срок, оставляли для хозяев лазейки: «Каждый сервент, который служил верно и добросовестно на пользу своему хозяину семь лет, не

должен быть отпущен без всего; если же он не проявил верности, добросовестности и усердия на своей службе при хорошем обращении с ним хозяина, он не будет отпущен на свободу, пока власти не сочтут, что он выполнил свои обязательства».

Все зависело, как видим, исключительно от доброй воли хозяина — или отсутствия таковой. Человек беззастенчивый мог заявиться к властям и с честными глазами уверять, что его раб, которому пришел срок освобождаться, ни верности, ни добросовестности, подлец, не проявил, да и усердия от него было не дождаться — а значит, пусть еще годик-другой потрудится за харчи и ночлег где-нибудь в хлеву...

Бесстрастная история свидетельствует: примерно четверть сервентов умирала до истечения срока, надорвавшись. А семьдесят процентов счастливчиков, доживших до свободы, причитавшегося им земельного надела так никогда и не получили, опять-таки пополнив ряды наемных рабочих, разве что наделенных чуточку большими правами: теперь их нельзя было бить и убивать безнаказанно. только и всего...

Можно добавить еще, что сервентам категорически запрещалось вступать в брак без разрешения хозяина — а разрешения такового чаще всего было не дождаться: кому захочется, чтобы его раб отвлекался на всякие глупости вроде жены и детей? Был принят специальный закон, по которому брак раба и рабыни, заключенный без разрешения хозяина, «должен рассматриваться как прелюбодеяние или внебрачная связь, а дети должны считаться внебрачными». «Грешникам» опять-таки продлевали срок рабства.

Ничего удивительного, что иные тюремные сидельцы в Англии предпочитали оставаться «на нарах» вместо того, чтобы отправиться в Америку в качестве сервента. Некоему Филиппу Гибсону, приговоренному к смертной казни за уличное ограбление, предложили вместо этого отправиться пожизненно в Америку — но Гибсон все же предпочел виселицу. Весьма показательный пример...

Что до процентного соотношения белых и черных рабов, то оно выглядит крайне любопытно: в Виргинии в 1683 г., например, насчитывалось три тысячи черных рабов и двенадцать тысяч белых. В других местах соотношение было примерно такое же...

Самое интересное, что в американских колониях процветал между рабами самый натуральный интернационализм, без малейшей розни по цвету кожи. Северный штат Мэриленд принял в свое время специальный закон, направленный против браков черных и белых: белая женщина (неважно, рабыня или свободная), вышедшая замуж за негра, получала семь лет кабального услужения, а негр, если он был свободным, попадал в рабство пожизненно. Коли уж пришлось принимать специальный закон, надо полагать, подобные браки имели большое распространение...

Ну, а поскольку натура человека такова, что он не всегда будет сносить издевательства, белые рабы не только пускались в бега, но и восставали. Как черные, так и белые.

Первое крупное восстание черных произошло не на Юге, а как раз на Севере, в 1712 г. в Нью-Йорке. 25 негров и 2 индейца подожгли дом и убили девятерых белых. Восставших перехватали солдаты, и 21 человек из них был казнен. Губернатор докладывал в Лондон: «Одних сожгли, других повесили, одного колесовали, одного живым повесили в городе на цепях». Одного из чернокожих бунтовщиков в назидание другим северяне, будущие «прогрессивные борцы против рабства», поджаривали на костре *восемь* часов...

Однако еще за полсотни лет до этого в Виргинии белые и черные рабы устроили совместный заговор — но были выданы предателем и казнены. Там же, судя по сохранившимся документам, было немало случаев, когда сервенты прятали беглых чернокожих — а то и бежали вместе.

В 1741 г. в том же Нью-Йорке насчитывалось десять тысяч белых рабов и две тысячи черных. После начавшихся зимой загадочных пожаров черных и белых обвинили в совместном заговоре с целью выжечь город дотла. Неизвестно, как все обстояло на самом деле, но среди казненных были не только черные, но и белые рабы (в том числе две белые служанки).

Американский историк Э. Морган: «Есть намеки на то, что две группы презренных изначально видели друг друга разделяющими одну судьбу. Например, среди сервентов и рабов были обычным делом совместные побеги, похищение свиней, попойки. Среди них не было необычным предаваться совместным любовным утехам. Во время восстания Бэкона один из последних сдавшихся в плен отрядов состоял из восьмидесяти негров и двадцати сервентов-англичан».

Подобных примеров — множество. В 1661 г. мятежники под предводительством Фрейда и Клаттона не только сколотили отряд, но раздобыли даже пушки и собирались пройти во всей стране, собирая к себе как белых рабов, так и черных, — и намеревались добиваться свободы для *всех*...

И завершить наш невеселый рассказ можно одним из превеликого множества объявлений о побеге, взятым из американской газеты: «Бежал от нижеподписавшегося, проживающего в Аппер-Пеннс-Нет, округ Салем, 27 августа сего года слуга-шотландец, по имени Джеймс Дик, около 30 лет от роду, ростом около пяти футов восьми дюймов, волосы рыжеватые, цвет лица свежий, смотрит

исподлобья, говорит хриплым голосом; во время побега на нем был железный ошейник (так как это уже восьмой его побег) и темная куртка из медвежьей шкуры. Кто поймает упомянутого слугу и обеспечит его возвращение господину, получит награду в три доллара, которую заплатит Томас Кэри младший».

Это *типичнейшее* объявление появилось в газете *северного* штата Пенсильвания. И не когда-нибудь, а в сентябре 1773 г., когда американская революция уже, можно сказать, стояла на пороге.

Подводя итоги, сделаем несколько важных выводов. Во-первых, рабы в Америке были не только черными, но и белыми, причем порой количество белых превосходило количество черных в несколько раз. Во-вторых, рабство в Америке (как черное, так и белое) было введено исключительно усилиями господ из Лондона, заботившихся об увеличении своих барышей. В-третьих, до определенного момента не только южане, но и северяне вовсю пользовались рабским трудом как черных, так и белых — причем сплошь и рядом северяне превосходили южан в жестокости. Помнить об этом необходимо, чтобы получить *полную* картину событий, предшествовавших американской Гражданской войне.

А потом грянула американская революция. О ней написано достаточно, и в мою задачу не входит повторять общеизвестные факты. Уточню лишь, что именно американская революция покончила с институтом сервентов (число которых за все время существования колоний только в материковой Америке достигало 50 000 человек, не считая английских плантаций на островах Карибского моря). *Белое* рабство отошло в прошлое. *Черное* осталось.

Ну, а кто все же его организовал и поддерживал? Попробуем разобраться...

3. «Черное дерево»

Когда лондонские акционеры потребовали от колоний, расположенных на Юге, сделать упор на производство табака, риса и хлопка, почти сразу же встала проблема рабочих рук. Индейцы, как мы уже видели, не годились. Белые рабы тоже не особенно подходили — они плохо переносили непосильный труд в жарком, не везде здоровом климате Юга, умирали сотнями, при первой возможности бежали, благо укрыться им было довольно легко: ни цветом кожи, ни языком они не отличались от белого населения Америки. Да и обходились они дорого для «массированного» использования на плантациях. Потому-то рабский труд белых и применялся главным образом на Севере ввиду местной специфики.

Лондонские джентльмены, озабоченные жирными прибылями, задумались всерьез: где бы взять совершенно бесправных рабочих, которые, во-первых, хорошо переносили бы жаркий климат, а во-вторых, были бы совершенно чужими для американских поселенцев?

Ответ искали недолго: негры, конечно же!

Но не будем забегать вперед. Вернемся во времена «королевы-девственницы» Елизаветы, в конец шестнадцатого столетия.

Англия, опоздавшая к дележу американских богатств, далеко не сразу стала устраивать на суровых североамериканских берегах крохотные поселения. Сначала в ход пошла типично рэкетирская мораль: у испанцев много добра, а у англичан мало, следовательно, нужно заставить поделиться...

И Англия послала в море целые пиратские эскадры, которые без зазрения совести перехватывали груженные золотом испанские флотилии, а также нападали на испанские города в Америке и гребли под метелку все ценное, пытками вымогая у жителей золото и серебро.

Кадры для этих экспедиций иногда комплектовались при самых причудливых обстоятельствах. Вот пикантный пример, показывающий к тому же, что за уголовный бардак царил в «доброй старой Англии». В 1573 г. Елизавета отправила во Францию своего посла графа Уорчестера, который вез в подарок французскому королю Карлу IX большое золотое блюдо. В те времена короли в таких случаях не мелочились, и блюдо это, можно смело полагать, было весьма увесистым. В Ла-Манше на посольское судно напали английские же пираты. Сам посол каким-то чудом ухитрился бежать и даже спасти блюдо, но всех его спутников пираты перерезали и захватили у них разного добра на сумму 500 фунтов стерлингов (по тем временам столько стоило немаленькое поместье какого-нибудь герцога). Рассвирепевшая королева приказала: ловить! Ее капитаны быстренько выполнили приказ, наловив в Ла-Манше несколько сотен пиратов. Из них повесили только троих, а остальных королева приказала зачислить в свой военный флот, действующий против испанцев в Америке. Хозяйственная была женщина — к чему разбрасываться столь ценными кадрами?!

Вообще-то по морям-океанам шаталось бесчисленное количество представителей всех без исключения европейских наций. Но только Англия превратила пиратство практически в целую отрасль «народного хозяйства». Все выглядело просто и цинично: ее величество королева — выражаясь современным языком, — *крышевала* своих молодчиков, выдавая им официальные грамоты на столь предосудительное занятие, «отмазывала» после протестов испанских дипломатов — ну, а благодарные пираты отстегивали своей покровительнице изрядную долю добычи.

Френсис Дрейк

Знаменитый Френсис Дрейк (причем в период прочного мира между Англией и Испанией), *сплавал* к американским берегам, где каким-то образом раздобыл столько золота и серебра, что его перегруженный корабль едва не затонул. Испанский посол, превосходно знавший, как именно Дрейк разжился драгметаллами и сколько городов выгорели дотла, требовал от королевы отрубить Дрейку голову. Королева возвела бравого моряка в дворянство, а чуть позже пожаловала титул баронета и адмиральский чин. Благодарный Дрейк преподнес ей привезенный из Америки огромный бриллиант, которым королева тут же украсила свою корону. Его собрат по ремеслу Джордж Клиффорд стал за схожие достижения графом Камберлендским и был удостоен высшего английского ордена Подвязки.

Время от времени, правда, в Англии с превеликим шумом, демонстративно сажали в тюрьму пару-тройку пиратских капитанов — из тех, кто привез мало или плохо делился. Но основная масса «морской братвы» под крылышком королевы процветала.

Интересно, что плавали эти ребятки под красным флагом — так уж отчего-то сложилось. В 1596 г. Первый лорд Адмиралтейства (сиречь — военно-морской министр) так и писал в приказе по флоту: «Во время боя вместо постоянных корабельных флагов поднимать боевое полотнище красного цвета» (207). Впрочем, французы тоже до середины XVIII в. использовали красный флаг, а испанские пираты — черный (пока еще без черепов с костями и прочих фигур, которые стали широко распространяться на

пиратских штандартах только во второй половине означенного столетия).

Ну, а что касается мирных британских купцов-мореплавателей, то они в том же шестнадцатом столетии уже освоили крайне специфические методы получения прибыли. В то время уже существовали страховые общества, выдававшие полисы в том числе и на корабли с товарами. Оборотистый английский купец страховал свое судно и груз в Голландии, потом в Испании, затем устраивал так, что корабль шел ко дну, — и получал денежки по страховке и в Амстердаме, и в Мадриде...

Веселые были времена... И тут-то, в самом начале семнадцатого столетия, появилось новое, чертовски прибыльное ремесло — работорговля.

Самое раннее дошедшее до нас документальное свидетельство о плавании в Африку с целью захвата рабов — это дневник некоего сеньора Азауары, командовавшего отрядом португальских работорговцев в 1446 г. Тогда было захвачено 165 человек.

Очень быстро подобные налеты на африканские берега стали гораздо масштабнее. Первое время негров-рабов возили исключительно в испанские американские владения (ну, и в португальские, конечно). Самое поразительное — массовый ввоз негров в Америку был вызван, вы не поверите, *гуманизмом*...

Кое-кто, наверное, помнит по школьным учебникам истории испанского епископа Бартоломео де Лас Касаса, который немало трудов положил на то, чтобы освободить от рабства американских индейцев. Большой был борец за права индейцев, массу сил и красноречия положил, убеждая, что краснокожие — такие же люди, как и белые, что у них тоже есть бессмертная душа, а потому грех держать их в рабстве... И в конце концов до-

бился своего: рабство индейцев в испанских владениях было отменено.

Это, в общем, чистейшая правда — но далеко не вся. А *полная* правда (о чем советские учебники, да и многие исторические труды старательно умалчивали) состояла в том, что на смену индейцам епископ предложил завозить из Африки негров. Вот у негров, по его глубокому убеждению, никакой бессмертной души не имелось, и на них гуманизм Лас Касаса как-то не распространялся. С заядлыми гуманистами такое случается сплошь и рядом, избирательный какой-то у них гуманизм...

Идеи Лас Касаса многим пришлись по вкусу. Индейцев освободили, а на их место принялись завозить африканцев. Возникли самые настоящие транснациональные корпорации, объединившие представителей самых разных стран: «черную работу», то есть плавание в Африку за рабами, взяли на себя португальцы, а финансировали их предприятие флорентийские, генуэзские и немецкие банкиры. Получался сущий интернационал...

Одно немаловажное уточнение: не стоит думать, будто и далее рабов добывали лихими набегами на прибрежные селения. *Таким* способом много невольников не добудешь. Все обстояло еще неприглядное: белым в больших количествах продавали своих соплеменников сами же африканские властители, которые ничуть не походили на опереточную фигуру черного вождя-алкоголика из бессмертного романа Жюля Верна «Пятнадцатилетний капитан». Ничего подобного: черные партнеры португальских купцов были вполне трезвыми и вменяемыми, респектабельными господами, умевшими считать деньги. И в уплату они получали не бусы и самогонку, а полновесное золото...

Такова уж человеческая натура, независимо от цвета кожи: если продавать на сторону своих подданных окажется крайне выгодным бизнесом, можете не сомневаться, продавать он будет. Африканские правители, воевавшие друг с другом не менее ожесточенно, чем европейские, пленных попросту продавали тем же португальцам. Слово современному историку: «Короли Конго еще в XVI в. приняли крещение и вассалитет от Португалии... Черные вожди стали графами, герцогами, маркизами, носили португальские наряды, парики, шпаги, посылали детей учиться в Лиссабон, говорили по-португальски, строили европейские дома, а при дворе действовал португальский этикет и на балах танцевали европейские танцы» (191).

Ничего особо оскорбительного для африканцев тут нет: столь же просвещенные английские господа в париках торговали своими земляками — как и утонченные русские баре. Я же говорю, хомо сапиенс — сволочь изрядная...

Подобное положение дел сложилось не только в Конго. На территории нынешней Анголы власть в нескольких государствах захватили своеобразные африканские «военные братства», переводя на европейские мерки — нечто среднее между дворянством и рыцарскими орденами. Эти спесивые ребятки, звавшиеся «имбанга ла», население захваченных ими земель (столь же чернокожее) презирали примерно так, как французский знатный дворянин презирал собственных крестьян. И вовсю торговали «простолюдинами» с теми же португальцами. Довольно быстро параллельно с официальной работорговлей возникла и нелегальная — в этом увлекательном бизнесе трогательно слились родовитые португальские губернаторы и гордые африканские «рыцари». Рабов, как любой товар, упекали «налево», денежки раскладывали по собственным карманам и набедренным повязкам, а когда из Лиссабона приходили запросы королевских чиновников, удивленных тем, что очередная партия невольников куда-то запропастилась,

губернаторы не моргнув глазом отписывали: имеем честь доложить вашему сиятельству, что невольники, о которых вы имеете честь справляться, перехвачены в диких африканских дебрях племенем каннибалов и сожраны все, до последнего человека... Я нисколечко не шучу. Все именно так и обстояло, и довольно долго, пока королевские ревизоры не разобрались, что их дурачат...

В 2001 г., по сообщениям прессы, Организация Африканского Единства собиралась всерьез предъявить США и другим государствам, когда-то занимавшимся работорговлей в Африке, колоссальный судебный иск за тот ущерб, что Африка понесла от работорговли. Я не знаю, чем кончилось дело (речь шла о фантастической компенсации в 777 триллионов долларов), но в данном конкретном случае ответчики вполне могли бы заявить, что часть вины лежит и на тогдашних африканских лидерах, увлеченно торговавших своими подданными оптом и в розницу. И, самое грустное, европейцы были бы совершенно правы: без активного содействия черных вождей работорговля в таких масштабах была бы попросту невозможна...

Впрочем, до середины семнадцатого столетия, примерно до 1650 г., масштабы были довольно скромными. Сначала, как уже говорилось, работорговлей ведали португальцы. Потом голландцы напали на португальские владения в Африке и захватили несколько городов на побережье. По какому-то странному совпадению все эти города были «перевалочными базами» работорговли... Но и при голландцах масштабы вывоза негров оставались все еще скромными — от пяти до тринадцати тысяч человек в год.

Прошу прощения у читателя, что употребляю для столь печальных обстоятельств слово «скромные», но что тут поделаешь, если по сравнению с последующими событиями эти цифры и впрямь весьма скромны...

В солидном историческом труде об Испанской империи встречается интересная фраза: «После 1650-х коммерцию поддерживали главным образом не испанцы, а другие европейцы» (75).

Автор книги — англичанин. И его уклончивые слова о «других европейцах», как это сплошь и рядом у англичан водится, призваны изящно замаскировать кое-что крайне неприглядное для Британии. Поскольку под деликатным псевдонимом «другие европейцы» выступают англичане — только англичане, в первую очередь англичане...

Вновь на сцену выходит добрая старая Англия. Обогатившись американским золотишком, разгромив конкурентов-голландцев, одно время всерьез воевавших с Британией за первенство на морях, англичане не могли пройти мимо столь прибыльного занятия, как работорговля. И с ходу постарались не просто вклиниться в этот доходный бизнес, а играть в нем главную роль...

Есть у англичан интересное качество: мало того, что они быстренько подключались к любой гнусности, способной принести хорошие денежки, так еще и в сжатые сроки усугубляли эту гнусность до немыслимой степени...

Так произошло и с работорговлей. До англичан дело было поставлено, в общем, по-дилетантски, но британцы в два счета придали ему надлежащий размах и профессионализм.

Прежние торговцы были сугубыми одиночками, выправлявшими лицензии каждый для себя. Англичане в два счета создали новое акционерное общество, во главе которого, не мелочась, поставили брата короля, герцога Йоркского. И понеслось... За двадцать следующих лет англичане продали в Вест-Индию сто шестьдесят тысяч рабов — в год это выходило больше, чем раньше продавали все работорговцы из разных стран вместе взятые. Согласно

но чисто английской специфике, где протестантская вера и бизнес были неразрывно переплетены, среди кораблей, перевозивших «черное дерево», были и носившие названия «Иисус» и «Иоанн Креститель».

Потихоньку-полегоньку англичане стали вытеснять с рынка конкурентов. Сначала выкинули испанцев, которых поначалу согласились взять в долю. Потом разбили голландский флот, после чего страна тюльпанов вышла из бизнеса. После Утрехтского мира, в 1713 г. завершившего очередную европейскую войну, англичане выговорили для себя уже *монопольное* право поставлять рабов в Америку — как в свои колонии, так и испанцам с португальцами.

Денежки потекли рекой. Размах был нешуточный. К английскому порту Ливерпуль в 1730 г. были приписаны 15 кораблей для перевозки рабов, в 1753 г. — 53, в 1760 г. — 74, в 1770 г. — 96, в 1792 г. — 132. Есть некоторое представление о масштабах?

На живой груз, как и на всякий товар, оформлялись соответствующие судовые документы, и капитан подписывал, как выражаются торговцы, «коносамент» — расписку в получении. Вот текст одного такого коносамента.

«Погружено с Божьей милостью и в хорошем состоянии Джеймсом Марром на славный корабль «Мэри Бороф», который поведет в предстоящее плаванье с Божьей помощью капитан Дэвид Мортон и который сейчас стоит на якоре у берега Сенегала и Божьей милостью предназначен в Джорджию, что в Южной Каролине: двадцать четыре отличных раба и шесть отличных рабынь, промаркированных (то есть заклейменных. — *А. Б.*), как это изображено на полях, и пронумерованных, коих следует доставить в таком же хорошем состоянии и форме в упомянутый порт Джорджия, Южная Каролина — за исключением, как обычно, непредвиденных случаев, связанных со стихией и смертностью, —

и сдать фирме «Брутон и Смит» или ее уполномоченным, за что получатель или получатели должны уплатить пять фунтов стерлингов за голову при получении, а также премию и аварийные взносы, как это принято в таких случаях. В качестве свидетельства этого капитан названного корабля составил три коносамента одинакового содержания и даты. При выполнении одного из них остальные теряют силу. Да ниспошлет Бог милость славному кораблю и доведет его в безопасности до желанного порта. Аминь!

Составлено в Сенегале 1 февраля 1766 г. *Капитан Дэвид Мортон*» (119).

Между прочим, это опять-таки чисто британское изобретение — вписывать в документы по работорговле ссылки на «Божью милость» и просить у Господа благословения своему неправедному ремеслу...

Еще несколько цифр. Согласно подсчетам английского же ученого (75), до того как англичане захватили монополию на торговлю рабами и их перевозку, в Америку было переправлено около 290 000 негров. В результате деятельности англичан — полтора миллиона. При том, что до Америки дотягивал один раб из десяти — остальные умирали еще на кораблях от голода и жажды от дикой скученности (их набивали в трюмы, как селедки в бочку). Ну, а если корабль попадал в мертвый штиль и терял ход, живое «черное дерево» преспокойно выбрасывали за борт...

Подсчитано, что в результате деятельности работорговцев Африка лишилась около *пятидесяти миллионов* своих жителей. Иные историки называют даже более ужасающую цифру — семьдесят пять миллионов (8). Львиная доля вины за все это лежит на англичанах. Д. Дивен, лектор Лондонской школы экономики (потомок офицеров русской службы), пишет прямо: «Рабство сыграло важнейшую

роль в развитии как Британской империи, так и современной интегрированной мировой экономики» (94).

Именно на *этом* Англия и поднялась до статуса одной из ведущих мировых держав — на беззастенчивом пиратстве и масштабнейшей работорговле. Немаловажное дополнение: точно так же на работорговле поднялись и северные штаты США, та самая обитель будущих «благородных борцов с рабством». Южные плантаторы только пользовались купленными рабами — но все же сами не плавали за ними в Африку. Доставка и торговля рабами в Америке всегда была в руках британцев и жителей северных штатов. Именно они были создателями системы — о чем впоследствии пытались забыть, обрушивая весь огонь критики на «ужасных плантаторов Юга». Хотя уголовные кодексы большинства стран карают не только непосредственных исполнителей преступления, но и активных соучастников...

Да и в самой «доброй старой Англии» негров продавали, как скотину. Объявление из лондонской газеты «Постмэн» за 2–9 июня 1699 г.: «Продается девочка-негритянка, шести лет, хорошо говорит по-английски, приятная и сообразительная, умеет многое делать. Обращаться к хирургу на Флаггот-роуд в Детфорде, что рядом с Лондоном, где можно будет на нее посмотреть и обсудить покупку с ее хозяином» (165).

Еще одно объявление того же времени: «Черный мальчик тринадцати лет сбежал из Патни, на нем был ошейник с надписью «Негр леди Бромфильд, Линкольнинн-филдз». Вернувшему мальчика обещается 1 гинея в качестве вознаграждения». Как видим, мальчик в ошейнике был собственностью не «зверя-плантатора», а титулованной светской дамы, которая наверняка ужасно оскорбилась бы, если бы ее попытались поставить на

одну доску с каким-нибудь неотесанным виргинским хлопководом...

Англия, одним словом. Старейшая европейская демократия. Оплот свободы и законности...

Если вернуться в Америку, то смело можно сказать, что испанцам и португальцам была все же присуща некоторая, продиктованная католическим воспитанием *совестливость*. Зверства против индейцев в период завоевания Америки имели место, что греха таить — но были вызваны главным образом тем, что с конкистадорами приплыл очень уж криминальный элемент, по которому на родине виселица плакала. Принципиальнейшее отличие в том, что испанцы и португальцы все же видели в индейце *человека* — такого же обладателя бессмертной души, как они сами. И потому индейская аристократия преспокойно вливалась в ряды аристократии испанской, знатному индейцу достаточно было креститься, чтобы получить к фамилии дворянскую приставку «де» и титул «дона». Между тем пуритане в Северной Америке индейцев за людей не считали вообще — и обходились с ними, как с животными.

Точно так же обстояло и с неграми. Работорговцы — да и рабовладельцы — из испанцев и португальцев получались какие-то нескладные. Не клеилось у них это дело. В Южной и Центральной Америке, куда ни глянь, с ранних времен высок процент *свободных* негров: они служат в армии, офицерами колониальной милиции, участвуют в качестве равноправных спутников в исследовательских экспедициях, работают вольными мастеровыми. При этом на них опять-таки смотрят как на людей — а не на живое имущество, как в британских колониях.

Я вовсе не собираюсь утверждать, будто в испанских и португальских владениях негры жили, как в раю. Но

вот что писал немецкий историк начала двадцатого столетия, лицо незаинтересованное: «Рабство в испанской Америке никогда не носило того грубого характера, как на виргинских плантациях. У рабов были установленные законом дни отдыха, совершенно так же, как у белых рабочих. Раб мог вступать в законный брак; нельзя было заставить его жениться против воли, стеснить свободу в выборе жены. Нельзя было разлучить его с женой и малолетними детьми, лишить его необходимой одежды и пищи или помешать ему выполнять его религиозные обязанности» (121).

Все дело в протестантско-пуританской этике — довольно жутком изобретении человеческого ума. Суть ее, в общем, проста: считается, что, ежели человек успешен и богат, то это означает, что Господь его таким образом отметил, что он, избранник Божий. Ну, а если человек беден, ничтожен, нищ — то Бог, соответственно, от него отвернулся, и это, собственно говоря, и не человек вовсе, а так, ходячий хлам, с которым «избранные» могут поступать, как заблагорассудится. Именно потому в самой Англии с бедняками обращались как со скотиной — вплоть до продажи в рабство за море. Не по какой-то злобе или уродству души, а исключительно потому, что в соответствии с «единственно верным учением» видели в нем низшее, отвергнутое Богом существо, которое иного обращения и не заслуживает. Ну, а всевозможные «дикари», то есть индейцы и негры, и вовсе находились вне этой системы ценностей и, по убеждению пуритан, представляли собой не более чем двуногих животных. Страшная это вещь — пуританская этика...

Ну, а теперь, когда читатель имеет некоторое представление о том, кто именно приложил немало усилий, чтобы на территории будущих США пышным цветом расцвело

рабство, перейдем к временам, непосредственно примыкающим к славной (без иронии!) американской революции. Британское владычество было свергнуто после нескольких лет ожесточенной войны. Белые рабы получили свободу. Черным повезло меньше...

4. Да здравствует республика!

Прежде чем продолжать о рабстве, отвлечемся на одну весьма существенную, но забытую деталь: мало кто помнит, что американская Война за независимость в то же время стала и *первой* в истории США гражданской войной. Потому что противостояние сторон отнюдь не сводилось к тому, что против британских войск воевали американские революционеры. Действительность оказалась гораздо более сложной: на стороне британцев воевали примерно двадцать пять тысяч «коренных» американцев, так называемых лоялистов. Цифра немалая, если учесть, что революционная американская армия насчитывала триста тысяч человек...

Лоялисты поступали так не из страха и корысти — исключительно по убеждению. Они считали, что американские колонии должны и далее оставаться в составе Британской империи — и отстаивали свои убеждения с оружием в руках. По разные стороны линии фронта оказались и старые друзья, и даже члены одной семьи: что говорить, если среди лоялистов был даже родной сын виднейшего деятеля американской революции Бенджамина Франклина... Назвать такие события можно исключительно гражданской войной, и никак иначе...

После победы революции и создания Соединенных Штатов новое правительство издало указ о конфискации владений всех лоялистов — обычная практика для любой

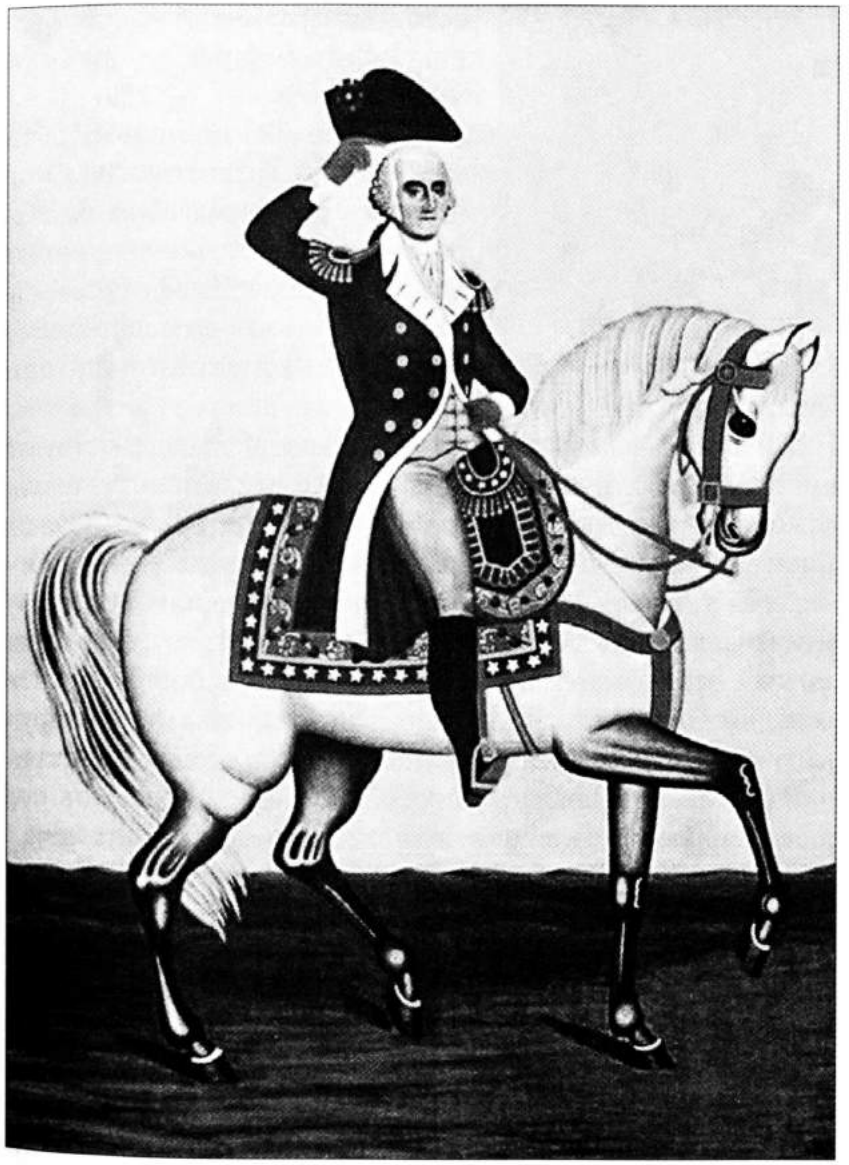
гражданской войны, которой свойственна особая ожесточенность. Десятки тысяч проигравших эмигрировали в Канаду (по современным подсчетам, они составляли пять процентов населения только что провозглашенной республики). Ну, а заодно американская армия, еще не успевшая разойтись по домам, выжгла дотла селения тех индейских племен, что воевали на стороне англичан...

Вернемся к неграм. Немалое число чернокожих рабов сражалось в рядах революционной армии. Но в то же время к англичанам перебежало около ста тысяч негров (примерно пятая часть черного населения).

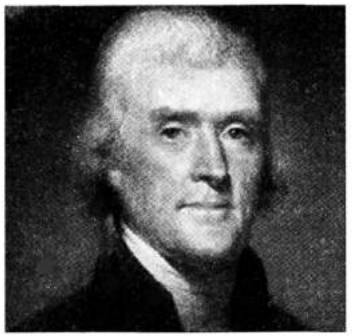
Для оставшихся ничего, в общем, не изменилось. Президентом США стал Джордж Вашингтон, южанин из Виргинии, плантатор и рабовладелец. Вообще среди «отцов-основателей» США было немало южных плантаторов...

Рабство для черных осталось в неприкосновенности. Причина тому — не какая-то особенная алчность, а попросту *состояние* умов. Масса высокообразованных людей (добрых! умных! гуманных!) искренне *верили*, что существующий порядок — самый лучший и правильный. Что «цивилизованные белые люди» обязаны отечески заботиться о «неразумных неграх» ради их же блага — означенный негр, мол, все же стоит на ступеньку ниже белого по своему умственному развитию, а потому требует хозяйской опеки.

Это, по-моему, страшнее всего — когда подобные взгляды продиктованы не алчностью, не стяжательством, а на свой лад понятой добротой. В нашем Отечестве происходило, в общем, то же самое: превеликое множество высокообразованных людей (добрых! умных! гуманных!) столь же искренне верили, что крепостной мужичок — нечто вроде великовозрастного дитяти, коего для его же блага следует подольше оставить под отеческой опекой барина. При этом никто из теоретиков как-то не интересовался

Джордж Вашингтон

Томас Джефферсон

собственным мнением ни американских негров, ни русских мужиков.

И добро бы, повторяю, речь шла о тупых крепостниках... Вот что писал о неграх один из образованнейших людей своего времени Томас Джефферсон — один из «отцов-основателей», политик, книжник, писатель и просветитель...

«В целом, по-видимому, в их жизни больше участвуют чувства, чем разум... Когда я сравниваю их память, воображение и умственные способности с памятью, воображением и умом белых, мне кажется, что память у них одинаковая с нами, но умственными способностями они намного уступают белым — так что, я думаю, с трудом можно найти негра, способного изучить и понять исследования Евклида... до сих пор я ни разу не смог обнаружить, чтобы чернокожий высказал мысль сложнее простого пересказа, не видел у них ни малейших признаков существования искусства живописи или скульптуры... Поэтому я высказываю только как догадку, что чернокожие, независимо от того, были ли они первоначально отдельной расой или время и обстоятельства выделили их, уступают белым по умственным и физическим способностям».

Цинизм этих высказываний какой-то вовсе уж детский, наивный до предела. Каким это образом, интересно, чернокожий мог изучить и понять эвклидову геометрию или заниматься живописью или скульптурой, вкалывая на плантации и не зная даже алфавита, не говоря уж об азах математики? Уж если такое писали *лучшие*, чего следовало ожидать от *худших*, не обладавших образованием и интеллектом Джефферсона?

Правда, всего через несколько лет жизнь заставила Джефферсона отказаться от прежних взглядов...

Судьба его свела с «американским Кулибиным» Бенджамином Б. Баннекером, человеком незаурядейшим. Баннекер, потомок свободного негра и английской сервентки, вырос в штате Мэриленд, где не только чернокожие невольники, но и подавляющее большинство белых поселенцев грамотой не владели. Захолустный был штат, не способный в те времена похвастаться не то что университетом, как другие, но хотя бы всеобщей грамотностью. И тем не менее свободный негр Баннекер выучился читать по Библии, а потом закончил «народную школу». И занялся самообразованием: книги, книги, книги...

Результат получился ошеломительный, право же. Баннекер, судя по всему, был прирожденным механиком-самоучкой, а также и математиком. Часовых фабрик в Америке тогда не имелось, а часовых дел мастеров можно было пересчитать по пальцам. Баннекер, самолично произведя все необходимые расчеты, сконструировал и сам изготовил первые на Юге часы с боем, причем детали выточил из *дерева*. Во время Войны за независимость ремонтировал пушки. После провозглашения США, имея репутацию математика и топографа, вместе с французским архитектором Ланфаном и своим бывшим сослуживцем инженер-майором Элликотом составил план будущей столицы Вашингтона.

Но славу ему принесли все же занятия астрономией. Освоив самостоятельно эту сложную науку, Баннекер даже смог исправить ошибки в вычислениях известных английских астрономов того времени. И стал выпускать ежегодные календари-альманахи, где помещал данные о движе-

нии Луны, Солнца и планет, предсказания солнечных и лунных затмений, таблицы приливов и отливов, а также «всевозможные занимательные истории в прозе и стихах». Газет и журналов в то время в США было очень мало, книг печаталось еще меньше — и альманахи Баннекера расходились, как мороженое в жару.

Рукопись первого альманаха Баннекер послал Джефферсону, присовокупив обширное письмо со своими размышлениями о рабстве и свободе. Посылка произвела на Джефферсона такое впечатление, что он, как человек умный и честный, от прежних взглядов отказался и в ответе Баннекеру писал: «Природа наделила наших чернокожих братьев такими же талантами, как и всех других людей, и кажущееся отсутствие талантов у них есть лишь результат унизительных условий их существования как в Африке, так и в Америке».

Альманах Баннекера он отослал секретарю французской Академии наук, и «чернокожий звездочет» вскоре получил европейскую известность. Во время дебатов о запрете работорговли в английском парламенте один из баннекеровских альманахов демонстрировался как свидетельство высокого уровня умственного развития «цветных народов».

Но все это случилось гораздо позже, а пока мы вернемся в те годы, когда «отцы-основатели» составляли Декларацию независимости и Конституцию. Несмотря на свои тогдашние убеждения во «второсортности» черных, Джефферсон включил в проект Декларации специальный пункт о полной отмене рабства как «противного человеческой природе». В проекте, однако, имелась своя специфика... Тех, кто был рабами, Джефферсон предлагал оставить *доживать* в прежнем состоянии, но все новорожденные дети уже должны были стать свободными, жить с родителями до определенного возраста, а потом «приобщаться за го-

сударственный счет к обработке земли, ремеслам или наукам в соответствии с их способностями» (231).

Правда, Джефферсон был против совместного проживания негров и белых бок о бок. По его плану, освобожденных негров по достижении ими совершеннолетия следовало «поселить как колонистов в таком месте, которое в этот момент окажется наиболее подходящим» (судя по общему направлению мысли, где-то за пределами США). Свою точку зрения Джефферсон мотивировал следующим образом: «Глубоко укоренившиеся среди белых предрассудки, десятки тысяч воспоминаний о несправедливостях и обидах, перенесенных черными, новые обиды, реальные различия, созданные самой природой, и многие другие обстоятельства будут разделять нас на два лагеря и вызывать потрясения, которые, возможно, кончатся только истреблением одной или другой расы».

Нельзя сказать, что во всем этом вообще не было здравого смысла: до полного истребления той или иной расы, конечно же, не дошло, но впоследствии вспыхнули серьезнейшие межрасовые конфликты...

Как бы там ни было, под давлением плантаторов проект Джефферсона был вычеркнут из Декларации, вокруг которой все же разыгралась нешуточная буря: одни участники составления не подписали Декларацию из-за ее излишнего «либерализма», другие (например южанин-виргинец Джордж Мейсон) — как раз из-за того, что Декларация сохраняла рабство черных и не включала Билль о правах. В том, что именно *южный* плантатор Мейсон выступил против рабства, нет ничего удивительного: американская действительность не укладывается в устоявшиеся штампы, мы еще не раз встретимся со случаями, когда южане-рабовладельцы выступали против рабства, а «про-

грессивные» северяне, наоборот, не только рабов прикупали, но и за рабство стояли горой...

Стоит, вероятно, рассказать и о *личных* мотивах Джефферсона, заставлявших его требовать отмены рабства. Тут уж имелись не абстрактно-отвлеченные, а чисто человеческие побуждения...

Среди нескольких сотен чернокожих рабов Джефферсона была светлокожая мулатка Салли Хемингс, по отзывам современников, крайне похожая на покойную жену Джефферсона: «Прямые, длинные рыжеватые волосы, великолепный профиль, чувственный рот и осанка настоящей леди». Джефферсон впервые увидел ее, пятнадцатилетнюю, в Париже, куда она приехала в качестве служанки его дочери.

Начался бурный роман. Джефферсон нанял смуглой красавице учителя французского языка и потратил кучу денег на модные наряды. В Париже они пробыли два года, а потом вернулись в США. Салли поначалу упиралась — как-никак во Франции она чувствовала себя свободной, а «дома» ей вновь предстояло занять положение живого имущества. Согласилась, только когда Джефферсон клятвенно пообещал освободить их детей, когда те достигнут совершеннолетия (а детей, забегая вперед, у них родилось чуть ли не десяток).

Саму Салли Джефферсон освобождать даже и не собирался — из-за реалий того времени. На интимную связь плантатора и его невольницы в те времена смотрели сквозь пальцы, если все, вульгарно выражаясь, было шито-крыто. Но вот подобные отношения со *свободной* негритянкой считались совершенно недопустимыми. Выплыви такая история наружу, политической карьере Джефферсона и его репутации пришел бы конец...

Достоверно известно, что Джефферсон, человек честный и свободомыслящий, всерьез терзался из-за всей этой ис-

тории и незавидного положения, в котором они с Салли оказались. Любовь, судя по всему, там была большая и настоящая, но ситуация сложилась неприятнейшая: оставить все как есть — сплошные мучения, отпустить любимую женщину на волю — тут же сломаешь себе и карьеру, и жизнь...

Вот так они и маялись долгие годы. В конце концов политические противники Джефферсона все же вытащили эту историю на свет. Бульварная журналистика существовала уже в те времена, порой даже превосходя нынешнюю. Два года чуть ли не все американские газеты склоняли имя Джефферсона и прозой, и в рифму, прохаживаясь в адрес «Томасовой черномазой» и «желтых детей». Обе старших дочери Джефферсона умоляли отца порвать с Салли — но Джефферсон, к его чести, стоял, как скала. В конце концов, как и водится у бульварной прессы, скандал потерял пикантность и понемногу Джефферсона оставили в покое.

Как он и обещал, все его дети от Салли получили свободу. Поскольку цветом кожи они практически не отличались от белых, один из сыновей женился на белой, а одна из дочерей вышла за белого. И тот, и другая тщательно скрывали свое происхождение, что им удалось...

Умирая, Джефферсон освободил всех родственников Салли... кроме нее самой. Салли так и осталась рабыней дочери Джефферсона Марты. Как считают американские исследователи, сделано это было для того, чтобы избежать очередного скандала. Стань Салли свободной женщиной, ей пришлось бы либо покинуть штат Виргиния, либо пройти долгую и сложную процедуру, чтобы получить «вид на жительство» — чего никак не пропустила бы пресса. Через два года после смерти отца Марта *потихоньку* Салли освободила, тем дело и кончилось.

Случались в те времена и гораздо более печальные истории. Учитель Джефферсона Джордж Уайт (чья подпись тоже стояла под Декларацией независимости) жил со своей чернокожей домоправительницей, от которой у него родился сын. Будучи при смерти, Уайт принял решение освободить всех своих рабов, а половину состояния оставить любовнице и сыну. Узнав об этом, другой наследник, племянник Уайта, хладнокровнейшим образом подсыпал дяде яд в питье, и тот умер прежде, чем успел подписать завещание. Свидетели того, как прыткий молодой человек подбрасывал отраву, имелись — но все наперечет чернокожие, чьи показания не имели в суде никакой законной силы согласно кодексу штата, разработанному... Джефферсоном. А потому, когда эта история всплыла, суд молодчика оправдал полностью за отсутствием «должных» улик. Джефферсон, которого Уайт просил стать опекуном его сына-мулата, не рискнул вмешиваться, и все досталось племяннику Уайта...

К слову, собственный племянник Джефферсона как-то под настроение изрубил топором на куски своего раба — за что даже не был оштрафован на пять центов: покуражился джентльмен, с кем не случается...

Вот так и жили даже самые прогрессивные и свободомыслящие южные господа: сотни черных невольников Джефферсона все так же обрабатывали четыре тысячи гектаров его владений. Джеймс Мэдисон, четвертый президент США и один из авторов американской Конституции, как-то упомянул в письме другу, что каждый его, Мэдисона, раб приносит в год 257 долларов прибыли, а расходы на содержание этого самого раба не превышают тринадцати долларов в год. В таких условиях людей как-то не тянет *всерьез* выступать за отмену рабства...

Отдельная песня — позиция англичан в те времена. С исконным британским лицемерием они на словах выступали за отмену рабства в Америке, но на деле устроили совершеннейшую гнусность. Сначала английские официальные лица, губернаторы колоний, когда вспыхнула Война за независимость, торжественно провозгласили, что дадут свободу всем рабам, которые перебегут от своих американских хозяев. Негры поверили. Как упоминалось выше, около ста тысяч чернокожих перешли на контролируемую англичанами территорию. Проиграв войну, англичане увезли с собой столько негров, сколько удалось погрузить на корабли, около восьми тысяч, и тут же... продали их в рабство на острова английской Вест-Индии! Слова словами, а выгода выгодой — Англия, как мы помним, была тогда крупнейшим мировым работорговцем...

Вообще-то в 1792 г. в Англии сыскались отдельные идеалисты, которые под влиянием идей французской революции выступили с требованием запретить работорговлю — и даже добились того, что нижняя палата английского парламента, палата общин, вынесла соответствующую резолюцию. Однако верхняя палата, палата лордов, этот проект быстренько заблокировала. Потому что многие благородные лорды как раз и состояли акционерами компаний, занимавшихся работорговлей. И революция во Франции им крайне нравилась отнюдь не в качестве идеологического примера — до свержения монархии Франция держала некоторую долю мирового рынка работорговли, а после войны французы от этого позорного бизнеса отказались совершенно, чему английские конкуренты были только рады.

Ну, а теперь самое время обстоятельно и подробно поговорить об экономике. Которая, собственно, и движет почти всеми без исключения перипетиями мировой истории. Никакой романтики и лирики. Южане вовсе не были

«злыми», а северяне никак не могут зваться «прогрессивными». Все дело в экономических причинах укрепления рабства на Юге и увядания его на Севере...

Уже к 1787 г. северные штаты Коннектикут, Массачусетс, Нью-Джерси, Пенсильвания, Род-Айленд и Вермонт либо создали проекты постепенного освобождения рабов, либо отменили работорговлю (но не рабовладение вообще!). Прогрессивно и благородно, а? Не спешите. Будь рабство *выгодным* для Севера, тамошние жители держались бы за него руками-ногами, а также зубами. Но в том-то и фокус, что на Севере рабство оказалось штукой крайне невыгодной...

Алексис де Токвиль, французский политик, историк и литератор, посетивший США в 1831 г. и написавший интереснейшую книгу (163), довольно быстро разобрался в сути дела...

«Известно, что рабский труд разорителен при выращивании зерновых культур. Тот, кто выращивает пшеницу в стране, не знакомой с рабством, обычно не держит на службе много рабочих. Правда, во время сева и жатвы он нанимает многих, но они остаются в его доме недолго... в странах, где выращиваются зерновые, рабский труд менее выгоден, чем там, где выращиваются другие культуры. Напротив, на плантациях табака, хлопка и сахарного тростника требуется постоянная работа. Здесь можно было использовать детей и женщин, что невозможно при выращивании пшеницы. Из этого следует, что по естественным причинам рабство больше подходит тем странам, где выращиваются эти растения».

В точку и в корень... Земля на Севере мало подходила для устройства больших плантаций, и сельское хозяйство там ограничивалось небольшими фермами, где фрукты-овощи выращивались в основном для собственного пропитания — и в этих условиях рабы совершенно невыгодны, потому что съедят больше, чем наработают. Вообще Север первые десятилетия пробавлялся в основном охотой на пушного зверя, рыболовством и китобойным промыслом — а для этих занятий рабские руки опять-таки малопригодны. Не много толку от раба и в мастерской, производящей промышленные товары: вынужденный работать лишь за еду и одежку, должного качества товара он, хоть убей, не обеспечит (по этой причине и белых сервентов в мастерских не использовали...)

Позже, когда с достижением независимости американцы двинулись на плодородные западные равнины и стали сажать там пшеницу с кукурузой, рабский труд опять-таки был невыгоден. Все дело в «технологическом процессе». Пшеница требует минимального количества технологических операций: разбросать зерна в поле, потом, когда придет срок, сжать колосья и обмолотить. Для этого достаточно пару раз в год нанять свободных рабочих — ведь раба придется кормить и одевать *постоянно*, отчего получится сущее разорение.

И наоборот, табак, рис, хлопок (особенно хлопок) требуют постоянной работы, постоянного присмотра: нужно непременно пропалывать посадки, убирать сорняки и всевозможных вредителей, собирают хлопок *руками*, и с табачными листьями возятся опять-таки *руками*. Рабочих рук нужно множество, и заняты они постоянно... Рабский труд *выгоден*: на доллар негр съест, на десять произведет товара. То же самое и с сахаром: его на Юге производили не из свеклы, как в Европе, а из сахарного тростника. Тростник нужно посадить, потом убрать, порубить стебли на кусочки, кипятить их в котлах, выпаривая сахар — а потом сахар следует еще упаковать с величайшим тщанием, чтобы не запачкался, это

не зерно, по которому можно ходить ногами. Снова требуется множество рабочих рук, занятых в постоянном процессе...

Но разговор у нас сейчас пойдет исключительно о хлопке, с некоторых пор ставшем основой экономики Юга.

Напомню кое-какие азбучные истины (которые большинству читателей наверняка неизвестны). Когда хлопчатник созревает, на кустах остаются этакие коробочки, совсем непрочные — они лопаются сами по себе, и из них следует руками извлекать волокна наподобие ваты, прочно прикрепленные к семенам. Хлопок с семенами для производства пряжи не годится — а потому, прежде чем отправить «вату» на фабрику, семена следует удалить все до одного.

Вплоть до конца восемнадцатого столетия очистка волокон от семян производилась вручную. Негр-невольник (или женщина, или ребенок) садился меж двумя корзинами, извлекал из одной горсть «ваты», выбирал семена и бросал очищенный, готовый к отправке хлопок в другую корзину. Операция чертовски трудоемкая и долгая. Самый проворный работник, хоть ты поленом его бей и каленым железом стращай, мог очистить в день не более фунта хлопкового волокна — то есть 450 граммов. А это начинало становиться экономически невыгодным: прядильные и ткацкие станки уже были достаточно совершенными и приводились в действие не мускульной силой, а водой или паром — а вот сырье для них приходилось готовить прямо-таки первобытным образом, руками-пальцами...

На горизонте явственно замаячил экономический кризис, что на Юге поняли очень быстро. А поскольку рабство в этих условиях становилось невыгодным, все громче стали раздаваться голоса, требовавшие его отмены. Содержать множество рабов-негров означало быстро разориться. Само

по себе владение рабами, как легко догадаться, пользы не приносит...

Казалось, еще год-другой — и рабство на Юге отомрет естественным образом, повторятся те процессы, что вовсю уже шли на Севере... Без преувеличений, США вплотную подступили к переломнейшему моменту своей истории. Если бы все осталось по-прежнему, очень быстро с рабством было бы покончено и на Юге, а это означает, что вся история США (да и остального мира) стала бы другой, ничуть не похожей на сегодняшнюю. Как бы она выглядела, остается только гадать. Главное, переменилась бы до полной неузнаваемости.

И тут, словно гром среди ясного неба, как чертик из коробочки объявился человек, который как-то мимоходом, сам того не ведая — и нисколечко не желая! — изменил американскую и мировую историю. Один-единственный человек, не отличавшийся ни блестящим умом, ни талантами, ни какими-то особенными деловыми качествами. Изучая последующие события, приходишь к выводу, что человек этот, очень похоже, был если не совершеннейшим ничтожеством, то жутчайшей посредственностью, классической серостью. Но именно он сыграл такую роль...

Звали молодого человека Эли Уитни, и от роду ему было двадцать восемь годочков. Можно сказать, северянин в кубе: во-первых, из Новой Англии, во-вторых, из штата Массачусетс, то есть «колыбели» и «сердца» Новой Англии, в-третьих, по вероисповеданию — квакер, а значит, стопроцентно и гарантированно противник рабовладения (квакеры испокон веку были, пожалуй, самыми убежденными и стойкими ненавистниками рабства).

Некоторые, даже весьма солидные издания именуют Уитни «инженером» — но таковым он не был. Уитни закончил Йельский университет, вероятнее всего, по гума-

Эли Уитни

нитарным наукам — потому что к моменту переломнейшего события искал место домашнего учителя, а не какую-либо связанную с техникой должность. Другое дело, что у него была безобидная страсть, хобби — слесарное и столярное дело...

Уитни, закончив университет и пребывая в поисках места, заехал погостить к своей знакомой, почтенной пожилой даме, владевшей небольшой хлопковой плантацией в штате Джорджия — где трудились, естественно, чернокожие рабы. В ходе застольной беседы старушка пожаловалась на ту самую главную проблему, что мешала хлопководству: необходимость очищать хлопок руками с ничтожными результатами.

То ли Уитни осенило сразу, то ли процесс растянулся на несколько дней, в точности неизвестно. Но он заперся в мастерской при ферме и долго не показывался. А когда вышел, то под мышкой у него был неприглядный на вид, простенький деревянный ящик с ручкой: первая в мире хлопкоочистительная *машина*.

Особой сложностью конструкции она не блистала: обычный деревянный ящик с дыркой, в которую засыпается хлопок. Внутри — нечто вроде неподвижных, наглухо закрепленных гребенок и вращаемый за ручку валик с зубьями. Простая штука, если подумать, — но она была *первой*. Немало народу до Уитни пыталось придумать нечто аналогичное, но у них так ничего и не вышло. А вот Уитни в два счета добился успеха...

Пришла хозяйка, сначала косилась недоверчиво — но все ее недоверие как рукой сняло, едва гость продемонстрировал машину в действии. За короткое время с помощью своего агрегата он полностью очистил от семян столько хлопка, сколько обработали бы вручную за тот же срок двенадцать рабов!

Это была *бомба*! Ситуация в одночасье изменилась, словно по мановению волшебной палочки. Известие о машине разнеслось среди южных плантаторов в считанные недели. Тут же нашлись деловые люди, которые, слегка усовершенствовав машину, стали выпускать ее в огромных количествах и продавать всем и каждому.

Теперь, с помощью этой машины, один раб мог очистить за день не один фунт хлопка, а *сто*. Вот это уже было чертовски рентабельно. Вмиг умолкли все разговоры об отмене рабства, казавшиеся теперь блажью. Упавшие было цены на рабов взлетели вверх, работорговля несказанно оживилась. В самое короткое время хлопок на плантациях Юга почти совершенно вытеснил прежние культуры-кормильцы: рис, сахарный тростник и табак...

И, в довершение всего, изобретение Уитни почти совпало по времени с промышленной революцией в Англии — Большая История шутит по своим законам...

В 1764 г. в Англии некий ткач Харгривс, «чтоб работе помочь», изобрел прялку «Дженни». Она, как и прежние, тоже приводилась в движение рукой, но в ней имелось не одно веретено, как в старых, а восемнадцать. До этого производство тканей представляло собой не самую простую задачу: на одного ткача приходилось три прядильщицы. Сначала они — довольно неспешно — превращали на одноверетенных прялках шерсть или хлопок в пряжу, а уж потом ткач садился за станок.

«Дженни» ускорила процесс, и весьма. Вместо ткачей-одиночек появились ткацкие *фабрики*. Промышленники с деньгами стали устанавливать «Дженни» в больших зда-

ниях десятками и приводить их в движение не человеческой рукой, а силой воды. Вскоре некий Картрайт (опять-таки не инженер, а сельский священник!) изобрел механический ткацкий станок. Тут подоспела и паровая машина Уатта, которую моментально пустили в дело владельцы ткацких фабрик (235, 239).

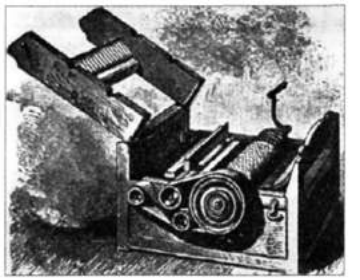
Фабрики готовы были теперь перерабатывать огромные количества хлопка — и хлопок появился. Если до появления машины Уитни Юг вывозил всего 200 тысяч фунтов хлопка в год, то уже в 1800 г. — 20 миллионов фунтов, в 1824 — 172 миллиона фунтов, в 1844 — 400 миллионов фунтов, в 1854 — 800 миллионов фунтов, а в 1861 г., накануне войны — полтора миллиарда фунтов.

Южные главные порты, Новый Орлеан и Чарльстон, расцвели в одночасье, теперь оттуда отправлялись не десятки кораблей, а тысячи. На незаселенных землях вырастали новые плантации, буквально на глазах возникло три новых южных штата — Алабама, Луизиана и Миссисипи, чье население за двадцать лет выросло в шесть раз.

Вот как росло число рабов в южных штатах (56):

1800	893041	человек
1810	1 191 364	– " –
1820	1 543 688	– " –
1830	2 009 053	– " –
1840	2 487 355	– " –
1850	3 179 509	– " –
1851	3 200 000	– " –

Ошибкой было бы думать, что на этом богатели только южные плантаторы. Они, конечно, получали немалые деньги за свой хлопок, но гораздо большие прибыли на «хлопковом буме» делали северяне. Во-первых, переработка хлопка, текстильная промышленность сосредоточилась на севере, в Новой Англии. Во-вторых северяне еще много лет продолжали продавать на Юг рабов. В-третьих, перевозку хлопка держали в своих руках тоже почти исключительно северяне. В-четвертых... Впрочем, о четвертом источнике северных доходов — чуть позже.

Хлопкоочистительная машина

Что до самого Уитни, то сей молодой человек, достоверно известно, не получил от своего изобретения ни цента прибыли. После 1793 г. его имя вовсе исчезает из истории. Более он ни в чем совершенно себя не проявил. Мне пришлось перерыть гору книг, чтобы отыскать хотя бы дату смерти Уитни — 1825 г. Больше о нем ничего неизвестно. Отсюда и вытекает, что оставшуюся жизнь он прожил серенько, незаметно, не совершив ничего, что осталось бы в памяти современников. И я теперь ломаю голову: интересно, осознавал ли потом этот парень, что именно он перевернул историю? И если да, то что он при этом чувствовал? Кто бы ведал...

Итак, рабство, вместо того чтобы захиреть, прямо расцвело. Из первых пяти президентов США четверо были рабовладельцами, причем все продолжали владеть рабами, заняв кресло в Белом доме. Из следующих тринадцати президентов рабовладельцами были восемь, правда, на сей раз четверо из них, заняв свой пост, рабов освободили (69).

Естественно, процветала и работорговля. Усилиями англичан и североамериканцев из «прогрессивной» Новой Англии.

Тем временем произошло эпохальное событие: в 1807 г. обе палаты английского парламента приняли закон о запрете работорговли — тот самый закон, что палата лордов провалила всего пятнадцать лет назад. Теперь английским

подданным под угрозой уголовного наказания запрещалось торговать рабами, а английским кораблям — перевозить рабов.

Казалось, что англичане сошли с ума — немыслимо, чтобы британец добровольно отказался от столь солидного бизнеса, каким являлась работорговля.

Однако ларчик открывался просто: британец и в самом деле способен отказаться от солидной прибыли... ради еще большей прибыли, и никак иначе. Весь фокус был в том, что к этому времени англичане стали налаживать собственное производство хлопка, в Египте и Индии, силами не рабов, а наемных рабочих. Производство еще не набрало серьезных объемов, но англичане всегда умели заглядывать в будущее и рассчитывать далеко вперед. Они намеревались и далее закупать в больших количествах дешевый американский хлопок, однако начинали медленно, как бы невзначай *гасить* американского конкурента рассчитанным на десятилетия планом действий. План был не особенно сложен: поскольку американский хлопок производится рабскими руками, следует ограничить поступление рабов в Америку. А проще всего этого добиться, запретив работорговлю под истошные вопли о гуманизме, свободе, прогрессе и прочих высоких материях.

Англичане взялись за дело всерьез и добились заключения международного договора, поставившего работорговлю вне закона (чего не сделаешь ради крутых бабок!). Работорговцев, как и пиратов, теперь без разговоров вешали на реях.

Вот только все эти законы, международные соглашения и рейды военных кораблей привели к новым жертвам. Работорговля продолжалась — контрабандно. В США в 1808 г. был принят закон о запрете ввоза рабов в страну (только *ввоза*, на торговлю рабами и владение ими власти не по-

кушались) — но законы, как известно, для того и пишутся, чтобы их обходить. По оценкам американских историков, в 1808–1861 в США было нелегально ввезено 250 000 африканцев (58).

Теперь контрабандисты набивали в трюмы вовсе уж невероятное количество невольников — рисковать так рисковать. А при угрозе захвата судна военным кораблем негров хладнокровно выбрасывали за борт (первое время для того, чтобы уличить капитана в работорговле, требовалось непременно захватить на судне *живых* невольников, лишь впоследствии закон позволил преследовать и осуждать капитанов на основании косвенных улик — цепей, наручников, ненормально большого запаса пищи, явно превышавшего потребности самого экипажа...)

Забегая вперед, стоит упомянуть, что все эти международные конгрессы по запрету работорговли и вся суета военных флотов «великих держав» так и не искоренили полностью торговлю «черным деревом», как выражались работорговцы. Антиработорговые «саммиты» происходили и в 1890 г. в Брюсселе, и даже в 1926 г., уже под патронажем Лиги Наций... (209).

Но вернемся в Америку. В 1833 г. английский парламент принял еще более прогрессивный закон, освободивший всех рабов в английских владениях Вест-Индии. Отдельные американские циники стали говорить, что прогресс тут совершенно ни при чем, и оказались правы: дело заключалась в том, что английские плантаторы Вест-Индии стали тысячами завозить к себе батраков-инлийцев, которые обходились дешевле рабов. Однако, как легко догадаться, в Англии по этому поводу было произнесено немало прочувствованных речей о гуманизме и свободе...

В США же к тому времени в северных штатах почти не осталось рабов (к 1840 г. северяне имели в собственности

всего-то тысячу чернокожих). Зато Север, как ни в чем не бывало, продолжал продавать рабов на Юг — как-никак всякий был волен распоряжаться своим имуществом. Кто-то из северян, более совестливый, выписывал своим неграм вольную, а кто-то продавал их на плантации... Ну и, разумеется, северяне играли первую скрипку в той самой контрабандной торговле живым товаром.

На *своей* территории Север работорговлю запретил — но не делал даже попыток запретить ее на Юге. В 1834 г. бывший президент США Мэдисон, из-за неурожаев погрязший в долгах, чтобы рассчитаться с кредиторами, преспокойно продавал своих невольников, что никак не влияло на его репутацию видного политика. Человек был в своем праве...

В первой половине XIX в. в американский обиход вошел и широко распространился термин «линия Мейсона—Диксона» — условная граница между рабовладельческими и свободными штатами, отделявшая Пенсильванию от Мэриленда. Линию эту нанесли на карты еще в XVIII в. два английских астронома, Чарльз Мейсон и Джереми Диксон, вовсе не предполагавшие, что их честные имена будут *таким* образом увековечены.

Это была граница не просто между двумя штатами, не просто между «рабовладельцами» и «свободными». Смело можно сказать, что линия Мейсона—Диксона как-то незаметно стала пограничной чертой между двумя мирами, двумя типами цивилизации, двумя этносами. Ошибкой было бы говорить о северянах и южанах как о двух разных нациях, хотя, несмотря на общий язык, между ними имелись серьезные различия.

Но прежде чем поговорить об этом, рассмотрим не менее интересную проблему: специфику американского характера (каковое понятие в равной степени касается и северян, и южан). Причины многих войн, революций, мятежей и гражданских междоусобиц как раз и кроются в национальной специфике того или иного народа. В полной мере это касается и американцев. Гражданская война в США была не абстрактной «междоусобицей», а в первую очередь *американской* гражданской войной, вызванной во многом чисто американскими особенностями.

Давайте посмотрим, что это были за особенности.

5. Загадочная американская душа

Пожалуй, первейшее, главнейшее отличие американской действительности того времени от европейской — это, называя вещи своими именами, пренебрежительное отношение к центральному правительству, к «этим парням из Вашингтона». Очень многие американцы уже с трудом сознавали, зачем им, собственно, центральное правительство. Все насущные вопросы, интересовавшие среднестатистического гражданина США, обычно решались на местном уровне: городской муниципалитет, окружные власти, власти штата. Федеральное правительство выглядело докучливым дармоедом, которого неведомо почему приходится содержать. Это отношение к «парням из Вашингтона» крайне удивляло заезжих иностранцев, привыкших в Европе совершенно к другому — но тут уж в полной мере проявляла себя та самая американская специфика...

В Европе сильное центральное правительство и сильная армия были жизненно необходимы: при малейших признаках ослабления какого-либо государства соседи тут же весело на него наваливались, урывая в свою пользу сколько возможно. Новорожденные США были лишены сильного внешнего врага по соседству. В английской Канаде было слишком мало войск, чтобы представлять для США серь-

езную угрозу. Примыкающие к территории США с юга испанские владения вообще не располагали чем-то, хотя бы отдаленно похожим на сильные гарнизоны. Что до регулярной армии, то еще в период английского владычества выяснилось: регулярные воинские части малоэффективны против единственного внешнего врага, который имелся — индейских воинов. Солдат учили вести бой с такими же, как они, а не со стрелявшими из-за каждого куста краснокожими, поэтому против индейцев с самого начала дрались не армейцы, а набранная из поселенцев милиция штатов, перенявшая у индейцев их же правила боя. Так что и армия у молодой республики была крохотная, служить в ней считалось непрестижно.

Один из историков сформулировал взгляд американцев на государство так: «А зачем, собственно, оно было нужно? Дороги проводили города, дома строили горожане, они же мели улицы перед каждой дверью, канализации не было, освещением снабжала луна, электричество еще не открыли, газовый свет не изобрели, железных дорог не существовало, корабли принадлежали судовладельцам, армия была излишней, убийцам тогда еще не предоставляли апартаменты и полный пансион, их просто вешали, судейскую братию оплачивали граждане, ведь судьей мог стать любой честный малый, у которого варил котелок. Где было это государство, когда на поселок напали индейцы? Где было государство, когда сгорел целый городской квартал? Где было государство, когда град побил урожай или начался падеж скота? И что такое это чертово государство?» (170).

Не только каждый штат, но и каждый городок, каждый житель США чувствовали себя чем-то вроде суверенного образования, не зависящего ни от чьих приказов, указаний и директив. Центральное правительство было едва ли не миражом — а значит, не существовало и сильного государ-

ственного аппарата, чье давление на себе сызмальства привык ощущать каждый житель старушки Европы. Судей и полицейских выбирали сами жители американских городов, чиновники были немногочисленны и в подавляющем большинстве не сверху спущены, не из столицы присланы, а назначены местными муниципалитетами. Смело можно сказать, что США *делились* на четыре миллиона сепаратных государств — по числу жителей...

Огромную роль в этом повальном сепаратизме играла и пуританская идеология, изначально направленная против сильного государства, сильного правителя, сильного государственного аппарата. Согласно теоретическим воззрениям пуритан (которые они то и дело старались применять на практике), государство — это «общественный договор» между властью и народом. Народ имеет право на максимальные свободы, а ежели правитель попытается эти свободы хоть в малейшей степени ущемить, его следует прогнать в шею (то, что под народом понимались те самые «избранные», суги не меняло). Тысячи пуритан вынуждены были бежать в американские колонии как раз из-за того, что пытались проводить в жизнь эту доктрину в Англии — и, оказавшись за океаном, в своих взглядах лишь укрепились...

Наиболее четко эти идеи сформулировал английский философ Джон Локк в «Двух трактатах о государственном правлении» (1690): основная задача государства — защита жизни, свободы и собственности граждан. А вот руководить и указывать — не сметь! Пуритане развили эту теорию, заявляя: защитить себя и сами сможем! У каждого под кроватью два мушкета, даже у бабушки пистолет под рукой. Зачем нам государство?

Маслица в огонь подливали квакеры — протестантская секта, основанная в середине семнадцатого столетия анг-

лийским ремесленником Джорджем Фоксом под названием «Общество друзей». Пожалуй, среди всех неисчислимых протестантских течений это были самые симпатичные люди: они не навязывали никому силой своих убеждений, были непротивленцами злу и пацифистами, с самого начала решительно выступали против рабства и истребления индейцев. А еще — стремились к максимальной свободе. Квакеры искренне недоумевали: почему судья, шериф, чиновник — свободный индивидуум — смеет ограничивать права и свободы столь же свободных и неповторимых личностей, независимых индивидуумов? И, будучи доставлены к судье или в полицию, держались соответственно, на все казенные вопросы недоуменно вопрошая: по какому ж это праву, мил человек, ты на нас протоколы пишешь? Нет у тебя права допросы учинять и показания снимать, Господь не велит! Ты, конечно, личность, но и мы — личности, над нами один Бог властен!

Власти, сталкиваясь с квакерами, от такой вольности в обращении буквально сатанели. Квакеров бросали в тюрьмы с особенным рвением, выставляли к позорному столбу, били кнутами, загоняли в дома для умалишенных... В конце концов они всей общиной переселились в Америку и основали штат Пенсильвания. Легко догадаться, учитывая их взгляды, что этот штат стал застрельщиком сепаратизма и бунтарства против любого подобия сильной государственной машины...

Встречались и еще более крайние точки зрения — выраженные последовательно и страстно в работах публициста Томаса Пейна, участника Войны за независимость и Великой французской революции. Пейн утверждал: общество и само в состоянии делать то, что обычно возлагается на правительство, которое не только не помогает обществу, а напротив, мешает ему развиваться.

Томас Пейн

Правительство, по Пейну, нужно для исключительных случаев, которые можно по пальцам пересчитать — а со всем остальным прекрасно справится и общество, то есть местное самоуправление. Мало того — народ имеет священное и неотъемлемое право уничтожать любое правительство, любую форму правления, которую сочтет неподходящей.

Идеи Пейна прекрасно сочетались с пуританскими теориями о том, что любое правительство, собственно говоря — зло. Пусть порой необходимое, неизбежное, но все равно — зло. Лучшее правительство — это то, которое имеет минимальную власть и самую ничтожную возможность влиять на страну...

Даже для тогдашних США воззрения Пейна оказались чересчур радикальными, и его буквально *выдавили* из страны. Но идеи-то остались! Не кто иной, как Томас Джефферсон, находившийся под большим влиянием идей Пейна, однажды заявил: по его мнению, возможно, революция необходима каждому поколению. Впоследствии южане часто и охотно его цитировали...

Свободомыслия и независимости американцам прибавляли еще и сложившиеся в колониях правила: британская корона взяла на себя лишь внешнюю торговлю и внешние сношения колоний, а во внутренние дела не вмешивалась совершенно. И потому буквально сразу после основания колоний там возникли всевозможные органы местного самоуправления и некие подобия парламентов. Именно

в них, а не в далекой британской короне, поселенцы видели авторитет.

Французы, кстати, в своих американских владениях вели себя совершенно иначе. Губернатор тогда еще французской Канады Фронтенак попытался учредить некое представительное учреждение из «чистой публики» — священников, помещиков и зажиточных горожан («простонародье» не считалось). Однако даже это куцее подобие парламента привело короля Людовика XIV в ярость, и он письменно распек губернатора, напомнив, что все дела решает король, думает за всех один король, а подданные должны лишь смиренно исполнять приказы его величества. Фронтенак свою затею моментально оставил. Вполне возможно, именно из-за подобного метода ведения дел Франция и лишилась своих американских колоний: поселенцы не ощущали своей причастности к судьбе Канады, они были всего-навсего такими же «винтиками», как и население любой французской губернии...

Любопытный пример того, как далеко порой заходило американское свободолюбие: когда в штате Мэриленд в конце семнадцатого столетия королевские налоговые инспекторы особенно озверели, не кто иной, как *губернатор* штата Джордж Талбот, хладнокровнейшим образом убил таможенного сборщика. Ему, конечно, пришлось после этого покинуть Мэриленд, но он так никогда и не был пойман и наказан — в колониях на такие вещи смотрели проще... Не приличного человека, чай, пристукнул, а гниду налоговую...

Естественно, едва только образовались независимые Соединенные Штаты, речь моментально зашла не о суверенности молодой республики, а о суверенитете *штатов*, ее составивших. Самая первая американская конституция, «Статьи Конфедерации и Вечного Союза», принятые

в 1777 г., урезали полномочия федеральной власти до минимума. У Вашингтона (которого, собственно, еще не существовало, но будем уж употреблять этот термин для обозначения центрального правительства) не было права вводить какие бы то ни было налоги -- Конгресс США при любой необходимости обязан был смиренно *просить* у штатов потребные суммы. Президент, согласно этим же «Статьям», вовсе не руководил правительством — он всего-навсего председательствовал на заседаниях Конгресса. Кроме того, центральное правительство не имело права вмешиваться ни в торговые отношения между штатами, ни в их международную торговлю — которую всякий штат мог вести по своему желанию и разумению. Позже, когда президент Адамс предложил заключить торговый договор США с Великобританией, моментально вскочил кто-то из ревнителей прав штатов и, подозрительно щурясь, поинтересовался: «Мистер Адамс, вы имеете в виду один договор или тринадцать?» (47).

И, наконец, внести в первую конституцию, «Статьи», какую бы то ни было поправку можно было только после единогласного одобрения ее Конгрессом и с санкции законодательных собраний всех без исключения штатов. Каждый штат, таким образом, имел право наложить вето на любые изменения конституции.

Очень быстро этот разгул свободы привел к жуткой неразберихе и чуть ли не краху. Центрального банка не существовало, и каждый штат принялся мешками печатать свои бумажные деньги — в итоге получилась ситуация из классического анекдота: фунт колбасы стоил фунт долларов... Кроме того, жители всех тринадцати штатов, самостоятельно покупая за границей все, что их душеньке угодно, залезли в долги, для всей страны исчислявшиеся примерно пятью миллионами тогдашних долларов.

В конце концов грянуло восстание Даниэля Шейса, ветерана Войны за независимость. Фермеры, доведенные до разорения высокими процентными ставками на кредиты и высокими земельными налогами, быстренько вооружились и двинулись на столицу Массачусетса, чтобы разнести там все вдребезги.

Конгресс оказался бессилен — штаты отказались выделить ему на расходы по подавлению бунта хотя бы ломаный цент. Восстание было подавлено исключительно благодаря усилиям губернатора Массачусетса, использовавшего не федеральные войска (которых, собственно, и не имелось), а народное ополчение. Произошла этакая микрогражданская война, с обеих сторон дрались не регулярные войска, а вооруженные граждане...

Это событие окончательно убедило здравомыслящих людей в том, что с вольностями переборщили и пора что-то срочно менять. Штаты созвали Конституционный конгресс, который после долгих дебатов как раз и привел Конституцию США и систему государственной власти примерно в тот вид, который мы знаем и сегодня. Вольности штатов изрядно прорезали — но все же сохранили за ними немало самостоятельности.

Конгресс положил начало растянувшемуся на сто с лишним лет увлекательному процессу сочинения конституций. В большинстве европейских государств конституцию поправляют или меняют крайне редко. То же, в общем, касается и Конституции США — после ее принятия в 1787 г. в нее вплоть до нашего времени было включено лишь 17 поправок. Зато *штаты,* вместе взятые, *двести тридцать* раз переписывали свои конституции, что-то старательно добавляя, что-то выкидывая. Если конституция США представляет собой тощенькую брошюрку, то Конституции «вольных» штатов являют едва ли

не пухлые тома. Чемпионом в этом увлекательном занятии безусловно может считаться штат Луизиана — там к 200-летию США успели одиннадцать раз поменять «основной закон». Другие штаты тоже старались, как могли, но луизианский рекорд так никому и не удалось побить...

Чтобы понять Гражданскую войну в США, нужно кропотливо изучить всю предшествующую историю американского сепаратизма — а она достаточно длинна и обширна...

Начиналось все форменным анекдотом. В 1628 г. свое собственное «государство» попытался провозгласить лихой делец Томас Мортон, ничуть не похожий на скромных богобоязненных пуритан. Веселый был мужичок, прямо-таки отвязный. Пока пуритане копались в своих огородиках и тянули псалмы, Мортон основал поселок где-то между нынешними Бостоном и Плимутом, стал скупать у индейцев пушнину, а краснокожим продавать оружие и выпивку. Поселок именовался Веселой Горой — и не без оснований. Мортон с приятелями собирал там сговорчивых индианок, выставлял на стол добрую четверть виски... ну, вы поняли. Мало того, к религии он относился без всякого почтения и, вместо того чтобы поставить какую-никакую церквушку, водрузил «Майский столб» — древнее английское сооружение, давно уже считавшееся «богохульной, языческой забавой». Вокруг этого столба регулярно и отплясывали подвыпившие индианки и их бледнолицые кавалеры (окрестные индейцы к этим забавам относились снисходительно, поскольку были кровно заинтересованы в сохранении мортоновского «салуна»).

Пуританские власти поначалу пытались воздействовать на Мортона чисто дипломатическим путем. Мортон, не выбирая выражений, отвечал просто: вы там у себя живите, как хотите, я в ваши дела не лезу, а Веселая Гора —

суверенная и независимая территория, так что валите к такой-то матери!

Пуритане, собрав мужиков порешительнее и вооружив их всеми имевшимися в наличии мушкетами, отправили карательную экспедицию против первого в истории Америки сепаратиста. Запахло первой в истории Америки гражданской войной — к счастью, так и не разразившейся. Мортон, прослышав о том, что на него пошли войной, забаррикадировался с сообщниками в доме, разложил на столе ружья, порох и пули... но перед грядущей битвой они решили малость подкрепиться горячительным. Опрокинули по чарке, по второй, понятное дело, если уж хорошо пошло, то и по третьей... В общем, когда до Веселой Горы все же добралась пуританская вооруженная экспедиция, воинство Мортона, не исключая предводителя, уже храпело под столом — и гарнизон Веселой Горы разоружили без малейшего сопротивления с его стороны. Мортона, награждая по пути подзатыльниками, отвели на первый же приплывший в колонии корабль и отправили в Англию, предупредив, чтобы духу его здесь больше не было.

Мортон сумел все же отомстить своим гонителям: обладая литературным даром, он быстренько написал и издал в Амстердаме книгу о своих приключениях — остроумную и язвительную сатиру о жизни и нравах поселенцев Новой Англии (со временем ставшую ценным источником по ранней американской истории) (232).

Три года спустя, в 1631-м, произошло *возмущение* уже посерьезнее. Некий пастор Уильямс принялся убеждать колонистов, что американские земли должны обрести независимость от британской короны.

Дело сорвалось оттого, что кое-какие взгляды пастора пришлись пуританам категорически не по вкусу. Когда

Уильямс честил короля на чем свет стоит, они еще могли снисходительно слушать, но все остальное... Пастор заявлял, что американские земли принадлежат индейцам, а потому следует не сгонять краснокожих с их исконной территории, а выкупать у них участки — и не за бусики и виски, а платить нормальные деньги. Еще он призывал проявлять терпимость к любой иной вере, включая ислам и иудаизм.

Вот *это* твердокаменным пуританским фанатикам никак не понравилось: индейцев они за людей не считали, а единственно правильной, заслуживающей уважения верой считали исключительно свою собственную. Пастора быстренько отдали под суд, лишили духовного сана и собирались принудительно отправить в Англию, но он сбежал и поселился в глуши, где основал поселочек, который впоследствии стал столицей штата Род-Айленд...

В 1643 г. в Новой Англии под чужим именем снова объявился Томас Мортон, обосновался на прежнем месте и создал Республику Веселой Горы. На сей раз пуритане отреагировали гораздо быстрее и жестче: немедленно послали карательный отряд, все имущество Мортона конфисковали, поселок на Веселой Горе спалили дотла, а «президента республики» в кандалах отправили в Англию, где он и умер в тюрьме. Лично мне его откровенно жаль: в отличие от многих других жутковатых персонажей американской истории, Мортон, кроме пьянства и романов с индейскими красотками, ничего предосудительного не совершил...

А теперь — о вещах гораздо более серьезных, нежели разгульное бытие Республики Веселой Горы.

Когда до Америки наконец-то дотащилось известие о революции в Англии и казни короля Карла I, Север и Юг, Новая Англия и Виргиния мгновенно оказались по

разные стороны баррикад. Северяне (состоявшие из простолюдинов-пуритан) и революцию, и цареубийство откровенно приветствовали, зная, что в этих событиях огромную роль сыграли их духовные собратья, английские пуритане. Южане, напротив, присягнули бежавшему во Францию принцу, провозгласившему себя королем Карлом II. На Юге обитало немалое количество дворян-роялистов, в том числе и бежавших в Америку с началом революции...

Все торговые отношения между Севером и Югом на какое-то время были прерваны. Некоторые историки даже предполагают, что между двумя частями страны могла бы вспыхнуть война — окажись они ближе друг к другу. Однако, поскольку их разделяла добрая тысяча километров, как-то обошлось.

Виргинию (а заодно и придерживавшиеся тех же взглядов Вест-Индские острова) быстренько привели к повиновению: в 1651 г. в Америку прибыл военный фрегат нового правительства Кромвеля с солдатами на борту — и, поскольку силы были неравны, южане, скрипя зубами в бессильной ярости, вынуждены были покориться.

Одно многозначительное уточнение: и Север, и Юг, несмотря на категорическое несовпадение политических взглядов, совместно выступили против принятых новым правительством постановлений, стеснявших американскую торговлю, — и совместно добились их отмены. Тут уж вступали в игру чисто *американские* деловые интересы, ради которых можно было и наплевать на политические разногласия...

Интересно, что сам Оливер Кромвель, железный диктатор, когда-то вместе с дядей тоже пытался эмигрировать в Америку, чтобы купить там ферму и жить-поживать. Однако власти обоих Кромвелей из страны не выпусти-

**Новая Англия, пуританская земля.
Издевательства над забитым в колодки «иноверцем»**

ли — потому что те демонстративно отказывались платить один из нововведенных налогов. Случись иначе, история Англии могла стать другой — очень уж большую роль в победе революционеров и казни короля сыграл Оливер Кромвель...

Отгремела революция, Кромвель благополучно скончался, на престол взошел долго этого дожидавшийся Карл II, велел в воспитательных целях вырыть труп Кромвеля из могилы и вздернуть на виселицу. Потом англичане свергли и Карла, но голову, как его батюшке, отрубать не стали, позволили уплыть потихонечку во Францию. На престол обрадованно вскарабкался король Яков II.

Во время всей этой чехарды метрополии было как-то не До американских колоний, и они откусили себе еще кусочек вольности: Массачусетс, Коннектикут, Плимут и Нью-Хэйвен объединились в конфедерацию, которая присвои-

ла часть прав по внешней торговле и внешним сношениям. Карл II пытался было их приструнить, но не нашел времени. Яков II, освоившись, собрался было «построить» обнаглевших колонистов, но тут его самого свергли, и колонии остались при достигнутом.

Полное впечатление, что они то и дело пробовали на прочность королевскую власть в далеком Лондоне...

В 1660 г. штат Мэриленд провозгласил себя республикой — за сто с лишним лет до Войны за независимость. На сей раз Лондон отреагировал мгновенно и сместил губернатора, назначившего себя президентом новоиспеченной республики, — но этим все репрессии и ограничились...

1689 год. Едва до Новой Англии дошла весть о свержении короля Якова, в Нью-Йорке вспыхнуло восстание против королевской администрации. После короткой перестрелки между милицией штата и горсточкой британских войск последние выкинули белый флаг. И колония Нью-Йорк (в которую входил не только одноименный город, но и прилегающая область) два года жила фактически вольной республикой, под управлением собственного правительства из мелких купцов, небогатых лавочников, ремесленников и кустарей-одиночек. Правда, потом приплыла королевская эскадра, десант захватил мятежный Нью-Йорк, и два главных вождя самопровозглашенной республики были повешены (однако сохранилась учрежденная восставшими ассамблея — неведомый до того в Нью-Йорке орган местного самоуправления).

Едва только была торжественно провозглашена независимость США, начались там и сям сепаратистские выступления.

В 1784 г. жители четырех западных округов штата Северная Каролина совершенно серьезно учредили собствен-

ное «государство Франклин», заявляя не без определенной логики: если колониям было можно отделяться от Англии, почему «государству Франклин» нельзя отделиться от колоний? Новоявленное «государство» ухитрилось просуществовать аж три года, но потом самоликвидировалось и ввиду усилий Северной Каролины, и из-за внутренних распрей.

В 1787 г. жители долины Вайоминг попытались отделиться от штата Пенсильвания и создать собственное независимое государство. На сей раз оно просуществовало всего лишь пару дней — губернатор Пенсильвании быстренько отправил в долину народное ополчение...

Интересно, что штат Вермонт официально вошел в состав США только в 1791 г. Ранее таковому вступлению изо всех сил противился штат Нью-Йорк, который конфликтовал с Вермонтом, поскольку считал его вовсе не отдельным независимым штатом, а частью своей территории.

Насмотревшись на всё это, видный политический деятель США Александр Гамильтон еще в 1787 г. сделал несколько предсказаний о возможной будущей войне между штатами. И многое предугадал удивительно точно за семьдесят с лишним лет до войны Севера с Югом...

«Нередко спрашивают с торжествующим видом, какие побудительные причины могут иметь разъединенные штаты для войны друг против друга? Полный ответ на этот вопрос: те же самые побудительные причины, которые в разное время погружали в кровь все нации в мире. Но, к нашему прискорбию, вопрос допускает более конкретный ответ... Территориальные споры всегда были одним из сильнейших источников враждебности между нациями. Возможно, большая часть войн, опустошавших землю, возникала по этой причине. Она будет действовать и у нас».

Территориальные споры между Севером и Югом и в самом деле стали одной из главных причин Гражданской войны. Гамильтон вдобавок предсказал и то ожесточение, с каким будут вестись военные действия: «Война между штатами в первый период их отдельного существования будет сопровождаться куда большими бедами, чем обычно бывает у государств, давно имеющих регулярную военную силу... Война поэтому окажется беспорядочной и грабительской. Грабеж и разорение всегда отмечают путь даже регулярных войск. Бедствия для населения, которое окажется в центре событий, будут отличительной чертой нашего способа ведения войны» (168).

Так впоследствии и произошло — северная армия развернула на Юге неслыханный грабеж и устроила невиданные прежде разрушения. Поэтому читать пророческие эссе Гамильтона довольно жутковато...

Очень быстро выяснилось, что жители тех или иных штатов, мягко говоря, недолюбливают своих соседей по молодому государству. Южане обзывали уроженцев Новой Англии «торгашами и религиозными ханжами», да и на Севере не было единства — жители штата Нью-Йорк прилюдно честили массачусетцев «готами и вандалами». Хорошо жили в юном государстве. Дружно жили...

Штаты не просто отбирали у центрального правительства как можно больше властных полномочий. Представители Род-Айленда наотрез отказались ратифицировать новую Конституцию, пришедшую на смену «Статьям». Сенат США в ответ запретил всем остальным штатам торговлю с Род-Айлендом. Промаявшись в блокаде полгода, упрямый штат-крохотулька наконец сдался и Конституцию ратифицировал.

Зато северные Массачусетс с Коннектикутом и южная Джорджия, отказавшиеся тогда же ратифицировать первые

девять поправок к Конституции, называемые еще «Биллем о правах», соизволили поставить свои подписи под Биллем только в... 1939 году!

Штат Коннектикут особым решением запретил судам штата... принимать к рассмотрению дела кредиторов из других штатов, взыскивающих долги с граждан Коннектикута. Впрочем, направлена эта мера была исключительно против Род-Айленда, который *сам* принял законы, противоречащие Конституции...

Южная Каролина примерно тогда же приняла конституцию, по которой этот штат имел право самостоятельно заключать внешнеполитические договоры с иностранными государствами, вести с ними войну и заключать мир, иметь собственную армию и военно-морской флот. Чтобы отменить эти интересные нововведения, в Вашингтоне семь потов пролили...

Американская история прилежно зафиксировала и дату первого военного мятежа — 17 июня 1783 г. Правда, этот мятеж ничем не напоминал классические военные перевороты и выглядел скорее опереточным фарсом. Примерно 80 солдат и сержантов 3-го Пенсильванского пехотного полка в одно прекрасное утро нагрянули в Филадельфию, где размещался тогда Конгресс США, и с ходу взбунтовали еще человек четыреста местного гарнизона. Вся эта орава окружила здание, где как раз заседал Конгресс. Требование было одно: выплата задержанного жалованья.

Конгрессмены приказали было главе Пенсильвании бросить против бунтовщиков милицию, но тот, уныло разведя руками, доложил, что милиция ненадежна и, чего доброго, переметнется на сторону мятежников. Тогда члены Конгресса решили сделать вид, будто ничего и не происходит. Конгресс заседал, как ни в чем не

бывало, а вокруг здания толпились солдаты, матерились, выкрикивали оскорбления и порой целились из мушкетов в окна.

Все близлежащие трактиры продолжали как ни в чем не бывало торговать спиртным, и мятежные вояки понемногу начали перекочевывать туда с площади. Поддав как следует и убедившись, что от конгрессменов толку не добьешься, они плюнули и разошлись по казармам. Получили ли они задержанное жалованье, мне так и не удалось установить...

В 1806 г. случилась беда уже почище солдатского бунта — не оперсточный, а самый настоящий заговор с целью отторжения части территории США и создания там отдельного государства. Во главе стоял не кто-нибудь, а бывший вице-президент США Аарон Бэрр.

Эта история остается до сих пор во многом загадочной. Американские историки не сомневаются, что заговор был, но его детали покрыты тайной: то ли самостоятельную республику хотел устроить Бэрр, то ли монархию с самим собой на троне. Генерал Уилкинсон, которого Бэрр попытался вовлечь в заговор, сдал его с потрохами президенту Джефферсону. Бэрра отдали под суд, но его защитники стали утверждать, что нельзя судить человека исключительно за *намерения*. Мистер Аарон Бэрр, говорили они, лишь *собирался* совершить государственную измену и мятеж — но ведь не совершил же! Отчего-то такая логика на присяжных подействовала, и они, проспорив полчаса, признали Бэрра невиновным. Тот решил не испытывать судьбу и тайком сбежал в Европу, где отсиживался шесть лет...

К 1809 г. относятся отрывочные известия о существовании какого-то нового заговора с целью отделить штаты Новой Англии от США и создать из них независимое

государство под протекторатом Великобритании. Подробности остаются тайной, но достоверно известно: ирландцу Джону Генри, агенту-двойнику, работавшему и на канадского губернатора, и на правительство США, который и выдал Вашингтону этот заговор, американские власти выплатили награду в 50 000 долларов, сумму по тем временам умопомрачительную. *Такие* денежки зря не платят...

Самостоятельность штатов находила порой выражение в самых неожиданных формах. В 1812 г., во время войны США с англичанами, когда стало ясно, что малочисленная регулярная армия не в состоянии успешно воевать, военный министр США послал властям штатов циркуляр с требованием мобилизовать свою милицию и отправить на войну. Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд отказались, заявив, что федеральное правительство не вправе распоряжаться милициями штата и война их, собственно, не касается... Каких-либо «оргвыводов» так и не последовало...

Двумя годами позже, в 1814-м, когда война вновь вспыхнула, представители штатов Новой Англии угрожали поднять мятеж и отделиться от США, если президент Мэдисон немедленно не подпишет мир с Лондоном. Дело зашло настолько далеко, что в Вашингтоне какое-то время всерьез опасались, что Новая Англия заключит с Великобританией сепаратный мир...

В 1830 г. вновь заговорили о каком-то заговоре сепаратистов. Точные подробности и тут остались неизвестными — но речь вроде бы шла о том, чтобы разделить США на *пять* государств: Новая Англия, Средние штаты, Южно-Атлантические штаты, Западные штаты и Юго-Западные штаты. Это, пожалуй, самая темная страница американской истории...

Американские свободы расцвели настолько пышным цветом, что американцы даже вели самые натуральные *частные* войны.

Я имею в виду события в Калифорнии и Техасе, где поначалу образовались независимые республики.

Советская пропаганда в свое время именовала эти события «происками империалистического Вашингтона», якобы вознамерившегося с помощью своей «агентуры» оттяпать часть территории Мексики. На самом деле все было гораздо сложнее...

Калифорнийскую республику летом 1846 г. провозгласили не мифические «агенты Вашингтона», а простые поселенцы: охотники, скотоводы и фермеры, поднявшие белый флаг с изображением медведя гризли и красной пятиконечной звездой. Во главе республики встали уважаемый фермер Уильям Айд и ученый, путешественник Джон Фримонт, офицер американской армии, военный топограф — опять-таки не «агент». Самое интересное, что в этом участвовали и русские поселенцы, осевшие в тех местах после ликвидации русских колоний в Калифорнии.

Учредители республики были исполнены самых благих намерений — они всерьез собирались создать «республику вольных земледельцев». Другое дело, что политиканы из Вашингтона, не прошло и нескольких месяцев, самым циничным образом использовали этот случай в своих интересах. Когда началась война Мексики с США (а началась она, истины ради, с нападения мексиканских частей на пограничные американские города), в Калифорнию быстренько вошла американская регулярная армия. Жители Калифорнийской республики, не искушенные в большой политике, радостно приветствовали солдат и отправили им в помощь Калифорнийский батальон под командованием

Фримонта, воевавший под тем самым белым знаменем с медведем и красной звездой.

Когда война закончилась поражением Мексики, «парни из Вашингтона» показали свое истинное лицо: Калифорнийский батальон был принудительно расформирован, Калифорнийскую республику особым указом «аннулировали», а Фримонта командующий американскими войсками генерал Кирни арестовал и отдал под суд за... «участие в вооруженном мятеже»! То есть — за участие в создании Калифорнийской республики (что доказывает: никаким «агентом Вашингтона» Фримонт в жизни не был).

Вот только судьи, надо отдать им должное, оказались честными людьми, заявив, что судить Фримонта не за что: на территории США он никаких мятежей не устраивал, а Калифорния частью США никак не является. Тогда военные своей властью лишили Фримонта офицерского звания и уволили из армии — а «парни из Вашингтона» быстренько приняли Калифорнию в состав США: тогдашние олигархи нацелились на райские калифорнийские земли, да и о калифорнийских богатейших золотых россыпях уже имелась кое-какая информация. Так что фермерам, вольным скотоводам и охотникам, вознамерившимся было жить в «свободном государстве», враз укоротили руки, чтобы впредь не своевольничали...

С независимым Техасом дело обстояло несколько иначе. В отличие от Калифорнийской республики, продержавшейся всего несколько месяцев, Техас *десять лет* был независимым и вполне самодостаточным государством, официально признанным в качестве такового США, Францией, Англией и Голландией. Еще в 1836 г. тамошние поселенцы (опять-таки без всякой «руки Вашингтона») объявили Декларацию независимости, составленную по образцу американской.

Мексика моментально бросила против новой республики регулярные войска. Техасские рейнджеры, первыми на континенте вооружившиеся в массовом порядке револьверами Кольта, без всякой помощи США, своими силами в два счета раскатали по кочкам мексиканскую армию и даже захватили в плен ее командующего генерала Санта-Ана. Несмотря на то, что мексиканцы имели громадный численный перевес, а всего мужского населения в Техасе насчитывалось три тысячи триста человек...

Одна из самых славных страниц этой войны — Аламо, разрушенная испанская миссия, в развалинах которой засели 187 техасцев под командованием полковника Тревиса и десять дней удерживали *пятитысячную* мексиканскую армию, пока не погибли до последнего человека.

Самое интересное, что поначалу США никак не хотели признавать Техасскую республику, опасаясь обострения отношений с Мексикой. Президенту Техаса Хьюстону пришлось прибегнуть к форменному шантажу: он пригрозил, что если Вашингтон не признает независимость Техаса, последний «обратится к другому другу» — прозрачный намек на Англию, не скрывавшую своего интереса к Техасу и обещавшую экономическую и политическую помощь. В Вашингтоне намек поняли и независимость Техаса признали официально. И Техас, ныне самый большой штат США (если не считать Аляски), был независимым десять лет. А потом нарастившие зубки США повторили калифорнийский сценарий: в Техас стали помаленьку *просачиваться* плантаторы, прибирать к рукам власть и влияние, а там появились и вашингтонские политиканы, и американская армия... В конце концов Техас был присоединен к США — что некоторым его жителям пришлось не по нутру. В Техасе до сих пор существуют движения, борющиеся за независимость штата, и они сплошь и рядом не похожи на то скопище карикатурных уродов, какими их порой изображают в голливудских фильмах...

И наконец, еще об одной чисто американской традиции...

В Европе, начиная со стародавних времен, власти пытались максимально ограничить количество оружия на руках у населения, свести его к минимуму. Уже в XVIII в. максимум, что мог себе позволить законопослушный европейский обыватель (не считая охотничьего оружия, конечно) — это пистолет да и то не во всех странах.

В США с самого начала все обстояло иначе — не из врожденной любви колонистов к «стволам», а по насущной жизненной необходимости. Территория американского государства еще в колониальные времена отличалась подвижной границей: не утихали стычки с индейцами, практически в любой момент мирная ферма могла превратиться в поле боя. Естественно, дома были буквально набиты оружием, самым что ни на есть боевым. При необходимости его умело пускали в ход не только главы семей, но и их жены, дети-подростки и даже почтенные старые бабушки — жизнь заставляла...

То же самое касалось и борьбы со всевозможным уголовным элементом — тут опять-таки приходилось полагаться не на эфемерные «силы правопорядка», сплошь и рядом не существовавшие вовсе, а на собственную ловкость и мушкет под кроватью. Американцы в результате всего этого стали «вооруженной нацией». Собственно говоря, всякий американец мужского пола был готов при необходимости моментально выступить в роли солдата — похвальное качество в случае отражения внешней агрессии, которое, однако, способно только усугубить ожесточение гражданской войны...

Великий английский романист Чарльз Диккенс, побывавший в США в 1842 г. и написавший интереснейшие путевые заметки (48), в своей книге привел заметку из американской газеты, поразившую жителя относительно тихой к тому времени Британии до глубины души...

«ДЕЛО ЧЕСТИ.

Мы только что услышали подробности о дуэли, происшедшей во вторник на острове Шестой мили, между двумя родовитыми юношами нашего города — Сэмюэлем Терстоном, пятнадцати лет, и Уильямом Хайном, тринадцати лет. Их сопровождали молодые джентльмены того же возраста. Оружием служила пара наилучших ружей Диксона; противников поставили на расстоянии тридцати ярдов. Каждый выстрелил по разу, не причинив другому никакого вреда, если не считать того, что пуля из ружья Терстона пробила шляпу Хайна. В результате вмешательства Совета Чести вызов был взят обратно, и спор дружески улажен».

Тридцать ярдов — это примерно двадцать семь метров. Тогдашние ружья с мощным дымным порохом прицельно стреляли самое малое на полторы сотни метров, а свинцовая пуля весила граммов пятьдесят. Так что два американских пацана ничуть не забавлялись — предприятие было смертельно опасным. Обратите внимание на возраст «молодых джентльменов». И не забудьте, что подобная дуэль была *обычным* делом.

Вообще-то в Европе в те времена дуэль тоже не была в ряде стран чем-то экзотическим. В той же Британии дуэль стала считаться уголовным преступлением только в 1840 г., а до того британские джентльмены могли невозбранно дырявить друг друга шпагами и палить из пистолетов. Во Франции дуэли совершенно законным образом происходили вплоть до Первой мировой войны. В Российской империи они продержались до революции. Но всегда речь шла о *взрослых*. А двое мальчишек, всерьез вышедших друг против друга даже не с пистолетами, а с ружьями — чисто американская специфика. Диккенс совершенно правильно заметил, что в любой другой стране пацанов «дружески прикрутили бы к двум скамейкам и хорошенько выпороли березовыми розгами» — но только не в Штатах, где на такие вещи смотрели иначе. Так что, когда вспыхнет Гражданская, большинству собравшихся в ней участвовать не будет нужды ломать голову, где раздобыть боевое оружие — достаточно шкаф открыть да крикнуть жене, чтобы тащила мешки с порохом и пулями...

И, наконец, о двух разных цивилизациях, двух мирах — Севере и Юге...

Так уж исторически сложилось, что социальный состав населения тоже был *разным*. На Севере оседало главным образом *простонародье* — хлынувшие за океан в поисках счастья бедняки, в колониях занимавшиеся охотой, рыболовством, мелкой торговлей, скупкой пушнины у индейцев — а также и контрабандой (в первые годы своего существования славный город Нью-Йорк был одним из главных рынков полулегального сбыта награбленной пиратами добычи). На Севере возникло и множество мелких фабрик, мастерских, судостроительных верфей.

И наоборот, *джентльмены* стремились преимущественно на Юг. Надменные южане впоследствии были не так уж и не правы, когда говорили, что их предки пошли от «благородных господ», а янки — сплошь «мастеровщина». Примерно так все и обстояло. «Джентльменам» было явно неуютно среди «мастеровщины», в свою очередь, относившейся к «благородным» с неприязнью — мы, дескать, от них и дома, в Англии, натерпелись...

Нельзя, конечно, сказать, что южане сплошь состояли из потомков благородных господ. Простонародья и там хватало, причем некоторые из них достигали немалых высот. Из шести губернаторов Виргинии в 1840–1861 гг. лишь один был урожденным «джентльменом». Двое из шести начинали простыми батраками у плантаторов, третий, сын деревенского мясника, был в молодости портным (99).

И все же Юг издавна считался «землей джентльменов». Сначала туда устремились английские дворяне по чисто экономическим причинам — это были те самые младшие сыновья знатных фамилий, которым наследства не полагалось и в жизни приходилось как-то устраиваться самим. Позже, когда в Англии началась гражданская война парламента против короля, в колонии уже ради спасения жизни бежало немало представителей проигравшей в войне стороны, дворян-роялистов (которых в далекой Америке, в общем, не преследовали, и они могли жить спокойно). Легко догадаться, что эти люди питали особенную ненависть к северянам-янки, олицетворявшим в глазах беглецов ненавистных «бунтарей» и «цареубийц», — а это вносило свой вклад в формирование в общественном сознании враждебности Юга к Северу...

Кроме того, именно на Юге предпочитали селиться бежавшие из Франции от религиозных преследований дворяне-гугеноты, гораздо комфортнее чувствовавшие себя на Юге среди «классово близких» джентльменов, нежели среди северной «мастеровщины», которую истинный французский дворянин с малолетства привык презирать...

Со временем в состав Юга вошли бывшие французские и испанские колонии, что прибавило Югу национальной

пестроты: теперь там в немалом количестве обитали и испанцы, и евреи. Север отличался большей однородностью национального состава (англичане с небольшой примесью голландцев и немцев), а вот генеалогия южан была гораздо более сложной, даже причудливой.

Доставшийся южанам «в наследство» Новый Орлеан, старейший город Юга, был культурным центром, равного которому на Севере долго не имелось. В первые десятилетия существования США интеллектуальная элита, так уж сложилось, обитала главным образом на Юге. Богатые библиотеки — это Юг. Научные лаборатории — опять-таки Юг. Литература, публицистика, философия — снова Юг. Северные высшие учебные заведения очень долго делали главный упор исключительно на богословие — причем в его пуританском варианте...

Еще один аспект проблемы, крайне существенный...

Смело можно утверждать, что Юг был классическим представителем *крестьянской* цивилизации, крестьянской философии, крестьянского мировоззрения, а Север являл собою цивилизацию *городскую*. Между этими двумя менталитетами существуют серьезнейшие различия, да что там, явные разногласия — чуть ли не по всем без исключения принципиальнейшим вопросам бытия... Вот оно, подходящее слово для определения сути различий между Севером и Югом. Не разные нации, даже не разные этносы — разные *цивилизации*...

К 1860 г. сельское население США составляло восемьдесят четыре процента — причем процент городского населения на Юге, соответственно, был гораздо ниже, чем на Севере. К 1860 г. в Нью-Йорке был уже миллион жителей, в Филадельфии — триста тысяч, в Балтиморе и Бостоне — по двести тысяч. Это были самые настоящие промышленные центры с кипучей городской жизнью.

В то же время на Юге только в двух городах, Ричмонде и Новом Орлеане, обитало более тридцати тысяч жителей. Все прочие города, называя вещи своими именами, были просто большими деревнями наподобие наших районных центров...

Так что с уверенностью можно говорить: Гражданская война стала еще и войной Деревни против Города (собственно, примерно то же самое имело место и во времена нашей Гражданской).

Подвергать сомнению ту очевидную истину, что деревня и город — две разные цивилизации, попросту смешно. И все же — несколько обширных цитат из работ западных ученых на этот счет.

Сначала — европеец Дж. Конрад: «Крестьянство представляет собой физически самую крепкую и сильную часть населения, из которой города постоянно черпают своих рекрутов. Из него формируется ядро армии... С политической точки зрения, установившийся характер крестьян и их приверженность к земле приводят к созданию ими процветающего сельского сообщества... Крестьянство во все времена было самым консервативным элементом государства... Его приверженность к собственности, его любовь к родной земле делают его естественным врагом городских революционных идей и надежным оплотом борьбы против социал-демократического движения. Поэтому крестьянство всегда рассматривалось как самая надежная опора любого нормального общества, и, по мере быстрого роста городов, его значение возрастало» (181).

Американский философ, профессор Чикагского университета М. Коэн: «Как правило, земледельческие классы являются чрезвычайно консервативными по своим взглядам и с недоверием относятся к переменам. Зависимость от сезонных урожаев делает их экономически менее гибкими, чем городские купцы. Постоянная связь с землей, узость общественных интересов, многолетняя прикованность к одному месту способствуют местному патриотизму, а не космополитизму, присущему городам, подверженным влиянию чуждых доктрин. Зависимость фермера от финансовых центров, где он получает деньги в кредит, и от промышленных районов, где завершается производство товаров, вызывает в нем упорно ревнивое отношение к городу и недоверие к централизованному правительству, на которое он смотрит как на политическое орудие финансистов... фермер черпает свои идеологические лозунги не из новейших социальных теорий, а из старой американской философии естественного права. Эта политическая оппозиция... испытывает недоверие к культурным влияниям города, так что в деревне быстрее распространяются новые материальные товары, произведенные в городе, чем его идеи... Фермеры лишь внешне подражают большому городу, но его изощренность и культурные тенденции в глазах жителей маленьких американских поселков представляются либо упадком, либо грехом» (83).

Все вышесказанное в полной мере применимо к Югу — разве что придется заменить «фермер» на «плантатор». Южане стали оплотом консерватизма не оттого, что были рабовладельцами, а потому, что были яркими представителями крестьянской цивилизации. Для крестьянина, в какой бы стране он ни обитал, город всегда представляется достаточно подозрительным и определенно враждебным местом. Из города исходят, кроме требования о повышении налогов, всевозможные отвратительные придумки, противные самой крестьянской сути: биржевая свистопляска, финансовые кризисы. Город — обиталище проныр, су-

етливых мошенников, которые только и думают, как бы поживиться за счет деревни, втридорога всучить ей собственные товары, обмануть, объегорить с помощью всевозможных городских штучек вроде инфляции, дутых акций и всяких дурацких идей. А хлебушко-то лопают крестьянский!

Примерно так, в концентрированном изложении и без тени карикатурности и выглядит крестьянская психология, носителем которой в США были и северные фермеры, и южные плантаторы... Разница между ними исключительно в том, что рабский труд в сельском хозяйстве был на Юге экономически выгоден, а на Севере — нет...

Еще один американский автор: «Уединенно-возвышенное положение богатого сельского джентльмена порождает у него весьма величественные представления. Он становится непогрешимым, как сам папа римский; постепенно приобретает привычку произносить длинные речи, редко терпит возражения и всегда очень чувствителен в вопросах чести».

Кстати, именно это «чувствительное понятие о чести», думается мне, как раз и было причиной того, что в качестве примеров гражданского мужества Дж. Кеннеди пришлось назвать только южан. Городская цивилизация, увы, воспитывает у людей несколько иные качества, нежели крестьянская...

Английский путешественник о южанах: «Они высокомерны и дорожат своими свободами, не выносят ограничений и вряд ли могут примириться с мыслью о контроле со стороны какой-нибудь вышестоящей силы».

Если кому-то эти качества покажутся сугубо отрицательными, признаком некоей отсталости, напомню: именно *эти* черты характера южан как раз и вызвали американскую революцию и Войну за независимость — южане все

это устроили, южане всем этим руководили, южане побсдили англичан, южане писали Декларацию независимости и Конституцию. Вклад Севера несравнимо меньше — и это тоже исторический факт...

Не в рабовладельческие времена, а в 1930 г. в США вышла интереснейшая, но, увы, до сих пор не переведенная у нас книга «Я займу свое место». Вот что писал о ней М. Коэн: «Она защищает дух старого Юга — сельскохозяйственного, рыцарского, антииндустриального, методистского, открыто провинциального и немножко донкихотствующего в своих попытках повернуть вспять движение индустриализма, захватывающее весь мир».

Южане, таким образом, выступали против индустриального общества, поскольку считали, что оно губит и культуру, и религию — что, признаться, звучит достаточно злободневно и в наше время, потому что именно это мы и наблюдаем...

Американский историк Аптекер видел причины американской революции «в особом опыте колонистов, который сплачивал их между собой и все более отдалял от родины; в самостоятельности экономики колоний, которая развивалась, несмотря на препятствия и ограничения; в общем чувстве недовольства, угнетенности и оторванности. Все это, вместе взятое, делало колонистов новой нацией» (8).

Но в том-то и соль, что то же самое мы наблюдаем и на Юге перед Гражданской войной! Точно теми же словами можно описать и ситуацию 1861 г., только применительно уже не ко всем колониям, а к Югу...

В общем, наличие на Юге рабства и его отсутствие на Севере, как бы странно это кому-то ни казалось, — *третьестепенная* причина вражды, закончившейся четырехлет-

ней войной. Все было гораздо сложнее. Называя вещи своими именами — Север драл с Юга три шкуры. Не только переработка хлопка, но и весь его вывоз с Юга находились исключительно в руках северян. Решительно всё, начиная с бытовых мелочей, ввозилось с Севера и продавалось втридорога. О чем писал один из южан еще до Гражданской...

«Начиная от погремушки, которой няня услаждает ухо ребенка, рожденного на Юге, до савана, покрывающего хладное тело покойника — все приходит к нам с Севера. Мы встаем с простыней, сотканных на северных станках, и подушек, набитых северными перьями, чтобы помыться в тазах, сделанных на Севере, вытереть свои бороды северными полотенцами и одеться в платье, сделанное на ткацких станках Севера; мы едим с северных тарелок и блюд, наши комнаты подметаются северными метлами, наши сады окапываются северными лопатами, а наши хлеба замешиваются на поддонах или блюдах из северного дерева или жести; и даже сами дрова, которыми питается огонь в наших каминах, рубятся северными топорами, насаженными на топорища из гикори, привезенного из Коннектикута или Нью-Йорка» (99).

Такое положение, напоминаю, сложилось из-за того, что в свое время лондонские акционеры прямо требовали от Юга сосредоточиться исключительно на выращивании самых выгодных сельскохозяйственных культур — именно они и превратили Юг в сырьевой придаток страны. Южные плантаторы владели рабами — но над ними самими *царил* Север, откровенно превративший штаты южнее линии Мейсона—Диксона в дойную коровушку (подробнее о механизмах неприкрытого северного *грабежа* южных штатов будет рассказано в третьей главе, посвященной *подлинным* причинам размежевания и войны, не имевшим ничего общего с общеупотребительными штампами о «благородной борьбе против рабства»).

Итак, деревня и город... Ничего удивительного в том, что многие на Юге относились к Северу если не враждебно, то по меньшей мере с раздражением и явной неприязнью. Север *паразитировал* на Юге. С Севера приходили серьезные финансовые кризисы, порожденные чисто городскими проблемами.

И наконец, что очень важно, между Севером и Югом существовало еще одно серьезнейшее различие. Как ни странно, в некотором смысле на Юге было гораздо больше свободы, вольности, терпимости, нежели на Севере.

Доказать это нетрудно...

6. Люди в черном

Если называть вещи своими именами, пуританская Новая Англия стала форменным рассадником нетерпимости, гонений на любое инакомыслие и жестокости.

Причины, разумеется, кроются в пуританской идеологии с ее фанатизмом и делением людей на «чистых» и «нечистых». Именно эта идеология и окунула Англию в такой разгул религиозных страстей, что волосы порой дыбом встают...

После того как Генрих VIII вывел английскую церковь из подчинения Ватикану, образовавшаяся англиканская церковь жила относительно мирно, хотя и разделилась на два течения: Высокую церковь и Низкую, первая была более близка к католической обрядности, вторая более тяготела к пуританскому аскетизму. Но между собой они, в общем, уживались без особых конфликтов.

Потом завелись пуритане, первое время преследовавшиеся властями — но не «за веру», как они любили похныкать, а исключительно за экстремизм, с которым пуритане пытались доказать, что только они обладают правом на истину, а весь остальной мир идет не в ногу...

Со временем пуритане превратились из гонимых экстремистов в «правящую партию» — поскольку активнейшим образом участвовали в гражданской войне на стороне противников монархии. И, получив реальную власть, развернулись вволю. Англиканская церковь еще при короле создала церковно-бюрократическую систему *принуждения*. Лица, уклонявшиеся от посещения богослужений, подлежали трехмесячному заключению — а за вторичное «преступление» изгонялись из Англии, причем в случае возвращения на родину приговаривались к смертной казни. Были созданы «суды архидьяконов», нечто вроде церковной полиции, с помощью секретной агентуры и доносов надзиравшие за прихожанами. В графстве Берфордшир один сапожник угодил под этот трибунал за то, что «валяется по воскресеньям в постели во время обедни, точно собака в конуре». Мало того — под суд можно было попасть и за «насмешливое» распевание молитв... Упорных ослушников торжественно отлучали от церкви — а потом судили тех, кто вступал с отлученными в торговые сделки. Некую вдову отлучили от церкви за то, что она, вот грех, осмелилась пойти на похороны своего отлученного мужа (253).

Победившие пуритане голубиной кротостью не отличались — и радостно принялись *прессовать* прежнюю англиканскую церковь. Начисто они ее все же не уничтожили, но террор развернули нешуточный. Об этом мало кто помнит, но есть собственноручные записки и русского наблюдателя, оказавшегося в 1646 г. свидетелем пуританских

жестоких забав. Это — москвич Федор Архипов, сопровождавший в качестве переводчика царского дипломатического курьера и изложивший на бумаге свои впечатления под названием «Роспись городу Лундану и всей Английской земли» (240).

«А на дворе — полати высокие, а на полатях — копья, а на копьях многия человеческие головы, кои казнят за веру и за измену, кои с королем вместе. А вера у них недобра, посту ни коли не бывает, и поститися никогда не знают. А при короле, сказывают, что вера была лутче, король веровал папежскую веру, и оне королевскую веру выводят. А при нас деялось у них, на Светлой недели в четверток, у ково были папежские веры иконы, и оне собрали те иконы из всего государства и свозили на одно место, на улицу Чипсайд, блиско нашево двора. А при короле был на том месте крест большей, и после короля сломили. И свозили на то место много икон и крестов золотых и сребрянных, и служилых людей приставили всех, и как парламент ис черни* поехали домов, и велели те иконы исколоть и зжечь служилым людям. И служывые тотчас приступили и стали иконам паругатися, как искололи все, и склали на огонь, и сожгли. И заповедали во всем государстве, чтоб в тое веру нихто не веровал, а хто станет веровать и найдут иконы, и тому казнь жестокая».

«Вера недобра» — это как раз пуританство. А вот насчет «папежской» веры московский толмач, плохо знавший английские реалии, немного поднапутал. Папежская, т.е. католическая вера, была давно уже загнана в подполье, унич-

* Словом «чернь», как явствует из остального текста, Архипов здесь называет церковь (искаженное английское «*church*». — (*Здесь и далее примеч. автора.*).

тожавшиеся на глазах Архипова кресты и иконы принадлежали Высокой англиканской церкви...

Практически в то же время правившие бал пуритане буквально в щепки разнесли (в переносном смысле, правда) английский театр и светскую музыку — как «порождение нечистого». Досталось и живописи. Музыкальная культура, по выражению ученого М. Вебера, впала в «абсолютное ничтожество» — а заодно и драматургия, и поэзия, и даже народные песни, коими, по авторитетному мнению «людей в черном», простонародье «тешило беса»...

Дошло до того, что пуритане не допускали к крещению новорожденных детей «заведомо отвергнутых Богом людей», пьяниц и бедняков: если человек беден — значит, Бог его не любит, а отсюда плавненько вытекает, что и отпрыски «отверженного» крещения недостойны...

Довольно быстро начался процесс, которого в подобных ситуациях не избежать: теперь уже пуритане стали *рассыпаться* на множество сект, отвергавших прежнюю «генеральную линию». Баптисты, методисты, индепенденты, квакеры, пресвитериане, эрастианцы, конгрегационалисты, «искатели», антиномиане, коммонеры, ковенантеры... Всех перечислить невозможно, потому что образовавшиеся секты, направления и течения, в свою очередь, дробились на еще более мелкие группы, тут же вступавшие со всеми прочими в драку не на жизнь, а на смерть. Даже квакеры, чье название впоследствии стало прямотаки синонимом пацифизма и непротивления злу, в первые годы своей деятельности поддались общему поветрию: скандалили и буянили, врываясь в молитвенные дома «конкурентов». Потом они эту «детскую болезнь» преодолели, но квакеры — *единственный* пример. Все остальные «идейные направления» вели себя гораздо более буйно.

Вот, что писал о пуританах Джон Уэсли, основатель секты методистов: «Какой-то здоровенный парень несколько раз замахивался тяжелой дубиной... Два года назад кирпич, брошенный в меня... Год спустя камень угодил в переносицу... нас выгнали... некоторые пытались сбить меня с ног...»

Сплошь и рядом пуритане вывешивали объявления: мол, всякий, кто желает участвовать в погроме домов методистов, должен явиться тогда-то и туда-то...

Нетрудно догадаться, что эта пуританская публика, обосновавшись в Новой Англии, и там развернулась на всю катушку. Вновь слово профессору Коэну: «Нередко утверждалось, что пуритане переселились в Америку якобы с целью сохранения свободы вероисповедания. Но это утверждение, несмотря на то, что оно часто повторяется, не соответствует истине. В Англии пуритан не преследовали за религиозные взгляды; наоборот, они сами пытались изменить форму правления, принятую в англиканской церкви. Когда они переселились в Америку, у них не было намерения мириться с какой-либо иной религией, отличной от их собственной; на деле они даже преследовали квакеров и других сектантов, пытавшихся обосноваться на их территории» (83).

Для начала пуритане в Новой Англии сделали свою церковь *государственной*. Право голоса имели только принадлежавшие к официальной церкви. Посещать ее богослужения следовало без «прогулов» — под страхом денежного штрафа или даже тюремного заключения. Всякий поселенец обязан был платить налог на содержание церкви, а городские власти получили право по своему усмотрению преследовать «ересь» — что именно понимать под ересью, они должны были решать сами. (В Массачусетсе только в 1833 г. церковь была офици-

ально отделена от государства и отменены все перечисленные ограничения.)

Да и чисто светские стороны жизни ощутили на себе давление пуританских фанатиков. За мелкую кражу били кнутом и отдавали в рабство. За супружескую измену приговаривали к смерти. Так называемые «Синие законы» Коннектикута на ночь лучше не читать...

В Бостоне жестокие наказания полагались еще и за курение табака, «злословие», «ношение яркой и броской одежды», несоблюдение воскресного отдыха, когда ничего не полагалось делать. Те, кого в виде наказания всего-навсего окунали в Лягушачий пруд в центре города, могли считать, что легко отделались, — спустя полгода после основания Бостона, в марте 1631 г. некоему Филиппу Ратклифу публично отрезали уши за «отсутствие набожности» (в чем именно это выражалось, хронисты не уточняли...)

1641 год. В Бостоне двое любовников повешены за «прелюбодеяние». Насколько это повлияло на общественную нравственность, опять-таки неизвестно.

1644 год. Из штата Массачусетс изгнаны все баптисты.

1648 год. В Бостоне повешена за «колдовство» некая Маргарет Джонс.

1650 год. Некий Соломон Франко изгнан из Массачусетса — за свое еврейское происхождение.

1651 год. Городские власти Бостона запретили нарядную одежду и танцы.

1662 год. В Бостоне назначены первые официальные цензоры для просмотра всей печатной продукции.

1686 год. Первая попытка осуществить в Бостоне театральную постановку — тут же запрещенную властями.

1690 год. Попытка издавать первую в Америке газету — тут же запрещенную властями.

1700 год. Из Массачусетса высланы все католические священники.

Ничего удивительного, что великий американский поэт и писатель Эдгар По писал впоследствии: «Я искренне стыжусь того, что родился в Бостоне...»

Пуритане Новой Англии в одном были чертовски последовательны: они *давили* всех подряд, независимо от национальности и вероисповедания. Резали уши и тащили на виселицу своих соотечественников. Прессовали евреев (которые в штате Массачусетс получили все гражданские права только в 1821 г.). И в семнадцатом, и в восемнадцатом столетиях запрещали селиться в Новой Англии шотландцам и ирландцам — за исключением нескольких *резерваций* вокруг трех городов Нью-Гэмпшира (но не в самих городах, боже упаси!).

Причина на сей раз не в нелюбви к конкретным национальностям, а в религиозной ненависти. Шотландцы и ирландцы были католиками, а католиков пуритане преследовали особенно люто.

Современный американский историк отметил, что у пуритан «быстро развилось необычное сочетание безграничной тяги к блестящим религиозным диспутам и жесткого неприятия других верований» (3).

Насчет «религиозных диспутов» сказано довольно оптимистично: желающим вступать в дискуссии или задавать неудобные вопросы следовало держаться осторожнее: есть масса примеров, когда простодушных, выступивших с «неправильными» замечаниями, преследовали самым жестоким образом. Ну, а уж если кто-то посягал на монополию «официоза»...

В 1634 г. в Массачусетсе некая Энн Хатчинсон организовала нечто вроде кружка по изучению Библии. Никакой такой ереси в ее высказываниях не наблюдалось — но вся

беда в том, что колонисты очень быстро принялись утверждать принародно: миссис Хатчинсон проповедует лучше, чем «одетые в черное выпускники университетов». К тому же Энн была категорически против деления верующих на «достойных» быть допущенными к церкви и «недостойных».

Вот тут «люди в черном» за нее и взялись всерьез: больную и беременную несколько раз таскали на церковный суд, пытались объявить сумасшедшей, еретичкой, чуть ли не ведьмой и в конце концов выслали из колонии. Мало похоже на «блестящие религиозные диспуты»...

Ну, а «жесткое неприятие» других верований принимало самые неприглядные формы. Когда в середине семнадцатого столетия католические миссионеры стали вести весьма успешную деятельность среди канадских индейцев, пуритане быстренько их похватали и отправили в кандалах в Англию. Из чистой зависти в том числе — ведь усилия пуритан обратить хотя бы одного-единственного индейца в свою веру не увенчались успехом...

Ну, а когда в начале восемнадцатого столетия на территории нынешнего Мэна объявился католический проповедник Себастьян Расл, массачусетцы моментально отправили в леса вооруженный отряд с поручением убрать опасного конкурента. Вскоре Расла отыскали и убили (по одной из версий, пуритане вдобавок содрали с него скальп и торжественно привезли в Бостон) (133).

В мае 1844 г. в Филадельфии случился самый натуральный католический погром, направленный против ирландцев (и далеко не единственный). Громили целые кварталы, где жили католики, напали на церковь. Полиция ничего сделать не смогла ввиду явного неравенства сил: немногочисленных подчиненных местного шерифа толпа в несколько сот погромщиков-пуритан попросту разогнала (она была вооружена не только дубинами, но и немалым количеством ружей) (58).

Судебный процесс над салемскими ведьмами

На совести фанатиков-пуритан и салемская «охота на ведьм» в Массачусетсе (1692 г.). Вообще-то верующий человек не должен сомневаться в существовании колдовства, и далеко не все случаи казни ведьм следует отбрасывать как «дутые дела», но «салемский процесс» очень уж явно смотрится надуманным и не имевшим пол собой реальной почвы.

Напоминаю: в результате салемской истерии было казнено девятнадцать женщин — исключительно на основании «показаний» двух малолетних неуравновешенных девочек (среди казненных была и прабабушка известнейшего американского фантаста Рэя Брэдбери).

Что характерно, салемский кошмар вовсе не был следствием разгула «тупой, необразованной» толпы. Наоборот.

ведущую роль как раз играли самые что ни на есть образованные господа. Вердикт, что детишки стали «жертвами колдовства», вынес дипломированный врач. Судом, приговаривавшим несчастных женщин к виселице и к костру, заправляли тоже не безграмотные батраки, а интеллектуальные и образованные господа Новой Англии: ученые мужи из Гарвардского университета (именовавшегося первое время Кембриджским колледжем) — в то время в первую очередь *богословского* учебного заведения (разумеется, обучали там в строжайшем соответствии с пуританскими доктринами).

Одним словом, пуританская Новая Англия долго была весьма жутковатым местом, где обронить неосторожное словечко порой было смертельно опасно, яркая лента в волосах решившей принарядиться деревенской девчонки считалась смертным грехом, и диктатура «людей в черном» мало чем уступала тем европейским режимам, которые принято называть «тоталитарными».

Существовал в глуши только один-единственный оазис не мнимой, а *настоящей* свободы — поселок Провиденс, будущая столица будущего штата Род-Айленд. Основанный тем самым пастором Роджером Уильямсом, что был изгнан пуританами за призыв *покупать*, а не отбирать у индейцев землю, да вдобавок требовал отказаться от церковного диктата над умами. Пуритане дали промашку, не озаботившись вовремя строптивца прикончить — и Уильямс принимал у себя всех, кого преследовали «люди в черном». Те бесились, но поделать ничего не могли: Уильямс, отправившись в Англию, сумел выправить в парламенте соответствующим образом оформленный патент на освоенную им территорию и от властей Новой Англии уже не зависел нисколечко — а любые насильственные действия против Провиденса были бы противозаконными.

Довольно свободно жилось и в штате Пенсильвания — поскольку его основали и контролировали квакеры, противники «официозной» церкви и какого бы то ни было принуждения в вопросах веры (да и законы квакеры принимали гораздо более мягкие, нежели в остальной Новой Англии).

Но, если не считать этих двух безусловных оазисов веротерпимости и свободы, Новая Англия все же была не самым приятным местом для обитания — да что там, самым неприятным местом на Североамериканском континенте.

А что же Юг?

А вот на Юге с самого начала веротерпимость и свобода вероисповедания были закреплены законодательно. Еще в 1649 г. Генеральная ассамблея Мэриленда приняла «Акт о религии», позволявший христианам *любого* направления невозбранно исповедовать свою веру — без какой бы то ни было господствующей церкви.

Поначалу южные религиозные свободы, как видим, касались одних только христиан. Но всего через двадцать лет, в 1669-м, Южная Каролина приняла «Хартию о свободе совести», где свобода вероисповедания гарантировалась уже всем — «язычникам, евреям и сектантам». А потому именно в Чарльстоне, столице Южной Каролины, быстро образовалась самая крупная еврейская община на территории США.

(А впрочем, исторической точности ради следует упомянуть, что евреи-южане религией особенно не заморачивались. Еврейская община Чарльстона способна была привести в ужас европейских ортодоксов: из семисот ее членов только четыре семьи соблюдали кошер, особые правила питания, только две семьи соблюдали по канонам иудаизма субботу. А местный раввин был женат на католичке, что у его паствы не вызывало ни малейшего возмущения (149).)

С победой американской революции на Юге, в Виргинии, был принят составленный главным образом Джефферсоном «Акт об установлении религиозной свободы». Полностью читатель может ознакомиться с ним в Приложении. Скажу лишь, что этот документ «на правах закона» вводил полнейшую свободу вероисповедания.

Пуританам Новой Англии этакие новшества пришлись безусловно не по нутру, но поделать они ничего не могли: во-первых, Юг им никак не подчинялся, а во-вторых, после революции соотношение сил изменилось самым решительным образом. С достижением независимости автоматически потерял силу и королевский запрет колонистам осваивать территории к западу от установленной в Лондоне границы колоний. Американцы хлынули на западные земли, создавая там новые *территории*, а потом и штаты.

(Напоминаю: территория — это область, уже имеющая четко установленные границы, но недотягивающая по количеству населения до полноправного штата, а потому и не имеющая права посылать своих представителей в Конгресс, и управляющаяся непосредственно чиновниками-федералами. Как только население территории достигало 60 000 человек, она преобразовывалась в штат).

В новых территориях и штатах пуритане, оказавшиеся на положении одной из множества *групп,* уже не имели никакой власти, и, как бы им не хотелось, вводить свои порядки, свою, скажем прямо, диктатуру уже не могли: при попытке «людей в черном» захватить власть им, вульгарно выражаясь, могли и руки пооторвать... Первоначально США состояли из 13 штатов, а к началу Гражданской — уже из 34. И новые штаты с самого начала оказались избавлены от пуританского диктата.

Правда, традиции северной лютой нетерпимости к любому инакомыслию оказались, как и следовало ожидать, чертовски живучими: ведь «люди в черном» никуда не делись, жили на том же месте и оружия складывать не собирались, используя малейшую возможность, чтобы учинить очередное непотребство...

Даже на фоне всех гнусностей, что совершили пуританские рьяные борцы с инакомыслием, выделяется многолетняя травля мормонов, или прихожан Церкви Святых Последнего Дня. США с полсотни лет были уже самостоятельными, давным-давно отошли в прошлое времена пуританского диктата и всевластия, а вот поди ж ты...

Можно разделять убеждения мормонов, можно их не разделять. Однако следует признать очевиднейший факт: мормонов долгие десятилетия преследовали исключительно за их *убеждения*...

Церковь Святых Последнего Дня, созданная в 1830 г. в штате Нью-Йорк Джозефом Смитом, в отличие от множества других сект, никогда не стремилась к тому, чтобы корежить и перелицовывать на свой лад Библию и уже существующие христианские доктрины. Смит *дополнял* христианскую веру Книгой Мормона. По его уверениям, ему однажды явился ангел по имени Морония и указал место, где скрыты древние золотые пластины, на которых когда-то, в незапамятные времена, была записана Книга Мормона. Смит нашел записи и с помощью Моронии перевел их на английский — повествование о борьбе меж добрым и злым племенами, попавшими в Новый Свет из Европы еще до Рождества Христова.

Повторяю, верить или не верить Смиту — дело сугубо добровольное (к слову, тогда же, в 1830-м, несколько добропорядочных и богатых горожан засвидетельствовали, что

Джозеф Смит

видели эти таблицы — а люди поголовно были серьезные, не склонные к авантюрам и участию в сомнительных делах).

Новое учение, что принципиально важно, распространялось без всякого принуждения — принуждение в тогдашней Америке было бы немыслимо со стороны подобного Смиту энтузиаста-одиночки. Результаты, надо признать, впечатляют: в 1830 г. церковь Смита насчитывала шесть человек, в 1844 г. — пятнадцать тысяч. Именно количество новообращенных, вероятно, и вызвало завистливую злобу пуританских проповедников, лишившихся тысяч прихожан. Начались преследования, всевозможные притеснения, на какие только были горазды разъяренные «люди в черном».

В 1844 г. мормоны, не выдержав постоянного давления, переселились в штат Огайо, где прекрасно обустроили несколько деревень (мормонам и тогда, и позже было присуще невероятное трудолюбие).

В Огайо очень быстро начались те же притеснения. Мормоны хотели одного — спокойно работать и жить по своим установлениям, но этого-то как раз им и не давали... Пришлось переселиться в Миссури.

Там начались прежние преследования. Мормоны переселились в Иллинойс. Тамошние законники по какому-то насквозь фальшивому обвинению упрятали Джозефа Смита и его брата в тюрьму — а потом туда ворвалась толпа и при полном равнодушии представителей правопорядка убила обоих Смитов...

Бригем Янг, заменивший Смита на посту главы Церкви, понял, что в «свободных США» мормонам жить спокойно не дадут. И принял единственно возможное решение: коли уж гонения на Церковь не прекращаются, всем ее прихожанам следует переселиться подальше, туда, где вообще нет ни американской юрисдикции, ни недоброжелателей.

Изучив отчеты того самого путешественника Фримонта, Янг выбрал место, поистине располагавшееся у черта на рогах: на территории современного штата Юта, у Большого Соленого Озера. Земля была совершенно необитаемая, дикая и казалась вовсе неподходящей для жизни: Большое Соленое Озеро своему названию полностью отвечало, вода в нем была такой соленой, что годилась для приправы блюд вместо обычной поваренной соли. Рядом с озером находился самый большой на планете Земля солончак — расположенный прямо на поверхности пласт чистейшей соли шириной в несколько миль и длиной в сто. Места казались такими пропащими и непригодными для человека, что на сотни миль в округе никто никогда не селился. Хотя этот район юридически считался мексиканской территорией, мексиканцы там не показывались отродясь, да и индейцы обходили стороной.

Янг, как признают современные американские историки, спланировал и организовал переселение «с точностью и талантом великого генерала военного времени» (3). Более семидесяти тысяч человек тремя группами, одна за другой, пустились в долгий путь в 1400 миль (около 2253 км). Лошадей и фургонов катастрофически не хватало, и значительная часть мормонов проделала этот путь по горам и безводным пустыням, катя перед собой тачки с пожитками. Мормоны тащились и в жару, и в морозы — а ведь приходилось еще и драться с нападавшими индейцами. Точное число

погибших во время этого путешествия неизвестно — но по обочинам остались *тысячи* могил. Те, кто выжил, с Янгом во главе все же добрались до цели и основали там Город Большого Соленого Озера — Солт-Лейк-Сити. Мечта исполнилась: мормоны теперь были совершенно одни, вдали от врагов, на «ничьей», собственно говоря, земле.

Дальнейшее напоминает волшебную сказку. Мормоны трудились не покладая рук и очень быстро превратили Солт-Лейк-Сити в самую настоящую *столицу* — большой красивый город с многочисленными площадями, хорошо спроектированными домами и широкими бульварами. *Каждое* деревце пришлось сажать собственными руками, но мормоны обладали потрясающим трудолюбием, а потому в бывших бесплодных местах вскоре зазеленели парки и фруктовые сады. Менее чем за двадцать лет последователи Джозефа Смита проложили 227 ирригационных каналов, что сделало пригодными для земледелия и садоводства 154 000 квадратных миль бывшей унылой пустыни (примерно 248 000 кв. км.).

Даже великий американский писатель Марк Твен, долго и старательно выпучивавший мормонов (порой совершенно в традициях несуществующей еще советской антирелигиозной пропаганды), все же отдавал должное их несомненным заслугам. Признав сквозь зубы, что в Книге Мормона нет «ничего зловредного», писал объективно: «Не следует упускать из виду, что в течение сорока лет этих несчастных травили — травили без устали, без жалости! Толпа улюлюкала им вслед, избивала их и стреляла по ним; их подвергали проклятиям, презрению и изгнанию; они бежали в глушь, в пустыню, уже изможденные болезнями и голодом, стенаниями нарушая вековую тишину и усеивая долгий свой путь могилами. И все это они претерпели за то лишь, что пожелали жить и верить так, как

велела им их совесть. Все это необходимо помнить, и тогда станет понятна та неумирающая ненависть, которую мормоны питают к нашему народу и правительству».

Обратите внимание на географию: притесняли и травили мормонов исключительно в *северных* штатах...

Мормонские невзгоды только начинались... В 1848 г. разгромом Мексики закончилась американо-мексиканская война, и территории, на которых поселились мормоны, были переданы под юрисдикцию Соединенных Штатов. Спустя год обеспокоенные такими новостями мормоны объявили свои земли «Штатом Дезирет» и создали «свободное и независимое» правительство. Как легко догадаться, с Янгом во главе.

Хотя количество населения было достаточным для оформления Юты как полноправного штата, Конгресс США, прекрасно осведомленный о той самой «неумирающей ненависти» мормонов к Вашингтону, в нарушение всех писаных законов утвердил Юту лишь в качестве «территории», то есть, как уже говорилось, фактически «второсортной» административной единицы, лишенной права посылать своих представителей в Конгресс и управлявшейся непосредственно из Вашингтона. Правда, учитывая сложившиеся реалии, Конгресс утвердил в должности губернатора территории как раз Бригема Янга — в Вашингтоне прекрасно понимали, что никому другому мормоны подчиняться не будут и, если они взбунтуются все как один, принудить их за отдаленностью будет крайне трудно...

Тут началась знаменитая калифорнийская «золотая лихорадка» — к которой мормоны, за редчайшими исключениями, остались совершенно равнодушны. Марк Твен: «В течение последующих лет переселенцы волна за волной тянулись через пустыни и земли мормонов в Калифорнию,

но, несмотря на это, церковь оставалась незыблема и верна своему повелителю и господину. Голод, жажда, нужда и горе, ненависть, презрение и преследования со стороны окружающих не пошатнули мормонов в их вере и преданности своему вождю. Они устояли даже против соблазна золота — а ведь у скольких народов загубило оно цвет молодежи, выкачало последние соки! Из всех возможных испытаний испытание золотом — самое суровое, и в народе, его выдержавшем, должно быть заложено нечто весьма основательное» (162).

Даже оказавшись под властью США, мормоны у себя дома предпочитали житье своим умом, делая упор не на писаные законы, сочиненные «парнями из Вашингтона», а общинную *справедливость*. В оправдание они заявляли довольно логично: Юта — *мормонская* земля. Мормоны без чьей-либо помощи, собственным трудом превратили дикие пустыни в цветущие сады, а потому считают себя вправе жить здесь по своим законам. Те, кому это не нравится, могут просто-напросто выбрать себе другое место для житья-бытья, поскольку пустующих земель на континенте предостаточно.

Вашингтон назначил в Юту чертову уйму федеральных чиновников, специально подобранных в Новой Англии и тех штатах, что печально прославились в свое время антимормонским террором. Юта отказалась их принять. Тогда через пустыню двинулся трехтысячный отряд регулярной армии. Воевать с ним мормоны не стали, и чиновники торжественно заняли свои места — но кончилось все конфузом. Марк Твен: «Однако, когда сии джентльмены были водворены, толку от них было не больше, чем от каменных идолов. Они издавали законы, на которые никто не обращал внимания и которые не могли быть претворены в жизнь... федеральные судьи заседали

лишь на потеху дерзкой толпе, что собиралась поглазеть на них в свободное время, ибо *судить было некого, делать было нечего, да и дел-то никаких не велось* (курсив мой. — *А. Б.*)».

Между прочим, во времена «золотой лихорадки» отыскалось только две группы людей, абсолютно не поддавшихся погоне за «желтым дьяволом»: мормоны и русские поселенцы из бывшей российской колонии Форт Росс...

Строптивых мормонов, ни за что не желавших проникаться «исконно американским духом» стяжательства и алчности, долгие десятилетия держали на положении граждан второго сорта. Юта стала полноправным штатом только в... 1896 г., когда оказались исчерпанными все юридические крючкотворства и оставлять ее в прежнем положении было бы вовсе уж вопиющим нарушением американской Конституции и американских законов.

Но еще долго, очень долго давала о себе знать та самая «неумирающая ненависть» мормонов к американскому образу жизни. Осталось прелюбопытнейшее свидетельство советских писателей, в 1955 г. во время поездки по США встретившихся с губернатором мормонского штата Юта: «Разговаривали о налогах, о политике. Губернатор сказал, что он против сосредоточения крупных капиталов в одних руках, потому что деньги — это сила, которой можно злоупотреблять против народа» (223). Для США высказывания, мягко выражаясь, нестандартные. Надо полагать, за эти и подобные убеждения мормонов и прессовал столько лет официальный Вашингтон, где в ходу были совсем другие убеждения...

На этом и заканчивается первая глава — она получилась чертовски длинной, но я уверен, что это было необходимо: Гражданская война, повторяю, разразилась не вдруг,

Север и Юг шли к ней долгие десятилетия, и следовало дать читателю представление о длинной, запутанной, многогранной, неоднозначной американской истории, имеющей мало общего с набором штампов.

А теперь поговорим о рабстве, о его сторонниках и противниках накануне войны. И снова действительность не умещается в расхожие клише — все было гораздо сложнее, чем нам вещали и «Хижина дяди Тома», и школьные учебники.

Итак, южнее линии Мейсона—Диксона рабство сохранилось...

Глава вторая

ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ

Филантропы имеют обыкновение преувеличивать страдания тех, кому они сочувствуют.

Г. Л. Менкен,
американский юморист

1. Слышен звон кандальный...

Я вовсе не собираюсь ни оправдывать, ни защищать рабство — оно не заслуживает ни оправдания, ни защиты. Я всего-навсего по своей обычной привычке собираюсь посмотреть в сильное увеличительное стекло, чтобы разглядеть кое-какие детали, частности и многозначительные мелочи, которые обычно отсутствуют в устоявшихся штампах...

Прежде всего нужно уточнить, что неправильно было бы считать, будто на американском Юге рабовладельцами были все. К 1860 г. в пятнадцати рабовладельческих штатах проживало восемь миллионов белых и четыре миллиона рабов. Однако из восьми миллионов белых рабами владели лишь 384 000. Из них 77 000 имели по одному негру (как легко догадаться, это был не рабочий на планта-

ции, а попросту слуга). Двести с лишним тысяч рабовладельцев имели не более чем по десять негров каждый — что опять-таки недостаточно для устройства настоящей плантации. Если с таким количеством негров хозяин и занимался землей, то исключительно для собственного прокормления, а не для получения каких бы то ни было доходов.

Настоящих плантаторов на Юге насчитывалось примерно две тысячи триста человек — те, кто имел сто и более невольников.

Таким образом, подавляющее большинство белого населения Юга (если точно — свыше восьмидесяти процентов!) не получало абсолютно никакой выгоды от рабства. Что было подробно изложено в книге *южанина* Хелпера «Неминуемый кризис», вышедшей в 1856 г. Хельпер на огромном статистическом материале как раз и вывел только что приведенный процент тех, кто от рабства никакой выгоды не имел и, подобно многим южанам, считал, что сохранение рабства ведет Юг прямехонько к кризису.

Еще в 1851 г. ученый из Университета Южной Каролины В. Грег говорил, что почти половина белого населения этого штата (то есть почти сто сорок тысяч человек) «в большинстве своем не имела определенных занятий и ничего не производила и, как представляется, прозябала в условиях, которые недалеко ушли от условий жизни времен варварства». По Грегу, жизненный уровень многих белых «был лишь на одно деление выше уровня индейцев, живших в лесу» (93). Они перебивались случайной поденщиной, охотой, рыболовством, мелкой торговлей рабами и мелким воровством — частенько совместно с черными невольниками.

О чем это нам говорит? Во-первых, Юг вовсе не походил на мифические края, сплошь населенные «злыми

плантаторами». Во-вторых, что более существенно, именно те самые 80 процентов населения, не имевшие ровным счетом никакой выгоды от рабства, как раз и вынесли на своих плечах всю тяжесть четырехлетней войны с Севером, превосходившим численностью, гораздо лучше вооруженным, одетым, сытым. Коли уж именно так и произошло, то Гражданская война тем более не укладывается в примитивную картинку борьбы «рабовладельцев» с «противниками рабства». Белые бедняки-южане явно защищали не привилегии плантаторов, а кое-что *другое* — родину, независимость, образ жизни...

Думается мне, имеет смысл предоставить слово самим южанам, защищавшим перед войной свой образ жизни в дискуссиях с северянами, — опять-таки для того, чтобы понять всю сложность проблемы.

Сенатор Хаммонд из Южной Каролины: «Разница между нами заключается в том, что мы нанимаем рабов пожизненно и хорошо компенсируем их труд; они не голодают, не попрошайничают, не знают безработицы... Вы же (северяне. — *А. Б.*) нанимаете поденщиков, о которых не заботитесь и труд которых плохо оплачиваете, что можно наблюдать в любой час, на любой улице ваших больших городов».

Генерал-южанин Стрингфеллоу: «На Юге нет борьбы между трудом и капиталом. Там, где существует рабство, капиталист и труд выступают совместно, поскольку труд — это капитал. Там капиталист, вместо того чтобы заставлять рабочего трудиться до изнеможения, стремится сделать его сильным, поскольку этот рабочий — его деньги. Интересы рабочего и капиталиста, раба и его хозяина идентичны: они не могут прийти в столкновение. Процветание хозяина равнозначно счастью раба, поскольку, если хозяин процветает, условия жизни раба улучша-

ются; а хозяин процветает, если его раб здоров, энергичен и счастлив».

Доктор Арнольд: «Владелец хлопкоочистительной фабрики может с легкостью заменить умершего рабочего, и при этом он ничего не теряет. Плантатор же в случае смерти одного из своих работников теряет такой значительный капитал, что ради спасения своего капитала он спасает своих негров».

Во всем, что говорили сенатор, генерал и доктор, есть немало передергиванья, но имеется и *доля* правды. Как ни крути, а раб представлял собой находящееся в пожизненном владении имущество, которые было невыгодно «портить». Зато тогдашнего свободного наемного рабочего, стоило ему прихворнуть или состариться, вышвыривали за ворота без малейшей жалости: тогда для рабочих не существовало ни оплачиваемых бюллетеней, ни отпусков, ни пенсий, а о профсоюзах и слыхом не слыхивали.

Свидетельствует получивший образование чернокожий бывший раб, знаменитый Букер Т. Вашингтон: на плантации в Виргинии, где он родился, хозяин и его сыновья работали бок о бок со своими шестью рабами с одинаковым усердием: «Таким образом, все мы выросли вместе, словно члены одной большой семьи... в некоторых больших поместьях, в штатах Алабама и Миссисипи, расположенных далеко от шумных больших городов и часто посреди первозданных просторов, хозяин и рабы сплошь и рядом жили вместе в условиях, которые были поистине патриархальными».

Обучение негров грамоте считалось незаконным, но многие хозяева своих невольников все-таки учили. В 1825 г. рабовладелец Макдонаф на своей плантации близ Нового Орлеана ввел для негров систему самоуправления, в том

числе и суд присяжных, которых негры сами назначали. Будущий президент отделившегося Юга Джефферсон Дэвис ввел эту систему на двух своих плантациях в штате Миссисипи.

В 1835 г., когда через болота Луизианы прокладывали канал, для этой работы пришлось завозить несколько сотен ирландцев — рабовладельцы, несмотря на обещание щедрой платы, своих рабов «сдать в аренду» отказались, заявив, что они «все перемрут в этих чертовых болотах».

Некоторые хозяева отпускали своих рабов на заработки — ничуть не покушаясь на заработанные ими деньги.

И, наконец, число освобожденных негров на Юге медленно, но все же росло — к 1860 г. свободен был каждый шестнадцатый. Причем часть негров оказалась на воле не благодаря широкому жесту хозяина, а потому, что сумела *откупиться*. Каким образом? Оказывается, часть рабов с позволения хозяев не горбатились на плантации, а открывали собственные ремесленные мастерские или занимались торговлей. Даже благонамереннейший советский историк, писавший еще в 1931 г., меланхолично замечает, что часть таковых сумела «сколотить небольшой капиталец» (56). А чуть позже признает, что капиталы порой были и «большими». Другой советский историк, работавший четверть века спустя, после обязательных гневных тирад против «гнусных рабовладельцев», признавал, что свободные негры на Юге «занимались торговлей, имели значительные наделы земли, держали в услужении негров-рабов и даже были в состоянии предоставлять своим детям возможность получить образование в университетах Европы» (61). В связи с этим лично у меня возникают серьезные подозрения, что эти самые свободные негры своих чернокожих собратьев не в услужении име-

ли, а держали как рабов. Почему бы и нет? В России наблюдалось схожее явление: иные крепостные мужички, отпущенные хозяином торговать, так *поднимались*, что заводили собственных крепостных (оформленных, правда, на подставных лиц). Так что и свободный негр мог обзавестись своими рабами — южным законам это вовсе не противоречило. Любопытно было бы точно проверить, как оно обстояло на самом деле...

Как пишет черная писательница, жена Дюбуа, в книге об известном черном общественном деятеле, в 1850 г. в Новом Орлеане четыре пятых свободных негров были грамотными, а более тысячи негритянских детей учились в школе (43).

В общем, реальный Юг все же не походил на место, населенное исключительно злобными плантаторами и стенающими невольниками. Действительность, как ей и полагается, была гораздо сложнее...

Между прочим, в самих США давным-давно существуют разные взгляды на проблему, достаточно книг, написанных отнюдь не с точки зрения победивших северян, — работы Барджесса, Даннинга, Рооса, Коултер и многих других. Вот только этих у нас при Советской власти поторопились объявить «реакционерами», и их книги до сих пор не изданы...

Когда умер бывший президент Мэдисон, как мы помним, рабовладелец не из мелких, на похоронах его рабы рыдали в голос. Один из них, впоследствии написавший книгу «Воспоминания цветного человека» (грамотен был изрядно!), так и выражался: наш господин, мол, был одним из лучших людей, когда-либо живших на земле...

Между прочим, центральная интрига классического романа «Хижина дяди Тома» — откровенный *вымысел*.

Я имею в виду старательно изложенную писательницей историю про то, как хозяева очаровательной Элизы пытались продать работорговцу ее крохотного сынишку, «ребенка лет четырех-пяти».

Подобное прямо *запрещалось* законами Юга. Продать отдельно от матери можно было только детей *подросткового* возраста. В глуши, в глубинке, где закон — болота, а прокурор — аллигатор, на закон могли и наплевать, но в романе действие происходит отнюдь не в глуши, да и чета рабовладельцев изображена людьми гуманными и законопослушными, которые, безусловно, не стали бы нарушать законы. (К роману Бичер-Стоу мы обязательно вернемся, но попозже.)

Теперь — о д р у г о й стороне проблемы. В советские времена, в какой бы стране дело ни происходило и о каких бы временах речь ни шла, любой бунтовщик против властей обязательно провозглашался личностью чистой и светлой, чуть ли не святой, а его мятеж изображался в самых восторженных тонах. Это в полной мере касалось и пресловутого «восстания Ната Тернера», которое советские школьники с малолетства обучались считать священной борьбой угнетенных негров с клятыми рабовладельцами.

А что же *на самом деле* произошло в 1831 г. в штате Виргиния?

Упомянутый Нат Тернер был рабом некоего небогатого южанина Тревиса, каретных дел мастера, державшего, кроме того, небольшую ферму, где работало всего-то несколько невольников (бок о бок с которыми трудились старшие сыновья хозяина). Тернер был не простым рабочим, а доверенным *надсмотрщиком*. Следов какого бы то ни было скверного обращения с ним история не зафиксировала: наоборот, хозяйский сын старательно обучил его грамоте,

разрешил жениться, а потом всячески поощрял интерес Тернера к Библии и религиозному образованию. (Позже, на следствии, рабы Тревиса называли своего хозяина «по-христиански милосердным».)

Тернер без малейших препятствий со стороны хозяина частенько читал рабам проповеди — и имел на них немалое влияние. Его так и прозвали — Проповедник. По словам Тернера, у него регулярно случались «видения», во время коих ему, как водится, являлись апостолы, святые и архангелы, дающие правильные советы. На суеверных негров это действовало.

Однажды случилось солнечное затмение. Вскоре Тернер, собрав свою паству и потчуя ее, кроме проповеди, изрядной дозой бренди, заявил, что затмение является особым Господним знамением, которое гласит, что «последние станут первыми». А посему — к топору, ребята!

Семеро слушателей, разгоряченные известием о знамении и бренди (точнее, домашним яблочным самогоном), похватали топоры и вслед за Тернером кинулись в хозяйский дом. Зарубили хозяина с женой и сыном, а также шестнадцатилетнего белого подмастерья — наемного рабочего, не имевшего никакого отношения к рабовладельцам. Потом размозжили годовалому сынишке Тревиса голову об угол камина.

Отправились на соседнюю ферму, убили хозяина и его слугу. Наведались в дом белой вдовы с сыном — убили и их. До рассвета успели *обработать* еще две фермы.

Утром снова пустились в путь, перебив еще несколько фермеров с семьями, в том числе и детей (спастись удалось только одной маленькой девочке, которую успела увести в лес *черная* служанка).

Сопротивление они встретили один-единственный раз — некий капитан Бэрроу долго защищал свой дом,

чтобы его молодая жена со служанкой успели бежать. Капитана все же одолели количеством, убили, но Проповедник из уважения к «мужеству храброго врага» не велел уродовать труп (как поступали во всех предыдущих случаях). «Восставшие» просто-напросто все по очереди напились крови мертвеца...

А вот дальше случился сбой. Воинство Тернера вышло к местной винокурне и, мгновенно позабыв о священной борьбе с белыми угнетателями, принялось истреблять имевшиеся там запасы спиртного. Окрестное белое население, прослышав об этом, срочно собрало ополчение и кинулось штурмовать спиртной заводик. Большинство «мятежников» там же и перехватали, сам Тернер (видимо, пивший меньше) ухитрился сбежать и еще около месяца прятался по лесам, потом его поймали и повесили. Жертвами пьяного разгула стали около восьмидесяти белых мужчин, женщин и детей (в основном как раз женщин и детей) (149).

Согласитесь, что все это было мало похоже на классическую «борьбу за свободу»: и особенных угнетений негры не испытывали (как видим, у них была возможность сидеть по воскресеньям и пить бренди), и учиненные ими зверства как-то не вполне сочетаются с благородной картиной народного бунта против угнетателей... Однако советским пропагандистам эта история пришлась как нельзя более по сердцу, и мятеж Тернера без упоминания подробностей фигурировал во всякой приличной книжке о рабовладельческом Юге как пример беззаветной борьбы угнетенных чернокожих (по тем же образцам лепили борца за народное счастье из примитивного вора-разбойника Стеньки Разина, славного исключительно тем, что шайку он себе смог сколотить не из нескольких человек, а из нескольких тысяч...).

Однако, что самое печальное, все вышеприведенные факты и подробности никак нельзя использовать с целью какой бы то ни было *защиты* или оправдания рабства. На всякого доброго и гуманного рабовладельца обязательно отыщется скот, который своих негров как раз тиранил.

Диккенс в своей книге об Америке приводит массу объявлений, о беглых неграх, и эти объявления самим своим содержанием портят идиллическую картинку.

«Сбежал негр Мануэль. Неоднократно клеймен».

«Сбежал негритенок по имени Джеймс. На мальчишке в момент побега были кандалы».

«Посажен в тюрьму негр, назвавшийся Джоном. На правой ноге чугунное ядро весом в четыре-пять фунтов».

«Задержана полицией молодая негритянка Мира. Следы кнута на теле, на ногах кандалы».

«Сбежала негритянка с двумя детьми. За несколько дней до побега я прижег ей каленым железом левую щеку. Пытался выжечь букву М».

«Сбежала девочка негритянка по имени Мэри. Над глазом — большой шрам, недостает многих зубов, на щеке и на лбу выжжена буква А».

«Посажен в тюрьму негр. Называет себя Джошиа. На спине многочисленные следы кнута. На бедрах и ляжках в трех-четырех местах выжжено клеймо «Дж. М.». Край правого уха откушен или отрезан».

Сдается мне, что *эти* негры ни малейшей любви к своим хозяевам не питали...

Что до мятежей, то, помимо пьяных эксцессов вроде тернеровского, были и самые настоящие восстания. В 1822 г. в Чарльстоне (Южная Каролина) свободный негр Денмарк Вези на трезвую голову, методично и обдуманно готовил серьезное выступление невольников. По подсче-

там историков, было заготовлено 250 наконечников копий и 300 кинжалов, а в заговор оказались вовлечены несколько тысяч негров — никак не похоже на буйство кучки рабов, перепивших яблочного самогона.

Заговор Вези был случайно раскрыт, его организатора и еще 35 черных повесили, а стенограмму суда быстренько уничтожили — чтобы рабы из нее не почерпнули практических сведений... Точно также настоящим восстанием следует считать события 1811 г. в окрестностях Нового Орлеана, когда восстало более пятисот негров и на подавление, кроме местной милиции, пришлось двинуть и регулярные армейские части... (58).

А чего стоит описание аукциона в штате Кентукки в 1847 г., свидетелем которого стал будущий президент США Авраам Линкольн, оставивший подробные воспоминания...

На торги выставили девушку Элизу, настоящую красавицу, по виду практически неотличимую от белой: африканской крови в ней имелась лишь одна шестьдесят четвертая, и все же она была рабыней. К красотке покупатели проявили большой интерес, но качественный товар стоит дорого, и в конце концов остались только два претендента: Фэйрбанк, молодой священник методистской церкви, и какой-то француз.

Торги застопорились, новых надбавок не предлагали, и аукционист, «сорвав платье с плеч Элизы, обнажив ее шею и грудь», крикнул: «Кто же собирается отказаться от такого шанса?» Француз прибавил. Священник — тоже. Аукционист вновь кинулся к девушке, «подняв ее юбки и обнажив ее тело от пят до пояса», кричал, «похлопывая по бедру девушки»: «Кому же достанется этот приз?»

Француз в конце концов вышел из игры, и девушка досталась священнику. Нет, это совсем не то, о чем вы по-

думали. Финал у *этой* истории, смело можно сказать, счастливый: священник не красивой девушкой прельстился, а действовал по поручению двух местных жителей, противников рабства, которые ему выделили двадцать пять тысяч долларов — чтобы купить побольше рабов и тут же отпустить их на волю (156). Но масса других подобных историй заканчивалась не так благостно...

Рабство было безусловным злом. По моему глубокому убеждению, страшнее всего даже не каленое железо, кнуты надсмотрщиков и кандалы, а то, что рабство непоправимо калечило *души* — как черных, так и белых.

Давайте обратимся не к свидетельствам очевидцев, своими глазами видевших искалеченных негров, а к знакомой многим великолепной детской книжке Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», где есть весьма примечательный эпизод...

Гек Финн, выдавая себя за Тома Сойера, попадает на маленькую, захудалую ферму, принадлежащую дядюшке и тетушке Тома. Дядя Сайлас и тетя Салли — милейшие, добрейшие старички. Нет сомнений, что неграм у них живется, как у Христа за пазухой, смело можно сказать, что хозяева и невольники живут душа в душу. Те самые «добрые хозяева», о каких мы имеем массу свидетельств.

Но вот Гек, объясняя, почему он приехал позже, чем ожидалось, сочиняет на ходу, что на пароходе взорвалась головка цилиндра. И следует вроде бы безобидный, но по сути своей *жуткий* диалог.

Пораженная тетушка Салли восклицает:

«— Господи помилуй! Кого-нибудь ранило?

— Нет, никого. Только негра убило.

— Ну, это вам повезло; а то бывает, что и людей ранит. В позапрошлом году, на Рождество, твой дядя Сайлас ехал из Нового Орлеана на „Лалли Рук“, а пароход-то был старый, головка цилиндра взорвалась, и человека изуродовало. Кажется, он потом умер. Баптист один».

Такие дела. Милейшая, добрейшая, золотая старушка, которая в жизни ни одного своего негра пальцем не тронула и заботилась о невольниках чуть ли не как о родных детях, в то же время решительно не видит в негре *человека*. Слава богу, никого из *людей* при взрыве не поранило. Только негра убило. А то ведь бывает, что и людей поранит...

Так что *подлинной* основой рабовладения были не садисты-плантаторы с кнутом в зубах и ножом за голенищем, а такие вот милые добрые старушки. То есть — *состояние умов*, когда не то что старушка из глуши, а люди образованнейшие, интеллектуалы и гуманисты не видели в рабстве ничего плохого.

Нам, пережившим крепостное право, проблему понять проще. У нас творилось в точности то же самое, разве что рабы и господа были одного цвета. Александр Сергеевич Пушкин, обрюхатив свою крепостную девку, велел отослать ее с ребенком в дальнюю деревню и более в жизни не интересовался судьбой, простите за выражение, выблядка. Так что и поныне, не ведая о том, где-то обитают упущенные пушкиноведами потомки Пушкина, происходящие из крестьян. И ведь светило русской поэзии вовсе не был ни плох, ни черств душою. Просто-напросто так тогда *полагалось* — подумаешь, пошалил со своим имуществом. Вот если бы А. С. не уплатил карточного долга, нарушил слово чести или, не дай бог, украл у знакомых золотую табакерку — вот тогда общественное мнение осудило бы его со всей строгостью и закрыло бы перед ним двери приличных домов...

Одним словом, чтобы покончить с рабством, мало было вооруженной рукой принудить рабовладельцев от-

казаться от своей живой собственности. Нужно было еще перестроить мышление сотен и тысяч таких вот милейших тетушек и дядюшек, свято веривших, что живут они правильно...

К середине девятнадцатого века Юг оказался в страшном тупике. Очень многие, владевшие рабами, уже прекрасно понимали, что с моральной точки зрения рабство — зло, а с экономической — только губит страну. Но в то же время никто, собственно, не представлял, а что же делать. Из подобных ситуаций не бывает простого выхода — что блестяще подтверждает и наша собственная история крепостного права. Все понимали, что с ним нужно кончать (в том числе и императоры Александр I и Николай I) — но найти решение было адски трудно. Кавалерийским наскоком такую проблему, формировавшуюся сотни лет, ни за что не решить.

Впрочем, некоторые верили именно в наскок...

2. Глашатаи свободы

Первыми против рабства начали выступать квакеры, еще в 1787 г. создавшие общество противников рабства (210). Но они мало чего добились в те времена, когда множество высокородных английских джентльменов, а также и множество богобоязненных северян извлекали огромные барыши из торговли живым товаром.

Однако постепенно на Севере США стало формироваться движение сторонников отмены рабства — аболиционистов, которых я в дальнейшем ради экономии места буду называть кратко «аболы».

К пятидесятым годам XIX в. аболы были уже довольно многочисленны, организованны. Правда, как в таких слу-

чаях и бывает, они оказались расколоты на несколько направлений — от мирного до самого что ни на есть экстремистского.

«Умеренные» возлагали главные надежды на *убеждение* — дескать, путем систематических проповедей следует объяснить рабовладельцам, что грешно держать в рабстве себе подобных. Если повторять это достаточно долго, то до плантаторов, полагали эти идеалисты, когда-нибудь обязательно дойдет...

Другие возлагали все надежды опять-таки на «постепенное смягчение нравов путем просвещения» и на принятие новой, еще более демократической конституции, которая позволит провести законы об освобождении негров. Поскольку эти господа были приверженцами неприкосновенности частной собственности, к которой относили и негров, — они часто поминали знаменитое высказывание Джефферсона: «Рабовладение сходно с удерживанием волка за уши: это опасно, но еще страшнее его отпустить». «Законники», кроме того, всерьез опасались, что при *внезапном* освобождении негров вспыхнет расовая война и начнется массовый террор против белых (и, как показали последующие события, были не так уж и не правы). В общем, они тоже делали ставку исключительно на парламентские методы: нужно провести на выборах *своего* президента, получить большинство в Сенате и Конгрессе, а там уж не спеша и обстоятельно работать над законодательной отменой рабства (достаточно здравая точка зрения).

Имелось еще течение, которое проповедовало, что отделиться от США следует как раз *Северу*. Логика была нехитрая: если рядом с рабовладельческим Югом будет существовать совершенно независимая республика, где рабство запрещено, негры туда станут убегать массами, и в

конце концов Юг останется вовсе без невольников. Опять-таки нельзя сказать, что это было глупой идеей.

Вот только эти теории категорически не нравились северным промышленным и финансовым магнатам, втихомолку финансировавшим движение аболов. Упомянутые господа, будущие олигархи, как легко догадаться, преследовали свои, сугубо практические цели — хотели максимально ослабить экономически своих южных конкурентов, а проще и легче всего это было сделать, выступая против рабства, основы южной экономики. И мысль о добровольном разделении страны им была не по вкусу: им-то, для того чтобы приумножить капиталы, как раз и требовалась единая страна, а не огрызок, где деловым людям не развернуться. И денежные тузы оказались в пикантном положении: с одной стороны, нужно было и дальше подбрасывать деньжат аболам, с другой же, аболы, не посвященные в тонкости большого бизнеса, сплошь и рядом бросали с трибуны идеи, неприемлемые для спонсоров, — но спонсоры ничего не могли поделать, приходилось терпеть, стиснув зубы...

И наконец, существовало достаточно сильное экстремистское крыло аболов — в чем-то до ужаса похожее на невежественную и горластую российскую интеллигенцию, считающую, что она способна решить все без исключения сложнейшие мировые проблемы одной левой. Аболы-радикалы, не утруждая себя размышлениями и расчетами, с пеной у рта требовали освободить рабов немедленно. Всех! Без исключения! Сию же минуту! За четверть часа!

Благими намерениями, как известно, порой вымощена дорога в ад. Обрушить моментально столь старое и громадное сооружение, каким был институт рабства, неминуемо означало бы погрузить страну в кровавый хаос (как случилось и в России в семнадцатом году). Но этого-то аболы-радикалы и не хотели понимать. Чем до ужаса напоминали большевиков, о которых еще не было ни слуху, ни духу: немедленно разнести старый мир до основанья, а там видно будет...

К тому времени большинство образованных людей было прекрасно знакомо с книгой английского консерватора Эдмунда Берка (1729–1797), политика и публициста. Берк писал очень толковые вещи: «Наука управления, предназначенная для достижения практических целей, требует от человека опыта, для которого подчас мало человеческой жизни, и он должен с величайшей осторожностью приступать к работам по сносу общественного здания, которое в течение веков отвечало своему назначению, и с еще большей осторожностью — к возведению нового, особенно когда нет модели, доказавшей свою полезность». Эти слова Берка относились к Великой французской революции, но с тем же успехом их можно было применить и к американскому рабовладению (и к освобождению крестьян в России, и к нашей Февральской революции).

Однако так уж повелось в мировой истории: консерваторы высказывают чертовски здравые идеи, предостерегая от резкого и насильственного слома старых устоев (особенно когда нет детального плана постройки нового), — но интеллигенты-экстремисты, не признавая ни логики, ни здравого практического смысла, буйствуют с пеной у рта: сломать! Немедленно! Все и сразу! А там видно будет!

Самое интересное, что негры — и свободные, активные деятели движения аболов, и рабы — сплошь и рядом выступали *против* подобных призывов!

Американский писатель и мыслитель Томас Скидмор, живший в первой половине XIX в., был горячим сторон-

ником всеобщего равноправия, свободы и демократии для всех и, соответственно, горячим противником рабства. Однако в своей книге (141) написал удивительные строчки: «Тот, кто бывал на Юге, знает — многие рабы неохотно приняли бы свободу, если бы им ее дали».

Удивительны они только для тех, кто привык не выходить за пределы устоявшихся штампов. На деле негры-рабы действительно *боялись* воли. По той же причине, по которой русские крепостные мужички сплошь и рядом противились попыткам «доброго» барина их освободить.

Ларчик открывается просто: подавляющее большинство аболов собиралось освободить рабов пусть немедленно, пусть всех поголовно, но — *без земли*. Каковая оставалась священной и неприкосновенной частной собственностью белых.

А на кой черт негру свобода без земли?! Негр, знаете ли, не дурак и интеллектом нисколечко не уступает белому. Даже не обученный чтению, письму и прочим ученым материям, он обладает нещуточной житейской сметкой. И, как тот самый русский мужик, прекрасно понимает, что свобода без земли ему и даром нужна. Потому что свободному, но не имеющему земли негру придется вкалывать за гроши на хозяина — сплошь и рядом того же, прежнего. Разве что теперь негра нельзя будет продать, заклеймить или хлестать кнутом. *Такая* свобода, знаете ли, немногим лучше рабства...

Но этого-то как раз и не понимали аболы-радикалы (подобно своим российским коллегам). Хотя люди здравомыслящие тогда же указывали, что проблема гораздо шире: если уж трещать о демократии и свободе, то нужно распространить ее на всех — и на негров, и на белых наемных рабочих, которые нередко живут хуже негров. Хорас

Грили, журналист и политик, фигура в тогдашней Америке крайне заметная, так и писал в своей нью-йоркской газете: «Меня мало волнует существование рабства в Чарльстоне или Новом Орлеане потому только, что я вижу достаточно примеров рабства в Нью-Йорке, и это требует моего внимания в первую очередь». Другой бывший либерал печатно признавался: «Прежде я был горячим сторонником отмены рабства. Но теперь я убедился, что существуют белые рабы тоже, и мне ясно, что едва ли безземельные негры что-нибудь выиграют, если им предоставят ту же возможность менять хозяев, какая имеется у безземельных белых» (43).

Однако радикалов переубедить было невозможно — еще и оттого, что они были в основном пуританами, а значит, руководствовались теми же старыми пуританскими догмами. Белый рабочий беден? Значит, Бог его не любит, и какое это имеет отношение к проблеме? Главное, негров надо освободить немедленно! Всех! И без земли!

Сами свободные негры осторожничали гораздо больше. Знаменитый Фредерик Дуглас, бывший раб и общественный деятель, был большим дипломатом, держался крайне осторожно и с радикалами всех цветов кожи старался не связываться — он *вписался* в истеблишмент, потихоньку занимался бизнесом и к резким телодвижениям был не склонен.

Зато белые радикалы неистовствовали, призывая к вооруженной борьбе с рабовладельческим Югом — что на Юге вызывало вполне понятную тревогу и усиливало напряженность между обеими частями страны.

Вообще белые северяне, не имевшие отношения к аболам, тоже не могли считаться такими уж завзятыми противниками рабства. Скорее наоборот: только что народившиеся профсоюзы опасались, что в случае освобождения

негры станут конкурентами белым рабочим (как позже и случилось...)

Одним словом, проблема (как и движение аболов) была чертовски сложной, неоднозначной и многогранной. Нет ничего удивительного в том, что южане сплошь и рядом высказывались об аболах, не выбирая выражений. Но вот мнение не южанина: «В сознании многих поколений американцев негры были скорее абстрактным понятием, чем человеческими существами — они были предметом для спора, достойным осуждения или сочувствия, они должны были либо „знать свое место" и „не высовываться", либо нужно было помочь им „встать на ноги"; они были чем-то пугающим или вызывающим сострадание, объектом травли или покровительства, пугалом для общества или общественным бременем» (232).

Это писал *черный* — Ален Лерой Локк, одним из первых среди негров ставший профессором философии... Профессор был абсолютно прав: в том-то и соль, что аболы-пуритане, порой с достойной лучшего применения яростью выступавшие против рабства, в то же время... в упор не видели в негре *человека*. Освободить его они были готовы, но вот признать равным себе — увольте! Их гуманизм был каким-то абстрактным, чисто теоретическим, касался в первую очередь неких отвлеченных идей — а вот *реальный негр* был для них этаким опасным и крайне подозрительным недочеловеком, которому и руку-то подать противно...

Поэтому освобожденных негров предполагаюсь убрать куда-нибудь подальше, с глаз долой, желательно вообще за пределы США, чтобы не портили своим видом красивые абстрактные идеи. Еще в 1818 г. группа тогдашних аболов создала «Американское колонизационное общество» —

ЖЕНЩИНЫ-АБОЛИЦИОНИСТКИ

Соджернер Трузс

Гарриет Табмен

Люси Стоун

Лукреция Мотт

Сюзен Антони

Гарриет Бичер-Стоу

чтобы отправлять всех освобожденных негров «назад в Африку». Предполагалось отправлять каждый год «домой» 52 000 негров — что обходилось бы в миллион долларов ежегодно. Таких денег правительство выделить не могло, а частные филантропы ни за что бы не дали — и помаленьку означенное общество тихо скончалось естественной смертью.

В среде самих негров эта идея не вызвала ни малейшего воодушевления. Ну что значит «домой»? В Африке живут не абстрактные африканцы, а представители разных народов, каждый со своими языком, историей, культурой. Освобожденный раб, оказавшись в Африке, был бы там абсолютно чужим: он представления не имеет, к какому именно, народу относились его вывезенные в рабство предки, не знает ни словечка ни на одном из местных языков.

Среди негров идея исхода в Африку никакой поддержки не встретила — зато белые аболы были ею крайне воодушевлены. Прежде чем скончаться, «Колонизационное общество» все же ухитрилось обустроить в Африке на купленной у местных земле «свободную негритянскую республику Либерию» (существующую и поныне). Да вот незадача: за тридцать лет туда удалось переселить всего восемь тысяч негров — капля в море... Категорически не хотелось свободным неграм ни в Либерию, ни на Гаити, куда их тоже старательно выпихивали...

И тут впервые на страницах книги появляется «аболиционист номер один США», главный радикал и экстремист, с которым мы еще не раз встретимся при самых печальных обстоятельствах. Это Тадеуш Стивенс, конгрессмен из Пенсильвании, адвокат по профессии, имевший в США огромное политическое влияние. Именно с его именем и связаны самые радикальные

предложения — которые сплошь и рядом проводились в жизнь...

Белый, естественно. Потомок польского эмигранта. Человек, чего уж там, не особенно симпатичный в личном плане: отчаянный игрок в карты, а также страшный потаскун. Один из немногочисленных друзей Стивенса (которых можно было пересчитать по пальцам одной руки), священник Бланчард письменно пенял приятелю: «Ваши уста осквернены богохульством, ваши руки — картами, а ваше тело — женщинами... То доброе, что вы сделали для страны (а никто другой не сделал больше или даже столько же), не искупает ваших грехов, которые я упомянул».

Американский историк характеризует его так: «Он безразлично относился к одежде, редко улыбался и никогда не смеялся» (93). Как считается, единственным по-настоящему близким Стивенсу человеком была его служанка-негритянка Лидия Гамильтон, его постоянная, несмотря на все романы на стороне, любовница на протяжении последних двадцати пяти лет жизни Стивенса.

Непременно нужно упомянуть, что Стивенс был начисто лишен какого бы то ни было стремления к личной выгоде, какого бы то ни было житейского эгоизма. Но в том-то и беда, что подобные бессребреники и упертые идеалисты принесли миру, пожалуй, гораздо больше вреда, чем казнокрады и стяжатели. Упертый идеалист-фанатик бывает по-настоящему страшен — во имя своих абстрактных принципов он, дай ему волю, нацедит столько кровушки, что несколько последующих поколений не отмоют. Примеров масса, и они достаточно известны, чтобы их здесь приводить. Сами без труда приведете не одну дюжину...

И уж безусловно нельзя обойтись без подробного рассказа о романе Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди

Гарриет Бичер-Стоу

Тома» — поскольку эта книга, без преувеличений, сыграла колоссальнейшую роль в событиях и для аболов была тем же, что для большевиков — «Капитал» Маркса...

Гарриет (1811-1896) была дочерью известного проповедника Лимена Бичера и женой богослова Кэлвина Стоу. И Стоу, и родной брат Гарриет Генри были активнейшими аболами. Правда, так уж случилось, что Генри Бичер немало напортил святому делу противников рабства...

Был он одним из самых известных и уважаемых в Америке проповедников, страстно призывавшим к воздержанию, смирению и моральному совершенствованию. Однако у почтенного пастора имелась маленькая страстишка, которой он предавался, несмотря на брачные узы...

Шерше ля фам. Точное число любовниц Бичера установить невозможно, зато достоверно известно, что среди них оказалась красавица-феминистка Виктория Вудхалл, дама интереснейшая во всех отношениях. Именно она как-то вступила в американскую секцию Интернационала Карла Маркса (которую возглавлял дед будущего советского разведчика Зорге). Поначалу товарищи марксисты обрадовались, что к ним примкнула столь очаровательная, богатая и острая на язык особа, прекрасная ораторша и известная общественная деятельница. Однако очень скоро прекрасная Виктория громогласно объявила, что собирается превратить американскую секцию Интернационала в «орган пропаганды свободной любви и спиритизма» (как-то это у нее сочеталось гармонично). И Карл Маркс, и его американские товарищи пережили массу неприятных минут, прежде чем им удалось выпихнуть красотку из секции, пока та не превратила ее черт-те во что. Цинично рассуждая, не справься «товарищи» с красоткой Викторией, остались бы не у дел: нет сомнений, что «массы» с гораздо большим интересом отнеслись бы к проповедующей свободную любовь красавице, нежели к скучному нытью цитировавших какого-то там Маркса социалистов. И превратилась бы американская секция Интернационала во что-то гораздо более веселое и интересное...

Виктория не успокоилась — она вскоре выдвинула свою кандидатуру в президенты США. Для тех времен — идея экзотичнейшая. Женщины в Америке не имели тогда избирательного права, а мужчины, валом валившие на выступления кандидатки в президенты, чтобы ею полюбоваться, наверняка не отдали бы ей ни единого голоса — нравы и в США царили самые что ни на есть домостроевские, Виктория опередила свое время лет на восемьдесят...

Вернемся к ее сердечному другу Генри Бичеру. Однажды в Америке разразился жуткий скандал: известный журналист (и близкий друг Бичера) Тилтон случайно застал Бичера в постели своей жены Элизабет, которая ничего не имела против такого соседства.

Грандиознейший был скандал! Все дело в личности Бичера. Подобные забавы наверняка сошли бы с рук какому-нибудь бравому драгунскому лейтенанту или светскому повесе — но Бичер, не забывайте, был проповедником. И американцы, оскорбленные в лучших чувствах, задавали вполне

уместный вопрос: это как же совместить? Двадцать лет он нам проповедует воздержание, моральную чистоту и прочие добродетели, а сам при живой жене с супружницей лучшего друга постельку мнет?! Хамелеон двуличный!

Разъяренный Тилтон подал на бывшего закадычного друга в суд, на что по тогдашним законам имел полное право — супружескос прелюбодсяние в Штатах преследовалось в судебном порядке... Защищать старого приятеля тут же кинулась со всем пылом очаровательная Виктория Вудхалл, печатно объявив в своем журнале, что «огромный физический потенциал мистера Бичера, неукротимое стремление его естества к интимной связи, к объятиям образованной светской дамы» — вовсе не прегрешение, а наоборот, «самое благородное и великое из качеств этого действительно замечательного человека».

Легко догадаться, что такая защита еще больще повредила бедолаге проповеднику в глазах тогдашней пуританской Америки. Преподобного еще долго таскали по судам и полоскали в прессе, в конце концов оправдали и отпустили восвояси — но репутацию он потерял безвозвратно и никогда уже толком не оправился. Ох уж эти женщины — и без них тяжело, и с ними можешь ненароком вляпаться в такие передряги...

Но разговор у нас не о проказнике Генри, а о его сестре Гарриет, особе гораздо более добропорядочной и положительной. Литературным трудом она занялась не от тяги к изящной словесности, а просто потому, что нужда заставила, — супруг-пастор был беден, как церковная мышь, денег на жизнь катастрофически не хватало, вот Гарриет и обратилась к литературе, которая тогда уже приносила приличные гонорары.

Ее первая книга по истории Новой Англии «„Мэйфлауэр“, или очерки сцен и характеров потомков пилигримов»

особенного успеха не имела и прибылей не принесла. Зато вторая, та самая «Хижина дяди Тома»...

Вот это был национальный бестселлер, без дураков! Первое книжное издание в 1853 г. произвело настоящий фурор и очень быстро разлетелось в количестве трехсот тысяч экземпляров — тираж отличный и для нашего времени, а уж для девятнадцатого столетия... Вся Америка обливалась слезами над горькой участью бедного дяди Тома и скрежетала зубами от ярости, читая описания звериных нравов рабовладельческого Юга. Все без исключения исследователи, каких бы политических взглядов они ни придерживались, признают: «Хижина» сыграла огромнейшую роль в воздействии на умы, в возбуждении ненависти к рабству. Когда впоследствии президент Авраам Линкольн встретился с Бичер-Стоу, он спросил:

— Так это вы та маленькая женщина, что вызвала большую войну?

Здесь очень мало от шутки, честное слово... Если у большевиков был «Капитал» и труды Маркса, у нацистов — «Майн Кампф», у итальянских фашистов — «Доктрина фашизма» Муссолини, то у северян в качестве идеологической платформы как раз и служила «Хижина дяди Тома», ухитрившаяся появиться в нужном месте в нужное время. Движения и теории, не подкрепленные какой-либо Главной Книгой, как правило, успеха не достигают — и наоборот. Книга играет громадную роль в успехе...

А жизненная правда в том, что «Хижина» ох как неоднозначна — и не просто обличает рабовладение, но весьма талантливо показывает и кое-какие другие проблемы, уже не имеющие ничего общего с «обличением зверств южан»...

Начнем с того, что тетушка Гарриет была, так сказать, теоретиком чистейшей воды. Сама она на Юге за всю жизнь была лишь *единожды* — недельку погостила на плантации у знакомых в штате Кентукки. Этим ее собственные впечатления о Юге и исчерпывались. Книга написана исключительно по рассказам других людей...

Но это, в конце концов, не главное. Известнейший у нас автор детективов Джеймс Хедли Чейз всю сознательную жизнь прожил в родной Англии, в США не бывал ни разу, но его романы об американских гангстерах по всему свету разошлись миллионными тиражами...

Самое любопытное — «Хижина», вещь талантливая, вовсе не является «пропагандистской агиткой» и не направлена *только* против рабовладельцев Юга. Там сыщутся интереснейшие места, как раз и показывающие всю сложность и неоднозначность движения аболов...

Вот, извольте. Ярая аболиционистка мисс Офелия, классическая пуританка из Новой Англии, приехала на Юг в гости к своему родственнику Сен-Клеру, классическому южному рабовладельцу (который изображен добрейшим и гуманнейшим человеком, на которого его рабы чуть ли не молятся). Маленькая Ева, дочь Сен-Клера, вернувшись из дальней поездки, радостно бросается к черным слугам.

«А у дверей будуара уже толпились слуги, и впереди всех стояла почтенная пожилая мулатка, дрожавшая от радости и нетерпения.

— Вот и няня! — крикнула Ева, с разбегу бросившись ей на шею, и принялась целовать ее.

Эта женщина не стала останавливать девочку, ссылаясь на головную боль (как только что поступила родная мамочка Евы, вечно изображавшая из себя больную и потому пресекавшая любые попытки дочки выразить свои чувства. — *А. Б.*); напротив, она прижимала ее к груди, смеялась и плакала, точно потеряла рассудок от счастья. Ева перелетала из одних объятий в другие, жала протянутые ей руки, со всеми целовалась, что привело в ужас мисс Офелию.

— Гм! — сказала она. — Оказывается, здесь, на Юге, дети способны на такое, о чем я и помыслить бы не могла.

— Что вас так удивило? — осведомился Сен-Клер.

— Одно дело — гуманное, справедливое отношение, но целоваться...

— ...с неграми? — подхватил он. — На это вас не хватит, не так ли?

— Разумеется, нет! Я просто не понимаю Еву!» (12).

Здесь блестяще изображена *особенная* психология аболов (да и северян вообще): к неграм абстрактно и теоретически следует относиться гуманно и справедливо, но что до конкретных живых людей — от них следует держаться подальше...

Другая сцена, другой разговор между южанином и его северной родственницей касается еще более серьезных и принципиальных вещей.

«В саду на дерновой скамейке сидел Том; в каждой петлице его куртки торчало по веточке жасмина, а весело смеющаяся Ева надевала ему на шею гирлянду из роз. Сделав свое дело, девочка, словно воробушек, вспорхнула Тому на колени и снова залилась веселым смехом...

— Огюстен, как вы допускаете подобные вещи! — воскликнула мисс Офелия.

— А что тут плохого? — удивился Сен-Клер.

— По-моему, это просто ужасно!

— Вы не находите ничего предосудительного, когда ребенок ласкает большую собаку, пусть даже черную, а существо, наделенное разумом и бессмертной душой,

вызывает у вас дрожь отвращения! Признайтесь, кузина, что я прав! Да, кое-кому из северян свойственна такая брезгливость. Мы отнюдь не ставим себе в заслугу то, что ее в нас нет, но обычай привил нам более терпимое, следовательно, более христианское отношение к неграм. Путешествуя по Северу, я не раз замечал, насколько сильны там все эти предрассудки. Признайтесь, кузина, что это так! Вы относитесь к неграм так, будто перед вами жаба или змея, и в то же время заступаетесь за них. Вас возмущает жестокое обращение с неграми, но иметь с ними дело — нет, об этом вы даже думать не можете! Отправить их куда-нибудь с глаз долой, в Африку, и пусть там с ними возятся миссионеры! Ну скажите, прав я или нет?

— Да, — задумчиво проговорила мисс Офелия. — Пожалуй, вы правы».

Как по-вашему, кто выглядит симпатичнее в этом разговоре — южанин-рабовладелец или северянка-аболиционистка?

И нечто более существенное. Самый отрицательный, да что там, самый омерзительный персонаж «Хижины», садист, развратник и законченный скот Саймон Легри, как раз и забивший насмерть безропотного дядю Тома... вовсе не южанин! Он по происхождению *северянин* из Вермонта. Южане-плантаторы у Бичер-Стоу как раз изображены не в пример привлекательнее и уж безусловно человечнее.

Не зря известнейший американский литературовед Ван Вик Брукс, автор пятитомной истории американской литературы, писал о Гарриет Бичер-Стоу: «В ее моральном чувстве не было лицемерия, как не было и злого умысла против Юга; напротив, никогда еще южане не казались такими привлекательными, а пороки нации она воплотила в Саймоне Легри, уроженце Вермонта. Независимо от общественной обстановки, в какой писалась „Хижина дяди Тома“, эта книга остается великим эпосом народной жизни и своего времени... Книга ее — явление литературы, а не пропаганды» (19).

Все верно — примитивная «пропагандистская агитка» ни за что не получила бы всемирного признания, не осталась бы популярной и через полторы сотни лет после выхода в свет.

Беда только, что тогдашние читатели-северяне увидели в книге Бичер-Стоу исключительно «обличение рабства» — а на все прочее и внимания не обратили. Роковую роль сыграло то, что книга была талантлива, — бездарные агитки долго не живут. Теперь, как уже было отмечено, у северян появилась Книга с большой буквы. Л. Д. Троцкий писал в свое время в работе «Литература и революция»: «Вера во всемогущество отвлеченной идеи наивна. Идея должна стать плотью, чтобы стать силой. Наоборот, социальная плоть, даже совершенно потерявшая свою идею, еще остается силой. Класс, исторически переживший себя, еще способен держаться годами и десятилетиями мощью своих учреждений, инерцией своего богатства и сознательной контрреволюционной стратегией» (254).

«Хижина дяди Тома» как раз и стала, по определению Троцкого, вещью, которая «даст выражение известным потребностям общественного развития». К словам Троцкого следует относиться со всем вниманием: Лев Давидович понимал толк в литературе, а еще больше понимал в революции... У южан подобной Книги так и не появилось...

Существенную разницу в отношении к неграм «отсталых» южан и «прогрессивных» северян подметил де Ток-

виль еще в 1831 г.: «Разве в той части Союза, где негры стали свободными людьми, они сблизились с белыми? Нет сомнений, что любой человек, побывавший в Соединенных Штатах, заметил нечто противоположное. У меня сложилось впечатление, что расовые предрассудки сильнее проявляются в тех местах, где рабство отменено, чем в тех, где оно еще существует. Но наибольшая нетерпимость проявляется там, где рабство никогда не существовало. Правда, в северных штатах закон разрешает белым вступать в брак с неграми, но общественное мнение считает это позором, и было бы трудно привести пример подобного брака. Почти во всех штатах, где рабство отменено, негры получили право голоса. Но негр может прийти на избирательный участок лишь с риском для жизни. Негр может жаловаться на притеснения, но разбирать его жалобу будет белый судья. По закону он может быть присяжным, но предрассудки препятствуют действию этого закона. Дети негров не могут учиться в одной школе с детьми европейцев. В театрах он ни за какие деньги не может купить себе право сидеть рядом со своим бывшим хозяином. В больницах негры лежат в отдельных помещениях. Чернокожим позволяют молиться тому же богу, которому молятся белые, но не в одном храме с ними. У них есть свои священники и свои церкви... Негров хоронят в стороне от белых. Итак, негры свободны и объявлены равными белым, но они не пользуются одинаковыми с ними правами» (163).

Де Токвиль о Юге: «Белые меньше сторонятся чернокожих, им случается вместе работать или развлекаться, у них существуют определенные формы общения. Законы, касающиеся негров, там суровы, но обычаи проникнуты мягкостью и терпимостью. На Юге хозяин не боится возвышать раба, так как знает, что при желании он всегда мо-

жет поставить его на место. На Севере же четких границ, отделяющих униженную расу от белых, не существует, и белые из страха возможного смешения с чернокожими всеми силами стараются держаться подальше от них. У американцев, живущих на Юге, природа, время от времени вступая в свои права, восстанавливает равенство между белыми и чернокожими. На Севере гордыня заглушает даже самые бурные человеческие страсти. Американец с Севера, быть может, и согласился бы вступить в любовную связь с негритянкой, если бы по закону она не могла надеяться взойти на его брачное ложе. Но поскольку она может стать его супругой, он испытывает к ней отвращение и избегает ее. Таким образом, создается впечатление, что в Соединенных Штатах по мере освобождения негров растут предрассудки, выталкивающие их из общества. В то время как неравенство упраздняется законом, оно укореняется в нравах».

Наблюдательный французский путешественник быстро понял, *кто* извлекает выгоду из рабства, помимо пресловутых «злобных плантаторов»: «Почти все те, кто в южных штатах Союза занимается предпринимательской деятельностью, стремясь извлечь выгоду из рабского труда, приезжают сюда с Севера. Северяне ежедневно прибывают в южные штаты, поскольку в них не так сильна конкуренция. Здесь они находят возможности, оставшиеся не замеченными местными жителями. Они приспосабливаются к рабовладельческой системе, хотя и не одобряют ее, и им удается извлечь из нее большую выгоду, чем ее создателям и сторонникам».

Каково? Обязательно нужно уточнить: под «северными предпринимателями» француз понимает в первую очередь англосаксов-пуритан. Эмигранты из Европы, как правило, были бедными и на жизнь зарабатывали наемным трудом,

а евреев было крайне мало, и на них на сей раз ничего не свалишь...

И наконец, еще одно авторитетное мнение де Токвиля, вновь наглядно свидетельствующее, кто получал свою долю прибыли от работорговли: «Если в каком-либо северном штате запрещается торговля неграми и владелец уже не может сбыть с рук своих рабов, они становятся для него обузой. В этом случае хозяин заинтересован в продаже своих рабов на Юг. Если какой-либо северный штат заявляет, что дети рабов будут от рождения свободными людьми, то рабы значительно обесцениваются: ведь их потомство уже не может стать предметом купли-продажи. И в этом случае хозяин заинтересован в продаже своих рабов на Юг. По мере того как количество рабов в каком-либо штате уменьшается, там начинает ощущаться необходимость в свободных рабочих. А по мере того как растет количество свободных рабочих, рабы, труд которых менее продуктивен, теряют цену или становятся ненужными. Это еще один случай, когда хозяину очень выгодно продать их на Юг, где конкуренции не существует. Следовательно, отмена рабства не ведет к освобождению раба, у него лишь меняется хозяин: с Севера он попадает на Юг».

А вы что же, полагали, что после отмены рабства на Севере тамошние хозяева чернокожих автоматически отпускали их на волю со слезами умиления и пением гимна США? Держите карман шире. *Добровольно* отпускали рабов на свободу главным образом на Юге — а северяне свое *имущество* всегда старались продать подороже.

Де Токвиль, кстати, ощущал какую-то смутную «опасность» для будущего единства США, но он, все же плохо разбираясь в экономике страны, искренне полагал, что «выход из Союза не принес бы никакой материальной выгоды ни одной из его частей».

Вот тут француз — хотя и умнейший был человек! — глубоко заблуждался. Все обстояло иначе. Разделись страна на Север и Юг, это принесло бы огромные материальные выгоды Югу и огромные убытки для Севера.

Давайте теперь займемся главным — экономикой. Рассмотрим, почему при расколе страны Север непременно должен был обрушиться в самую пошлую нищету, несмотря на всю свою мнимую «прогрессивность» и «развитость».

Правда такова: Юг был для Севера прибыльнейшей *колонией*. Лишившись ее, Север обнищал бы в одночасье. Именно поэтому, а не из-за «неприятия рабовладения» Север так ожесточенно и сопротивлялся всем попыткам Юга обрести независимость — вплоть до войны...

Глава третья

СЕВЕРНЫЕ СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ

> И наполнилась земля серебром и золотом, и нет числа их сокровищам; и наполнилась также земля их конями, и нет числа колесницам их. И наполнилась земля их идолами; они поклоняются делу рук своих, тому, что сделали персты их.
>
> *Книга Мормона, Нефий, 12, 7–8*

1. Золото манит нас...

Американская экономика имела свою специфику и в налоговых делах. Подоходный налог в США был введен только в 1913 г. — на несколько десятилетий позже, чем в ведущих европейских странах. А ведь государственная казна пополняется в значительной степени как раз за счет подоходного налога...

Как же выходила из положения американская казна? Главный упор там делался на *акцизные сборы* — этакую накрутку, которую государство добавляет к цене продаваемых населению товаров или услуг. Подобные накрутки, в общем, оставались для народа незаметными: если обычный американец из глубинки покупает импортный товар, на который казна успела сделать накрутку, он, ручаться можно, так никогда и не узнает, сколько этот товар стоил в Европе, а следовательно, и ведать не ведает, сколько себе заработало государство.

В тех случаях, когда в США вводили прямые налоги, тамошний народец реагировал остро и обычно без малейшего промедления вытаскивал из-под кровати мушкет. Земельный налог (от которого, согласитесь, увернуться трудновато) не раз был причиной бунтов. Когда в 1791 г. Конгресс США в поисках средств для казны установил налог на виски, это ударило по каждому фермеру: практически каждый гнал из излишков самогон у себя на заднем дворе. Сборщики налога, отправленные президентом Вашингтоном, очень быстро поняли, что работенка им досталась не сахар — по ним начали весело постреливать из-за каждого куста, из-за каждой изгороди. Налог в конце концов собрать удалось, но для этого пришлось срочно созвать ополчение и приставить к каждому сборщику полдюжины вояк...

Одним словом, вводить в США новые налоги надлежало с предельной оглядкой. Именно повышение налогов, кстати, стало одной из причин американской революции. Всмотритесь в старинный рисунок — на нем изображена реакция американцев после повышения британской короной налога на чай. На заднем плане к дереву приколочен вверх ногами «Акт о гербовом сборе», тот самый документ, из-за которого и разгорелся сыр-бор. А странная белая фигура — это сборщик налогов, косго обмазали смолой, обсыпали перьями, да еще и силком вливают ему в рот чай... Подавись, мол, вашим чаем.

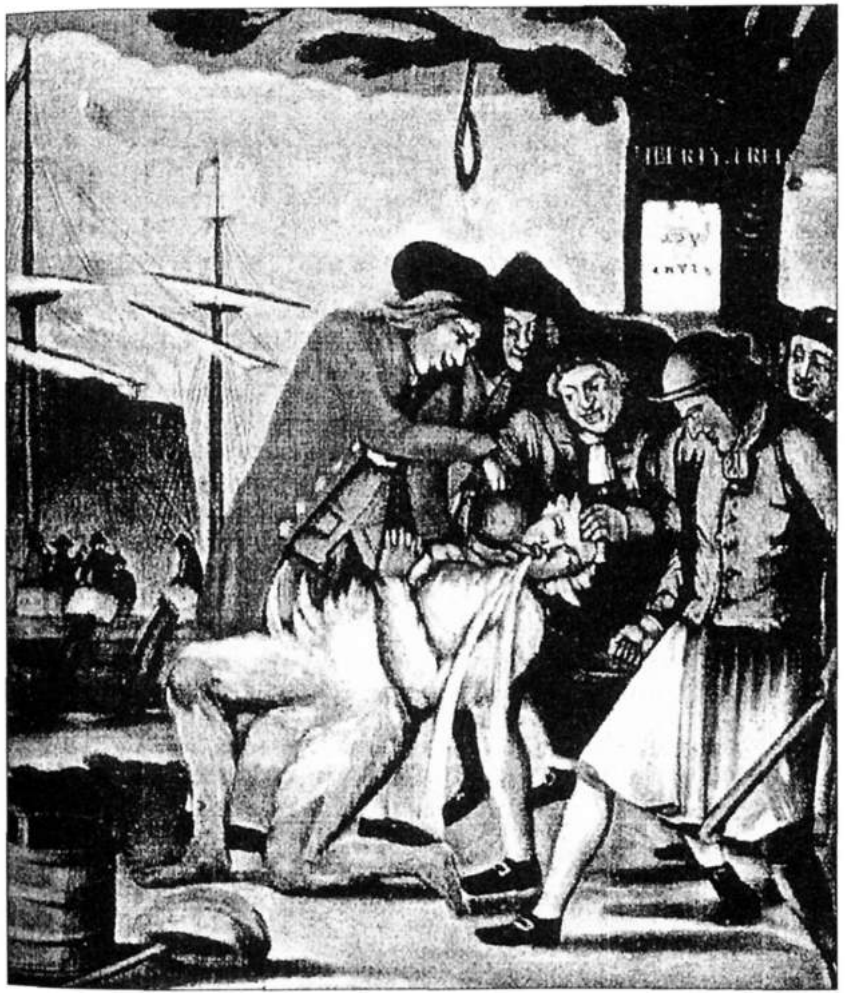
Сборщиков налогов ненавидели везде и всюду — но американцы были единственными, кто еще в XVIII в. разработал *писаное* пособие по «галантному» обращению с

таковыми. «Сначала разденьте человека догола. Затем растопите смолу, пока она не станет жидкой, и вылейте ее на голое тело или размажьте по телу специальной кисточкой. После чего, пока смола еще не остыла, возьмите как можно больше перьев и вываляйте в них тело так, чтобы перья полностью облепили его» (47). Говорят еще, что некоторые американцы протестовали против употребления в данном документе слова «человек» — они настаивали, что речь идет не о человеке, а о сборщике налогов, а это, мол, большая разница...

Что касается Юга, главное здесь в том, что Юг в обмен на свой хлопок старался покупать необходимые ему промышленные товары не на Севере, а в Англии, где всё было и качественнее и гораздо дешевле. Но поскольку вся внешняя торговля Юга находилась в руках Севера, Вашингтон, защищая своих производителей, как раз и установил немалые накрутки на все товары, получаемые Югом из-за рубежа. Что на Юге, как легко догадаться, восторга не вызвало — кому приятно переплачивать втридорога?

Поэтому Демократическая партия, созданная на Юге, все силы положила на то, чтобы добиваться в Конгрессе снижения этих накруток, красиво именовавшихся «таможенными тарифами».

Была еще одна причина для разногласий между Севером и Югом: банковское дело. Банки в основном сконцентрировались на Севере и занимались всевозможными финансовыми махинациями так увлеченно, что это то и дело вызывало серьезные кризисы. К началу войны в стране обращалось банковских билетов на сумму в 200 миллионов долларов, из которой золотом было обеспечено лишь 88 — а остальные представляли собой пустые бумажки. Юг, стоявший в стороне от финансовых спекуляций, это тоже здорово раздражало.

Еще один вид наказания

Две трети южного хлопка вывозилось за границу, главным образом в Англию — но подавляющее большинство посредников, перепродававших хлопок за рубеж, были северянами. Перевозка хлопка (и почти весь торговый Флот) находились в руках северян. Тот хлопок, что оста-

вался в стране, перерабатывался усилиями северных фабрик.

Как видим, северяне неплохо устроились, присосавшись к Югу, словно клещи. Естественно, они всячески препятствовали попыткам Юга наладить вывоз хлопка и торговлю им собственными силами. Интересные цифры: Юг вывозил своей продукции примерно на 213 миллионов долларов в год, в то время как Север — лишь на 47 миллионов (главным образом зерно западных штатов).

И наконец, вовсе уж ошеломляющая статистика: Юг обеспечивал 80 процентов всех налоговых поступлений в американский бюджет — хотя на Севере обитало 22 миллиона человек, а на Юге — 13.

На Севере сложилась прослойка... нет, пока еще не олигархов, но безусловных богачей, которым у себя определенно не хватало места. Они уже сколотили состояния, приобрели немалый опыт по эксплуатации ближнего своего, им становилось *тесно* на Севере. Надо отдать этим людям должное: они умели смотреть вперед и готовы были распространить свою деловую активность на весь земной шар. Еще в 1846 г. один из них, Уильям Джилпин, которого называют «первым американским геополитиком», советовал президенту Полку превратить устье реки Колумбии в штате Орегон на Тихоокеанском побережье в «форпост похода за присоединение Азии к внутреннему рынку для американских сельскохозяйственных производителей» (245). Речь шла не о хлопке, а о северном зерне. Другой оборотистый коммерсант, Айза Уитни, сделавший состояние на торговле с Китаем, носился с идеей строительства трансконтинентальной железной дороги. Одна неувязочка — дорогу эту пришлось бы частью проволить по земле частных собственников Юга, которые отнюдь не горели желанием ее отдавать...

Вообще железнодорожные магнаты смотрели на южные земли с особенно обильным слюноотделением. Специфика наживы этих господ заключалась в том, что в Америке тогда существовал особый порядок строительства «чугунки»: правительство, как уже говорилось, выделяло частной компании, собравшейся прокладывать дорогу, земли по обе стороны пути — шириной примерно десять миль справа и слева. Выделяло в полную и безраздельную собственность.

Для железнодорожных компаний это было золотое дно — не перевозки пассажиров или грузов, а именно эти доставшиеся бесплатно земли и приносили главный доход. Их можно было распродавать фермерам, на них возникали города, фабрики, рудники — чьи хозяева платили солидную арендную плату...

Кто *продавил* подобные правила, вы, должно быть, уже догадались.

Один пример из множества махинаций: в 1856 г. в штате Висконсин железнодорожная компания «Лакросс-Милуоки» отхватила в собственность *миллион* акров федеральных земель по обе стороны своей магистрали (то есть полмиллиона гектаров). Ей в этом посодействовали губернатор штата и 13 из 19 членов законодательного собрания, которым благодарная компания отвалила в качестве вознаграждения акций и облигаций на 900 тысяч долларов. Вот только через два года компания объявила о своем банкротстве, акции и облигации моментально превратились в пустые бумажки — но земля целиком осталась в собственности ловкачей из «Лакросс-Милуоки»... (58).

Все это творилось исключительно на Севере: Юг железнодорожных магнатов к себе не допускал, что их крайне печалило. Совсем рядом располагались нешуточные богатства, многие миллионы акров земли — но подобраться к ним никак не удавалось. А потому «железно-

дорожники» были основными спонсорами организаций аболов...

Точно так же, пуская слюнки, поглядывали на южные земли те, кто занимался на Севере земельными спекуляциями. С тем же результатом — близок локоть, да не укусишь...

Грабеж достиг крайнего предела в 1857 г., когда под давлением северных денежных мешков Конгресс США принял так называемый «Закон Моррилла о тарифах». Теперь накрутка на любой товар, ввозимый с Севера на Юг, составляла ни много ни мало *сорок семь* процентов. Цензурных комментариев по этому поводу на Юге не делалось...

Теперь посмотрим, что произошло бы в случае, если бы Юг мирным путем отделился от Севера и обе части страны пустились в самостоятельное плавание.

Как уже говорилось, Север моментально захирел бы и обнищал. Во-первых, он одним махом лишился бы восьмидесяти процентов государственного бюджета. Во-вторых, вывоз хлопка с Юга у него моментально перехватила бы Англия (как и посредничество при продаже). Север в одночасье превратился бы в крохотную бедную страну, вывозящую разве что зерно. Всем честолюбивым планам тамошних богачей пришел бы конец — да и денежки стало бы зарабатывать значительно труднее. Без Юга Север был бы ничтожеством, заурядной страной «третьего мира» вроде Гондураса. Надеяться на экспорт в Европу собственных промышленных товаров в этих условиях не приходилось — тогдашняя европейская промышленность была гораздо более развитой, конкурировать с Англией, Францией и Германией Север был бы не в состоянии...

Обрушились бы честолюбивые планы и бизнесменов, и политиков по превращению Соединенных Штатов в мо-

гучую империю — которые уже тогда были проработаны во всех деталях...

А теперь — об этих самых планах по созданию мощной империи. Никто в Вашингтоне их особенно и не скрывал, мало того — кое-что уже начинало претворяться в жизнь.

Молодая республика с самого начала отличалась хищным нравом молодого волчонка, который уже начинал показывать клыки...

2. Подрос звереныш!

Если сравнивать новорожденные Соединенные Штаты Америки с обыкновенным человеческим младенцем, то, безусловно, следует отметить, что младенчик получился какой-то буйный, шебутной и уж даже опасный для окружающих: кусал неосмотрительно протянувшиеся к нему руки кормилиц, у старого добрейшего доктора спер золотые часы, пока тот его слушал — и совершил еще кучу непотребств...

По человеческим меркам — какой-то фильм ужасов. Ну, а согласно критериям большой политики — ничего особенного. Обыкновенный империализм.

Понятие «империализм», надо сказать, придумали вовсе не большевики, вообще не левые и даже не Карл Маркс с Энгельсом. Это понятие сначала появилось в работах абсолютно аполитичных западных ученых, левизной не страдавших (рискну предположить, что о Марксе кое-кто из них мог и не слышать вовсе).

Вот что писал японский ученый Исида в своей диссертации «Международное положение Японии как великой державы» (Нью-Йорк, 1905): «Экономическая активность великих держав приняла форму „империализма“, которая означает притязания великих держав на контроль — в эко-

номических или политических целях — „над такой частью земной поверхности, какая только соответствует их энергии и возможностям“».

Обратите внимание на закавыченные места: добросовестный Исида так поступил потому, что не сам придумал термины и формулировки, а позаимствовал их из работ европейских ученых, в том числе из книги Гобсона, которая без затей так и именовалась «Империализм»...

В 1904 г. во французском городе Дижоне некий Жозеф Патуйе защитил диссертацию под недвусмысленным названием «Американский империализм». Он также опирался на Гобсона, и, как о факте, говорил не только об американском, но и об английском, немецком, японском и русском империализме. И цитировал своих соотечественников. Де Лапраделль: «Империализм на практике означает добиваться ключей мира — но не военных ключей, как во времена Римской империи, а великих экономических и торговых ключей. Это значит стремиться не к округлению территории, а к захвату и оккупации крупных узловых пунктов, через которые проходит мировая торговля; добиваться не у крупных колоний, а колоний, выгодно расположенных, чтобы охватить земной шар сплошной плотной сетью станций, угольных складов и кабелей».

Дрио: «Итак, завоевание рынков сбыта, погоня за тропическими продуктами — вот основная причина политики колониальной экспансии, которую называют империализмом».

Одним словом, к началу XX столетия имелась масса работ, где понятие «империализм» употреблялось так же часто, как слово «звезда» в астрономических работах. Потом только термин подхватил господин по фамилии Ульянов-Ленин и приспособил его к собственным теоретическим построениям...

Еще Джордж Вашингтон назвал новорожденную республику «поднимающейся империей» (196). Авторы «Федералиста» (168) прямо писали о «расширяющейся *империи*». Как видим, уже «отцы-основатели» намеревались расширять страну и, насколько возможно, расширять и усиливать влияние.

Как писал в своей книге президент Дж. Ф. Кеннеди, американский Сенат в первые годы своего существования отличался крайне простецкими и патриархальными нравами, способными привести в ужас чопорных европейских сановников (77). Привычки у сенаторов были самые непринужденные, свойственные скорее деревенскому кабачку: вице-президенту Аарону Бэрру частенько приходилось с высокой трибуны призывать сенаторов к порядку, журя «за поедание яблок и печенья на сенатских местах» и за хождение между рядами во время дебатов. Считалось также самой обычной вещью являться на заседания, изрядно выпив. Президент Адамс, будучи еще сенатором, отметил в своем дневнике, что некоторые выступления иных его коллег «были настолько бурными и изобиловали столь несдержанными выражениями, что их можно объяснить лишь тем, что сенатор был разгорячен алкоголем».

Картинка из жизни: члены Сената сидят в шляпах, закинув ноги на столы, а мимо них шествует опоздавший на заседание Джон Рэндолф из Роанока — в сапогах со шпорами, с кнутом в руке (только что охотился и переодеваться не стал — какие церемонии среди своих?). Следом за роанокским сенатором шествует его гончая собака, залезает под стол на свое обычное место и, как всегда, устраивается спать — а сенатор, распространяя вокруг на три ряда ядреный запах алкоголя, плюхается на свое рабочее место и первым делом орет служителю:

— Привратник, принеси-ка виски!

И тот, конечно же, несет...

Остался подробный дневник сенатора Маклея, кладезь бесценной информации. Вот как выглядели рабочие будни Сената 3 апреля 1790 г.: «Зачитали протоколы заседаний. Было получено послание президента Соединенных Штатов. Председательствующему был вручен доклад. Мы глядели друг на друга и смеялись в течение получаса, а затем завершили работу».

Работа заключалась еще и в том, что по настоянию избирателей господа сенаторы серьезно, обстоятельно и долго рассматривали самые неожиданные вопросы: «Вывод столицы из порочного города Бостона», «Принятие всех возможных мер с целью искоренения профессии юриста» и даже «Предотвращение выплаты должниками своих долгов старыми, покрытыми ржавчиной стволами своих ружей, непригодными никому и ни для чего, кроме как для использования в качестве утюгов» (77).

Однако вся эта юмористика была чисто *внешней* декорацией, если можно так выразиться, болезнью роста. Если говорить о вещах серьезных, то как раз в те самые времена уже пышным цветом расцвела теория о «богоизбранности» США. Американцы считались «избранной нацией», «нацией-искупительницей», «избранной расой», которая отмечена не кем-нибудь, а лично Господом Богом, чтобы сотворить царство Божие на земле, наделенной «священной миссией» спасти от прошлых грехов весь остальной мир.

Так и писала романтичная тетушка Гарриет Бичер-Стоу: «Божья благодать в отношении Новой Англии — это предвещение славного будущего Соединенных Штатов... призванных нести свет свободы и религии по всей земле и вплоть до великого Судного Дня, когда кончатся войны и весь мир, освобожденный от гнета зла, найдет радость в свете Господа».

Ей вторил молодой Герман Мелвилл, в то время еще никому не известный начинающий литератор: «Мы, американцы — особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих душах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас... Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. Но он пришел в *нас*». (196).

Все это было вызвано к жизни той самой пуританской идеологией, берущей начало, обратите внимание, даже не в Новом Завете с его проповедью доброты и гуманизма, а в Ветхом. Ветхозаветное Израильское царство огнем и мечом завоевывало сопредельные земли с целью широкого распространения своих идей — и пуритане видели в этом пример...

Так уж с завидным постоянством случается в мировой истории, что вслед за идеалистками и романтиками вроде Бичер-Стоу и молодого Мелвилла откуда ни возьмись обязательно выныривают хмурые усатые субъекты со штыками наперевес...

Американцам, получившим независимость, не пришлось особенно долго искать объект для приложения своих усилий по созданию империи. Дикие индейцы, хоронившиеся по лесам и равнинам, в этом плане особого интереса не вызывали, а до испанских владений было далековато. Зато под боком (только речку перейти!) раскинулась британская Канада, прямо-таки напрашивавшаяся на то, чтобы ее избавили от монархического гнета...

С Канады и начали «экспорт революции». Уже летом 1775 г., когда США еще не существовали, но война с британскими войсками уже полыхала вовсю, отряд амери-

канских ополченцев с налету захватил канадский форт Тикондерога и разослал по прилегающим территориям прокламации типа «Мы пришли дать вам волю!» Вслед за передовым отрядом в Канаду браво ворвался полуторатысячный американский корпус под командованием генерала с интересной фамилией Шулер. Поначалу янки везло: захваченные врасплох британские подразделения отступали, губернатор Канады, переодевшись пролетарием, бежал в Квебек, канадскую столицу, к которой тут же подступили американцы...

Но потом дело как-то застопорилось. Население Канады отчего-то увидело в американцах не освободителей, а самых обыкновенных захватчиков — против «революционеров» поднялись даже фермеры французского происхождения, в общем, никогда не питавшие любви к британской короне. К британским войскам с превеликой готовностью примкнула масса вооруженных канадцев (как и американцы, умевших неплохо обращаться с мушкетами и набравшихся боевого опыта в стычках с индейцами).

А тут еще появились три британских военных фрегата... Сняв осаду Квебека, американский корпус не просто отступил, а сделал это со всей возможной скоростью, улепетывая что есть мочи и по собственной территории (хотя британцы их не особенно и преследовали). Так закончилась первая попытка «экспортировать американскую революцию» на сопредельные земли.

Однако в 1812 г. американцы решили вновь попытать счастья, рассчитывая на то, что Англия по уши увязла в европейской войне с Бонапартом. К тому времени отношения между двумя странами осложнились до предела. Что до британцев, их больше всего раздражала милая американская привычка массово предоставлять американское гражданство любому британцу — сплошь и

рядом за деньги, согласно показаниям лжесвидетелей. Одна предприимчивая американская дамочка держала у себя дома громадную деревянную колыбель. Очередной англичанин, желавший в два счета переменить подданство, приходил к ней, на пару минут ложился в колыбельку, а потом дама отправлялась к судье вместе со своим подопечным и с честнейшими глазами заявляла, что тот живет в США с младенчества: она, мол, его «в колыбельке видела» (что в некотором отношении было чистейшей правдой...)

Короче говоря, в 1812 г. американцы сделали несколько попыток вторгнуться в Канаду — и вновь им катастрофически не везло, против них всякий раз выступала не только британская армия, но и канадское ополчение. На короткое время удалось захватить канадский город Йорк (нынешний Торонто), где американцы спалили все официальные здания. Но потом их из Канады вышибли. Мало того — разъяренные британцы перешли в контрнаступление. Небольшой английский десант в августе 1814 г. высадился неподалеку от Вашингтона, который быстро покинули американские войска и президент с сенаторами. В отместку за Йорк английский генерал Росс спалил дотла и Белый Дом, и Капитолий, где размещался Конгресс США. Как ни удивительно, частные здания англичане не тронули — поразительная для британцев щепетильность...

Американцы воспрянули духом в 1837 г., когда в Канаде началось народное восстание, во многом подобное американской войне за независимость. И приняли во всем этом живейшее участие, поддерживая мятежников оружием, отправляя в Канаду добровольцев. Порой в пограничных стычках участвовали и регулярные части американской армии.

Едва не дошло до новой большой войны между США и Англией. Но постепенно все как-то утряслось: англичане предоставили канадцам политические свободы и самоуправление, и восстание помаленьку пошло на убыль (а американцы, испугавшись настоящей войны, пошли на попятную).

Гораздо успешнее у американцев шли дела на Юге, где одряхлевшая Испанская империя уже не могла должным образом защищать свои владения. Еще Джефферсон в первые годы независимости говорил, что США должны занять райскую землю Флориду (и не столь райскую Канаду). В 1803 г. США купили у Франции ее колонию Луизиану (намекая, что в случае строптивости Парижа могут и так отобрать). А потом начали постепенно *просачиваться* на территорию Флориды, где не было испанских войск (да, собственно, и сильной испанской администрации). Когда переселенцев накопилось предостаточно, они подняли мятеж, выкрикивая что-то нецензурное в адрес прогнившей Испанской монархии. Тут по странному совпадению объявились регулярные американские войска и в два счета заняли всю Флориду. Испанские войска в тех местах составляли примерно полтора инвалида — и Мадрид, вяло посопротивлявшись словесно несколько лет, вынужден был признать де-факто, что Флорида теперь американская...

В 1823 г. была официально провозглашена (в ежегодном послании президента Конгрессу) знаменитая доктрина Монро, названная по имени тогдашнего президента Монро — хотя подлинным ее автором и разработчиком был все же госсекретарь Адамс. Придумка была хитрая. С одной стороны, США торжественно клялись не вмешиваться ни в какие европейские дела, на чьей бы то ни было стороне (такой возможности они тогда и не имели).

С другой — доктрина Монро объявляла, что всякое вмешательство европейских государств в дела какой бы то ни было американской страны будет рассматриваться как проявление «недружелюбия» по отношению к США. Что именно считать «вмешательством», определяли отныне сами США.

Если без дипломатии, то доктрина Монро фактически означала, что США теперь считают *всю* Америку «зоной своих жизненных интересов» и намерены там распоряжаться единолично...

И понеслось...

В 1831 г. США всерьез вознамерились отобрать у Аргентины Фолклендские (Мальвинские) острова. Когда аргентинские власти арестовали там (в своих территориальных водах) американское китобойное судно, на выручку тут же пустился военный 24-пушечный шлюп «Лексингтон». Бравые американские моряки высадились на островах (на суверенной аргентинской территории), с ходу арестовали нескольких аргентинцев, по их мнению, виновных в притеснениях китобоев, и потребовали выдать им для суда аргентинского губернатора Фолклендских островов.

Правда, острова из американских рук ускользнули тут же. Выручать подвергшуюся агрессии Аргентину моментально явилась британская военная эскадра — и как-то само собой получилось, что под крики о восстановлении справедливости Фолклендские острова оказались уже британской территорией (англичане такие вещи умеют проделывать быстро и изящно). Ни у Аргентины, ни у США не было тогда достаточно сил тягаться с британским военным флотом. Аргентина разорвала дипломатические отношения с США на десять лет, а США долго еще в бессильной злобе проклинали Британию...

В 1832 г. американский военный флот впервые появился в Юго-Восточной Азии. Диковатые прибрежные туземцы на острове Суматра *вроде бы* напали на американское судно. Посланный туда капитан Доунс, командовавший 50-пушечным фрегатом «Потомак», имел инструкции сначала разобраться, действительно ли это было нападение. Однако, не утруждая себя разборками, бравый капитан с ходу подверг бомбардировке тамошний порт Калла-Бату, а потом высадил на берег морских пехотинцев, которые перебили более сотни горожан. Американцы *набивали руку*...

Чуть позже, в 1834 г., два военных корабля отправились в Японию, чтобы *сломать* ее тогдашнюю изоляцию от всего остального мира. Сорвалось это исключительно из-за того, что руководитель этой увлекательной экспедиции Робертс ненароком скончался от холеры в португальском порту Макао.

В 1844 г. в Китай нагрянула американская эскадра, дружелюбно нацелилась пушками на порт Аомынь (тот же португальский Макао) и потребовала от китайского императора немедленно заключить с США составленный в Вашингтоне договор — не меняя в нем ни единой буковки, иначе... Китайцы, видя совершеннейшее неравенство сил, с душевной болью согласились и договор подписали.

Интересный был договор. По нему американцы приобретали в Китае такие же привилегии, как и англичане, в том числе и право экстерриториальности (это означает, что китайские власти не имели права не только судить живших в Китае американских граждан, но и оштрафовать их хоть на цент). В пяти портах американцы получили право построить свои торговые предприятия, церкви, больницы, кладбища и прочие необходимые объекты, на территории которых китайские законы не действовали. Наконец, отныне не китайские таможенники решали, какую пошлину взять с американских товаров, а американский консул, который своих соплеменников, понятно, притеснять был не намерен и пошлины им насчитывал ниже нижнего...

Этот и последующие кабальные договоры американцев с Китаем были отменены только в 1943 г.

В 1844 г. американцы хладнокровнейшим образом *оттяпали* у Британии огромные территории Орегона на тихоокеанском побережье Америки, ранее находившиеся под совместным англо-американским управлением. Американцы были настроены крайне решительно и в случае чего угрожали Англии большой войной, к которой та оказалась не готова, и со скрежетом зубовным уступила Орегон американцам.

Британский премьер-министр Пальмерстон (та еще старая лиса) очень возмущался такой наглостью янки. Он писал одному из своих министров: «Эти янки самые неприятные парни из всех, связанных с американским вопросом, они... тотально бессовестны и решительно жаждут осуществить свою цель».

Сочувствовать старому прохвосту не стоит. Потому что это ничуть не походило на бессовестный захват грабителями законного имущества честнейшего человека. У Британии у самой было рыльце в пушку по самые уши. Просто-напросто британский лев, хищник упорный, злющий и свирепый, нежданно-негаданно столкнулся на своей «законной» охотничьей территории с хищником помоложе, но не менее агрессивным и нахальным. Незаметно подросший молодой звереныш никакого почтения к дряхлеющему льву не испытывал, наоборот, показывал клыки, рычал и всячески давал понять, что в глотку он в случае чего

вцепится решительно и качественно. А лев был уже не тот — и клыки притупились, и когти сточились, и проворства поубавилось, и одышка мучила вкупе с ревматизмом... Пикантности ситуации придавало еще и то, что новый хищник был прямым потомком старого.

А потом пришла очередь Мексики, о чем уже говорилось. Мексиканский президент Порфирио Диас (1828–1915) был субъектом крайне неприятным и не особенным златоустом, но однажды он все же, поднатужившись, произвел на свет историческую фразу:

— Бедная Мексика! Так далеко от Бога и так близко к США!

Действительно, соседство получилось грустное. В результате достаточно известной и без моих усилий американо-мексиканской войны Мексика лишилась *пятидесяти пяти* процентов своей территории, быстро превратившейся в американские штаты. В США уже получила хождение теория «предначертания судьбы», по которой естественной границей на западе считался Тихий океан, ну, а на севере и на юге... в общем, там видно будет. Как карта ляжет...

В 1853 г. у Вашингтона после двадцатилетней паузы дошли руки и до Японии. К берегам Страны Восходящего Солнца подошла эскадра командора Перри в составе десяти вымпелов и после отказа японцев впустить американцев в Куригамскую бухту непринужденно принялась обстреливать из пушек прибрежные города. Японцы, располагавшие лишь орудиями столетней давности, сопротивления оказать не смогли — и выкинули белый флаг. Высадившись в Японии, американцы без ложной скромности объявили себя «духовными отцами» и «наставниками» японского народа. Заставили принять не только своих послов, но и чуть ли не батальон «советников», взявших под контроль японскую внешнюю политику. Со-

ветники эти, помимо прочего, еще и старательно подогревали у японцев подозрительность и враждебность к Российской империи...

Игра шла большая. Уже в те времена американцы, как писал известный русский военный разведчик Вандам (213), обратили внимание, что главные японские острова, вытянувшись дугой от Сахалина до Кореи, образуют как бы естественную преграду на пути движения русских, которые вот-вот выйдут по Амуру в дальневосточные воды. Чтобы взять эту преграду под контроль, и нагрянула эскадра Перри.

В Вашингтоне уже тогда хорошо умели просчитывать на несколько ходов вперед и составлять долгосрочные геополитические проекты. Вскоре в Восточной Сибири объявился безобиднейший янки — писатель и журналист Коллинз, тринадцать лет разъезжавший по сибирским просторам, написавший кучу статей и книг о сибирской экзотике.

Вот только экзотикой его интересы не ограничивались. Прыткий янки все эти годы занимался тем, что циничные профессионалы именуют экономическим шпионажем. Вернувшись в США, скромный труженик пера моментально удостоился долгих аудиенций у президента и государственного секретаря, а вскоре был назначен торговым агентом США на Амуре. Сам Коллинз писал об этом откровенно: «Я остановил свое внимание на Амуре как на специально предназначенном пути, через который американская торговая деятельность должна проникать в неизвестные глубины Северной Азии». Так уж испокон веков сложилось на планете, что вслед за торговцами и шпионами сплошь и рядом двигались регулярные войска...

1853 год. Когда строилась трансконтинентальная железная дорога от атлантического побережья США к Тихому

океану, американским железнодорожным магнатам позарез понадобилась мексиканская территория в районе реки Джилли. По какому-то совпадению вскоре в тех местах объявился некий янки по фамилии Уокер с компанией увешанных кольтами хмурых молодцов и провозгласил, что во имя высоких идеалов учреждает «независимую республику Джилли».

Мексиканских войск там не было — но обитало достаточно многочисленное и не трусливое население, которое в двадцать четыре часа аннулировало «республику», а Уокера с его революционерами выгнало взашей. Однако американцы, *сунув* тогдашнему президенту Мексики десять миллионов долларов, долину Джилли все же приобрели...

Уокера отдали в США под суд, но таинственным образом оправдали. Позже он высадился в Никарагуа, провозгласил себя тамошним президентом, но снова не повезло...

1854 г. США направили тогдашним великим державам послание, в котором с прямо-таки детским цинизмом объявлялось, что Америке в интересах безопасности нужна Куба и потому они имеют «божественное право» любыми средствами отобрать ее у Испании.

Великим державам эти забавы подросшего звереныша категорически не понравились, и они отреагировали жестко, ответив меморандумом, чье содержание, если продраться сквозь паутину изысканных дипломатических оборотов, сводилось к незамысловатому вопросу: а вы, ребята, не обожретесь, если будете такими темпами лопать?

«Ребятам» пришлось дать «полный назад» — в те времена США еще не могли себе позволить ссориться с тогдашними великими державами. И Куба еще сорок лет оставалась испанской — а потом янки эту вопиющую несправедливость поправили...

Тогда же, в 1854-м, США сделали попытку захватить Гавайские острова — однако британский лев, в *том* районе пока что всесильный, грозно рыкнул: «Отставить!» Пришлось отставить — опять-таки лет на сорок... «Ребята» отыгрались в другом месте — захватили Тигровый остров близ Панамского перешейка, очень уж выгодно расположенный, как нельзя более подходивший в качестве плацдарма у берегов Южной Америки. Тут снова зарычала Англия, успевшая захапать в Центральной Америке так называемый Москитный берег (на трассе будущего Панамского канала) — в Англии тоже умели заглядывать вперед и рассчитывать на несколько ходов. Правда, в этом случае договорились полюбовно, без бряцанья оружием: постановили, что будущий канал станут контролировать совместно (позже, окрепнув, США это соглашение благополучно похерили).

Ну, а параллельно янки у себя дома постепенно, можно сказать, ползком, проникали на индейские территории. Еще в 1834 г. Конгрессом США был принят специальный закон «О регулировании торговли и отношений с индейскими племенами и о сохранении мира на границах». По нему сохраняла свою неприкосновенность обширная Индейская территория, занимавшая нынешние штаты Айова, Миннесота, Канзас, Небраска и Оклахома. Индейцы там были полными собственниками и хозяевами, упомянутый закон торжественно провозглашал их земли «независимыми» и «неприкосновенными». Посторонним белым там жить воспрещалось, за исключением учителей, миссионеров, торговцев с лицензией и правительственных чиновников, направляемых из Вашингтона в качестве своеобразных дипломатов.

Однако вскоре индейцев начали вытеснять с их «независимой и неприкосновенной» территории — где прямыми военными действиями, где угрозами и хитростью. Еще до Гражданской войны от Индейской территории осталась только Оклахома (но в 1889 г. и туда усилиями стоявших за кулисами железнодорожных компаний нахлынула стотысячная орава белых поселенцев, с которой краснокожие уже ничего не могли поделать...)

Да вот, кстати. Крупнейший американский поэт Уолт Уитмен, которого в советские времена отчего-то принято было считать этаким символом подлинной демократии, глашатаем всевозможных свобод, а также равенства и братства, во время мексиканской кампании как раз самым горячим образом поддерживал американскую агрессию и восторгался тем, как «наши» надавали «грязным мексикашкам»...

И наоборот, Марк Твен, всю жизнь горячо выступавший против империализма янки, иронически советовал изменить рисунок флага США — белые полосы на нем выкрасить в черный цвет, а вместо звезд в синем квадрате поместить череп и скрещенные кости...

Все вышеизложенное имеет прямое отношение к рассказу о сути и причинах Гражданской войны. Помимо всего прочего, имперские амбиции США и бурная деятельность во всех уголках земного шара были выгодны главным образом Северу...

Насущные интересы Юга имели точную локализацию: западные свободные земли США, Куба, Никарагуа и Мексика. То есть те регионы, где можно было обзавестись свободной землей под плантации (хлопководство чертовски истощало почву) и наемной рабочей силой, которой можно заменить рабов.

Всё! То, что выходило за пределы этого, Юг не интересовало абсолютно — ни Гавайи, ни Аляска, ни проникновение в Юго-Восточную Азию и Сибирь, ни японские дела, ни мессианские амбиции, ни болтовня о высшем предназначении будущей империи. Никакой такой империи на полмира Югу не требовалось. И основанная южанами Демократическая партия вдобавок становилась еще и тормозом на пути «имперцев»...

Думается мне, теперь можно считать практически доказанной нехитрую истину: в случае цивилизованного развода и мирного ухода Юга в самостоятельное плаванье Север, во-первых, нес колоссальный финансовый ущерб, во-вторых, обязательно должен был расстаться с имперскими амбициями. Он превращался в крохотное захолустное государство, спокойствие в котором очень быстро сменилось бы чередой катаклизмов...

В этом варианте будущее просчитывается крайне легко, многое буквально лежит на поверхности.

Итак, Юг отделился. Автоматически оказывается не у дел орда северных посредников в торговле хлопком и весь немаленький северный торговый флот. Одновременно скатывается в жуткий застой прочая американская промышленность: теперь Юг имеет полную возможность получать все ему необходимое непосредственно из Европы, не платя накрутки, достигающие половины цены товара.

Такое положение приводит к серьезному спаду производства на Севере. Останавливаются фабрики, перерабатывающие хлопок, — а следом и прочее производство — за отсутствием спроса. Останавливаются заводы, производящие рельсы, паровозы и прочее оборудование для стальных магистралей: из того *пятачка*, каким теперь стали Соединенные Штаты, больше уже ничего не выжмешь, железных дорог там и так достаточно. Все честолюбивые планы северных магнатов летят в трубу — Юг отныне чу-

жая страна, которая не позволит, чтобы ее доили, как безответную коровушку.

Естественно, вслед за экономическим кризисом (а то и параллельно с ним) разгорается финансовый. Банки *куцего* государства, Северных Соединенных Штатов, в таких условиях уже не могут делать деньги. На бирже — падение акций и облигаций. Народ, как всегда бывает в таких случаях, живо принимается прятать золотую и серебряную монету, в обращении остается только бумага, а следовательно — виток инфляции, взлет цен на все необходимое. Безработица.

Горючего материала на Севере предостаточно: это и многотысячная рабочая масса, которая и до того-то жила не ахти, и многие тысячи обитателей трущоб тогдашних «мегаполисов» вроде Нью-Йорка: раньше они еще как-то перебивались, а нынче явственно замаячил призрак голодной смерти.

И оружия навалом, чуть ли не под каждой подушкой...

Вспыхивают бунты — как не раз уже до того случалось в реальной американской истории. Американцы в силу тех самых специфических национальных качеств, о которых я подробно рассказывал, бунтовать умеют и любят. Голодные толпы громят правительственные здания, продовольственные склады и все прочее, что подвернется под руку (как это имело место в *реальном* нью-йоркском бунте 1863-го, с которым мы познакомимся позже). Как всегда в таких случаях, маслица в огонь подливают и национальные противоречия: белые дерутся с черными, коренные янки, англосаксы-пуритане — со всевозможными эмигрантами из Европы. Армия малочисленна, полиция ненадежна, к тому же и солдаты, и полисмены не получают жалованья. Начинается ад кромешный...

Жители больших городов, где стало холодно и голодно, массами кидаются прочь, искать пропитания на окрестных

фермах. Фермеры отвечают огнем из всех стволов. Люди бегут куда только возможно: в Канаду, на Юг, на малонаселенные западные равнины. Эпидемии, конечно. Война всех против всех.

Это не надуманные черные страшилки, а вполне реальный расчет, проистекающий из тогдашних американских условий. К слову, нечто подобное как один из вариантов предусматривалось некоторыми аналитиками в случае, если кризис 1929 г. не удалось бы преодолеть. Что уж говорить о временах более ранних, середине девятнадцатого столетия?

Финал предсказуем: вдоволь хлебнувшее хаоса, голода и разрухи население будет приветствовать любую власть, которая сможет навести минимум порядка и накормить хотя бы черствой корочкой. Не исключено, что на Север вводятся южные войска — а навстречу им, вполне вероятно, движутся из Канады батальоны британских бравых ребятушек в красных мундирах (уж Англия-то в жизни не упустила случая отхватить себе кусок во время подобной смуты).

Но даже если бы события на Севере и не приняли столь трагического оборота, *основа* осталась бы прежней: крохотная, бедная страна, вплотную столкнувшаяся с народными волнениями, — а казна пуста, и Юг более не позволяет на себе паразитировать. Уныло...

Достаточно вспомнить, что творилось в реальных США второй половины девятнадцатого века: забастовки и стачки с участием многих тысяч человек, регулярные войска, стреляющие по забастовщикам боевыми патронами, бои между работягами и вооруженными отрядами на службе у частных корпораций. Профсоюзных вожаков вздергивают на виселицы по ложным обвинениям, нанятые магнатами головорезы забрасывают динамитными шашками палаточ-

ные городки забастовщиков, англосаксы бьют ирландцев, белые — черных... Всё то же самое, но в масштабах отдельно взятого Севера — именно таким было бы будущее страны без Юга.

Мне как-то не верится, что северные политики и магнаты, люди умные и проницательные, не просчитали предварительно тех печальных для Севера последствий, которые непременно повлекло бы за собой разделение страны. Обязаны были проработать варианты, ужаснуться... и костьми лечь, но не отпустить Юг.

Мало было просто не отпустить. Сама жизнь, сама логика событий толкала северян к еще более жесткому варианту: ради собственного процветания — да что там, из чистого инстинкта самосохранения! — Юг следовало ограбить. Дочиста. Только в этом варианте могли осуществиться все долголетние планы дельцов и политиков — от приумножения своих капиталов елико возможно до превращения единых Соединенных Штатов в сверхдержаву (этого слова еще не существовало, но смысл честолюбивых планов был истинно таков).

Гражданская война вспыхнула не вдруг. Лет тридцать, не меньше, тихонечко тлел этакий бикфордов шнур: накапливались противоречия, нарастала враждебность, линия Мейсона—Диксона все больше напоминала границу. Да и кровь уже лилась то там, то сям.

Собиралась гроза...

Глава четвертая

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕГОРЕТЬ, ЯРЧЕ ЛАМПОЧКА...

Возлюби соседа своего — но изгородь не сноси.

Бенджамин Франклин

Только очень благополучная и богатая страна может позволить себе демократию, ибо на земле нет и не было более дорогостоящего и продувного правительства, чем демократическое.

Г. Л. Менкен

1. Небо начинает хмуриться

В 1811—1812 г. в США побывал наш известный соотечественник Павел Петрович Свиньин — писатель, историк, художник, дипломат и издатель, оставивший интереснейшие воспоминания о своей поездке (138).

Тогдашние США мало напоминали ту «святыню демократии», на которую молилась наша перестроечная интеллигенция, пока не расшибла себе лоб. Вот как увидел Сви-

ньин выборы в Бостоне, свидетелем которых невзначай оказался: «Можно сказать, что дни выбора есть время разврата и насильства. В Америке агенты партий публично предлагают поить тех, кто хочет дать им свои голоса, и часто место выбора бывает окружено сильнейшею партиею, вооруженною палками, кои не допущают или застращивают граждан противной партии».

(Чтобы реабилитировать американцев, следует непременно уточнить: эти методы предвыборной борьбы придуманы не в Штатах, а занесены из Англии, впервые в мире и пустившей в ход разные интересные технологии, которые, взятые прямиком из жизни, изображены в классическом романе Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».)

Вражда меж двумя тогдашними основными партиями, федералистами и демократами, была такая, что ее без труда мог заметить проезжий иностранец. Свиньин: «Нигде сии две партии не ненавидят друг друга сильнее, как в сей области (т.е. в штате Массачусетс. — *А. Б.*). Ненависть сия оказывается во всех случаях, например, федералист никогда не закажет портному платье себе, который шьет на демократа, никогда не остановится в трактире, содержимом трактирщиком противной партии. В доме у демократа не найдешь федералистской газеты, а у федералиста демократской. Ужасная между ними ненависть передается от отца к детям, и часто федералист не отдаст дочь свою за демократа».

Обратите внимание: речь идет о чисто *северных* разногласиях. Коли уж за полсотни лет до Гражданской рознь достигла такого накала среди жителей одной части страны, то легко представить, как накалялись страсти между Севером и Югом — задолго до войны...

Свиньин приводит пример, когда подобная вражда в «области Массасушет» (как он выражается) закончилась

вовсе уж трагически. Цитата обширная, но очень уж ярко в ней передан дух непростого времени...

Сцепились как-то два представителя различных политических лагерей — Софреж и Остин...

«Сей последний жестокий (т.е. убежденный. — *А. Б.*) демократ печатал в газету, которую он издает, какую-то весьма обидную клевету против Солфрежа. Тот напечатал также в газетах свое оправдание и уличил в грубой лжи Остина. Меж тем Солфреж сделался очень болен. Остин вооружил против него сына своего — молодого человека, напитанного отцовским якобинством, который велел сказать Солфрежу, что в первый раз как встретится с ним, разобьет ему палкою голову. Солфреж отвечал, что прибить себя не позволит и застрелит его в таком случае как разбойника... И в самом деле спустя долгое время, когда Солфреж в первый раз, еще полубольной, вышел на биржу — молодой Остин при собрании множества народу нанес ему ужасный удар в голову. Солфреж, не говоря ни слова, вынул пистолет из кармана и застрелил его на месте. Наряжен был нарочный (т.е. специальный. — *А. Б.*) суд для сего дела — Солфреж был оправдан. Славный адвокат здешний, Декстер, говорил его оправдание, которое всеми почитается здесь за мастерское произведение гения судопроизводства. Демократы, ожесточенные его оправданием, а более возбуждаемые лицемерием Остина, который сделал чучело своего сына и, обагренного кровью, посылал по всем деревням, дабы вооружать народ противу федералистов. Однажды ночью собрались большою кучею перед загородным домом Солфрежа и начали вламываться к нему в дом. Он, видя отчаяние своего семейства, зарядил два пистолета, растворил двери и сказал твердым голосом черни: вход всякому свободен, но первые двое будут непременно застрелены. В минуту толпа рассеялась, и его навсегда оставили в покое».

Вот из подобных *зернышек*, словно из сказочных зубов дракона, и прорастала, сдается мне, будущая непримиримость американской Гражданской...

(Да, к слову. Чисто литературоведческое отступление. Сцена, когда толпа пыталась ворваться в дом Солфрежа, крайне напоминает известный эпизод с полковником Шерборном в «Гекльберри Финне» — настолько, что нет никаких сомнений: именно она и послужила Марку Твену основой).

Еще в 1830 г. начались упорные и долгие дискуссии о сути Соединенных Штатов. Во время дебатов между знаменитым политиком Уэбстером и сенатором Хейном Уэбстер настаивал, что США являются «единой нацией», а Хейн утверждал, что Конституция США — всего лишь «договор» меж «суверенными» штатами, каждый из которых, таким образом, состоит в США исключительно по собственной воле и уйти может в любой момент.

Ничего нового, собственно говоря, — это было лишь повторение старых споров времен первых лет независимости. Однако на сей раз дискуссия, однажды вспыхнув, уже не утихала. На Юге родилось движение так называемой нуллификации, сторонники которого заявляли: штаты имеют право не исполнять тех федеральных законов, что противоречат законам и интересам штатов.

Вот это было уже серьезно (тем более что подобных взглядов придерживались не только на Юге, но и на Севере...)

В 1833 г. этот взгляд озвучил в Сенате признанный идеологический лидер южан Кэлхун, заявивший: «Конституция — это договор суверенных штатов. Всякий раз, когда стороны, не имеющие общего посредника, заключают договор, за каждой из них остается право самой судить об объеме своих обязательств». Теоретик суверенитета Джон

Кэлхун был личностью незаурядной — и политиком не из мелких. Бывший вице-президент и военный министр, он пользовался в политической жизни США огромным авторитетом. Дж. Кеннеди в своей книге называет Кэлхуна «одним из трех наиболее выдающихся парламентских лидеров за всю американскую историю» (77). Даже упомянутый Уэбстер, ярый враг Кэлхуна, считал своего противника «самым способным человеком в Сенате, превосходившим по масштабу личности кого-либо, кого он знал за всю свою жизнь на поприще государственной деятельности» (77).

Северянам, похоже, повезло, что Кэлхун умер в 1850 г. — не кто иной, как Дж. Кеннеди, в данном вопросе безусловно компетентный, полагал, что раскол на Север и Юг мог произойти уже в 1850 г. — однако помешала как смерть Кэлхуна, так и усилия его противника, сторонника «единой нации» Уэбстера, ярого противника рабовладения.

Немаловажный нюанс: мистер Уэбстер выступал против рабства не по велению души, как, например, Бичер-Стоу и ее многочисленные единомышленники, а по причинам чисто шкурного порядка — в свободное от парламентской деятельности время он занимался крупными земельными спекуляциями и, таким образом, числился среди тех, кто видел в сокрушении Юга свой коммерческий интерес...(58).

Семена, брошенные покойным Кэлхуном, дали всходы: на Юге все громче говорили, что суверенные штаты, собственно, вправе в любой момент выйти из Союза без всякого на то соизволения «парней из Вашингтона». Размежевание зашло настолько далеко, что, по свидетельству побывавшего незадолго до войны на Юге корреспондента английской «Таймс», там всерьез рассуждали о возможном

установлении на Юге... монархии. «Если бы мы могли получить в короли себе какого-нибудь из английских принцев, мы были бы довольны».

Этот же журналист написал слова, оказавшиеся очень быстро пророческими: «Ненависть итальянца к австрийцу, грека к турку, турка к русскому — не слишком холодное чувство. Но все эти ненависти — просто равнодушие, нейтральность сравнительно с враждою южно-каролинских джентльменов к северной сволочи. Войны роялистов с пуританами при Карле I, вандейцев с республиканцами были деликатными шутками по правилам утонченнейшего рыцарства сравнительно с тем, как будет воевать Юг с Севером, если дела их будут соответствовать словам» (56).

Повторяю, подобная ненависть не возникает в одночасье, а копится долгими годами...

А «дела», кстати, воспоследовали еще задолго до войны...

В 1832 г. Конгресс США, учено выражаясь, повысил протекционистские тарифы — а проще объясняя, опять поднял полагавшиеся государственной казне накрутки на ввозимые иностранные товары. Поскольку больше всего от этих накруток, как уже говорилось, страдал Юг, штат Южная Каролина (родина Кэлхуна) объявил, что считает новый закон о тарифах противоречащим Конституции США и интересам штатов — а потому отменяет его на своей территории и запрещает представителям федерального правительства на территории штата эти тарифы взимать. Одновременно Южная Каролина заявила: в случае применения против нее силы штат выйдет из Союза.

Президент Джексон взвился, словно уколотый шилом в известное место. Срочно направил в Южную Каролину послание, где сообщал, что считает выход штата из

состава США изменой и прозрачно намекал, что он-де не сможет «избежать исполнения своего долга». Что он имел в виду, гадать не приходилось: тут же президент внес на рассмотрение Конгресса закон о возможном применении федеральных войск против мятежных штатов.

Южане были люди крепкие и угроз не испугались. Тут же последовал ответ: «Штат на применение силы ответит силой и, уповая на Божье благословение, сохранит свободу любой ценой».

Конгресс США закон о «применении силы» тут же одобрил — но двинуть войска все же не решились, чувствуя, что легкой прогулки не получится и южане будут драться всерьез. Повышенные тарифы потихонечку отменили, а Южная Каролина напоследок еще раз щелкнула федеральный центр по носу: она согласилась аннулировать свой закон о непринятии тарифов — зато отменила на своей территории «Закон о применении силы». И Вашингтон ничего не смог с этим поделать...

Как-то нечаянно создался интереснейший прецедент: успешное сопротивление штата федеральным законам. Многие себе сделали зарубку на память...

В 1837 г. с Севера пришел очередной финансовый кризис. Банк Филадельфии, где хранились государственные вклады, *заигрался* — не платил государству процентов по вкладам, хотя обязан был, да вдобавок распоряжался этими вкладами, как заблагорассудится. С помощью хитроумных махинаций, на которые банкиры были большие мастера, в долговой кабале оказалось множество и южных плантаторов, и северных фермеров. Те и другие подняли страшный шум, требуя справедливости. В конце концов тогдашний президент Джексон списал долги и северянам, и южанам, а государственные денежки изъял из Филадель-

фийского банка и поместил в более надежные. В результате всех этих пертурбаций банкротами оказалось немало северных биржевых спекулянтов — о горькой участи которых никто особенно и не сожалел...

В 1848 г. была основана новая политическая партия — партия фрисойлеров (от английского free soil — «свободная земля»). Родилась еще одна организованная сила, направленная против Юга: фрисойлеры против полного уничтожения рабства не выступали, но считали, что не следует распространять его на те земли, которые пока свободны и не организованы не то что в штаты, а и в территории. Поскольку южане как раз и намеревались устраивать на тех самых «ничьих землях» новые плантации, к новорожденной партии отношение на Юге было самое скверное: еще одна чума на нашу голову...

В том же году будущий президент, а пока что рядовой конгрессмен Авраам Линкольн во время сенатских дебатов по поводу войны с Мексикой сделал примечательное заявление: «Любой народ в любой стране, имеющий силу и желание, вправе восстать, сбросить существующее правительство, образовать новое, более для него подходящее. Любая часть такого народа может и имеет право восстать и образовать свое управление на той части территории, которую она населяет. Более того, большинство такой части народа имеет право революционным путем подавить меньшинство, которое живет смешанно с ним или где-то близко, но противящееся движению большинства... Свойство революций — не считаться со старыми традициями или старыми законами, а отбросить и то, и другое и создать новые» (156).

Через двенадцать лет, провозгласив свои штаты суверенным государством, южане ссылались в том числе и на эти слова Линкольна...

К тому времени в Штаты начался массовый приток эмигрантов из Европы — в 1840 г. 250 человек ежедневно, а в 1850 г. — уже по тысяче в день. В «земле обетованной» им жилось несладко: новым американцам приходилось работать за гроши — да вдобавок их заманивали к черту на кулички в качестве почти дармовой рабочей силы, бесправной и безропотной. Только в Нью-Йорке насчитывали десятки тысяч безработных, а двести тысяч обитателей мегаполиса «жили в крайней бедности и беспросветной нужде, без средств к существованию, не ведая, как пережить зиму, не имея никакой помощи, кроме той, что предоставляли благотворительные общества» (93). Беспризорных детей в том же Нью-Йорке насчитывалось десять тысяч.

10 мая 1849 г. в Нью-Йорке вспыхнул ирландский бунт (ирландцев в основном за гроши использовали как неквалифицированную рабочую силу на прокладке дорог и каналов). Толпа атаковала модный среди богачей оперный театр «Астро-Плейс» и забросала его камнями с криками «Сожжем проклятое логово аристократии!» Полиция оказалась бессильной, вызвали народное ополчение, которое стреляло в толпу. Около двухсот человек были убиты или получили ранения.

Вот тут непременно следует упомянуть, что Юг все же не знал подобных хворей: необозримых трущоб, десятков тысяч безработных, балансирующих на грани голодной смерти, детского труда на фабриках и заводах... То есть пороков, которые свойственны *индустриальной* цивилизации...

Чтобы лучше понимать происходившее, следует подробно ознакомиться с такой важной деталью, как «Миссурийский компромисс».

В начале XIX в. Соединенные Штаты состояли из 16 штатов — восьми рабовладельческих и восьми «свобод-

ных» (то есть неграми там не торговали, но преспокойно имели их в собственности). Соответственно, и в Сенате сохранялось равновесие: 16 сенаторов от Юга и столько же от Севера. Когда впоследствии стали создавать новые штаты, был принят «Миссурийский компромисс», сохранявший то самое равновесие: на каждый вновь принятый в Союз рабовладельческий штат должен приходиться один свободный, и наоборот. Эта не особенно сложная система уберегала от конфликтов чуть ли не полсотни лет.

Потом положение изменилось. Когда принимали «компромисс», огромные территории на западе были еще неосвоенными, и никто не предполагал, что туда в скором времени хлынет поток поселенцев. Но именно так и произошло. Федеральное правительство в конце концов «компромисс» отменило и вместо него приняло «Закон Дугласа», по которому теперь каждый новый штат мог решать, будет он рабовладельческим или свободным.

Внешне это выглядело чертовски демократично. А на деле, как легко догадаться, стало зародышем непримиримых конфликтов: теперь в каждом новом штате существовали две группировки, твердо намеренные настоять на своем. И полилась кровь...

Но не будем забегать вперед. К 1840 г. на Севере наконец-то провели реформу, расширившую избирательные права — до того в некоторых штатах Новой Англии право голоса имел лишь человек, располагавший солидной недвижимостью вроде каменного дома или сотни гектаров земли...

В 1850 г. случилось еще одно событие, углубившее раскол между Севером и Югом: на Севере была основана новая, Республиканская партия, куда вошли многие организации и движения, боровшиеся как против рабовладения, так и против распространения рабства на новые земли. Вместо десятков разрозненных организаций появился единый штаб, направленный против Юга.

Неугомонная Южная Каролина в знак протеста против этих новшеств опять заявила, что готова выйти из Союза. Вновь начался обмен ультиматумами между южанами и Вашингтоном, вновь президент угрожал, что лично поведет армию на юг против «изменников». И снова как-то удалось договориться...

В том же 1850 г. федеральное правительство решило сделать еще один шаг для улучшения положения угнетенных негров — была торжественно запрещена работорговля в округе Колумбия (куда, как вы помните, входит стольный град Вашингтон с прилегающими окрестностями). Что опять-таки не означало запрета на *рабовладение* — торговать рабами в Вашингтоне перестали, но все, у кого имелись чернокожие невольники, преспокойно продолжали ими владеть (в том числе и будущие видные деятели Севера в период Гражданской...).

А практически одновременно с запрещением работорговли в Вашингтоне федеральное правительство приняло нечто прямо ему противоположное — «Закон о беглых рабах», по которому федеральным властям всех северных штатов вменялось в обязанность ловить на своей территории беглых рабов (как с Севера, так и с Юга) и возвращать их хозяевам.

Это была *кость*, брошенная Югу, чтобы хоть немного сбить накал страстей: теперь уже не только Южная Каролина, но и весь Юг говорил об отделении, целостность страны висела на волоске, прямо посреди дебатов сенатор-северянин хотел застрелить из револьвера своего коллегу-южанина, и окружающие едва успели отобрать у него ствол...

А в 1851 г. разразился очередной биржевой кризис, вызванный опять-таки чисто северными проблемами. У железнодорожных компаний была милая привычка: едва получив жирные субсидии от правительства, объявлять о своем банкротстве — а прочие акционерные общества преспокойно выпускали поддельные акции и торговали ими на бирже (речь шла о миллионах долларов). Банкиры, как обычно, вносили свой вклад. Снова скачок цен, инфляция, снова народ прячет золото и серебро, а фунт хлеба стоит фунт бумажных долларов...

Шесть лет спустя, в 1857 г., грянул новый кризис. Началось с банков, а кончилось потерей работы для двухсот тысяч человек (из них сорок тысяч оказались на улице в Нью-Йорке). Начались массовые беспорядки, толпы безработных громили угольные склады — зима выдалась суровой, а денег на топливо не было. В Нью-Йорке толпа из пятисот человек атаковала полицейский участок, забрасывая его кирпичами и паля из пистолетов. Другая толпа захватила городской муниципалитет, откуда мятежников удалось выставить, только вызвав морскую пехоту...

Именно тогда на Севере стали создаваться первые профсоюзы. Чуть ли не до самого начала Гражданской войны весь Север был охвачен забастовками и беспорядками: рабочие громили фабрики, войска стреляли по ним боевыми патронами. Юг смотрел на все это с ужасом и отвращением, потому что сам ничего подобного не знал...

Еще одна примечательная деталь того бурного времени — «подземная железная дорога». К метро она не имела никакого отношения: это была цепь нелегальных «станций», классических явочных квартир, тянувшаяся от линии Мейсона—Диксона до канадской границы. По ней энту-

зиасты (многие из которых всерьез рисковали жизнью) переправляли в Канаду беглых рабов. Кто-то пробирался ночами по лесам и болотам от явки к явке. Кто-то проделывал этот путь на повозке под соломой, в ящиках с яблоками, в мешках из-под муки. Кто-то рискнул идти в открытую: двадцатишестидетняя мулатка Элен Крафт, молодая женщина с очень светлой кожей, переоделась «светским молодым человеком», прямо как в романе Майн Рида «Квартеронка», а своего мужа, ярко выраженного негра, выдала за слугу. Она была неграмотна и, чтобы не расписываться в гостиничных книгах, забинтовала правую руку, ссылаясь на ревматизм. Эта супружеская пара, преодолев более двух тысяч километров, благополучно добралась до Канады...

Одним из активнейших деятелей «подземки» была беглая негритянка Гарриет Табмен — чья деятельность может послужить основой для дюжины приключенческих романов. Гримируясь и меняя внешность, она совершила 19 «рейсов» на Юг и вывезла оттуда более трехсот беглых рабов. С пистолетами она не расставалась и любила повторять: «Есть две вещи, на которые я имею право: свобода или смерть; и если я не получу первую, то мне достанется вторая, потому что живой я не сдамся».

За ее поимку полагалась на Юге награда в две тысячи долларов (огромная сумма по тем временам), но Гарриет так ни разу и не попалась...

Естественно, что и на Севере всем, причастным к «подземке», приходилось соблюдать строжайшую конспирацию: при провале по северным законам их ждал бы суд как «похитителей чужой собственности». Как уже неоднократно подчеркивалось, «прогрессивный» Север рабами торговать перестал, но по-прежнему считал их «имуществом». Классический случай — приговор по делу Дреда Скотта.

Скотт был рабом некоего южанина, который вывез его в «свободный» штат Иллинойс. Скотт, очевидно, питавший иллюзии в отношении северной свободы, подал в суд, требуя предоставить ему свободу — на том основании, что проживает он не на рабовладельческом Юге, а на свободном Севере.

Верховный суд США вскоре объявил свой приговор: «Негры есть низшие существа по сравнению с белыми, они не являются и не могут стать частью американского народа, у них нет никаких прав, которые белый человек был бы обязан уважать». В приписке Скотту было разъяснено, что, где бы он ни обитал, он является *имуществом*...

Вот так себя держал «прогрессивный» Север. В «свободных» штатах с превеликим усердием ловили беглых рабов, к которым не питали ни малейшей симпатии. Дело облегчалось тем, что в Конституции США не было ни словечка о запрете на рабство...

Тем временем отмена «Миссурийского компромисса», худо-бедно, но сдерживавшего страсти, привела к ожидаемому результату — в США началась *вторая* по счету гражданская война. Правда, на сей раз ограничившаяся одним-единственным штатом Канзас.

Кровь и пожарища...

2. Родина Элли и Тотошки

Если кто помнит, именно в Канзасе жила на ферме маленькая девочка Элли, которую ураган унес вместе с домиком в Волшебную страну к Железному Дровосеку, Трусливому Льву, Страшиле и прочим симпатичным (а также не особенно) сказочным персонажам.

Девочке Элли крупно повезло в том, что жила она десятилетия спустя после канзасской гражданской войны — иначе сказка бы получилась не такой веселой...

Итак, Конгресс США в нарушение предыдущих договоренностей объявил, что отныне жители новых территорий (в том числе и Канзаса, естественно) могут сами выбирать, свободным будет их штат или рабовладельческим...

В первый момент трудно понять, чем руководствовались господа федеральные законодатели. Кто-то может решить, что они и в самом деле видели в своем воображении самую что ни на есть благостную, идиллическую картину: избиратели, обмениваясь улыбками и поклонами, чинно шагают к урнам, куда благопристойно опускают бюллетени «за» и «против» рабства. Играет духовой оркестр, торгуют лимонадом, знамена развеваются...

Можно подумать, конгрессмены не знали своих земляков, давно уже склонных решать политические дебаты с помощью дубинок и пистолетов. Можно подумать, конгрессмены вчера родились и в жизни не слыхивали об американских реалиях...

В общем, они, конечно, были не идиоты и должны были предвидеть, какого джинна выпускают из бутылки. Но во всем этом деле имелась своя подоплека. Связанная все с теми же золотыми кружочками и радужными бумажками (впрочем, исторической точности ради нужно отметить, что тогдашние американские купюры были довольно непривлекательными по исполнению...)

Законопроект о «свободном выборе будущего» пробил сенатор Стивен Дуглас из северного штата Иллинойс. Сначала Дуглас успешно подвизался в качестве юриста, но потом, поднакопив деньжонок, вложил немаленькие капиталы в железнодорожное строительство. Штаты Канзас и Небраска, по его мнению, были идеальным местом

для прокладки трансконтинентальной железной дороги. Что, как мы помним, было крайне прибыльным бизнесом: субсидии от правительства, земля по обе стороны дороги (десять миль вправо, десять миль влево на всем протяжении) передается в собственность владельцев «чугунки»...

Сделайся Канзас рабовладельческим, никаких железных дорог там бы никто строить не дал. Именно потому Дуглас в одночасье и заделался видным противником рабства, произнося прочувствованные речи о свободе, демократии и священном праве народа на волеизъявление. Именно потому он и протащил «Билль Канзас—Небраска». При удаче будущий железнодорожный олигарх рассчитывал подняться еще выше — выдвинуть свою скромную кандидатуру в президенты — опять-таки как борец за свободу, против «прогнившего рабовладения». Что и говорить, оборотистый был человек...

Многие тогда же раскусили и его игру, и потаенные мотивы — но бывший юрист все же свой закон протащил.

Очень быстро население тогдашнего Канзаса разбилось на две партии, южан и северян, то бишь сторонников разного подхода к проблеме и разных взглядов на будущее штата. А чего же еще следовало ожидать? Того самого чинного голосования? Плохо вы знаете вольные американские нравы...

Вместо того чтобы заморочиваться с урнами и наглядной агитацией, принялись заряжать ружья, седлать лошадей и точить охотничьи ножи.

Впрочем, поначалу и в самом деле состоялись выборы — но, поскольку большинство в Законодательной палате досталось южанам, делегаты-северяне встали в позу, заявили, что лично они участвовать в работе столь гнусного учреждения не будут — и удалились куда-то в неизвестность.

Тем временем...

Наиболее совестливые советские ученые (находились и такие) писали о последующих событиях нейтрально: «Начались столкновения между сторонниками и противниками рабства». Это была полуправда, но все же не откровенная ложь. Субъекты более циничные недрогнувшей рукой выводили нечто вроде: «В Канзас хлынули банды развязавших войну рабовладельцев».

Вот только, что примечательно, еще в 1940 г. в одной из идеологически выдержанных книг благонамереннейшей советской писательницы Кальма (71) каким-то чудом проскочила сущая правда: *первыми* начали все же северяне. Судя по всему, цензор под кодом «А35154» не настолько хорошо знал заокеанскую историю, чтобы усмотреть крамолу...

Короче говоря, на территорию Канзаса нагрянула сотня вооруженных до зубов северян, разбила лагерь в живописном месте и объявила: они сюда явились приглядеть за соблюдением демократии. Чтобы чего не вышло... А ежели что, они и на выборах в два счета проголосуют так, как нужно — супротив реакции, ясное дело...

Канзас тогда еще не был полноправным штатом, но и на территории действовали свои законы: чтобы участвовать в выборах, нужно было прожить в данном районе какое-то время. С точки зрения закона, визитеры были нарушителями — о чем им и сообщили южане. Однако северяне, ощетинясь мушкетами, заявили, что останутся здесь, а кто против демократии — тому пулю в лоб. Южане плюнули и уехали.

Следом за сотней северян повалили новые и новые — все поголовно прихватившие с собой средства демократического убеждения, как однозарядные, так и рассчитанные на шесть патронов. Тогда в Канзас стали съезжаться и сторонники южан — тоже не с пустыми руками.

Губернатор территории Ридер, сторонник северян, неведомо с какого перепугу назначил местом заседания Законодательной палаты какую-то деревушку в глуши. Члены палаты тащиться за тридевять земель отказались. Тогда губернатор палату распустил — что с его стороны было нарушением всех и всяческих законов. Члены палаты послали жалобу в Вашингтон, и губернатора моментально уволили.

Однако тем временем северяне собрали своих сторонников и быстренько выбрали *свою* Законодательную палату, а своим главой избрали Ридера. Получилось форменное двоевластие: два лидера, две Законодательные палаты, две администрации. Каждая из них считала законной только себя, а конкурентов именовала так, что и сказать неприлично.

Южане отловили некоторое количество *пришлых*, нахлынувших в Канзас и незаконно принявших участие в выборах, — но ничего плохого им не сделали, всего-навсего посадили на пароход и отправили из Канзаса.

И началось... К обеим сторонам стали прибывать подкрепления — пароходами, верхом, целыми поездами. Нагрянуло изрядное количество ошивавшихся в Штатах революционеров из Франции, Италии и Германии — тех, кому пришлось бежать из своих стран после подавления бунтов, которые они устроили. Естественно, вся эта чертовски прогрессивная публика собиралась воевать против «подлых рабовладельцев»...

И началась самая настоящая война, бессмысленная и беспощадная. Конечно, легко догадаться, что не было ни линии фронта, ни военной формы, ни чинов и званий — по равнинам Канзаса гонялись друг за другом вооруженные отряды числом от нескольких десятков до нескольких тысяч. Горели поселки и фермы, пленных попросту

расстреливали. В Канзас хлынул уголовный сброд, под шумок обтяпывавший свои делишки, — война, как известно, все спишет, поди разбери потом, кто грабил фермы, идейные партизаны или заезжие головорезы. Свою долю переполоха вносили и индейцы, то и дело снимавшие скальпы то с южан, то с северян, — в большую политику белых краснокожие не собирались вмешиваться, просто-напросто Канзас был их исконной территорией, и они, согнанные с родных земель, мстили всем бледнолицым без разбора...

Беспорядки докатились даже до Вашингтона: во время дебатов в Конгрессе некий сенатор Семнер назвал канзасских южан «бандой разбойников» и «гнилой отрыжкой цивилизации». За что южный сенатор Брукс от души врезал ему тростью по голове. (Истины ради следует напомнить, что был уже случай в Конгрессе, когда северный сенатор бросался на южного с револьвером — так что не южане начали...)

Понемногу кровопролитие удалось прекратить — усилиями федерального центра. Законным «парламентом» Канзаса было признано *первое* — избранная без малейших нарушений закона Законодательная палата, где большинство принадлежало южанам.

Северным экстремистам такое пришлось не по вкусу. Как и будущие российские интеллигенты, они действовали по принципу: что им не нравится, то плохо, а если закон не на их стороне, то это неправильный закон...

Активный деятель «северных» Джон Браун, личность жутковатая и забрызганная кровью по уши, темной ночью нагрянул со своими людьми в поселок южан и убил пятерых из них. Исключительно за то, что они были «сторонниками рабовладения», а это пришлось Брауну не по душе...

Скандал был нешуточный. Даже многие северяне Брауна осудили, считая, что все же не следует перегибать палку и убивать людей, за которыми нет *конкретной* вины. Сам Браун ни малейших угрызений совести не чувствовал и твердил, что совершил «угодное Богу дело». Сохранились воспоминания одного из северян, доброго приятеля Брауна, тем не менее пораженного случившимся: «В наш разговор вмешалась моя жена:

— Значит, капитан, — сказала она, — вы думаете, что Бог использовал вас как свое орудие для того, чтобы убивать людей?

— Да, — сказал Браун. — Я думаю, что Бог использовал меня как орудие для убийства людей. И если я не умру в ближайшее время, я думаю, что Он использует меня в качестве орудия убийства еще очень многих людей!» (53).

Власти Канзаса повели себя крайне реакционно: принялись ловить Брауна и его сообщников как чистой воды уголовников-убийц. Но это уже не могло ничего изменить: враждующие стороны вновь взялись за оружие, снова пылали поселки и гремели выстрелы. Северянин Монтгомери с отрядом вооруженных сторонников демократии совершил налет на Верховный суд Канзаса и сжег все дела, имевшиеся там на его единомышленников. Суд Канзаса заочно приговорил его за этакий подвиг к тюремному заключению — или, выражаясь словами одного из советских историков, совершил «явную несправедливость»... А Монтгомери, ободренный успехом, вместе с Джоном Брауном напал на тюрьму и освободил северян, сидевших там за демократические убеждения — то есть за убийства, поджоги и прочие художества...

Разгоревшаяся вновь война продолжалась четыре года. Дошло до того, что губернатор Канзаса махнул на всё рукой и бежал, поскольку его всерьез собирались прикончить и те, и эти... Какое-то время Канзас оставался вообще без всякой законной власти — те, кого Вашингтон хотел назначить туда губернатором, отбивались руками и ногами, заявляя, что они не самоубийцы, хотят пожить еще да и детей нужно ставить на ноги...

Наконец отыскался решительный человек по фамилии Джерри, который согласился занять губернаторский пост. Когда он приехал в Канзас, то чудом избежал в первый же день лютой смерти на большой дороге, где на губернаторскую свиту напала вооруженная ватага. Позже выяснилось, что эта шайка не имела отношения ни к одной из противоборствующих сторон — просто-напросто очередная банда грабителей углядела едущих верхом городских пижонов при часах и бумажниках, ну, и решила прибарахлиться...

Джерри докладывал в Вашингтон, что нашел Канзас в состоянии «запустения и разрухи»: «Дома и очаги покинуты жителями. Дым горящих жилищ застилает небо. Женщины и дети, изгнанные из своих домов, бродят по прериям и лесам и ищут убежища и защиты даже среди индейцев. На дорогах свирепствуют многочисленные банды грабителей. Враждующие стороны укрепляли захваченные ими позиции в городах и в своем почти доходившем до безумства возбуждении готовы были уничтожить друг друга... Казна была совершенно пуста... законы потеряли силу, суды фактически не работали, и правительство почти не имело никакой власти».

Джерри взялся за дело энергичнейшим образом. Он вытеснил из штата самых оголтелых экстремистов, запретил въезд как южным, так и северным подкреплениям и принялся наводить порядок, где уговорами, а где и демонстрацией силы: на подмогу ему уже вошли подразделения федеральных войск.

Понемногу обстановка разрядилась. Канзас был принят в Союз в качестве рабовладельческого штата. Убитых похоронили, сожженные поселки отстроили. Отрадно уточнить, что прохиндей Дуглас, заваривший всю эту кашу, остался ни с чем. Он все-таки выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах (на сей раз изображая горячего сторонника и защитника идеалов Юга), но все уже разобрались, что он собой представляет, и на выборах Дуглас пролетел. В железнодорожные магнаты ему тоже не удалось выбиться.

Точное число жертв второй гражданской войны мне неизвестно — но не подлежит сомнению, что оно велико.

Прецедент был создан опаснейший: южане и северяне, впервые оставив словесные баталии, сошлись лицом к лицу, с оружием в руках. Ни та, ни другая сторона не осталась удовлетворенной, слишком многие затаили злобу, слишком многие мечтали о реванше и мести.

В далеком туманном Лондоне бородатый политический эмигрант Карл Маркс (многие приятели которого, разномастные революционеры из разных стран, воевали в Канзасе против южан) писал вскоре после событий: становится все более очевидным, что война в Канзасе будет *прологом* гражданской войны в США. Маркс в своих предсказаниях частенько попадал пальцем в небо, но на сей раз он оказался пророком без кавычек.

А всего через год после окончания войны в Канзасе, в 1859 г., вновь загремели выстрелы и пролилась кровь. Это была еще не война, но, без малейших натяжек и преувеличений, *первый* террористический акт на территории США. Организованный тем самым Джоном Брауном, убийцей из Канзаса, о котором самое время рассказать подробнее. Личность гнусная, да что там, просто омерзительная — но как-никак это первый в истории США террорист, и пройти мимо этой истории невозможно, тем более что она самым тесным образом связана с Гражданской войной в США...

4. Вампир с Библией в руке

Джон Браун родился в Коннектикуте — то есть был пуританином в квадрате. Все его отрицательные черты родом прямехонько из пуританства: фанатизм, убежденность в «богоизбранности», лютая нетерпимость к чужим убеждениям и лютая вера в святую правоту идей собственных. Именно в Коннектикуте печальной памяти «Синие законы» требовали продавать должника в рабство, а в воскресенье запрещали громко говорить и смеяться. Именно в Коннектикуте муж нес наказание, если оказывался уличен в том, что в воскресенье поцеловал собственную жену. «Какие бы то ни было лица, носящие золотые или серебряные шнуры, золотые или серебряные пуговицы, шелковые ленты или другие какие-либо излишние украшения, будут подвергнуты налогу в размере 150 фунтов стерлингов». Это тоже из «Синих законов» Коннектикута...

Биография Джона Брауна вызывает некую тоскливую оторопь — редко случается, чтобы человеку столь роковым образом не везло, чтобы он к зрелым годам оказался *настолько* никчемным, не способным найти себе применение решительно ни в чем. Патологический неудачник. Судите сами: сначала учился на священника (не сложилось), потом занимался дублением кож (прогорел), служил почтмейстером (не справился, уволен), торговал шерстью и лесом (без особого успеха), был пастухом, попытался

стать овцеводом-предпринимателем (с тем же печальным результатом), работал у скотопромышленника, пытался завести собственную ферму, недолго прослужил землемером, недолго был директором банка, земельным спекулянтом, разводил беговых лошадей... О его деловых качествах дает представление унылый нюанс: к началу гражданской войны в Канзасе Брауна, как злостного банкрота, разыскивали в 20 штатах США из тогдашних 34-х. Тут уж попахивает книгой рекордов Гиннесса.

Жена сошла с ума и умерла — что Брауну доброты и душевного спокойствия отнюдь не прибавило.

Что до детей — то тут явственно просматривается некая патология. Как вспоминал впоследствии старший сын Брауна, папаша завел своеобразную счетоводную книгу, куда старательно записывал прегрешения малолетнего сына и причитающееся за это взыскание:

«Джон:

за то, что не послушался матери, — 8 розог,

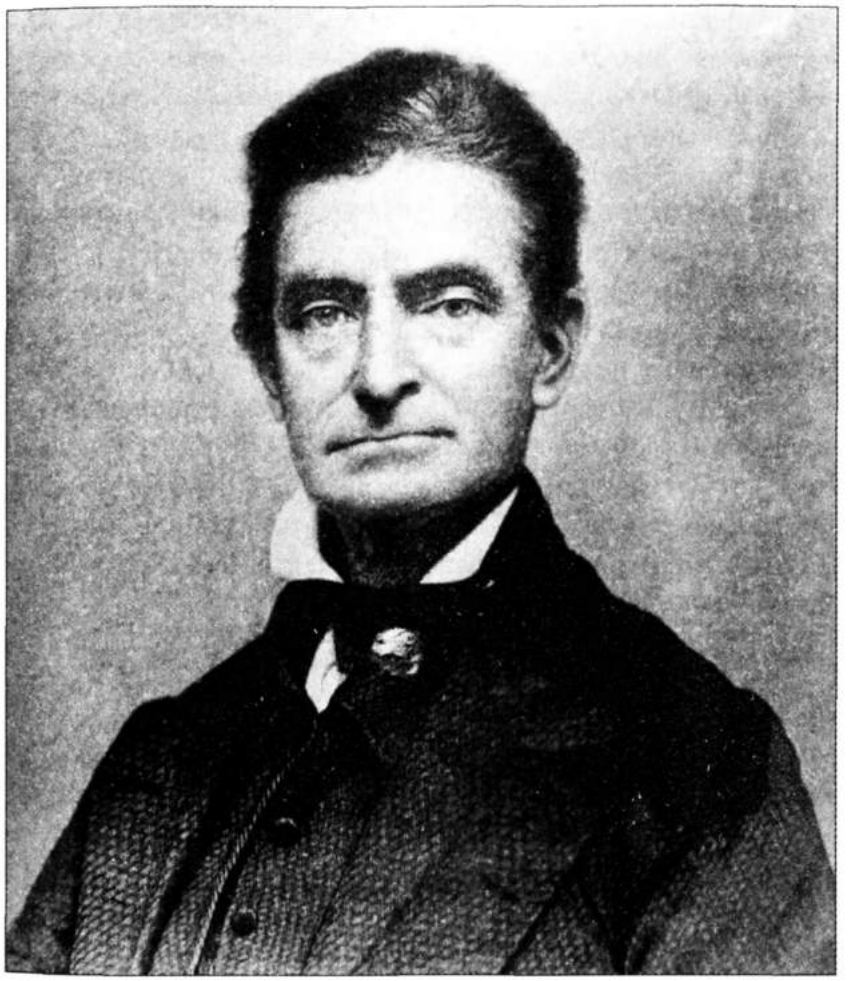
за небрежное исполнение работы, — 3 розги,

за то, что соврал мне, — 8 розог».

Когда «долгов» накопилось достаточно, Браун сынишку основательно выпорол, а потом... заставил сына пороть до крови себя самого. Явно попахивает, учено выражаясь, психическими девиациями, хотя за давностью лет и в связи с кончиной пациента точный диагноз поставить невозможно. Кстати, жена и дочери Брауна были обязаны носить платья исключительно «скромных» коричневых оттенков. Что он сделал бы со своими дочками, увидев у них в волосах цветные ленты, предугадать нетрудно.

Куда податься человеку с такой биографией и повадками — фанатичному неудачнику, злобствующему идеалисту?

Да на войну, конечно! Чтобы стрелять и резать несогласных, не требуется ни деловых качеств, ни добропорядочного труда. Как говорится — конь, ружье и вольный ветер...

Джон Браун

В Канзасе отряд «капитана Брауна» оставил за собой заметный кровавый след. Логическим завершением стало то самое ночное убийство пятерых фермеров — только за то, что они были «сторонниками рабовладения». К слову, двое

из этих «сторонников» были юнцами, почти мальчишками — и умоляли Брауна их пощадить, потому что они так молоды. «Капитан» сквозь зубы процедил:

— Из гнид вырастают вши...

И обоих юнцов зарубили саблями вместе с другими. Это уж было чересчур даже для Канзаса — и, как уже говорилось, многие единомышленники от Брауна отвернулись (полагая, что убивать следует только тех, кто против тебя выходит с оружием в руках, а резать ночью безоружных означает осквернять идею...).

Когда в Канзасе наконец-то наступил мир, новый губернатор Джерри потихонечку *выдавил* Брауна из Канзаса. Арестовать его открыто он не решился, чтобы, не дай бог, не развязать новую вспышку гражданской войны, и поступил хитрее: приказ об объявлении Брауна вне закона и его аресте отдал, но постарался сделать так, чтобы Браун узнал об этом заранее и незаметно смылся...

Браун так и поступил, тихонько исчезнув из Канзаса. К тому времени он был оскорблен до глубины души поведением бывших соратников по войне: они, приспособленцы и эгоисты, следовать высоким идеалам Брауна не желали. Плантаторов пускать в Канзас многие северяне не хотели — но исключительно потому, что желали устроить на новых землях собственные фермы. А к неграм относились хуже, чем самые ярые южные расисты. Браун же полумер не признавал: вслед за Стивенсом считал, что негров следует освободить всех и немедленно — а последствия пусть расхлебывает кто-нибудь другой...

Объявившись в местах гораздо более тихих, Браун вроде бы присмирел и занялся мирной коммерцией. Однако его сводный брат Иеремия Браун оставил воспоминания, которые на многое проливают свет...

«Он навестил меня, и я сделал все, чтобы убедить его вернуться домой к своей семье и заняться своими собственными делами. Я сказал ему также, что путь, по которому он идет, может привести к гибели как его самого, так и его сыновей... Он ответил мне, что мое неодобрение огорчает его, что он выполняет свой долг и должен идти по избранному им пути, даже если это грозит гибелью ему самому и его семье. Он вполне удовлетворен, сказал он мне, что Бог избрал его своим орудием для уничтожения рабства. Судя по всей манере его поведения и по его разговору, я пришел к убеждению, что он совершенно помешался на вопросе о рабстве, и дал ему понять, что я о нем думаю».

Иеремия был мирным обывателем, жил в штате Огайо и наверняка плохо представлял себе пуританскую новоанглийскую закваску. Уж если человек начинает твердить, что избран Богом для некоей высокой миссии, — жди беды...

Браун вел вроде бы обычную, ничем не примечательную жизнь — много ездил, встречался с людьми, вел чинные беседы. Вот только собеседники его были сплошь аболами, от пацифистов до экстремистов, от «официального аболициониста» негра Фредерика Дугласа до «кондуктора подземки» Гарриет Табмен.

Джон Браун втихомолку составлял Великий План...

План этот страдал чем угодно, только не мелочностью, и замыслы лелеялись прямо-таки наполеоновские. Предполагалось напасть на арсенал в виргинском городке Харперс-Ферри, захватить там побольше оружия и боеприпасов и отвезти их в горы Виргинии, идеально подходящие для партизанской базы. Отряд Брауна планировалось развернуть в целую армию: его члены должны были стать командирами групп, составленных из канадских негров,

обитающих там в эмиграции, и чернокожих, освобожденных с плантаций. «Партизанская республика» должна была постепенно охватить не только Виргинию, но и другие рабовладельческие штаты, вплоть до наступления окончательной победы.

Нужно отметить, что в теории все выглядело достаточно убедительно, было продумано и проработано до мельчайших деталей. Иногда успехом заканчивались мятежи, спланированные с гораздо меньшей скрупулезностью. Брауна можно обвинять в чем угодно, только не в сумасшествии. Он был *фанатиком*, а это совсем другое...

К тому же, что немаловажно, над этим планом работали десятки людей. Браун давным-давно установил теснейшие связи с организациями аболов, как мирными, так и экстремистскими. А таковых к тому моменту насчитывалось множество. В Канаде осело примерно 150 000 тысяч негров из США (другие источники уточняют, что эта цифра относится только к чернокожим баптистам, без учета прочих конфессий). Среди аболов немало было людей весьма богатых (вроде белого лесоторговца Стивена Сита, который построил приют для престарелых негров, обошедшийся в четыреста тысяч долларов). В штате Огайо негры владели примерно 10 000 акров земли, в штате Нью-Йорк — имуществом на общую сумму в 1 160 000 долларов. Среди негров имелось уже достаточно и своих успешных бизнесменов (Фредерик Дуглас, кстати, был одним из таких). Африканская методистская церковь объединяла 20 000 прихожан и владела имуществом на 425 000 долларов.

Организации вроде «Американского общества моральных реформ», «Тру Бэндс», «Всеобщей организации негров Массачусетса», «Негритянского общества», «Общества Феникса» держались ненасильственных методов и свои цели

формулировали четко: «Организация цветного местного населения в целях его нравственного и культурного совершенствования и обучения его ремеслам». То есть занимались благотворительностью, содержали школы, выпускали легальные газеты.

Ну, а *тайные* общества не исчерпывались одной «подземной железной дорогой» с ее несколькими сотнями белых и черных активистов. Существовали еще «Лига свободы», «Лига освобождения», «Американские тайны». Это были по-настоящему тайные общества, а потому так и осталось неизвестным, чем они занимались. В самых общих чертах — некоей нелегальной деятельностью на Юге. Именно с этими обществами связывали участившиеся убийства на Юге *доверенных* негров, выполнявших для своих белых хозяев роль тайных агентов и проникавших в нелегальные организации с целью их последующей выдачи. (Ну да, имелись и такие негры, а чего же вы хотели? Поголовной солидарности исключительно из-за цвета кожи? Это, пардон, утопия. Российские мужички, выкупившиеся из крепостного состояния на волю, тоже не особенно горели желанием облегчать участь своих «братьев по классу», продолжавших томиться в неволе. Человек — существо эгоистичное. Одни негры примыкали к тайным организациям, другие их старательно выслеживали и выдавали...).

Денег для своего предприятия, судя по всему, Браун без особого труда собрал немало. В мае 1858 г. на территории Канады в немудреном деревянном бараке на берегу какой-то речушки состоялся «конвент друзей свободы». Собралось более тридцати чернокожих и двенадцать белых — сплошь и рядом люди не бедные, впоследствии один из них стал майором северной армии, другой — конгрессменом, третий работал у Авраама Линкольна в Белом доме.

Примечательный нюанс: это были сплошь *радикалы*. Из умеренных, респектабельных, пусть и видных деятелей негритянского движения не позвали ни единого человека, что понятно — обсуждавшиеся там вопросы умеренных привели бы в панику...

Конвент вполне серьезно обсуждал будущее Соединенных Штатов, а также методы борьбы. Несколько человек, вовсе уж законченные «ястребы», выдвинули оригинальную идею: поскольку в мирное время одолеть систему, прямо скажем, затруднительно, нужно подождать, когда Америка окажется втянута в какую-нибудь серьезную войну с государствами вроде Франции или Испании — благо к тому вроде бы есть предпосылки. Тут и шарахнуть в спину...

Против такого плана энергичнейшим образом выступил Джон Браун, заявивший, что грех пользоваться несчастьем родной страны для удара ей в спину. Идея не прошла голосование. Конвент занялся другим: провозгласил отмену рабства, а потом стал составлять свою конституцию нового, вольного государства, которое непременно возникнет в ходе партизанской войны — власть «реакционеров» падет повсюду, и на Юге, и на Севере, тут-то и объявится Временное правительство новых США.

Вслед за тем, как нетрудно догадаться, принялись увлеченно делить портфели. Президента «обновленных» США назначать не стали — как-никак должность выборная и нужно подождать волеизъявления народа. Зато назначили главнокомандующего вооруженными силами — Джона Брауна, а также военного министра, государственного секретаря, казначея и парочку конгрессменов (вообще-то конгрессменов тоже полагалось выбирать, но собравшиеся хотели порадеть нескольким «славным парням»).

Вот так, ни много ни мало: США, о чем они и не подозревали, теперь имели новое правительство, новую конституцию, новую Декларацию независимости (жаль, что тот сарай до наших дней не сохранился, историческое все же место, на туристах можно было заработать немерено...).

Однако Браун, прошедший неплохую школу конспирации и гражданской войны, даже этому высокому собранию не обмолвился ни единым словечком, *что* именно он собрался предпринять и *где*. Между прочим, вполне разумная предусмотрительность, интеллигентские болтуны, любящие потрещать о свободах и делить портфели, непременно растрепали бы по всему белу свету, дошло бы до властей...

Новая конституция в чем-то выглядела весьма экстравагантно. В будущей вольной республике все имущество объявлялось «общей собственностью», министрам и конгрессменам жалованья не полагалось (интересно, на что должны были министры жить?), оружием дозволялось владеть всем и каждому, причем предписывалось носить его открыто. Особенное внимание уделялось укреплению брачных уз: планировалось даже создать специальное «розыскное бюро», которое будет выискивать по всей стране раздельно живущих супругов и «помогать им воссоединиться» (к мнению самих разбежавшихся супружеских пар никто явно не собирался прислушиваться).

К концу лета следующего, 1859 года, члены ударного отряда Брауна, 22 белых и то ли шесть, то ли семь негров (точное количество чернокожих историками так и не установлено) стали поодиночке стягиваться на приобретенную Брауном недалеко от Харперс-Ферри ферму (среди них были три сына Брауна и два его зятя).

Отряд, что и говорить, был невелик. Браун пытался навербовать еще людей среди белых поселенцев Канзаса,

бывших своих соратников по гражданской войне, но никто не согласился. Перед выступлением Браун встретился с Фредериком Дугласом — как-никак самым видным и влиятельным негритянским лидером — и открытым текстом предложил присоединиться к отряду.

Дуглас, как уже подчеркивалось, был человеком респектабельным и вовсе не горел желанием променять устроенный быт на беготню по горам и лесам с мушкетом наперевес. Он заявил, что нападение на арсенал будет вызовом правительству и восстановит против аболов всю страну.

Ответ Брауна сводился примерно к следующему: «А начихать!» Он сказал, что «страна нуждается в каком-нибудь чрезвычайном событии». Дуглас, ошарашенный подобным энтузиазмом, стал мямлить что-то насчет того, что нужно «ограничиться постепенным и незаметным уводом рабов в горы».

Плохо он знал «капитана», нацедившего немало кровушки в Канзасе... Браун как раз и «хотел нанести удар, который всколыхнет всю страну». Подобные ужасы еще больше перепугали обросшего жирком Дугласа, он честно пишет в своих воспоминаниях, что «отказался из осторожности, а может быть, из трусости» (53). Так и разошлись, каждый оставшись при своем. Когда стало известно о позиции Дугласа, немало черных отказались от участия в экспедиции Брауна.

Самое любопытное: к тому времени правительство могло бы в два счета перехватать всех обитателей фермы Кеннеди-Фарм, пару месяцев упражнявшихся там во владении оружием и зачем-то — строевой подготовке! Сам Браун, как ни соблюдал строжайшую конспирацию, однажды распустил язык перед неким поляком из Пруссии, которого знал еще по Канзасу. Поляк не придумал ничего лучше,

как поведать все, что знал, некоему Бэббу, корреспонденту одной из газет в Цинциннати, штат Огайо.

Вскоре после этого военный министр Флойд, отдыхавший в то время на курорте, получил известие «о создании тайного общества, целью которого является освобождение рабов на Юге путем всеобщего восстания, и вождем этого движения является старый Джон Браун из Канзаса». Прилагалось достаточно полное описание планов заговорщиков по нападению на арсенал и последующим действиям. Предполагают, что заложил Брауна именно Бэбб — очень уж странное совпадение...

Однако военный министр (как некогда высшие сановники Российской империи, которым заранее и очень точно описывали замыслы декабристов) никаких мер не принял. Абсолютно никаких симпатий к аболам и освобождению негров он не питал — видимо, человеку просто лень было возиться и покидать уютный курорт. Впоследствии Флойд оправдывался перед сенатской комиссией: «Я был уверен, что такой безнравственный и преступный план не может быть задуман ни одним из граждан Соединенных Штатов, и поэтому я просто отложил это письмо и больше не вспоминал о нем до тех пор, пока Браун не начал свой рейд».

Все дело в патриархальности — тогда в Штатах не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на ФБР или какую бы то ни было секретную службу: имелась только местная полиция, занимавшаяся только уголовщиной (как и ныне, тогда в США не было единого органа полицейского руководства). Так что любой заговорщик чувствовал себя вольготно...

«Капитан» долго ждал подкреплений — но больше ни один человек к нему не присоединился. Среди «прогрессивных» историков имеет хождение версия, будто под-

крепление опоздало, но в такое верится плохо: Браун торчал на ферме чуть ли не четыре месяца, за это время всякий, кто *действительно* имел такое желание, сто раз успел бы добраться. Наверняка очень многие из тех, кто бил себя в грудь и клялся захватить в одночасье весь Юг, охолонув, поняли, во что могут вляпаться, и остались дома...

В ночь с 16 на 17 октября «борцы за свободу» вошли в город, держа оружие наизготовку...

И почти сразу же открыли стрельбу. Люди Брауна застрелили *негра* — одного из тех, кого нагрянули освобождать... Разные источники именуют этого негра по-разному: кто «носильщиком», кто «сторожем». Вероятнее всего — второе: ну что носильщику делать на улице задолго до рассвета?! Как бы там ни было, негр повел себя неправильно: увидев подозрительную вооруженную ораву, закричал, хотел поднять тревогу, вот его сгоряча и отправили на тот свет...

Далее Браун со своими молодчиками с ходу ворвался в дом полковника Вашингтона, родного внука Джорджа Вашингтона, и прибрал две семейных реликвии: саблю, которую Джорджу Вашингтону подарил прусский король Фридрих Великий, и пистолет, подаренный Вашингтону знаменитым Лафайетом. Саблю тут же нацепил, пистолетом тут же вооружился, фельдмаршал стал, хоть куда...

Этот эпизод наводит на размышления. Совпадение невероятное. *Случайно* первый же дом, куда добры молодцы вломились, оказался домом внука Вашингтона, *случайно* Браун первым делом схватил историческое оружие, принадлежавшее национальному герою Америки? Таких случайностей, в общем, не бывает. Наверняка шли по наводке — почти три месяца торчали под городом, наверняка

разведку туда посылали, успели собрать кое-какие сведения. Идти на бой за права угнетенных, вооружившись саблей Вашингтона — это, конечно, эффектно...

Полковника взяли в заложники, прихватили еще несколько человек — и кинулись к арсеналу. По дороге застрелили еще одного раннего прохожего, на сей раз белого: бедняге велели остановиться, а он при виде непонятной вооруженной кодлы лишь шаг ускорил, вот и пришлось...

Арсенал люди Брауна заняли без малейших хлопот — потому что (патриархальная простота Юга!) он охранялся одним-единственным солдатиком, который сдуру вышел из караулки и моментально был скручен.

Отправив двух своих людей встречать «подкрепление из восставших негров», Браун обосновался в арсенале.

Дальше... А что, собственно, дальше?

Всё!

Армейских ружей в арсенале нашлось изрядно, даже парочка пушек отыскалась — но боеприпасов не было совершенно (чего Браун никак не ожидал, полагая в простоте своей, что в арсенале «все должно быть»). Ни один «восставший негр» так и не объявился. Посланцев Брауна перехватили по дороге, где они несколько часов тщетно ожидали толпу «чернокожих братьев». Кого перестреляли, кого арестовали.

Жители городка, опомнившись от первого испуга, похватали охотничьи ружья и другое оружие, у кого что нашлось — и окружили арсенал. К ним на подмогу подоспел из соседнего Чарльстона отряд тамошней милиции, а позже появились поднятые по тревоге федеральные войска: сотня морских пехотинцев под командованием полковника армии США Роберта Ли, будущего главнокомандующего южной армией...

К слову: никакие негры на помощь прийти не могли еще и потому, что городок Харперс-Ферри находился на значительном отдалении от мало-мальски крупных плантаций и невольники ведать не ведали, что происходит. Почему Браун *этого* не предусмотрел заранее, непонятно: район этот он изучил тщательно, должен был бы знать...

Перестрелка продолжалась около суток. Потом моряки выбили кувалдами ворота, ворвались внутрь и похватали уцелевших. Джона Брауна и его банду судил виргинский суд — за «тайный заговор с рабами с целью восстания, за измену Виргинии и за совершение убийства без смягчающих обстоятельств». Брауна приговорили к смерти, а его сообщников — к тюремному заключению.

Адвокаты-северяне пытались представить «капитана» невменяемым, но он сам запротестовал против этого. И отказался от предложений бежать: то ли хотел разыграть роль мученика до конца, то ли, видя столь бесславное крушение своих планов, впал в совершенную прострацию. Вероятнее всего, и то и другое. Как бы там ни было, роль мученика пришлась Брауну определенно по вкусу: он успел произнести несколько красивых речей, а напоследок честил последними словами священников, решивших его исповедовать — неправильные они, язычники какие-то, он сам знает лучше, что Богу угодно...

Брауна повесили...

Никак нельзя списать все это на «южную реакционность» — в любом штате, хоть южном, хоть северном, подобные выходки для Брауна закончились бы петлей. Арсенал к тому же был не частной южной лавочкой, а федеральной собственностью, военным объектом армии США.

Гарриет Табмен, частенько впадавшая в транс и уверявшая, что ее посещают видения и вещие сны, «придавала особое значение одному из них, который приснился ей как раз перед встречей с капитаном Брауном в Канаде. Ей снилось, что она очутилась в каком-то диком месте, где повсюду были скалы и заросли, и вдруг увидела там змею, голова которой выглядывала из-за камней. Змея выше поднялась над камнями, и ее голова превратилась в голову старика с длинной седой бородой. Эта голова, рассказывала Табмен, „так на меня смотрела, ну вот прямо сейчас что-нибудь скажет". Но тут рядом с первой головой появились еще две головы помоложе. Пока Гарриет стояла и думала, что они хотят от нее, к головам подбежала большая толпа людей, которые срубили сначала головы помоложе, а затем и голову старика... Гарриет вновь и вновь видела этот сон, но не могла понять его значения, пока не встретилась с капитаном Брауном и не узнала в нем того самого старика, которого она видела во сне» (53).

Два сына Брауна были убиты при осаде правительственными войсками арсенала...

Выступление Джона Брауна носит все характерные признаки современного террористического акта: по идеологическим соображениям группа вооруженных людей захватила военный объект и взяла заложников, рассчитывая добиться своих целей применением силы. Это был *первый* теракт на территории США — а возможно, и на всем континенте.

Брауна усиленно пытались представить безумцем обе стороны — и северные адвокаты, и некоторые южане, не хотевшие видеть всей серьезности проблемы. Однако губернатор Виргинии Уайз, наверняка относившийся к Брауну без всякой симпатии, сказал, выступая в Ричмонде:

«Это был человек с ясной головой, отважный, сильный духом, фанатик, полный самомнения, но твердый в своих убеждениях, честный и умный».

Российский посланник Стекль докладывал в Петербург: «Во всяком случае, очень сомнительно, что этот взрыв был актом нескольких отдельных лиц, толкаемых фанатизмом и тем беспокойным умом, который так характерен для американцев... Несколько писем, найденных у Брауна, заставляют подозревать о существовании связей у него с аболиционистами Севера и даже с некоторыми сенаторами их партии. Газеты Юга обвиняют этих последних в том, что они были главными инициаторами попытки восстания, предпринятой в Харперс-Ферри, и утверждают, что эта попытка была связана с разветвленной организацией аболиционистов Севера».

Южные газеты писали чистую правду, и Стекль, плохо информированный, даже преуменьшил улики. Браун, отправляясь брать арсенал, оставил на ферме целый чемодан бумаг, которые были сразу обнаружены: карты, планы, текст принятой в Канаде конституции, обширная переписка с единомышленниками в Канаде и на Севере... Все это тут же попало в газеты — и масса людей, чьи имена были там упомянуты, пустилась в бега. Первым до Канады добежал Фредерик Дуглас, и ему тут же составили компанию еще несколько видных аболов. Куча богатых благотворителей, жертвовавших на негров, принялась печатно отмежевываться от Брауна... Словом, переполох был жуткий, и аболы натерпелись страху. Юная республиканская партия прямо-таки билась в истерике, уверяя, что она тут ни при чем и всегда горой стояла за конституционные методы решения проблемы. Авраам Линкольн тоже поспешил отмежеваться от «безумного» выступления Брауна.

События в Харперс-Ферри буквально раскололи страну, в чем не сомневаются исследователи самой различной политической ориентации, и приблизили Гражданскую войну. Южане, обоснованно заявившись, что столкнулись не с шальной выходкой безумца, а с серьезным, хорошо спланированным заговором, начали поголовно вооружать все белое мужское население. Недоверие к Северу зашкалило за критическую черту: кто мог дать гарантию что это *последний* заговор?

А северяне теперь имели своего мученика. Один из видных аболов, Хоу, едва отдышавшись после бегства в Канаду, стал, не особенно и понижая голос, цинично говаривать: мертвый Браун принесет движению больше пользы, чем живой...

Неграм на Юге вся эта свистопляска принесла один вред: в южных штатах принялись «закручивать гайки». Точно также в свое время и «восстание» Ната Тернера ухудшило положение негров не только на Юге, но и на Севере (где штат Пенсильвания в 1837 г. лишил свободных негров избирательных прав).

Раскол по поводу «дела Брауна» произошел и во всем остальном мире. Всякий, кто считал себя хоть чуточку «прогрессивным», гневно осуждал «убийство героя южными варварами» — а революционеры всех оттенков, мастей и калибров буквально заходились в истерике, на все лады воспевая «мученика». *Реально* причиненное Брауном зло, убийство случайных, ни в чем не повинных людей эту публику не интересовало вовсе: мало ли какие издержки возможны во время благородной борьбы с реакцией...

Наиболее яркий пример интеллигентского фанатизма — выступления Виктора Гюго. Великий романист всю свою сознательную жизнь был еще и ярым защитником всевоз-

можной революционной сволочи, которую сердечно обожал и оправдывал на свой лад, с восхитительным пренебрежением к реальности...

Я уже рассказывал в одной из предыдущих книг, как Гюго пытался спасти от заслуженной виселицы обычного уголовника, убившего женщину ради пары монет. Теперь Гюго с той же страстностью обращался к американскому правительству с требованием (не просьбой, а требованием!) срочно помиловать Брауна...

«Джон Браун, этот освободитель, этот воин Христов...», «Пуританин, человек верующий, человек строгой жизни, проникнутый духом Евангелия, он бросил этим людям, своим братьям, клич свободы. Негры, измученные неволей, не откликнулись на его призыв. Рабство делает души глухими. Не найдя поддержки, Джон Браун все же начал борьбу; собрав горсточку храбрецов, он вступил в бой; его изрешетили пулями; двое юношей, его сыновья — святые мученики! — пали рядом с ним...»

Словеса-то каковы! Незнакомый с земными реалиями марсианин мог бы решить, что Браун и его сыновья тихомирно шествовали себе из библиотеки в консерваторию, но тут на них напала из кустов орда злобных реакционеров...

Тут в полной мере проявились те приемы и ухватки, коими впоследствии (вплоть до наших дней) будет пользоваться отечественная интеллигенция: ежели, по ее мнению, человек был «благородным борцом» и сражался за нечто «передовое», совершенно неважно, что он наворотил в действительности...

«Перед глазами Брауна тени его погибших сыновей»... Право же, это напоминает анекдот, когда ушлый адвокат, чтобы выручить клиента, вырезавшего всю свою семью, заявил судьям, что его подзащитный заслуживает снисхождения, потому что он — круглый сирота...

А если серьезно, то у меня давно возникли подозрения: уж не было ли выступление Брауна хорошо продуманной *провокацией*? Сам Браун, разумеется, ни о чем подобном и не думал — но мало ли в мировой истории примеров, когда подобных Брауну упертых фанатиков, твердокаменных идеалистов самым циничным образом использовали втемную люди гораздо менее благородные? Точнее говоря, не благородные вовсе... Здесь — и загадочное убийство в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда, послужившее детонатором первой мировой, и не менее загадочное убийство Кирова ревнивым идиотом, которого, очень похоже, к Кирову тщательно *подвели*, и множество схожих случаев, для простого перечисления которых потребовалась бы не одна страница...

Собственно, а почему бы и нет? Не подлежит сомнению, что за кулисами движения аболов стояли люди отнюдь не сентиментальные и не романтичные — денежные мешки, каковые финансировали движение, поскольку видели в нем инструмент для достижения своих целей и получения в будущем немалой выгоды. Не подлежит сомнению, что этим людям в определенный момент уже было ясно: добром Юг свои богатства ни за что не отдаст, их можно заполучить только посредством военного разгрома южных штатов. В истории опять-таки множество примеров, когда задумавшие войну «ястребы» исподтишка провоцировали противника, — и тот, угодив в силки хитрых комбинаций, не просто готовился к войне, а порой еще и начинал первым, не подозревая, что его *вынудили* стать презренным агрессором...

Шутки шутками, а я иногда сижу над списком видных аболиционситов и пытаюсь отыскать интересные контакты с набиравшими силу магнатами. Дело нелегкое, скучной экономике историки обычно отводят мало места, но

направление поисков многообещающее. Теоретически рассуждая, могло оказаться и так, что циничные северные ребятки, мечтавшие из *магнатов* превратиться в *олигархов*, как раз и использовали Брауна, чтобы накалить отношения между Севером и Югом до опасного предела, за которым уже не может быть ни тишины, ни примирения (как оно, собственно, и произошло). У северян уже была Книга, теперь появился и Мученик...

Итак, Брауна повесили — что навлекло на Юг сущий шквал поношений и обличений, а Юг, в свою очередь, преисполнился враждебности и подозрительности к Северу.

Жизнь в США, конечно же, продолжалась. Трагическое причудливо смешивалось с комическим, а в самых вроде бы на первый взгляд рядовых событиях таились (не усмотренные, разумеется, современниками) зачатки будущих великих событий...

Где-то на просторах США обитал английский горе-изобретатель и мошенник мистер Хенсон. Тот самый, что в середине XIX столетия будучи в Англии потряс соотечественников дерзкими планами организовать авиационное сообщение... между Британскими островами и Индией!

Хенсон с превеликим шумом опубликовал чертежи своего самолета «Ариэль» с паровым двигателем, которому, по уверениям изобретателя, и предстояло в скором времени возить британцев аж в Индию. Романтикой тут и не пахло: Хенсон учредил «Акционерную компанию для эксплуатации паровых аэропланов по маршруту Лондон—Калькутта» — и парламент ее быстренько утвердил. Вера в технический прогресс тогда царила прямо-таки детская, и англичане толпой повалили в контору новоявленной компании, пихаясь в дверях и скандаля за право первыми выложить свои кровные денежки.

Хенсон разливался соловьем, живописуя свой аэроплан: весом 1360 кг, площадью крыльев в 550 кв. метров и двигателем мощностью... в 25 лошадиных сил. В те времена не только обыватели, но и инженеры еще не обладали достаточным опытом, чтобы понять, что столь хилый движок ни за что не поднимет в небеса этакую махину (да и вообще, никто еще не понимал, что паровая машина в авиации решительно неприменима). Поэтому денежки текли рекой. Хенсон не стал зарываться и, решив, что собрал достаточно, сбежал с полными карманами в США, откуда его выцарапать обманутым вкладчикам было практически невозможно: тогдашняя Америка жила по принципу «С Дона выдачи нет». Зная предыдущие дела Хенсона, сомнительно, что в Штатах он занимался честным трудом, — простаков и за океаном достаточно. Кстати, именно «химера» Хенсона впоследствии использовалась русскими инженерами, чтобы доказать нереальность проекта самолета Можайского (чем они нисколечко Можайского не убедили, и он до самой смерти продолжал мастерить *свою* химеру...) (9).

Слово «инфляция» тогда означало всего-навсего «вздутие живота в результате скопления кишечных газов» и использовалось исключительно медиками (хотя инфляция как таковая уже существовала). Слово «порнография» появилось в английском языке только в 1864 г. (хотя явление существовало с древних времен). Точно также в английском языке еще не было слов «специалист» и «индивидуализм». Бензин продавался в аптеках и использовался исключительно для чистки одежды.

В Новой Англии, в Бостоне, обосновался ирландский эмигрант по имени Патрик, бежавший в «землю обетованную» от лютого голода на родине (когда в Ирландии случился недород картофеля, и за два года от голода умерло

более миллиона человек). В Америке особенного счастья Патрику не привалило — он работал бочаром (то есть делал бочки) по пятнадцать часов в день без перерыва на выходные и праздники, обитал, как большинство эмигрантов, в сыром подвале. И в тридцать пять лет умер от холеры, оставив сиротами четверых детей. Фамилия у Патрика была самая обычная, ничем не примечательная, распространенная в Ирландии примерно так же, как в России — Иванов или Сидоров: *Кеннеди*.

Родоначальник тех самых Кеннеди. Уже один из сыновей покойного бочара, Патрик-младший, поднялся достаточно быстро: видя на печальном примере отца, что трудом праведным не наживешь палат каменных, приобрел в Бостоне кабачок. А кабатчики в тогдашних США не просто продавали «огненную воду»: кабак был чем-то вроде клуба, охватывавшего многие стороны жизни обитателей окрестных кварталов — в том числе и политику. Патрик-младший, подобно многим своим оборотистым коллегам по ремеслу, стал политическим боссом, уже к тридцати годам был избран сначала в палату представителей, а потом и в сенат штата Массачусетс. И понеслось...

В США угрожающими темпами возрастало число психических заболеваний. Первая американская психиатрическая клиника открылась в Виргинии в 1773 г. В ней насчитывалось всего 24 «койкоместа», но за первые тридцать лет они так и не были заняты все одновременно. Вторую подобную клинику открыли только в 1816 г. А вот за следующие тридцать лет «психушек» в Штатах появилось аж двадцать две...

(В Европе, впрочем, происходил тот же самый процесс — интересно, что взрывоопасный рост шизофрении во Франции пришелся именно на времена революции.

И все же количество больных в США возрастало со значительным отставанием от Европы. Люди религиозные объясняют это тем, что Европа гораздо быстрее скатилась в самый вульгарный атеизм, а Америка дольше оставалась страной с нерасшатанными религиозными устоями) (102).

В США самую бурную деятельность развила новорожденная Республиканская партия, по выражению американского историка и поэта Карла Сэндберга, представлявшая собой зрелище странное: «Странные и противоречивые элементы собрались со всего света и создали могущественную партию, в которой соединились молодость, различные программы, религиозные фанатики, доморощенные философы и честолюбивые политические деятели» (149). И тут же он добавлял: «Влиятельные группы промышленников, железнодорожных магнатов и финансистов пришли к выводу, что это — многообещающая партия».

Вот тут и собака зарыта... Первоначально программа Республиканской партии содержала всего-то три пункта:

1. Запрещение распространения рабства на новые районы.

2. Признание Канзаса «свободным» штатом.

3. Постройка трансконтинентальной железной дороги к Тихому океану по самому прямому и целесообразному маршруту.

Все три пункта (как бы благородно ни смотрелись два из них) при осуществлении сулили огромные выгоды тем самым «влиятельным группам», о которых писал Сэндберг. Особенно третий, по которому, согласно американской практике, железнодорожным магнатам автоматически отходили прилегающие земли (да вдобавок крупные государственные субсидии, которые считалось прямо-таки неприличным возвращать в казну).

Окончательно оформился *штаб*, планировавший, как бы это поделикатнее выразиться, «долгосрочные операции» против южан, которые, словно пресловутая собака на сене, сидели на громадных богатствах, вызывавших повышенное слюноотделение у северных дельцов.

Теперь имелись и Книга, и Мученик, и Партия. Оставалось добавить к этому ружья и пушки.

На сцене наконец-то появляется Авраам Линкольн, которому потребуются другие, гораздо менее благородные качества. Большая Политика мало чем отличается от продажи души черту. Однако многие американские президенты «миф о бревенчатой хижине» бережно поддерживали — несмотря даже на недоумение собственных родственников. Простодушная матушка одного из таких деятелей даже пыталась усовестить сынка, не в меру прибеднявшегося перед журналистами: «Но ты ведь хорошо знаешь, что это неправда. Ты же знаешь, что родился и вырос в весьма приличном доме». Однако сынок продолжал вещать о «жалкой хижине», где якобы вырос: просыпаюсь, мол, я в родительской хижине, причесываюсь по бедности еловым сучком, надеваю рубище и бреду в чашобу белок ловить и дикий лук рвать, чтоб с голоду не помереть... Другая матушка, гораздо более язвительная, прокомментировала излияния сыночка о «тяжелом и безрадостном детстве» кратко: «Он представляет нас такими бедными, что так и хочется взять в руки шляпу и собрать для него деньги».

Национальная традиция такая, в общем. Поломал ее, по-моему, только Джон Кеннеди, с обезоруживающей улыбкой разводивший руками: ну да, ребята, так сложилось, что я сын миллионера, что поделать, если карта так легла... Однако позже Рональд Рейган вновь вернулся к славной традиции...

Но давайте — о Линкольне. Как американская историография, так и советская пропаганда, для которой президент Линкольн был героем безусловно положительным, старательно рисовали образ «парнишки из жалкой хижины». Гарриет Бичер-Стоу высказывалась так: «Авраам Линкольн в полном смысле слова работник. У него все свойства и способности рабочего класса, и положение его во главе могущественной нации говорит тем, кто живет трудом, что их время настает». Другими словами, всякий честный американский работяга, ребятки, может и в президенты податься.

Фигура для Америки, как говорится, культовая, стоящая в одном ряду с «отцами-основателями» и Джорджем Вашингтоном. Человек незаурядней ший, сложнейший, чертовски неоднозначный, ухитрившийся совместить в своей персоне самые вроде бы не совместимые качества: временами — благороднейший идеалист, прекраснодушный гуманист и даже романтик, временами — циничнейший, прожженный политикан, душитель демократических свобод, диктатор. Американцы правы: это был *великий* человек — только посредственность проста, как две копейки, незатейлива и однозначна. Линкольн — совсем другое...

Глава пятая

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШИМ ТОПОРОМ

> За стремлением спасти человечество почти всегда скрывается стремление управлять им.
>
> Г. Л. Менкен

Естественно, столь сложная и величественная фигура со временем оказалась окруженной густой пеленой всевозможных мифов и легенд.

Главная из них — это явление, которое американские же историки давным-давно назвали «мифом о бревенчатой хижине», тщательно проанализированном в великолепной книге Эдварда Пессена (125). Согласно этому мифу, целая когорта американских президентов представляла собой живое воплощение «американской мечты», идеального «общества равных возможностей» — они-де, беднейшие, но честные малые, исключительно благодаря своей энергии и благородству души поднимались на самый верх... Чтобы взобраться на вершину, выбиться, вкалывайте на совесть, не бастуйте, не слушайте смутьянов, и вам тоже повезет!

Благонамеренный советский автор (26) пошел еще дальше.

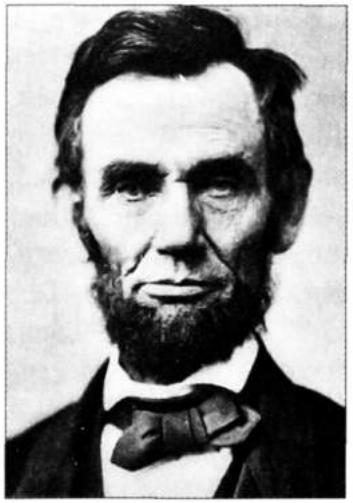
«Великий американский поэт Уолт Уитмен писал в 1856 году: „Я был бы чрезвычайно рад, если бы какой-нибудь американский кузнец или лодочник — храбрый, умный, бывалый, здоровый бородач средних лет, с загорелыми руками, лицом и грудью, в опрятном рабочем костюме, пришел бы с Запада, из-за Аллеганских гор, и занял пост президента: я голосовал бы, конечно, за такого человека, обладай он должными достоинствами, предпочтя его всем остальным кандидатам". Эти слова Уолта Уитмена были мыслями и надеждой всех простых людей Америки. И мечта стала явью — 6 ноября 1860 г. президентом США был избран *лесоруб* (курсив мой. — *А. Б.*) из штата Иллинойс Авраам Линкольн».

Естественно, всякий читавший эти строки полагал, что Линкольн был избран президентом прямо из лесорубов — а как иначе можно понять? Жил себе «здоровый бородач средних лет», самозабвенно трудился в чащобе, валил одну сосну за другой — а параллельно выдвигал себя в президенты. Ну, его и избрали. Отставил он верный топор, почистился от смолы, надел приличный костюмчик, пришел в Белый дом и спросил не без застенчивости: ну, где тут президентское кресло? Дело, конечно, сложное, однако мы, пролетарии от сохи, и не такое потянем...

Чушь невероятная, конечно. В жизни так не случалось, чтобы лесорубы попадали прямехонько «от станка» в высокие кресла.

Меня всегда умиляло, когда наши интеллигенты утверждают: «Президентом США стал киноактер Рональд Рейган...»

Прежде чем достичь самого высокого в стране поста, Рейган долгое время работал в американском профсоюзе, Гильдии киноактеров (а это серьезная работа), потом был успешным губернатором штата и лишь после этого стал президентом...

Авраам Линкольн

Точно так же и Линкольн отнюдь не из пролетариев перепрыгнул в Белый дом — да и с бревенчатой хижиной все обстоит не так однозначно...

Авраам Линкольн, или «старина Эйб», как сокращают это имя американцы, и в самом деле родился и провел детство в убогой лачуге в штате Кентукки, и его отец действительно был классическим «белым бедняком» (кстати, всего в ста милях от нищего хозяйства Линкольнов, в том же штате Кентукки, в столь же бедной хижине родился и провел детство будущий президент Южной Конфедерации Джефферсон Дэвис). Вот только, во-первых, семья была отнюдь не из потомственных бедняков, а во-вторых, «бревенчатая хижина» была не более чем *эпизодом* в семейной истории...

Дед Линкольна, Авраам (в честь которого и назвали ребенка), безусловно был человеком зажиточным: владелец фермы в 200 акров, капитан милиции штата, домовладелец и мелкий рабовладелец.

Отец Линкольна Томас тоже начинал как человек состоятельный — просто-напросто он потерял свои немаленькие владения из-за каких-то ошибок в составлении документов на землю и судейского крючкотворства. Тогда-то он и перебрался из родных мест в Кентукки. Согласитесь, есть существенная разница между потомственным батраком и разорившимся «крепким хозяином».

К тому же Томас быстро поднялся. Верно, убогая хижина имелась, но к моменту рождения сына Томас владел

уже двумя фермами общей площадью 600 акров, несколькими земельными участками в близлежащем городе, скотом и лошадьми. И занимал в этом городе должности, которые в США традиционно доверялись лишь людям зажиточным: член патрульной службы округа, присяжный заседатель, смотритель тюрьмы. Когда малютке Эйбу исполнилось пять лет, его отец Томас уже входил в число 15 процентов богатейших собственников в том районе.

Так что «бревенчатая хижина» — это не обязательно признак бедности, а просто-напросто американская специфика. Даже люди зажиточные сплошь и рядом обитали в лачугах, поскольку речь шла о только что заселенных территориях, где *настоящих* домов еще не имелось...

В молодости Линкольн и в самом деле сменил немало профессий, отнюдь не интеллигентских: был поденным рабочим на ферме, сплавщиком грузов на плотах, подмастерьем у столяра, железнодорожным рабочим. Короткое время и в самом деле работал лесорубом. Но очень скоро он перешел к «чистой» работе: стал владельцем бакалейной лавочки. Вот только не испытывал никакой тяги к торговле, предпочитал часами сидеть на пороге со знакомыми и болтать на всевозможные темы. Потому и обанкротился очень быстро.

Служил почтмейстером (в американской глубинке — весьма не пыльная работенка), три месяца в составе ополчения воевал с индейцами и даже получил чин капитана. Однако уже в 1834 г., будучи двадцати пяти лет от роду, стал членом законодательного собрания штата Иллинойс и, подучившись, начал адвокатскую практику.

Ну, а в 1847 г., уже как профессиональный политик, стал членом Конгресса США...

Говоря о тех временах, Линкольна никак нельзя назвать циничным политиканом. Наоборот, будучи молодым, он

вел себя с благородством и честностью, вызывающими лишь уважение. Он, например, не принадлежал *ни к одной* из многочисленных американских церквей, однако не был и атеистом: «То, что я не являюсь членом какой-либо христианской церкви, — это правда. Но я никогда не отрицал истинность Священного Писания и преднамеренно не высказывался неуважительно о религии в целом или какой-либо христианской церкви, в частности».

Сохранился рассказ очевидца о том, как Линкольн во время избирательной кампании оказался на религиозном собрании, где читал проповедь его соперник, пастор Картрайт. Окончив проповедь, пастор призвал: «Все, кто хочет отдать свое сердце господу Богу и попасть на небеса, встаньте». Встали все присутствующие — кроме Линкольна. Тогда пастор сказал: «Все, кто не хочет попасть к дьяволу, встаньте». Снова все встают, а Линкольн сидит. Пастор, коварно ухмыляясь, осведомился: «А куда же хотите попасть вы, мистер Линкольн?» Линкольн кротко ответствовал: «Я хочу попасть в Конгресс...»

Прожженный политикан непременно изобразил бы из себя святошу, чтобы привлечь избирателей. Линкольн этого не сделал. Точно так же он во время войны с Мексикой не примкнул к горластому стану ура-патриотов — как обязательно поступил бы циничный политикан. Наоборот, Линкольн выступал с речами, в которых призывал «хороших граждан и патриотов» осудить эту войну, грязную и захватническую со стороны США.

Для сравнения: «певец свободы» поэт Уолт Уитмен в то само время публиковал в газетах нечто прямо противоположное: «Да, Мексику стоит как следует выпороть! Будем нести наше оружие с духом, который покажет всему миру, что, хотя мы и не стремимся к ссоре, Америка знает, как крушить врага и расширяться!»

Высказывания Линкольна категорически не сочетались со всеобщей военной истерией — и его не переизбрали в Конгресс на новый срок. И старина Эйб *вроде бы* вернулся к прежней адвокатской профессии. Именно что «вроде бы» — политика затягивает, как болото. Очень скоро, при первой же возможности, Линкольн вновь с головой ушел в политику: выступления, речи, газетные статьи, публичная полемика, попытка стать сенатором США...

С сожалением приходится констатировать, что старина Эйб от прежнего прямодушия отказался и проявлял себя уже как мастер *лавирования*.

Выступая перед северянами в штате Иллинойс, он заявил, что для Республиканской партии, к которой он принадлежит, свойственна «ненависть к институту рабства, ненависть ко всем его аспектам». Клялся: «Рабство я всегда ненавидел ничуть не меньше любого аболициониста». И призывал черных и белых «соединиться в один народ», потому что «все люди созданы равными».

Буквально через пару недель, в южном Ричмонде, он уже говорил нечто совершенно противоположное: «Ни сейчас, ни прежде я не выступал за установление в каком бы то ни было виде социального и политического равенства между черной и белой расами. Я никогда — ни сейчас, ни прежде — не выступал за то, чтобы предоставить неграм право голоса, право участвовать в коллегии присяжных и занимать какие бы то ни было официальные посты, никогда не выступал за то, чтобы допускать их браки с белыми. Более того, между черной и белой расами существуют физические различия, которые, я убежден, навсегда исключат возможность их сосуществования в условиях социального и политического равенства. Следовательно, должен быть принят принцип высшего и низшего, и, следовательно, я в той же мере, что и любой дру-

гой, выступаю за то, чтобы главенствующее положение принадлежало белой расе».

Кстати, еще будучи конгрессменом, Линкольн отказывался выступать против закона о беглых рабах. А когда намечалось освобождение рабов в федеральном округе Колумбия, то именно *Линкольн* ввел в проект резолюции статьи, предписывающие местным властям вылавливать бежавших с Юга рабов и возвращать их хозяевам... (58).

Одним словом, Авраам Линкольн, пару раз обжегшись на искренности, исправился и показал себя политиканом *ловким*.

Вот тут-то большие боссы Республиканской партии, давно уж присматривавшиеся к «старине Эйбу», окончательно сделали свой выбор. В те времена, как и сейчас, настоящая политика уже делалась не на митингах и дискуссиях, а за кулисами, «в прокуренных комнатах», как выражаются американцы. В те времена уже существовали большие политические боссы, которые сами перед публикой не светились, оставались в тени и неизвестности, — но именно они всем и заправляли, дергая за ниточки марионеток...

Так вот, большие боссы давненько уже подыскивали подходящую кандидатуру в президенты США от Республиканской партии — а это было задачей сложной. Нужно было, чтобы кандидат оказался достаточно управляемым, но вдобавок был бы *проходным*, пришелся бы по нраву большинству избирателей.

В 1856 г. республиканские боссы (вкупе с воротилами с Уолл-стрит, вбросившими в избирательную кампанию огромные деньги) предприняли первую попытку взять Белый дом. Кандидатом в президенты они выставили того самого Фримонта — одного из «учредителей» Республики Калифорния, идеалиста, бессребреника, человека, совершенно не разбиравшегося в политике, которым можно было вертеть, как заблагорассудится, если делать это умеючи, — ну, а умения большим боссам было не занимать.

Первый блин оказался комом. Простяга Фримонт совершенно не умел *обаять* избирателей, завоевать голоса — и выборы с треском проиграл... В 1860 г. боссы Республиканской партии, умевшие учиться на ошибках, пошептавшись, сделали ставку на Линкольна. Этот парень им представлялся удобной кандидатурой: не без способностей, «правильного» происхождения, безупречной репутации, умеет говорить речи и завоевывать аудиторию и, в отличие от Фримонта, обладает столь необходимой... ну, назовем это «политической гибкостью». Идеальная кандидатура!

И к Линкольну явился один из боссов — Джес Фел, человек не из мелких: спекулировал земельными участками (внушительных размеров, по тысяче акров каждый), выделывал шпалы на принадлежавших ему лесных участках (золотое дно в те времена), был серьезной фигурой в железнодорожном бизнесе (ну, а в свободное время участвовал в движении аболиционистов, то есть, вероятнее всего, и был одним из *кукловодов*).

Именно он без обиняков и выложил Линкольну нечто вроде: парень, родина зовет! Ты у меня будешь президентом!

Что интересно, эту историю подробнейшим образом описывает не какой-то злопыхатель, а восторженный биограф Линкольна, поэт Сэндберг...

Самое забавное, что Линкольн поначалу отказался, совершенно серьезно — полагал, что шансов у него нет, а потому не стоит и позориться. Однако боссы его очень быстро убедили, что попробовать все же стоит...

Пиарить кандидата уже прекрасно умели в те времена — были б деньги. А деньги у закулисных боссов имелись гро-

мадные: железнодорожный бизнес, биржа и многое другое...

У самого Линкольна денег, разумеется, на такую кампанию не было — но никто и не собирался заставить его расплачиваться из собственного кармана. Мы уже никогда не узнаем, сколько именно *отстегнули* из своих скромных сбережений северные магнаты, но, смело можно говорить — немало...

По всей стране неведомо откуда вынырнули сотни ораторов, до хрипоты агитировавших за «честного старого Эйба». Сотни газетчиков неведомо по какому побуждению души публиковали статьи в поддержку Линкольна. Когда Линкольн приезжал выступить в какой-нибудь штат, как из-под земли возникала толпа молодежи в специально пошитых мундирах и устраивала факельные шествия в его поддержку.

По стране распространились сувенирные медали: на одной стороне восхвалявшие Линкольна призывы, на другой — реклама мыла (ох уж эти практичные янки с их спецификой!). Тиражом в *миллион* экземпляров по стране разлетелась написанная бойким журналистом биография Линкольна, Золотого Парня, вышедшего из самого что ни на есть распростого народа и познавшего разнообразнейший физический труд. Мало того, оказывается, Линкольн «был первым среди своих одногодков в борьбе, беге, прыжках, в бросании молота, в метании лома» (последнее лично меня особенно умиляет, метание лома — это вам не хухры-мухры). Сообщалось также, что, будучи адвокатом, Линкольн никогда не брал денег с бедных клиентов — наоборот, сам им незаметно совал в карман кому пятерку, кому десятку. А еще — героически воевал со злыми краснокожими, приложил немало усилий для уничтожения рабства в округе Колумбия...

Из американских газет того времени: «Старина Эйби», «Кандидат дровосеков», «Человек из лесной глуши», «Честный Эйби», «Человек из народа», «Проницательный, красноречивый, достойнейший деятель данного периода», «Человек, начавший свою жизнь в хижине с земляным полом».

Как поэтически выразился Сэндберг, «в конце концов, он был лишь темной лошадкой, но на нее уже надели седло...»

Газеты противников Линкольна вяло огрызались: «Провинциальный адвокат третьего сорта», а то и «Потомок африканской гориллы». Но куда им было угнаться за оппонентами, располагавшими немереными денежками...

В городе Декейтере разыграли вовсе уж пикантное шоу. Некий джентльмен по фамилии Хэнкс торжественно вдрузил на сцену два самых обыкновенных столба для забора, перевязанных флагами и лентами с надписями: «Авраам Линкольн, кандидат дровосеков в президенты в 1860 г. Две стойки из партии, наколотой в 1830 г. Томасом Хэнксом и Эйбом Линкольном, отец которого был первым поселенцем в округе Мейкон».

Поразительная удача: через тридцать лет отыскать среди тысяч и тысяч столбов для забора парочку тех, которые в юности вытесал именно Линкольн, да еще тут же опознать их по каким-то неведомым приметам!

Однако толпа орала и рукоплескала. Публика закричала Линкольну:

— Узнасте свою работу?

Линкольн (в глубине души наверняка не одобрявший столь пошлую комедию) ответил уклончиво:

— Возможно, что я колол эти брусья. Знаете, ребята, я очень много наколол брусьев, но они были ровнее этих.

Толпа все равно продолжала орать и рукоплескать...

Ну и, разумеется, избирателей щедро поили добрым кукурузным (а также яблочным и ржаным) виски. Это была старая традиция, берущая начало на исторической родине — в Англии. Еще в колониальные времена, когда Джордж Вашингтон избирался в законодательную ассамблею штата Виргиния, он бесплатно раздал избирателям 28 галлонов рома, 50 галлонов ромового пунша, 34 — вина, 46 — пива и 2 — сидра (86). Галлон, как известно, составляет около четырех литров, а всего избирателей в том округе насчитывался 391 человек — так что гульнули неплохо...

Еще один будущий президент США, Мэдисон, примерно в те же времена (1777 г.) избирался в ту же ассамблею того же штата — но, в отличие от свято соблюдавшего традиции Вашингтона, не выставил избирателям ни рюмашки. Не по скупости, а из нравственных убеждений, считая это «несовместимым с моральной чистотой и республиканскими принципами». Вот только избиратели посчитали этакое новшество «результатом гордыни и скупости» и проголосовали за другого кандидата, агитировавшего в строгом соответствии с вековыми традициями...

Коли уж зашла речь об английской избирательной практике, не грех отвлечься от грязной политики и вспомнить безусловно занятную историю, когда знаменитый английский адмирал Кокрейн решил выставить свою кандидатуру в парламент в одном из английских графств. Его соперник, не мудрствуя и не заморочиваясь цветистыми речами, попросту платил каждому, за него голосовавшему, пять фунтов — а Кокрейн не давал и пенни ломаного. Естественно, большинство голосов получил первый джентльмен.

Небольшое количество избирателей все же, плюнув на презренный металл, проголосовало за морского волка, публично обещавшего бороться в парламенте с коррупцией и продажностью. После выборов Кокрейн обошел их всех

и выплатил каждому... нет, не по пять фунтов, а по десять гиней (фунт насчитывал 20 шиллингов, гинея — 21).

На следующий год наступили новые выборы. И вот тутто хитрый британский народишко подумал: ежели в прошлый раз адмирал отвалил каждому по десятке, то, надо полагать, и сейчас заплатит! И чуть ли не все поголовно проголосовали за Кокрейна.

Однако, когда толпа явилась за вознаграждением, адмирал с невинным видом заявил, что ничегошеньки не обещал. Мало ли что они там себе думали... Ах, господа, так вы из-за денег голосовали? Какая меркантильность! Я-то считал вас джентльменами...

Правда, хитрые британцы адмирала все же недурно *выставили*. Он неосторожно обмолвился, что денег платить не будет, но охотно угостит рюмашкой добрых жителей округа. Ухватившись за эту обмолвку, окрестные жители явились на званый ужин все поголовно и ухитрились напить-наесть на 1200 фунтов — ошеломительную по тем временам сумму...

Вернемся в США, где Линкольн, уже никаких сомнений, уверенно идет к победе...

Массированная агитация, расхвалившая «старину Эйба» до небес, свое дело сделала. За Линкольна спешили голосовать все противники рабства, а также свободные негры (правда, в прогрессивных северных штатах негр обладал правом голоса, только если имел имущества на 250 долларов, каковое ограничение к белым не применялось). За Линкольна отдавали голоса те, кто видел в нем «своего», «работягу», «простого парня из глубинки», трудом и способностями вскарабкавшегося на самый верх. «Кандидат из народа» избирателям всегда по сердцу.

Правда, были люди достаточно циничные, которые красивым байкам не поддавались. Видный абол из Бостона

Уэнделл Филлипс *публично* сказал следующее: «Не аболиционист и не противник рабства, мистер Линкольн согласился представлять антирабовладельческие идеи. Пешка в политической шахматной партии, он ценен именно своей позицией, и мы можем разменять его на коня, слона или ферзя, а потом очистить доску». Тут уже ни капли романтики — голый расчет. Позже мы к этим примечательным словам еще вернемся. Если находились люди, принародно именовавшие Линкольна «пешкой», то наверняка были и люди, говорившие то же самое в узком кругу, — и что-то мне подсказывает, что искать их следует среди тех самых магнатов, кто увидел в долговязом адвокате идеальную кандидатуру...

Авраам Линкольн был избран и стал шестнадцатым президентом США...

Стоп, стоп! Это выражение, «президент США», несколько некорректно...

Гораздо точнее было бы определение «президент северных штатов»...

На Севере Линкольн и в самом деле получил больше голосов, чем было подано за каждого из трех его соперников. Но от общего числа голосовавших американцев Линкольн набрал только с о р о к процентов. Дело в том, что южные штаты вообще не голосовали за Линкольна, ни «за», ни «против». В южных штатах имя Линкольна вообще не значилось в избирательных бюллетенях. Сейчас этот факт забыт, но дело именно так и обстояло. Поэтому именовать Линкольна «президентом США» будет не вполне верно. Во всяком случае, южане тогда же отказались считать его таковым...

Это и был *раскол*! Фигура Линкольна южан не устраивала категорически — для Юга он как раз был символом и воплощением всех северных зол, командующим враждебного войска, боровшегося против всего, что южане защищали...

События рванули, как пришпоренный конь!

Президентские выборы состоялись 6 ноября 1860 г. Буквально тут же Юг взвился. На митинге в Алабаме развевались знамена с надписями: «Сопротивление Линкольну угодно Богу». Южные газеты тут же заявили, что войны Юг не боится и готов защищаться.

20 декабря конвент штата Южная Каролина объявил, что штат отделяется от США. В течение месяца с небольшим о том же заявили Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас. То, чего одни всерьез опасались, а другие с нетерпением ждали, стало фактом...

Согласно американской конституции Линкольн должен был заступить на пост только в апреле будущего года. Прежний президент Бьюкенен, пока что остававшийся «на хозяйстве», пытался решить дело миром. Поскольку военного способа решения проблемы просто-напросто не существовало: регулярная армия США насчитывала всего-то 1098 офицеров и 15304 солдата — и в основном была разбросана мелкими подразделениями на границе с весьма обширными тогда индейскими территориями. Такими силами, даже если их каким-то чудом удалось бы собрать за пару недель (что абсолютно нереально), невозможно было бы усмирить и один-единственный штат. На ополчение и милицию штатов надежды тоже не было никакой. Даже те штаты, что поначалу к мятежникам не примкнули, категорически отказались дать солдат для подавления мятежа. Губернатор Кентукки писал в Вашингтон: «Кентукки не даст ни одного солдата для безнравственной цели покорения братских южных штатов». Его коллега из Миссури был не менее категоричен: «По моему мнению, ваше требование (об отправке ополчения на

Юг. — *А. Б.*) противозаконно, антиконституционно и революционно по своим целям; оно дьявольски бесчеловечно и не может быть выполнено».

Федеральные военные и гражданские учреждения оказались завалены массой заявлений об отставке или добровольном увольнении с должности: южане, гражданские чиновники на Севере и армейские офицеры, совершенно законно заявив о своем уходе, спешили на родину...

Сенаторы южных штатов складывали свои полномочия. Иегуда Бенджамин, будущий государственный секретарь Южного государства, выступая в Сенате США, в своей прощальной речи высмеивал вопли северян о «гнусном мятеже»: «Нам говорят, что Юг поднял восстание без причины и что его жители предатели. Восстание! Весьма точное слово для признания... Когда это, господа, миллионы людей, как один, организованно поднимали нарочито бесстрастное восстание против справедливости, истины и чести?»

Одни — даже северяне — ему аплодировали, другие бешено орали нечто оскорбительное, вроде сенатора от Огайо Уэйда, отчаянного радикала, который даже в своем кабинете в здании Сената держал под столом обрез...

Бенджамин приложил все силы, чтобы разойтись добром: «Мы просим, мы умоляем вас: дайте нам уйти с миром. Я заклинаю вас не потакать иллюзиям, что моральный долг или совесть, выгода или честь навязывают вам необходимость вторжения в наши штаты и пролития крови. У вас нет для этого оправданий».

Кое-кто из трезвомыслящих северян эту мысль поддерживал, но не «агрессивное большинство». Северные газеты, словно с цепи сорвавшись, выплескивали на читателя всевозможные ужастики о «южных зверствах». Всю северную прессу обошла страшная история об учительни-

це-северянке, которую в Новом Орлеане злобные южане раздели догола на главной площади, вымазали смолой и вываляли в перьях. Гораздо позже было установлено, что это вымысел от начала и до конца. Не было никакой бедняжки-учительницы, якобы подвергнутой позору только за то, что она «пыталась заразить своих учеников симпатиями к аболиционистам». Однако свое дело подобные страшилки сделали...

Линкольн тем временем потихоньку формировал правительство. По какому-то невинному совпадению в нем оказалось немало людей, связанных с крупнейшими нью-йоркскими промышленниками, коммерсантами и банкирами (вроде Белмонта, которому южные бизнесмены задолжали 200 миллионов долларов). Разумеется, представители северных толстосумов оказались на высоких постах по чистой случайности...

Когда Линкольн хотел назначить министром финансов или военным министром дельца с подозрительной репутацией Саймона Камерона, враги упомянутого дельца прислали президенту толстую пачку документов, характеризовавших Камерона как «само воплощение коррупции», чье состояние «приобретено средствами, не достойными человека чести». Однако Камерон положил перед Линкольном пачку других отзывов, представлявших его как честнейшего на свете человека, и, не моргнув глазом, заявил: поскольку положительных рекомендаций втрое больше, чем ругательных, в чем проблема? Убежденный такой арифметикой, Линкольн Камерона взял в команду...

Сенатор Критенден, один из тех, кто пытался не допустить братоубийственной войны, представил план компромисса: пусть все останется, как есть, Север — свободный, Юг — рабовладельческий, а если понадобится освободить рабов, южане получат материальную компенсацию (к сло-

ву, сыновья сенатора оказались по разные стороны баррикад: один готовился воевать за Север, другой за Юг). Критендена поддерживали многие на Севере, но сторонники войны все подобные проекты блокировали...

До февраля сохранялось полное спокойствие, ружья пока не стреляли. Линкольну пора было отправляться в Вашингтон, вступать в должность.

Тут и начался очередной виток истерии. К Линкольну заявился «гениальный сыщик» Аллан Пинкертон и с порога начал кричать о жутком заговоре против президента, который он, изволите ли видеть, раскрыл...

Пинкертон — личность в истории известная: позже именно он стал «отцом» американской секретной службы, а само его имя стало нарицательным для обозначения сыщиков: «пинкертоны». Сыскным ремеслом он занялся по чистой случайности: первое время молодой эмигрант из Шотландии, подобно Патрику Кеннеди, делал бочки — занятие хлопотное и не особенно выгодное. Но потом ему повезло: на одном из островков озера Мичиган он наткнулся на остатки костра и сразу подумал — а не здесь ли обретается кружащая в окрестностях банда жуликов, о которой столько разговоров?

Побежал к шерифу. Тот поднял людей. Преступников повязали. Пинкертон сразу усмотрел в этом великолепный случай разделаться с нелегкой профессией бочара: стал вещать всем и каждому, что он не просто случайно наткнулся на прогоревший костерок, а долго и старательно выслеживал банду, дедукцию в ход пускал...

Непонятное слово «дедукция», должно быть, магически подействовало на простодушных янки: вскоре Пинкертон открыл частную сыскную контору, которую без ложной скромности назвал «Национальное сыскное бюро Пинкертона» — насчитывавшее всего-то девять частных сыскарей.

Алан Пинкертон

Нужно сказать, что Пинкертон и в самом деле оказался и неплохим организатором, и толковым сыщиком. Контора помаленьку росла и расширялась, пинкертоновские молодцы гонялись за грабителями, фальшивомонетчиками и прочим криминалитетом, доходы росли — но все равно для «национального бюро» размах был маловат.

И вот перед поездкой Линкольна в Вашингтон перед президентом предстает мистер Пинкертон и начинает, заговорщицки понизив голос, рассказывать та-акие страсти...

Дескать, один из его агентов совсем недавно ухитрился войти в доверие к страшным заговорщикам, замыслившим похитить и убить президента. Заговорщиков ни много ни мало целая рота милиции штата Филадельфия, а руководит ими их капитан, итальянец-парикмахер Фернандино. Буквально на днях состоялось тайное заседание всей этой роты в полном составе, и Фернандино, размахивая «длинным сверкающим ножом», кричал, что вскорости они Линкольна прикончат, как собаку. Все для этого готово: когда Линкольн будет проезжать Балтимор, вся банда набросится на него и зарежет. Длинным сверкающим ножом.

Для убедительности Пинкертон привел с собой некоего железнодорожного воротилу, который не то что подтвердил, а даже усугубил пинкертоновские откровения: какие там итальянцы с ножами? Все в сто раз хуже: заговорщиков не рота, а гораздо больше, они, стервецы, за-

мышляют поджечь несколько железнодорожных мостов и взорвать все поезда, в которых может находиться Линкольн. Динамита у них — хоть мешками считай.

Пинкертон только поддакивал: ага, и еще южане собираются сокрушить все железнодорожные пути и потопить паромы на реке, чтобы изолировать Вашингтон от внешнего мира — а потом, очень возможно, всех в Вашингтоне перерезать. Длинными сверкающими ножами. А Белый дом динамитом взорвать — его ж у заговорщиков пуды!

Действуя на пару, они «старину Эйба» так застращали, что он согласился со всеми их предложениями: ехать десятой дорогой, переодетым (хорошо хоть бороду не стали приклеивать, у Линкольна своя имелась).

Перед отъездом Линкольна навестила его старая знакомая Ханна Армстронг, немало потрудившаяся во время его избирательной кампании, и на прощание сказала:

— Эйби, они тебя убьют...

Линкольн меланхолично ответил что-то вроде: двум смертям не бывать, одной не миновать... И перед самым отъездом все же чуточку артачился: мол, что подумает нация о своем президенте, который пробирается в столицу тайно, «по-воровски»? Однако Пинкертон и прочие были неумолимы: родина требует, мистер президент, не вам решать, мы профессионалы и знаем лучше...

И начался увлекательный детектив. Агенты Пинкертона вмиг перерезали все окрестные телеграфные провода: чтобы какой-нибудь коварный заговорщик не дал знать своим, каким путем едет президент. По Пенсильванской железной дороге, погасив все огни, двинулся паровоз с одним-единственным вагоном, где разместились Линкольн и его старый приятель Лаймен, вооружившийся четырьмя пистолетами и двумя кинжалами длиной в локоть.

Отчего-то это оказался *единственный* телохранитель Линкольна, больше никого Пинкертон с ним не отправил — хотя речь шла о сотнях заговорщиков, подстерегавших будто бы президента на пути. Только в Филадельфии к путникам присоединился еще один охранник, верзила-полицейский. Личный поезд президента тем времени двигался другой дорогой — причем никто на него так и не напал. Вообще, действительность резко отличалась от страшилок, которыми потчевали президента бравый сыскарь и железнодорожный магнат: ни единого инцидента не произошло ни тогда, ни потом. Никто и гайки от рельса не отвинтил, никто не то что паромов, а паршивой лодки не потопил, ничего не поджег, даже захудалого сарая. Орда заговорщиков в несколько сот человек, вооруженных пудами динамита, мушкетами — и длинными сверкающими ножами! — загадочным образом канула в безвестность... Более того: никогда ни один из них не был не то что поставлен перед судом, а даже подвергнут допросу. О «парикмахере Фернандино» никогда более никто не вспоминал. Грозная организация растворилась, как сахар в час. Ни малейших ее следов историки не усмотрели.

А потому некоторые исследователи давненько уж пишут, что, по их твердому убеждению, всю историю с жутким заговором хитрюга Пинкертон высосал из пальца. Не было ни сотен готовых убивать, взрывать и жечь террористов, не было ни пудов динамита, ни длинных сверкающих ножей. Зато карьера Пинкертона после того, как он тайно привез «спасенного» им Линкольна в столицу, получилась головокружительной...

Вокруг Вашингтона стояли пушки, дымились фитили. На крышах главных улиц засели армейские снайперы в немалом количестве. Вокруг Капитолия разместились пехо-

тинцы. Ожидали того самого нападения зловещих террористов...

Линкольн, уже торжественно объявленный президентом США, выступил перед десятитысячной толпой. Длинная речь была достаточно путаной, многие места из нее можно было толковать двояко. С одной стороны, Линкольн уверял:

— У меня нет ни прямой, ни косвенной цели нарушить установления рабовладельчества в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права это сделать; у меня и желания такого нет...

И заверял, что беглых рабов Север будет по-прежнему выдавать южанам по первому требованию. Однако тут же намекал, что в будущем возможны изменения как в Конституции, так и в законах. Иные из этих намеков можно прямо истолковать как будущую отмену закона о беглых рабах...

С одной стороны, он приветствовал только что принятую Конгрессом поправку к Конституции, заключавшуюся в том, что федеральное правительство никогда не должно вмешиваться во внутренние дела штатов. С другой — недвусмысленно намекнул, что готов силой принудить мятежные штаты остаться в Союзе. Поскольку за раскол — «меньшинство», и действия южан «в зависимости об обстоятельств являются мятежными или революционными». Разумеется, правительство, заверял Линкольн, будет использовать силу, «если его принудят», — но вот что под этим понимать, так и не растолковал.

«Когда существующее правительство надоест народу, он может использовать свое конституционное право и улучшить его или применить свое революционное право для того, чтобы частично заменить министров или даже для того, чтобы свергнуть правительство полностью».

И тут же — о том, что правительство «может быть вынуждено применить силу» — что, согласитесь, как-то не сочетается с упомянутым «революционным правом»...

Южане тут же сделали выводы, что обращение Линкольна к нации означает *войну*, которую готовит Север. Даже газеты Балтимора, столицы штата Мэриленд — рабовладельческого, но так никогда и не присоединившегося к Конфедерации, — писала: «Правительство облекает себя деспотической властью и подразумевает использование этой власти, не останавливаясь перед войной и кровопролитием. Если есть намерение выполнить то, что сказано, то это обращение является похоронным звоном и заупокойной мессой по Союзу и концом всякой надежды».

Между тем еще 18 февраля 1861 г., до того как Линкольн со всеми предосторожностями, тайно, добрался до столицы, в Монтгомери, столице штата Алабама, объявили о создании нового государства, Конфедеративных Штатов Америки (в дальнейшем я его буду именовать кратко, как и в те времена было принято, — Конфедерация). Президентом был избран Джефферсон Дэвис, как уже говорилось, земляк Линкольна — он тоже родился в Кентукки, в семье небогатого фермера, который впоследствии перебрался на Юг и там разбогател.

Одним из первых решений нового правительства Юга было присоединение к международной конвенции о запрете международной работорговли.

Что бы там воинственно ни заявляли южные газеты, Юг воевать поначалу определенно не *собирался*. Военный министр Уолкер не предпринимал никаких решительных шагов по созданию регулярной армии. Он, как сам потом признавался, был уверен, что сможет «вытереть носовым платком всю кровь, которую прольют в этой войне». Иегу-

да Бенджамин, настроенный гораздо более пессимистично, предложил немедленно отправить в Европу побольше хлопка и на вырученные деньги закупить сто пятьдесят тысяч ружей, пушки, боеприпасы и амуницию. К его предложению не прислушались, в Конфедерации царила всеобщая эйфория, и большинство южан были уверены, что янки к ним «не полезут». Плохо они знали северных богачей, твердо решивших не выпускать соблазнительную добычу...

На самом деле война уже стояла на пороге.

Да что там, стучалась в дверь...

Глава шестая

ГРОЗА У ПОРОГА

Война. Попытка развязать политический узел не языком, а зубами.

Граница. В политической географии воображаемая линия между двумя государствами, отделяющая воображаемые права одного от воображаемых прав другого.

Амброз Бирс,
американский писатель

Южане оказались в трагическом и жутком тупике. Именно *нам*, русским, россиянам (поскольку в старой России крепостниками были не одни этнические русские, а чуть ли не все населявшие империю народы, за исключением разве что евреев и среднеазиатов) следовало бы отнестись к ним с большим пониманием. Наши собственные предки — практически в те же времена! — точно так же зашли в логический тупик: и мужичков надо бы освободить, и боязно рушить сложившуюся за века систему, да к тому же самые умные, интеллектуальные, совестливые люди не представляют себе, что можно жить *иначе*, без крепостного права, в котором усматривается и положительная сторона (разумеется, на взгляд хозяев).

США накануне Гражданской войны (1861–1865 гг.)

Речь, еще раз повторяю, не идет о том, чтобы оправдать и простить — но *понять* южан необходимо. Поскольку проблема никак не укладывалась в «алчность жадных плантаторов».

Южане должны были рассуждать примерно следующим образом...

Сложившийся порядок вещей существует более двухсот лет. Причем тот самый Север, который и поставлял все это время рабов на Юг, внезапно сделал поворот на сто восемьдесят градусов и принялся кричать, что рабство — зло. Хотя Северу следовало бы и помолчать в тряпочку...

Государство создали южане. Они составили Конституцию и Декларацию независимости, они вынесли на своих плечах основной труд Войны за независимость, они дали стране первых президентов. И вдруг от них требуют *слово* основы жизни. Им говорят, что они «не имеют права» отделяться. Почему это? Когда южане устраивали революцию и отделялись от Британской монархии, это считалось доблестью и подвигом. Отчего же теперь южные штаты не имеют права уйти и жить так, как им хочется? Чем самопровозглашенная Конфедерация хуже самопровозглашенных Соединенных Штатов?

Примерно таким был ход мыслей...

Разве не Джефферсон говорил, что каждое поколение имеет право на свою революцию? Разве не Линкольн совсем недавно возглашал, что всякий народ имеет право революционным путем смести то правительство, которое его не устраивает? Наконец, разве не Линкольн заявил совсем недавно: «Когда белый человек управляет собой — это самоуправление; когда он управляет сам собой и вместе с тем управляет другими, это уже не самоуправление, это деспотизм».

«Вот мы и не хотим быть этими «другими»!» — воскликнули южане...

Многие аргументы южан отличались той неопровержимой логикой, которой просто невозможно возражать на логическом же уровне — только на эмоциях. Южане напоминали, что самая первая конституция США так и называлась: «Статьи *конфедерации*», а конфедерация — это объединение свободных штатов, которые уйти могут в любой момент.

Ситуацию усугубляло еще и то, что действующая Конституция США, как позже признает судья Верховного Суда Маршалл, «с самого начала была ущербной». Несовершенство Конституции в данном конкретном случае выражалось в том, что налицо был абсолютно неразрешимый парадокс. С одной стороны, ни в законах, ни в Конституции нигде не было указания, что штатам *разрешен* выход

из Союза, но нигде не было ни словечка и о том, что выход *запрещен*. Точно так же не было писаных правил, разрешавших Конгрессу и федеральному правительству *принуждать* штаты оставаться в составе единого государства. А если вспомнить, что в южных штатах за Линкольна вообще не голосовали...

Короче говоря, оба государства, США и Конфедерация, с точки зрения закона были либо одинаково законны, либо одинаково незаконны. *Одинаково*... Не было ни «мятежников», ни «федерального центра». Была страна, расколовшаяся надвое. После этого всё, что делала одна сторона, другая могла объявить незаконным — и наоборот.

А ведь это еще не все... В Конституции имелись (и сегодня имеются) статьи, по которым штат может вести войну и самостоятельно, без дозволения федеральных властей, если «он уже подвергся нападению или находится в такой неотвратимой опасности, при которой недопустимо промедление». Это положение, если судить с точки зрения южан, как раз и давало право штатам Конфедерации вести войну против вступивших на их территорию федеральных войск (поскольку федералы могли ввести военную силу в штат исключительно с согласия его палаты представителей).

И наконец, «государственная измена», в которой обвиняла южан северная пресса, опять-таки не имела места. Потому что в Конституции говорилось: «Государственной изменой Соединенным Штатам считается только ведение войны против них или присоединение к их врагам, оказание врагам помощи и поддержки». Таким образом, пока вооруженные силы южан не ступали на северную территорию, не было войны, а следовательно, не было и измены.

Такой вот головоломный клубок нерешаемых в принципе вопросов запленся и перепутался из-за того, что Конституция и законы во многом были сформулированы невнятно...

А теперь — о новорожденной Конфедерации. Ее руководство состояло отнюдь не из «крупных плантаторов». Президент Конфедерации Джефферсон Дэвис был сыном разбогатевшего на Юге северянина. Вице-президент Стивенс в молодости был наемным рабочим на кукурузных плантациях. Министр финансов Меммингер — вообще воспитанник сиротского приюта, вышедший в люди. Иегуда Бенджамин — из небогатой семьи. Морской министр Мэллори — сын янки из Коннектикута, чьи богатства заключались лишь в скромной портовой таверне. Министр почтовых сообщений Рейган — сын простого дубильщика кожи (149). Это на Севере, в правительстве Линкольна, не протолкнуться было от денежных мешков...

Более того, и Дэвис (бывший военный министр США) до войны был известен как... противник какого бы то ни было раскола страны и отделения хоть одного штата! На заседании конвента, где была провозглашена Конфедерация, он не присутствовал вообще, президентом его избрали заочно, и он подчинился родине. Точно также будущий главнокомандующий южными войсками Роберт Ли (как и многие другие генералы конфедератов) до войны был противником всякого сепаратизма, мало того, был противником рабовладения, как и его отец, герой американской революции и войны за независимость (99). В этом и заключалась трагедия многих южных министров и генералов: будучи противниками рабства и сепаратизма, они, тем не менее, взялись за оружие, чтобы защищать родину — и, соответственно, одновременно защищали рабство и сепаратизм...

Декларация независимости Конфедерации гласила: «Мы чувствуем, что наше дело — правое и святое, мы торжествен-

Государственная печать Конфедерации. Д. Вашингтон в обрамлении хлопчатника, табака, кукурузы и пшеницы. Подпись И. Бенджамина — печать изготовлена по его эскизу

но заявляем перед лицом всего человечества, что желаем мира, не ищем ни завоеваний, ни уступок от штатов, в союзе с которыми мы прежде были; мы хотим только, чтобы нас оставили в покое».

Последующие события, как мы убедимся позже, подтверждают, что это было не лицемерие, а чистейшая правда — Юг и в самом деле всего-навсего хотел, чтобы его оставили в покое...

Любопытный штрих: именно Конфедерация впервые в истории США учредила министерство юстиции — до того его не существовало...

Горькая ирония еще и в том, что Вашингтон вот-вот мог оказаться на территории Конфедерации — поскольку округ Колумбия располагался в пределах рабовладельческого штата Мэриленд. Пока что Мэриленд сохранял нейтралитет, но если бы он примкнул к Конфедерации...

К тому же (так уж географически сложилось) Вашингтон находился *рядом* с мятежной территорией. Вашингтон стоит на одном берегу реки Потомак — а за рекой как раз и начинался штат Виргиния. Из окон Белого дома Линкольн мог бы при желании разглядывать в подзорную трубу позиции южан (вполне возможно, он это и делал). Если бы конфедераты хотели напасть первыми, им не пришлось бы прилагать особенных усилий — следовало всего-навсего переправиться через Потомак, не особенно и широкую реку...

Тем более что в Вашингтоне не было боеспособного гарнизона. Горсточка солдат, которая там присутствовала,

столицу в случае атаки удержать не смогла бы. Арсенал Вашингтона был вообще брошен охраной, в чем Линкольн убедился лично: прошел по опустевшим улицам, заглянул в ворота арсенала — все двери распахнуты, ни одного солдата на посту...

Но южане не предприняли ни единой военной экспедиции за пределы своей территории, хотя беззащитный Вашингтон мог быть в два счета взят одним полком. Все военные действия Юга свелись к осаде занятого федеральными войсками форта Самтер, закрывавшего вход в гавань порта Чарльстон, который первоначально хотели сделать столицей Конфедерации.

Осадившими форт войсками южан командовал генерал Пьер Борегар (француз по происхождению, коренной южанин, оставивший пост начальника военной академии Вест-Пойнт, чтобы уйти в южную армию). Комендантом форта был майор Роберт Андерсон — которого в свое время в Вест-Пойнте обучал артиллерийскому делу именно Борегар и считал лучшим своим учеником...

Борегар с соблюдением всех правил дипломатии предложил бывшему ученику капитулировать. Тот отказался. Артиллерия южан начала обстрел форта. Можно говорить с уверенностью, что обе стороны откровенно не захотели проливать кровь. Судите сами: и фортом, и осадной артиллерией командуют профессиональные артиллеристы. За 34 часа артиллерийской дуэли выпущено около четырех тысяч снарядов. Убитых — ни одного. Раненых — ни одного. Это возможно при одном-единственном условии: обе стороны палили в белый свет, как в копеечку, вовсе не стараясь зацепить кого-то всерьез. Единственной жертвой канонады оказалась лошадь кого-то из южан, задетая шальным осколком.

Потом Андерсон капитулировал. И тут-то появилась первая, официально зафиксированная жертва гражданской

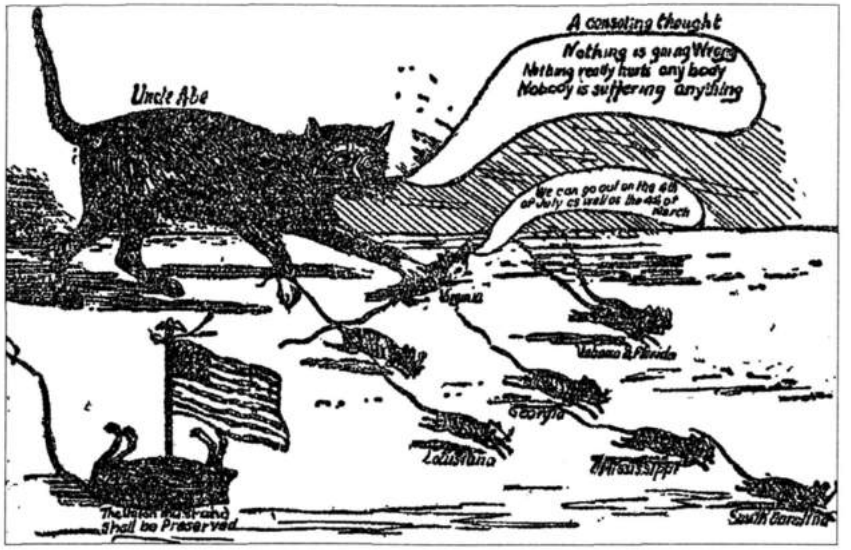
войны. Вот только южане тут ни при чем. Сдавая форт, Андерсон выговорил себе право отдать артиллерийский салют спускаемому звездно-полосатому флагу. Одну из пушек форта разорвало, при этом был убит рядовой-канонир Дэниел Хоу. Первый убитый на этой войне пал не от огня противника, а от собственного орудия...

Считается, что первый выстрел по форту сделал Эдмунд Раффин — опять-таки не «тупой рабовладелец», а ученый, политик, писатель, один из теоретиков «южной нации» (правда, иные американские исследователи ставят на его место некоего капитана Джорджа С. Джеймса).

Этот день, 12 апреля 1861 г., когда Самтер спустил флаг, и принято считать началом гражданской войны. Гораздо менее известно, что на один месяц и один день раньше произошло событие, хотя и не отмеченное выстрелами, но, по моему глубокому убеждению, как раз и начавшее войну. 11 марта 1861 г. Конфедерация отменила на своей территории «закон Моррилла», тот самый, по которому Север устанавливал на поступающие в южные штаты товары те самые грабительские накрутки чуть ли не в пятьдесят процентов. А это так ударяло по карману северных воротил, что другого выхода, кроме применения военной силы, они попросту не видели. К тому же вслед правительство Конфедерации выпустило новый указ, по которому все южане, имевшие долги перед Севером, должны были эти долги не Северу уплатить, а перевести в казначейство Юга...

Для серьезных деловых людей именно *такие* акции и служат провозглашением войны не на жизнь, а на смерть. Опереточная осада Самтера — не более чем милый красивый пустячок по сравнению с ударом по кошелькам северных магнатов...

После падения Самтера окончательно определились игроки и произошла полная расстановка сил. К семи создав-

Карикатура того времени:
Линкольн-кот гоняется за разбегающимися мышами штатами

шим Конфедерацию штатам присоединились Северная Каролина, Теннесси, Арканзас и, самое главное, «колыбель страны», Виргиния.

На стороне Севера остались четыре рабовладельческих штата. Точнее говоря, четыре с половиной: часть Виргинии, решившая идти с Вашингтоном, провозгласила себя новым штатом, Западной Виргинией (куда тут же радостно вошли федеральные войска).

Впрочем, все было гораздо сложнее. Поначалу в Союзе остались четыре рабовладельческих штата: Миссури, Кентукки, Мэриленд и Делавер. Два последних так и хранили всю войну верность Вашингтону — а в Миссури и Кентукки очень быстро образовалось по два правительства (южан и северян), по две администрации, по две армии. Кроме «большой» гражданской войны в двух этих штатах вдобавок бушевала еще война «малая» — не

только Севера против Юга, но и жителей штата между собой...

В Техасе едва не случилось то же самое — но его губернатор Хьюстон, хотя и был противником отделения, не стал развязывать еще и «малую» войну, а ушел в отставку, заявив: «Я слишком люблю Техас, чтобы вызывать в нем гражданские беспорядки и кровопролитие» (77). Что сберегло немало жизней...

Теперь — о соотношении сил. Оно было категорически не в пользу Юга. На Севере жило 22 миллиона человек, на Юге — 9 (треть из которых составляли чернокожие невольники, на которых никак нельзя было полагаться как на вооруженную силу). На Севере — 110 тысяч промышленных предприятий, на Юге — 18 тысяч. На Севере — вся военная промышленность, на Юге — единственный оружейный заводик в Ричмонде (так что южане порой за неимением лучшего вооружались извлеченными со складов мушкетами времен Войны за независимость). Почти вся металлургическая и текстильная промышленность — на Севере. Две трети банковского капитала и почти все железные дороги — на Севере. Практически все инженеры и квалифицированные рабочие — на Севере. Весь военно-морской флот — у Севера. Почти все научные кадры — на Севере.

Соотношение, прямо скажем, печальное. Югу оставалось полагаться лишь на то оружие, что никогда не числилось в каталогах военной техники, но тем не менее играло важнейшую роль.

Называлось это оружие — дух Юга, дух отваги.

Английский наблюдатель, гвардейский офицер Флетчер, писал впоследствии: «Юг выказал в настоящую войну замечательный дух отваги. Как только завязалась борьба, замолкла мелкая зависть, соперничество и вражда, которые

часто делали бесплодными порывы самого великого героизма. Все южное население было проникнуто мыслью, что сражается с иноземным врагом для защиты всего, что ему дорого».

Последующие события показали, что именно на этом «оружии» Юг и продержался в тяжелейших условиях, при вопиющем неравенстве сил целых четыре года...

Итак... После капитуляции форта Самтер Линкольн принялся действовать быстро и жестко, не стесняя себя соблюдением законов и Конституции. Оправившись от первого приступа страха и убедившись, что южане так и не пойдут на Вашингтон, там приободрились и загремели оружием...

«Старина Эйб» ввел федеральные войска в Мэриленд, где солдаты арестовали мэра Балтимора и 19 членов законодательного собрания штата, известных как сторонники Юга. Даже собственные министры Линкольна (и председатель Верховного суда) были против и напоминали, что это противоречит Биллю о правах (арестовывать можно за действия, но не за *убеждения*!), однако Эйби гнул свое. Мэриленд был передан под прямое управление военных, столица штата окружена войсками и пушками.

Последовали новые аресты — на сей раз за решетку упрятали все руководство полиции штата. И объявили, что малейшая попытка сопротивления закончится пальбой из орудий. Вот так и остался в составе Союза штат Мэриленд — не из убеждений его граждан, а из простого осознания того факта, что на пушки с голыми руками не попрешь, особенно когда все, кто мог бы возглавить сопротивление, брошены за решетку...

Нарушая все писаные законы, Линкольн единолично принялся тратить миллионы казенных денег — на спешное формирование армии. Интересно, что «коренные» ан-

глосаксы в нее не спешили и основной упор с самого начала был сделан на ту массу разноплеменных эмигрантов, что осела в США после того, как бежала из своих стран, проиграв всевозможные революционные заварушки: немцы, итальянцы, венгры. Все они большей частью была социалистами. Равным образом и американские социалисты валом валили в армию. Немецкие социалисты из Миссури быстренько собрали полк, выступивший под красным знаменем с изображением разбивающего кандалы молота (время серпа и молота еще не пришло). В Филадельфии не отставали — тамошний немецкий полк возглавил сомнительный «полковник» Бленкер, которому это звание присвоила некая «революционная армия Бадена». По воспоминаниям современника, «среди офицеров были участники фактически всех революционных войн в Европе». Обнаружился и польский полк. Немало удалось завлечь в федеральную армию и ирландцев.

Немецкие полки, польский полк, мадьярский легион, итальянская бригада Гарибальди... Другими словами, скопище весьма специфического народа, который был на всю жизнь отравлен бунтарством и не мыслил себе бытия без какой-нибудь войнушки...

Нужно обязательно упомянуть, что на Севере с самого начала развернулось довольно массовое движение и людей вполне вменяемых, выступавших за то, чтобы мирно отпустить Юг. Речь шла вовсе не о сторонниках Юга. Некоторые видели в этом идеальный выход покончить с дискуссиями о рабстве: пусть Юг живет сам по себе, а Север — сам по себе, жизнь покажет, кто окажется прав. Некоторые (капиталисты, и не мелкие) ровным счетом ничего не теряли после отделения Юга, поскольку не имели там деловых интересов. Некоторые просто-напросто считали, что в теоретическом споре «за» и «против» отделения прав как раз Юг — действительно, если США могли «самопровозгласиться», почему же того самого в рамках американских свобод не может сделать Юг?

Солидные нью-йоркские газеты писали, что сложно жить в республике, «где одна часть пригвождается к другой штыком». «Если рабовладельческие штаты убедятся, что для них лучше быть вне Союза, чем в нем, мы будем настаивать на том, чтобы разрешить им уйти с миром». «Раскол Союза предпочтительнее войны».

Видный аболиционист из Бостона: «Пусть Юг уходит под звуки труб, с развевающимися знаменами, мы с радостью приветствуем уходящего гостя... Привет разделению. Пусть у нас будут только торговые связи, как со всеми другими странами».

Нью-йоркская «Геральд», орган достаточно крупных капиталистических кругов (не имевших на Юге интересов): «Наша единственная надежда на то, что деморализующая, дезорганизующая, подрывная сектантская партия (Республиканская. — *А. Б.*), послушным орудием которой является „честный Эйби Линкольн“, потерпит крушение, и тогда не будет затяжной гражданской войны».

Кроме того, Линкольном были недовольны многие радикалы, требовавшие от президента немедленного объявления свободными всех негров. Так и не дождавшись от Линкольна этого указа, они стали соображать, что грядущая война, очень похоже, все же затевается не ради благородного освобождения угнетенных негров, а по каким-то гораздо более приземленным причинам.

Многозначительные цитаты из газет аболиционистов: «Действительно, есть Север, но Север только для белого человека. Действительно, Север горит ненавистью к Югу, но не пылает любовью к рабу. Лидером этой войны не является Джон Браун. Вы думаете, что Джон Бра-

ун сражался бы за Союз, если бы он мог видеть происходящее?»

«Мистер Линкольн никогда не выражал никакого намерения или желания освободить четыре миллиона рабов. Могут ли аболиционисты участвовать в войне, главная цель которой заключается в поддержании Союза, где защищается собственность рабовладельцев на человека? Для нас время сражаться (если мы решим участвовать в какой-либо войне) наступит тогда, когда все участники войны на одной стороне будут за свободу, а все на другой стороне — за рабство».

Особый цинизм происходившего в том, что северная пропаганда, вовсе не собиравшаяся врать, будто война будет вестись из-за рабства, в то же время принялась раскручивать... светлый образ «изничтоженного злобными южанами Джона Брауна» Кем-то была срочно сочинена и вброшена незатейливая песенка, очень быстро ставшая военным маршем:

Тело Джона Брауна покоится в земле,
Дух Джона Брауна шагает по земле...

В общем, парни, идем мстить чертовым южанам за нашего Джона Брауна! И многие на это ловились, обряжались в мундир и брали ружье, полагая, будто идут сражаться за благородное дело.

А где-то в тихих гостиных сидели те самые большие боссы, которые протолкнули в президенты «старину Эйби» отнюдь не для того, чтобы он мирно махал платочком вслед уходящему с оркестром Югу. И, будьте уверены, боссы работали вовсю, да и денежек не жалели...

Дело, однако, шло туговато. На Севере хватало сторонников Юга, и далеко не мирных, а главное, *тайных* — в армии, в правительственном аппарате, в военном министерстве, в составе американских посольств за рубежом, даже в Конгрессе. Во многих северных штатах тайно проходили выучку отряды, которым в «день икс» предстояло захватить власть, создать «Северо-Западную Конфедерацию», объединить ее с южной и «повесить Эйба Линкольна, членов его кабинета и всех аболиционистов». Явление, характерное для всякой гражданской войны. Правда, на Юге не имелось и малейших следов «северного подполья»...

Иегуда Бенджамин, один из лидеров Конфедерации

Север оказался разобщенным, а вот Юг, наоборот, спаянным — там-то четко представляли, за что воюют и против чего: за родину, против северян, посягавших на независимость Конфедерации. Можно сколько угодно порицать эту незатейливую идею, но именно она сплотила Юг и вдохновила на борьбу...

Формировавшиеся на Севере и Юге армии были, как легко догадаться, совершенно непрофессиональными. В каждом штате, что южном, что северном, имелась своя милиция (ополчение), но на Севере она собиралась в основном для парадов пару раз в год — а вот на Юге, где всегда существовала опасность массового восстания негров, ополченцев учили гораздо серьезнее...

Многочисленные военные историки подчеркивают, что, в отличие от северянина, практически всякий южанин был, по сути, подготовленным солдатом: во-первых, хорошо владел конем и оружием, а во-вторых, жизнь выковывала из всех, кто был связан с плантаторством, неплохих организаторов.

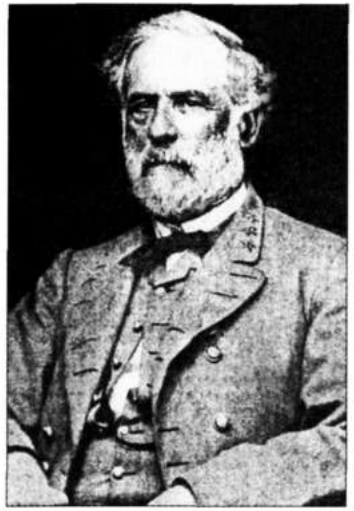

Джефферсон Дэвис

И на Севере, и на Юге кое-где царило откровенное шапкозакидательство: мы их, кособоких, одной левой! Однако северяне, чересчур полагавшиеся на перевес сил в свою пользу, все же оказались гораздо более безответственными: Линкольн создал так называемые «девяностодневные полки», куда набирали только на три месяца, а потом солдат волен был убираться восвояси — «старина Эйби» искренне полагал, что за три месяца он покорит Юг...

Если на Юге полки новорожденной армии формировали люди известные и уважаемые в своих округах (и зачастую, организовав полк, вступали в него *рядовыми*), то на Севере все обстояло иначе: любой, у кого имелась определенная сумма денег, получал право сформировать роту или полк, после чего официально получал от государства звание капитана или полковника армии США. Наличие способностей к военному делу власти не интересовало. Вот эти полковники потом и навоевали... (99).

В обоих враждующих лагерях были свои заблуждения и самые иллюзорные планы, быстро опрокинутые жестокой действительностью. Аболы на Севере полагали, что все четыре миллиона южных негров, едва услышат, что с Севера идут «враги рабовладельцев», тут же восстанут и сметут «прогнивший режим» (именно за подобные заблуждения и поплатился жизнью Браун). Люди посерьезнее, пощелкав на счетах, прикинув все преимущества Севера в заводах и крейсерах, в капиталах, железных дорогах и технике, делали вывод: «южные лапотники» ни за что не смогут долго сопротивляться северной махине.

Генерал Роберт Ли, командующий войсками южан

На Юге, в свою очередь, чересчур уж преувеличивали потребность всего остального мира в южном хлопке — особенно у матушки-Англии. Многие верили, что европейские страны, нуждающиеся в южном «белом золоте», придут на помощь Югу.

Еще в 1858 г. один из сенаторов от Южной Каролины говорил: «Без единого пушечного выстрела и не обнажая меча, мы можем поставить на колени весь мир, если они посмеют начать с нами войну... Что произойдет, если в течение трех лет не будет поставок хлопка? Я не буду подробно останавливаться на том, что каждый из вас может себе представить, но одно не подлежит сомнению: Англия сделает все возможное и мобилизует весь цивилизованный мир, чтобы спасти Юг. Нет, вы не посмеете воевать с хлопком. Нет такой власти на земле, которая посмела бы воевать с ним. Хлопок правит миром».

Оптимизм был, мягко говоря, преувеличенный. Бодрости южанам придало, правда, сделанное перед самой войной заявление английского посла американскому госсекретарю: «Если Соединенные Штаты решаются силой приостановить столь важную для Великобритании торговлю с производящими хлопок штатами, я не отвечаю за то, что может произойти».

Как показали последующие события, южане чересчур уж полагались на свою прародительницу, добрую старую

Англию — у которой, как известно, нет ни врагов, ни друзей, а есть лишь постоянные интересы. Ну, а грозные тирады дипломатов еще ничего не значат...

Вступая в должность, Линкольн говорил, обращаясь к мятежным южным штатам: «Правительство на вас нападать не будет. Не будет конфликта, если вы сами не станете агрессорами».

Врал, конечно. Через три месяца после капитуляции Самтера северная армия переправилась через Потомак и вступила на территорию Конфедерации под вопли вашингтонских «ястребов»: «Вперед, на Ричмонд!»

Теперь только шутки кончились и началась *настоящая* война...

Глава седьмая

КРОВАВЫЕ ГОДЫ

Шкуру волк меняет раз в год — нрав никогда.

Б. Франклин

Северное воинство, браво выступившее на усмирение «проклятых мятежников», было пышно именовано «Великой армией Потомака». Провожали его с большой торжественностью: оркестры гремели, дамы бросали цветы, вашингтонские обыватели, надсаживаясь, вопили:

— Вперед, на Ричмонд!

«Великая армия» состояла из тех самых «трехмесячных добровольцев», отправившихся на войну в поисках приключений и острых ощущений — а также, несомненно, для того, чтобы разжиться на Юге дармовым добром. Никаких других предположений попросту не возникает, когда знакомишься с кадрами «Великой армии». Кроме полка итальянских и немецких социалистов (эти шли воевать пусть за сомнительные, но все же какие-никакие идеи), в составе армии имелся еще 6-й нью-йоркский полк, о котором сами нью-йоркцы говорили: туда невозможно попасть, не оттянув предварительно срок в тюрьме. Еще по-

чище был полк зуавов Уилсона: когда эта доблестная рать, закончив формирование, выступила из Нью-Йорка, там моментально сократилось *вдвое* количество преступлений, совершаемых ежедневно (99). «Зуавы», надо полагать, увидели прекрасную возможность прикрыть старые уголовные грешки, одним махом перекрасившись из простых уголовников в спасителей отечества. Опять же и пограбить можно неплохо...

Командовал этими специфическими вояками сорокадвухлетний генерал Макдауэлл, прямо скажем, не то что не военный гений, но и никак не военачальник. В мексиканской кампании он участвовал в качестве штабного офицера, строевым командиром не был, никогда не командовал даже ротой. Весной 1861-го он как-то особенно удачно подвернулся под руку — и майора произвели сразу в бригадные генералы (что моментально настроило против него массу северных офицеров, медленно карабкавшихся по всем ступенькам военной карьеры...).

Собственно говоря, во всем этом нет ничего отрицательного — любая война, не обязательно гражданская, дает массу примеров, когда скромные офицеры в небольших чинах взлетают в генералы, а то и в маршалы, а сугубо штатские люди, оказавшись в окопах, становятся классными вояками. Но в нашем случае чуда не произошло...

При известии о вторжении Великой армии навстречу выступили южные полки под командованием того самого генерала Пьера Борегара (они с Макдауэллом не просто заканчивали вместе Вест-Пойнт, а учились в одном классе). Над шеренгами южан впервые взвилось знамя Конфедерации: красное полотнище с синим Андреевским крестом, усыпанным белыми звездами. Солдаты пели только что появившуюся «Южную марсельезу»:

Кто пламенно к свободе не стремится,
Кто не откликнется, ее услышав зов?
Не испугают мрачные темницы
Неустрашимых вольности сынов.
Напрасно Юг сносил в былые годы,
Что Север его лживый угнетал.
Мы боремся за светлый идеал,
Наш щит и меч — в руках Свободы!

Противники вскоре сошлись возле речушки Булл-Ран, рядом с холмами, железнодорожной станцией и поселком, носившими общее название Манассас (а потому в разных справочниках, энциклопедиях и трудах по военной истории последующие события именуются по-разному: то «бой у Булл-Ран», то «сражение при Манассасе»).

У северян было тридцать семь тысяч человек, у южан — на треть меньше, двадцать две (точные данные по американским источникам). Северяне определенно отправлялись на легкую прогулку — закидать шапками «мятежников». По отзывам современников, у них не было и подобия дисциплины — солдаты толпами выходили из строя, чтобы поискать в лесу ягод, многие с непривычки к военной обуви натерли ноги (несколько человек вообще скончалось от солнечного удара, хотя жара стояла отнюдь не тропическая), а чтобы облегчить ношу, куча народу преспокойно повыбрасывала из ранцев трехдневный сухой паек и прочие пожитки. Офицеры ничего не могли поделать со своими подчиненными — к тому же у многих вот-вот должен был закончиться трехмесячный срок добровольной службы, и они вслух говорили, что совсем скоро развернутся и уйдут, потому что они люди вольные и прослуживать не нанимались...

Южане, наоборот, были бодрыми и сплоченными — они, не забывайте, защищали *свою* землю от вторгшегося агрессора...

На примыкающих к полю будущего сражения холмах вольготно и с комфортом разместились северные *зрители*. Практически все светское общество Вашингтона, респектабельные господа и нарядные дамы, толпой отправились вслед за Великой армией в своих лакированных экипажах (у некоторых на облучках сидели чернокожие кучера, *рабы*, поскольку рабовладения в округе Колумбия никто не отменял, запретили только торговать рабами...)

Светская публика, явившаяся полюбоваться на своих героев, расположилась со всеми удобствами: распаковали корзинки с деликатесами, откупорили шампанское, вооружились биноклями и подзорными трубами, приготовившись насладиться приятным зрелищем.

Тут же, на Манассасских высотах, пребывал человек отнюдь не праздный: знаменитый впоследствии Мэтью Брэди, один из первых энтузиастов фотографического дела, один из первых в мире военных фотокорреспондентов (которых тогда можно было, без преувеличений, по пальцам пересчитать). Он приехал на своем фургоне-фотолаборатории, установил громоздкий ящик фотоаппарата и приготовился запечатлеть славную победу...

А получилось совсем наоборот!

Поначалу северяне уверенно наступали. Им удалось смять левый фланг южан (в некоторых частях были убиты почти все офицеры, и южане растерялись). Победа Великой армии казалась настолько очевидной, что зрители кинулись на поле сражения собирать всевозможные сувениры.

Однако в центре насмерть стояла бригада виргинских ополченцев под командой генерала Томаса Джексона... Генерал был и вовсе скороспелый — всего пару месяцев назад, в прошлой штатской жизни он был... профессором математики! Но это оказался именно тот случай, когда цивильный представитель мирной профессии нашел себя на поле боя...

Томас Джексон Каменная Стена

Виргинцы стояли насмерть. Впоследствии за этот бой Джексон получит у южан почетное прозвище Каменная Стена. Тем временем генерал Борегар, искусным маневром перегруппировав свои, казалось бы, разбитые полки, нанес контрудар — внезапный и страшный...

Получив приказ атаковать, Джексон велел своим: «Орите, как фурии!» И они заорали... Именно тогда и прозвучал впервые знаменитый боевой клич южан — нечленораздельный хриплый рев, производивший на противника жуткое впечатление. Солдат-северянин вспоминал после войны: «Он вызывал особое, непередаваемое при теперешних обстоятельствах скребущее ощущение, будто позвоночник проваливается вниз. Чтоб понять, надо это почувствовать, и, если вы утверждаете, что слышали клич и не испытали подобного ощущения, значит, вы лжете» (99).

А с фланга наседала южная кавалерия...

Первыми побежали «Зуавы», оставив без прикрытия артиллерийские батареи, тут же захваченные южанами. Очень скоро паника стала всеобщей. Лишь немногочисленные северные подразделения отступали в строгом порядке, ощетинясь штыками и отстреливаясь, — основная масса Великой армии превратилась в драпающую толпу. Вояки, собравшиеся шапками закидать «мятежников», неслись, не разбирая дороги, бросая не только ружья, но и

вообще все, что мешало бегству. Бросили всю артиллерию. По свидетельству корреспондента нью-йоркской газеты, вся дорога от Манассаса до Вашингтона была усеяна брошенными пушками, ружьями, зарядными ящиками, повозками, амуницией, мундирами и одеялами: «Полное безумие охватило почти всех. Некоторые умоляли всадников взять их к себе, другие карабкались в повозки, а находившиеся там встречали их штыками. Казалось, все человеческие чувства были забыты. Во многих местах брошенные вещи и имущество превратились в огромную груду и возвышались как монумент нашему позору, воздвигнутый нашими собственными руками» (62).

Конгрессмен из Огайо, зритель: «Мы окликали их, пытаясь сказать им, что никакой опасности нет, призывали прекратить бегство, заклинали остановиться. Мы называли их трусами и прочими самыми обидными словами. Вынув свои тяжелые револьверы, грозили перестрелять их, но все напрасно, жестокая, сумасшедшая, безнадежная паника овладела нами, ими и передалась всем и каждому и спереди, и сзади» (99).

Видя такое дело, припустила спасаться и светская публика, все эти сенаторы, конгрессмены, губернаторы, столичные журналисты, иностранные дипломаты и военные атташе, светские щеголи — и их супруги. Можно представить, как комично выглядела эта неумело бегущая со всех ног толпа джентльменов в атласных жилетах и их дам в платьях до земли, сколько там было визгу, истерик и намоченных штанов...

Две бегущих толпы — незадачливые вояки и перепуганные штатские — столкнулись возле узенького каменного моста через речушку Каб-Ран. Южане, уже забавы ради, шарахнули вслед толпе одним-единственным снарядом — и он лег так удачно, что перевернул прямо на

мосту армейский фургон. Паники и столпотворения прибавилось...

Самое смешное, что за бегущими никто и не думал гнаться, — южные части, поредевшие и измотанные, стояли на месте выигранной битвы...

Макдауэлл телеграфировал в Вашингтон: «Бой проигран. Спасайте Вашингтон и остатки этой армии. Переформировать бегущие войска не удастся». Он задержался со своим штабом где-то поблизости, собрал офицеров, и они решили обороняться — вот только их солдаты тем временем голосовали ногами, драпали так усердно, что занять оборону оказалось некому...

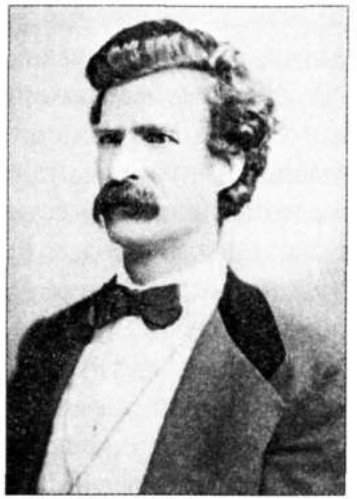
Вашингтон оказался *беззащитен*. Генерал Стентон, будущий военный министр, считал положение столицы безнадежным: «Захват Вашингтона выглядит неизбежным: на протяжении понедельника и вторника он мог быть взят без сопротивления. Поражение, бегство и деморализация армии были полными».

Новый главнокомандующий северян Макклеллан, срочно заменивший с позором снятого Макдауэлла, примчавшись в Вашингтон, застал безрадостную картину: «Я вообще не нашел никаких приготовлений к защите. Войска даже не были расположены на боевых позициях. Ни один полк не был расположен в лагере соответствующим образом, ни одна дорога не охранялась. Всюду был хаос, и улицы, отели, бары были переполнены пьяными офицерами и солдатами — совершеннейшее столпотворение. Многие даже разошлись по домам, и их бегство с Булл-Рана закончилось в Нью-Йорке, Нью-Хэмпшире или в Мэне. Ничто не могло помешать маленькому кавалерийскому отряду войти в город. Решительная атака, без сомнения, привела бы к захвату Арлингтонских высот и отдала бы город на милость батареи нарезных ору-

дий. Если сепаратисты придавали хоть какое-то значение владению Вашингтоном, они совершили величайшую ошибку, не воспользовавшись плодами своей победы при Булл-Ране» (99).

Южане плодами своей победы не воспользовались — еще один аргумент в пользу утверждения, что у них не было *захватнических* планов. Армия Борегара так и осталась на месте, не сделав ни единой попытки закрепить успех. Почему так произошло, сегодня понять трудно. Скорее всего, как часто случается, не нашлось кого-то одного, решительного, который рявкнул бы: «Вперед!» По многочисленным воспоминаниям ветеранов, южане были безмерно удивлены своей сокрушительной победой и никак не предполагали, что впереди, в Вашингтоне, их ожидают не подготовленные к обороне позиции, а полностью деморализованные толпы...

Вполне возможно, южная кавалерия, ворвавшись в Вашингтон, могла бы одним ударом закончить всю войну. Это не столь уж безумное предположение: в его пользу свидетельствуют многочисленные реалии тех дней. Армии у северян практически не существовало. Бегство из столицы президента и министров нарушило бы управление и теми скудными военными силами, что уже имелись. Непременно воспрянули бы духом сторонники Юга, которых на Севере имелось немало, и оживились бы те северяне (их тоже было немало), кто стоял за мирный договор. Словом, шансы на завершение войны одним ударом были велики... К тому же Юг был бы еще более воодушевлен взятием неприятельской столицы — а иностранные державы, не спешившие официально признавать Конфедерацию, перед лицом столь кардинального изменения ситуации могли и поменять свою позицию...

Марк Твен

Однако произошло, как произошло. Южане отступили от Потомака...

Единственным из северян, кто не поддался панике во время отступления, оказался человек штатский, тот самый фотограф Мэтью Брэди. Он-то как раз остался на месте со своей неподъемной камерой и сделал массу уникальных снимков драпающего северного воинства. Потом бегущая толпа опрокинула его фургон, и Брэди, заблудившись, трое суток плутал по окрестным лесам, таская с собой громоздкие фотопластинки — в то время изрядно весившие квадраты толстого стекла. Вернувшись в Вашингтон, он проявил снимки... и они, почти все, исчезли навсегда. Историки предполагают, что фотографии были тогда же уничтожены военным министерством, отнюдь не заинтересованным в распространении столь неудобной «наглядной агитации»...

Война *раскрутилась*, как вырвавшаяся из часов туго свернутая пружина. После первого крупного сражения пути назад не было ни у одной из сторон...

В Миссури добровольцем в армию южан записался молодой лоцман речного парохода с Миссисипи по имени Сэмюэль Клеменс — которого мир впоследствии узнает как великого писателя Марка Твена. Любопытно, что поначалу, во время президентских выборов 1860 г., Клеменс держал нейтралитет — не поддержал ни Линкольна, ни сторонников отделения Юга. Но потом с ним произошло

то, что и со многими уроженцами Юга, — образно выражаясь, родина позвала...

Северяне быстро организовали военный речной флот, который по Миссисипи мог проникнуть в самую глубь южных штатов. Им потребовались опытные лоцманы, тут же получившие повестки о мобилизации. Клеменс попросту сбежал в городок Ганнибал, как две капли воды похожий на Санкт-Петербург Тома Сойера и Гека Финна. А через несколько дней вместе с друзьями записался в южный добровольческий батальон, где с ходу получил звание лейтенанта — во время гражданской войны чины раздаются с небывалой легкостью.

Однако повоевать молодому лейтенанту практически не пришлось: Сэм заболел фурункулезом, вывихнул ногу, и товарищи по походу устроили его отлеживаться на близлежащей ферме.

Все эти лишения, надо полагать, окончательно выбили из парня всякую романтику — и желание воевать за кого бы то ни было пропало начисто. Именно в силу сложившейся нелегкой ситуации Клеменсу и пришлось отправиться на Дальний Запад секретарем своего брата, назначенного федеральным правительством на чиновничью должность в «территории Невада». Нужно было где-то *пересидеть*: для южан Клеменс теперь был дезертиром, для северян — офицером мятежников...

И слава богу, что обернулось именно так: лично мне жутко и представить, что моего любимого писателя могла бы достать шальная пуля (и возникает грустный вопрос: а сколько будущих талантов, о которых мы уже никогда не узнаем, пули и осколки тогда все же достали? Какие потери понесло человечество из-за дурацких войн?).

Отец не менее знаменитого впоследствии писателя Скотта Фицджеральда, кстати, хотя и был в ту пору де-

вятилетним парнишкой, все же напрямую участвовал в войне: ночью переправлял на лодке через пограничную реку разведчиков-южан, что было занятием весьма опасным.

Одна из самых неприглядных сторон любой гражданской войны — это, безусловно, то, что раскол проходит не только по географическим границам. Расколотыми, разъединенными оказываются и старые друзья, и семьи...

Двоюродный брат командующего войсками Конфедерации генерала Ли Сэмюэль воевал на стороне северян. Одним из самых талантливых и прославленных командиров военно-морского флота северян стал адмирал Фаррагут, уроженец Юга. Дэвид Портер, сын командора Портера, героя войны с англичанами 1812 г., воевал за северян, а два его сына — за южан (29).

В сражении у Драй-Крик полковник Паттон (предок знаменитого американского генерала Второй мировой) разгромил северные войска, которыми командовал его старый приятель, генерал Эверелл...

В полной мере подобное печальное положение дел затронуло и семью самого президента США. Авраам Линкольн был женат на красавице южанке из Кентукки Мэри Тодд — из старой, почтенной, зажиточной рабовладельческой семьи. Старший брат первой леди оказался на стороне Севера, зато в южную армию поступило немалое число родственников Мэри: младший брат, три сводных и одиннадцать троюродных. Недолюбливавшие Линкольна северные газеты однажды радостно растрезвонили пикантную и абсолютно правдивую историю: дошли известия о том, что перекличку военнопленных северян производил лейтенант южан Джордж Тодд, младший брат супруги президента. Не смертельно, конечно, но как-то неловко...

Дело осложнялось еще и тем, что миссис Линкольн не особенно и скрывала, что симпатизирует «южному делу». И вообще, вела себя так, что нажила немало врагов: вмешивалась не только в планировавшиеся назначения министров, но даже почтмейстеров, лично сидела над списком зачисленных в Вест-Пойнт кадетов. А заодно ввела интересный обычай: если в Белом доме имеется какая-то незанятая должность, то причитающееся жалованье следует отдавать первой леди (о чем опять-таки пишет не злопыхатель из бульварной газеты, а восторженный Сэндберг).

В конце концов дошло до того, что миссис Линкольн была вынуждена предстать перед сенатской комиссией по обвинению в «государственной измене» (старине Эйби пришлось самому давать показания в качестве свидетеля, хорошо еще, что дело как-то замяли). А солдаты-северяне, парни простые, распевали похабные куплеты про «миссис Мэри» и Джефферсона Дэвиса (81).

Но мы, кажется, отвлеклись. Вернемся к друзьям и родным, которых разъединила война и поставила по разные стороны линии фронта. Еще один грустный пример: один из сыновей мелкого предпринимателя еврея Гемпа ушел к южанам, а другой погиб, сражаясь за северян...

Вот, кстати, о евреях — которых некоторые отчего-то считают плохими солдатами. Американские евреи, как и прочие, оказались в обоих враждующих лагерях: около шести тысяч у северян, около двух тысяч у южан. Северные участники войны еврейского происхождения (как все победители) более-менее известны, а вот южные — не особенно...

Эдвин Уоррен Моиз, плантатор. После начала войны продал плантацию, вообще все свое имущество, сформировал кавалерийский эскадрон, на вырученные деньги во-

оружил его и обмундировал. В чине майора командовал этим эскадроном более двух лет, потом получил тяжелое ранение и навсегда выбыл из строя.

Бенджамин Джонас, двадцатилетний капитан, командир артиллерийской батареи. Был дважды ранен, но из боя не вышел.

И, наконец, Адольф Мейер, который начал Гражданскую войну рядовым, вскоре был произведен в лейтенанты, а закончил войну в звании бригадного генерала, когда ему исполнилось всего двадцать три. Даже для гражданских войн, когда чины порой достаются быстрее, чем в «традиционных», пример исключительный: чтобы стать генералом в двадцать три, нужно очень неплохо себя проявить... (197).

И в качестве дополнительного штриха нелишним будет уточнить, что на «реакционном» Юге (пусть даже при наличии отдельных юдофобов) к евреям всегда относились, как к равным, а вот на «прогрессивном» Севере антисемитизм разгулялся жуткий... Факты — чуть позже.

Как уже упоминалось, помимо «большой» войны параллельно шла и «малая», в штатах Кентукки и Миссури. Там все жители мужского пола вооружились, жгли города и поселки противника, нападали на фермы, дым пожарищ застилал небо, кровушка лилась рекой...

Кое-где с приходом северных войск вспыхивали восстания негров — и те, давая выход накопившейся ненависти, вырезали поголовно всех белых, без различия возраста и пола, сжигали фермы и усадьбы, не особенно различая, был хозяин рабовладельцем или белым бедняком, — и даже разгромили дочиста целый город Бьюфор (белое население, правда, успело бежать). Можно без устатку твердить, что у негров «накипело» — и это будет чистая правда. Но надо еще хорошо представлять, что

чувствовал южный солдат, узнав, что его дом спалили негры, жену изнасиловали скопом и зарезали, а детям разбили головы о печку. Не нужно объяснять, *как* такой южанин (а было их немало) потом относился и к неграм, и к северянам...

Север, нужно еще уточнить, воевал на два фронта — правда, второй фронт отнимал значительно меньше усилий и жизней, потому что противником на нем были не южане, а краснокожие. На всем протяжении Гражданской войны северяне, так сказать, параллельно воевали еще и с индейцами — точнее говоря, сгоняли их с земли, убивали без разбора. Небольшая часть семинолов, чикасо и криков выступила на стороне южан — и в Вашингтоне этим воспользовались как удачным предлогом для «окончательного решения» индейского вопроса. Если раньше Вашингтон заключал с вождями племен *договоры*, то Линкольн в 1862 г. это прекратил, теперь индейцы подписывали *соглашения* — и не в качестве равных, а как подчиненная сторона...

Операциями против индейцев руководил генерал Шерман, печально прославившийся публичным высказыванием: «Чем больше я узнаю индейцев, тем больше убеждаюсь, что всех их следует уничтожить». И слова с делом у северян не расходились — племя шайенов было истреблено целиком... Когда в 1862 г. апачи попытались покинуть свою резервацию, из Вашингтона поступил приказ: «Всех воинов апачей следует убивать, где бы они ни находились». На стенах домов в Денвере («свободный» штат Колорадо) висели плакаты: «Ветераны! Нужны добровольцы! Вас ждет награда за каждый скальп!»

Индейцев истребляли и загоняли в резервации отнюдь не из тупого садизма. Как говорится, ничего личного, бизнес есть бизнес... Пока солдаты умирали, железнодорожные магнаты Севера увлеченно делали денежки. Уже во время Гражданской войны началось строительство трансконтинентальной железной дороги с помощью двух фирм: «Сентрал пасифик» (тянула линию с запада) и «Юнион пасифик» (строила с востока).

Ребятки развлекались, как могли. Боссы «Сентрал пасифик» в открытую вымогали денежки у властей штата и у тех округов, что были расположены вдоль проектируемой трассы: мол, если не заплатите, мы рельсы проложим в другом месте. Так же поступали и с крупными городами: деньги на бочку, иначе дорога пройдет в отдалении и вы все тут захиреете... Частенько дорогу прокладывали не по прямой, а этак змееобразно, зигзагами, словно геодезисты были вдребезги пьяны: так получалось *длиннее*, что влекло за собой новые государственные субсидии и новые земельные участки в собственность. Когда позже дорогу взялись перестраивать и выпрямлять, оказалось, что эти совершенно ненужные зигзаги составили... половину ее длины.

«Юнион пасифик» свое урывала по-другому: она создала целую сеть подставных компаний, производивших рельсы и прочее оборудование, и «покупала» все необходимое сама у себя, переплачивая ровно вдвое — поскольку денежки были получены от государства. Выстроенная «Юнион пасифик» дорога обошлась в 94 миллиона долларов — *реальные* затраты составили 44 четыре миллиона, а остальные 50 куда-то таинственным образом запропастились, — по странному совпадению многие законодатели в Вашингтоне, от которых как раз и зависело выделение субсидий железнодорожным магнатам, резко разбогатели...

Это были еще цветочки. Вскоре после окончания войны железнодорожные воротилы расшалились настолько,

что принялись вести собственные войны. Мистер Гульд и мистер Морган долго боролись за полный контроль над одной из железных дорог, но, когда все махинации с акциями и юридические споры зашли в тупик, первый господин попросту с помощью своей вооруженной винчестерами и кольтами братвы захватил один конец дороги, а второй — другой. После чего из пункта А вышел поезд, битком набитый вооруженными джентльменами, а из пункта Б ему навстречу поспешал другой — с подобными же пассажирами. Встретившись где-то посередине, начали оживленную дискуссию. Патронов у ребят Моргана, надо полагать, было запасено побольше, и они выиграли, заставив противника бежать... (139).

Ну, а параллельно, пусть и не такими поразительными темпами, набивали свои карманы телеграфные компании. Бизнес был доходнейший: новая линия уже через три месяца окупала расходы на ее прокладку, а потом начинала приносить чистый доход.

И «железнодорожникам», и «телеграфистам», чтобы получать новые барыши, позарез требовались обширные земли Юга. Именно за прибыли этих сукиных котов, а не за «идеалы свободы» северные солдаты и гибли...

Никакими такими идеалами и не пахло вовсе. Те романтики, что с началом «благородной войны против подлых рабовладельцев» ожидали, что президент издаст указ о полном и окончательном освобождении всех американских негров, все больше убеждались, что события разворачиваются в противоположном направлении. Вскоре после начала войны государственный секретарь США Сьюард поручил всем послам США заявить соответствующим правительствам следующее: «Чем бы ни кончилась война, в любом случае исключено, что какой-нибудь класс в США изменит свое положение: рабы останутся рабами, а хозяева хозяевами». Северные высокопоставленные генералы Макклеллан и Батлер особо предупредили рабов на Севере и на Юге: «Если они предпримут какие-нибудь шаги, чтобы добиться освобождения, все их попытки будут пресечены огнем и мечом». На занятой северными войсками части Виргинии по плантациям разместили гарнизоны федеральных войск — чтобы негры не вздумали бунтовать против плантаторов (43). А когда в первый период войны случались вышеописанные мятежи чернокожих, их старательно подавляли северные войска. Есть теперь какие-то сомнения относительно *истинных* целей северной агрессии против Юга?

Уже через четыре месяца после начала войны пострадал тот самый Фримонт, с которым читатель уже знаком. Когда загремели пушки, пользовавшегося некоторой популярностью в народе опального вояку реабилитировали, вновь призвали на службу, извинились за все прошлые обиды и даже присвоили генеральский чин, назначив командующим федеральными войсками в штате Миссури. Простодушный Фримонт, классический идеалист и романтик, *всерьез* принял всю пропагандистскую болтовню о «подлых рабовладельцах». Не дожидаясь указаний сверху, он собственным приказом объявил, что все рабы, принадлежащие мятежникам, отныне — свободные люди.

В Вашингтоне поднялся жуткий переполох. Наивного генерала, принимавшего за чистую монету пропагандистские выверты, решено было немедленно уволить. В Миссури срочно отправились ревизоры, чтобы что-нибудь накопать: нельзя же было убирать популярного генерала просто так...

С прискорбием нужно упомянуть, что Фримонт, как и многие прекраснодушные идеалисты, сам казенных де-

нег не трогал — но вокруг него кормилось немало практичных ребят, подсовывавших генералу на подпись разные интересные контрактики, по которым получали из казны *тройную* прибыль... Так что долго копать не пришлось.

Ну, а поскольку в Большой Истории трагическое сплошь и рядом тесно переплетено с комическим, отставка Фримонта обернулась сущей комедией. Согласно тогдашним правилам, Фримонт не считался уволенным из рядов, пока не принял в собственные руки приказ об отставке. Разобиженный Фримонт заперся у себя в доме, никого не принимал, а прислуге велел посторонних не пускать. Так он просидел с неделю. Потом у черного хода постучался обаятельный молодой человек в штатском, который, сверкая улыбкой, показал кухарке корзинку с морковкой-капустой и осведомился:

— Зелень заказывали, мэм?

Кухарка, приняв юного джентльмена за посыльного из лавки, неосмотрительно пропустила его в кухню. Поставив корзинку, где указали, обаятельный молодой человек кенгурячьими прыжками ринулся мимо изумленной кухарки на второй этаж, влетел в кабинет Фримонта и шлепнул тому на стол оформленный по всем правилам приказ военного министра об окончательном и бесповоротном увольнении мистера Фримонта из рядов доблестных вооруженных сил. Тут уж ничего нельзя было поделать, и Фримонт, бормоча под нос разные слова, удалился на пенсию...

В ноябре 1861 г. полковник северян Кохрэн открытым текстом растолковывал своим солдатам политику партии (Республиканской) и правительства (вашингтонского): война ведется не за освобождение рабов, а за восстановление Союза. С «чисто военной» точки зрения еще можно освободить рабов, принадлежащих мятежникам, но уж никак не *всех* — поскольку это означало бы равенство белого человека и грязных негритосов, а этакое равенство — «величайшая абстракция». Неизвестно, поняли ли его солдаты мудреное словечко «абстракция», но по поводу «грязных негритосов» недоумений быть не могло...

В 1862 г. солдаты-северяне забросали камнями беглых рабов, пытавшихся перебежать в расположение федеральных войск (штат Кентукки). Немало случаев, когда северяне открывали огонь по беглым, а плантаторы с разрешения северных генералов устраивали охоту за беглыми... в расположении федеральных войск.

Чуть позже, когда обсуждался вопрос о призыве негров в армию, сенатор от Пенсильвании Райт выступил против, заверяя, что в этом случае многие солдаты и офицеры Севера откажутся воевать, не желая «сражаться плечом к плечу с черными».

(А позже, когда все же были организованы негритянские полки, их частенько обстреливали не южане, а... товарищи по оружию, чья кожа была благородного белого цвета. Американский историк Аптекер приводит вовсе уж потрясающий факт: в апреле 1863 г. у Нового Орлеана держали оборону северные части — три роты белых и семь рот негров. На помощь окруженным южанами неграм командование послало канонерку. Команда судна открыла пальбу из пушек... по негритянским ротам! (61).

Но не будем забегать вперед — наш рассказ пока что о двух первых годах «благородной» войны...

Ну, а тех счастливчиков, беглых негров, которых все же приютили у себя федеральные войска, загоняли в специальные лагеря, где содержали впроголодь. Смертность в

этих лагерях составляла 25 процентов (справедливости ради все же следует отметить, что в этих лагерях северяне не изготовляли из кожи негров абажуры и в газовые камеры их не гнали).

Когда северяне летом 1862 г. взяли Новый Орлеан, генерал Фелпс, убежденный противник рабства, самовольно начал формировать негритянские полки для своей армии. Вышестоящее командование, ворча: «Мало нам было Фримонта...», ему это тут же запретило — и Фелпс в знак протеста ушел в отставку...

К концу первого года войны известный журналист и противник рабства Грили опубликовал статью «Мольба двадцати миллионов», в которой призывал Линкольна немедленно освободить рабов. Линкольн отправил ему свое знаменитое ответное письмо...

«Если бы мне удалось сохранить Союз, не освобождая ни одного раба, я бы так и сделал. Если бы удалось сохранить его, кого-то освободив, а кого-то оставив на произвол судьбы, я бы так и сделал. Все мои действия в отношении рабства и цветного населения объясняются верой в то, что они помогут сохранить Союз; а если я от каких-то действий и воздерживаюсь, то потому что не считаю их полезными для сохранения Союза... С теми, кто готов пожертвовать Союзом ради сохранения рабства, я никогда не соглашусь. И с теми, кто готов пожертвовать Союзом ради уничтожения рабства, я не соглашусь никогда. Моя высшая цель в этой борьбе состоит в сохранении Союза, а не в том, чтобы сохранить или уничтожить рабство» (114).

Как видим, все высказано предельно четко. Цель войны единственная — сохранить единое государство. То есть сделать так, чтобы северные магнаты и дальше могли получать жирные прибыли. Все остальное неважно...

22 сентября 1862 г. Линкольн издал прелюбопытную прокламацию, где речь все-таки шла об освобождении негров, — но это был чистой воды шантаж. Президент открыто угрожал южанам: если восставшие штаты не возвратятся в Союз к 1 января 1863 г., все рабы, находящиеся на их территории, будут объявлены «свободными навечно».

Отсюда плавно вытекало, что рабы, принадлежащие тем хозяевам, что сохраняли лояльность Вашингтону, рабами и останутся. Изрядный политик наш дон Тамео...

Даже это планировавшееся куцее освобождение *части* невольников вызвало бурю протеста... на Севере. В нескольких штатах специальными постановлениями сенатов осудили президентскую прокламацию как «злобную, бесчеловечную и нечестивую» — северянам вовсе не улыбалось, что рядом с ними, чего доброго, поселятся свободные негры.

Тогда впервые в американской истории состоялась встреча президента страны с влиятельными лидерами негритянской общины Севера. Обернулось все это сущей комедией. Предложения Линкольна, если откинуть всю словесную шелуху, сводились к простой и абсолютно неприемлемой для негров идее: «Ребята, ехали бы вы куда-нибудь в Африку...»

Вот как это звучало в изложении Линкольна: «Почему негры должны покинуть страну? Мы являемся двумя различными расами. Между нами более глубокие различия, чем между всякими другими расами. Не стану рассматривать, справедливо это или нет, но это физическое различие наносит большой вред всем нам. Я считаю, что ваша раса жестоко страдает, многие из вас страдают по той причине, что живут между нами, в то время как наша раса *страдает от вашего присутствия* (курсив мой. —

А. Б.) На всем нашем огромном материке ни один представитель цветной расы не пользуется равными правами с нами. Даже там, где с цветными обращаются лучше, на них лежит запрет. Я не в состоянии изменить это. Мне нет необходимости говорить о том, какое влияние оказывает рабство на белых. Это влияние весьма достойно сожаления. Посмотрите, в каком мы теперь положении: страна вовлечена в войну, наши белые режут друг друга, и никто не знает, чем это кончится. Этой войны не было бы, если бы не было рабства и цветной расы. Значит, и для вас, и для нас лучше расстаться».

Очаровательные пассажи! Теперь получалось, что черные и в гражданской войне виноваты: а чего они нахально на свете существуют? Можно подумать, негры добровольно и с песнями неисчислимой ордой хлынули в Штаты, ползком преодолевая границу под покровом зловещего ночного мрака...

Негритянские лидеры мягко, но непреклонно объясняли президенту, что на такое предложение никогда не согласятся. Они — такие же американцы, как и белые, обитают тут чуть ли не двести пятьдесят лет, а потому считают своей родиной не далекую чужую Африку, а как раз США — в создании богатств которой, право же, есть большой негритянский вклад. «Личности эмигрируют, нации — никогда». «Мы американцы и хотим жить в Америке, имея равные права с остальными американцами. Любая попытка переселить нас будет работой, сделанной впустую. Мы находимся в Соединенных Штатах и останемся здесь».

Одним словом, стороны расстались, недовольные друг другом. Страшно недовольны оказались и северные авантюристы со спекулянтами — оказалось, за предложением президента неграм стояли опять-таки денежки. Что очень

быстро вскрылось. Из донесения российского посланника в Петербург: «Лица, владеющие землей в Центральной Америке на берегу Тихого океана, предложили эти земли президенту, чтобы перевезти туда освобожденных негров, которые согласятся покинуть родину при условии, что правительство возьмет на себя расходы по их перевозке. Линкольн был очарован и обратился к неграм, предлагая им эмигрировать. Но вскоре вскрылось, что это благотворительное общество, как оно себя называло, было лишь компанией спекулянтов, которые хотели за счет правительства перевезти негров в свои владения, чтобы заставить их здесь работать на каменноугольных шахтах».

Тем временем Север едва не вляпался в большую войну с Англией — исключительно по собственной вине...

Англия, как всегда, осторожничала, делая хитроумные реверансы: она признала Юг «воюющей стороной», и не более того. Признавать в качестве «независимого государства» отнюдь не торопилась, приняв «Декларацию о нейтралитете».

В ноябре того же года двое южных эмиссаров отправились в Англию на корабле «Трент» — почтовое суденышко пушек не имело, но официально числилось в составе британского королевского флота. Возле Багамских островов, в международных водах, «почтовика» встретил военный корабль северян и потребовал остановиться. Англичане прибавили ход. Тогда янки открыли стрельбу, два ядра упали в море перед самым носом судна. Тут уж пришлось остановиться. Американцы высадили на «Трент» абордажную команду и захватили обоих южан, Мейсона и Слиделла — едва по живости характера не проткнув штыком супругу последнего.

Британия *вздыбилась*. По всей стране начались митинги, газеты неистовствовали. Вообще-то империя соверши-

ла на международной арене столько гнусностей и непотребств, что никак нельзя представлять ее белой и пушистой, но в том-то и казус, что это был один из тех редчайших случаев, когда англичане оказались в роли безвинной жертвы. Морское право, оформленное соответствующими международными соглашениями, в те времена было уже неплохо проработано. С точки зрения морского права (закон суров, но это — закон) действия янки, атаковавших в международных водах невооруженное судно страны, не находившейся с США в состоянии войны, были стопроцентным *пиратством*.

Правда, тут непременно нужно упомянуть, что и у британцев (а как же иначе?) рыльце было в пушку. В 1780 г. британский военный корабль точно так же остановил в международных водах американское мирное судно и арестовал направлявшегося в Голландию американского посланника. Теперь, надо полагать, аукнулось... В 1811 г., в *мирное* время, английский фрегат, ощетинясь пушками, остановил американский бриг и снял с него одного из матросов (было заявлено, что это — британский подданный и дезертир из королевского флота). Американцы послали в погоню свой фрегат, оба корабля встретились, и произошла сорокапятиминутная артиллерийская дуэль с приличным количеством убитых и раненых (именно этот бой, в котором американцы считали победителями себя, и подтолкнул их к вторжению в Канаду).

Сами американцы за несколько лет до инцидента с «Трентом» как раз горячо выступили против подобной практики. После Крымской войны, в 1856 г., Великобритания начала борьбу против международной работорговли, ее военные корабли останавливали в море все подозревавшиеся в транспортировке рабов суда и обыскивали. Тогда-то Вашингтон и разразился яростными тирадами про-

тив подобного «пиратства» (поскольку, как уже говорилось, множество северных кораблей как раз в контрабанде негров и участвовало).

Обоих пленников с «Трента» быстренько доставили на Север, и янки стали кричать, что их следует побыстрее отдать под трибунал и вздернуть без особых церемоний. Особенно у них чесались руки без промедления повесить Слиделла — он в свое время участвовал в следствии по делу Джона Брауна, а потому собрал массу интереснейшей информации о северянах, занятых нелегальной деятельностью на Юге. Обладателю такого компромата следовало побыстрее заткнуть рот...

Англия *ревела*. Британскому военно-морскому флоту объявили полную боевую готовность. Восемь тысяч отборных английских пехотинцев было тут же переброшено в Канаду. «Красные мундиры» стали стягиваться к американской границе...

Партия сторонников войны в Англии была многочисленной, начиная, естественно, с тех фабрикантов, кто занимался изготовлением тканей из американского хлопка (и их многотысячного «рабочего коллектива», с сокращением поставок переживавшего не лучшие времена). Сама королева Виктория еще раньше иначе, чем «головорезами», северян не называла. Руководитель британской внешней политики лорд Рассел и премьер-министр лорд Пальмерстон моментально усмотрели в происходящем отличный шанс приструнить чересчур возомнившего о себе молодого американского волка, ставшего опасным конкурентом в исконно британских охотничьих угодьях...

Лорд Рассел срочно отправил в Вашингтон ноту — точнее, ультиматум, требуя немедленно освободить обоих пленников и выплатить штраф, а также официально

разъяснить: действовал ли капитан американского сторожевика на свой страх и риск или выполнял приказ правительства? Если хотя бы одно требование не будет выполнено, писал британец, Англия отзовет своего посла из Вашингтона.

Нота была составлена так, что вместо «отзыв посла» следовало читать «война». Британские полки под барабанную дробь уже занимали позиции на американской границе, а британские эскадры замаячили поблизости от американских территориальных вод. Война стояла на пороге. Вслед за Британией освобождения южан потребовали правительства Франции, Австрии и Пруссии...

Среди сторонников Юга в Англии оказались фигуры крупные: Чарльз Дарвин, историк Томас Карлейль, поэт Теннисон, писатель Теккерей. Профессор Гексли признавался, что «разумом он за Север, но сердце его принадлежит Югу».

Американские «ястребы», как водится, орали, что в два счета забросают шапками и британцев, но Линкольн тогда же сказал, что двух войн одновременно Север не вынесет. Самоубийством было бы в этих условиях *всерьез* воевать с Британией (это вам не Юг, задыхающийся от нехватки оружия и боеприпасов, амуниции и продовольствия...).

Перетрусивший американский посланник в Лондоне Адамс, не дожидаясь инструкций от своего правительства, принялся с жалким видом уверять англичан: он совершенно уверен, что капитан американского корабля на свой страх и риск напорол глупостей, а из Вашингтона ему ничего такого не поручали. Так что не бейте, дяденьки...

Поскольку в те времена в монархическом государстве очень уж многое зависело от одной-единственной личности, таковая и остановила войну. Практически в одиночку. Супруг королевы Виктории Альберт, германский принц, был категорическим противником войны с США. Именно он (к тому времени не просто тяжело заболевший, а уже умиравший), с трудом держа перо, составил для венценосной супруги меморандум, в котором категорически высказался против военного решения конфликта и предложил «отправить более спокойную ноту», чтобы дать Вашингтону возможность «освободить несчастных пассажиров, сохранив при этом чувство собственного достоинства».

Как ни была настроена против янки Виктория, но своего супруга она обожала, безмерно уважала и во всем поступала согласно его советам — тем более сейчас, когда любимый муж умирал.

Под давлением королевы кабинет министров принял проект Альберта. Американцы, расшаркиваясь и уверяя, что их неправильно поняли, выпустили обоих южан. Принц Альберт скончался через несколько дней после составления проекта. Война была предотвращена буквально чудом, по чистейшей случайности.

Ну, а на Севере к тому времени начался самый настоящий *террор*, или то, что применительно к нашему Отечеству принято называть «незаконными репрессиями». Президент Линкольн — временно, разумеется, из лучших побуждений! — отменил все законы о неприкосновенности личности. Теперь любой человек в форме мог любого американца упрятать за решетку без ордера на арест, без рассмотрения дела судьей (как того доселе требовал Хабеас Корпус, он же Билль о правах).

Не только в Российской империи, но и практически во всей тогдашней Европе подобный произвол со стороны властей был, в общем, в порядке вещей. Однако гордив-

шиеся своими вольностями американцы этакие новшества восприняли крайне болезненно. Отдельные граждане стали во всеуслышанье называть Линкольна «диктатором» и «тираном» — за что многие из них угодили на нары...

С одной стороны, столь жесткие меры, в общем, для воюющего государства необходимы. С другой же... Горький опыт всевозможной чрезвычайщины, где бы дело ни происходило, показывает: *настоящие* вражеские агенты и диверсанты (а их на Севере хватало) сплошь и рядом как раз и проскальзывают невредимыми сквозь эту поганую паутину — зато в ней, себе на беду, запутываются люди, ни в чем не виновные (разве только в том, что не научились держать язык за зубами или просто кому-то физиономией не понравились...).

Как деликатно их называет американский историк Брюс Майроф, «гражданские лица, просто попавшие в водоворот военных событий» (98) — и полностью оправдывает Линкольна, ссылаясь на то, что президенты Вильсон и Рузвельт поступали «еще хуже»...

В указе Линкольна говорилось о создании военных трибуналов, которые будут арестовывать и судить лиц, «мешающих осуществлению мер, принимаемых против мятежников» и «оказывающих помощь мятежникам». Под эти расплывчатые обвинения можно было подвести практически любого: в указе не конкретизировалось, в чем именно заключается «помеха» и «оказание помощи». На практике это выглядит уныло: не так летал, не так свистел — пожалте-с на нары!

Донесение российского посланника в Петербург: «Президент потребовал и получил от Конгресса неограниченную власть, которой он пользуется неумеренно. Все политические враги правительства преследуются, и часть из них

брошены в тюрьмы. Строгая цензура установлена для газет, которые приостанавливаются простым приказом военного министра. Достаточно критиковать военные операции и правительственные действия, чтобы оказаться под страхом быть арестованным и брошенным в тюрьму. Именно поэтому все крепости Союза были превращены в тюрьмы, где политические преступники без долгих церемоний стали узниками» (62).

Солдаты врывались в редакции оппозиционных газет и журналов. Аресты санкционировал военный министр Стэнтон, а также военно-морской департамент. Даже государственный секретарь США Сьюард, не имевший ни малейшего отношения к силовым структурам, хвастал, показывая на колокольчик у себя на столе: «Я могу отправить в тюрьму любого человека, виновен он или нет» (149).

А заодно, к несказанной радости северных фабрикантов и железнодорожных магнатов, против забастовщиков принялись бросать армейские части, а не полицию, как это практиковалось при разгуле демократии. Забастовали рабочие оружейного завода в штате Нью-Йорк, требуя повышения зарплаты, — пришли солдаты и разогнали прикладами. Забастовали станочники и портные в городе Сент-Луис — прибыли войска и вломили ума. Забастовали в штате Теннесси две сотни мастеровых — армейский генерал их всех арестовал и выслал из родного штата: идите, мол, куда хотите, южные пособники... Прекратили работу машинисты в Рединге — пришли солдаты. Забастовали шахтеры Пенсильвании — ну вы поняли... (58). Для денежных мешков наступили райские времена: больше не нужно договариваться с рабочими, повышать плату, выслушивать требования. Чуть что, беги на телеграф и отбивай телеграмму в Вашингтон, чтобы поскорее присылали

солдат: ведь если разобраться и творчески прикинуть, любая забастовка есть «помощь южанам» и «помеха в борьбе с мятежниками». Вашингтон именно так это расценивал и на любую просьбу о помощи солдатушками реагировал мгновенно...

Господа мои, вы себе и не представляете, как развернулись искатели легкой наживы, какая коррупция раскрутилась, как вольготно стало жить на Севере всевозможным прохвостам, казнокрадам, ворам и мошенникам!

Военный министр Камерон казнокрадствовал так, что об этом уже знала каждая собака. К Линкольну как-то явился тот самый Тадеуш Стивенс («ястреб», радикал, экстремист, но, надо отдать ему должное, бессребреник) и заявил с порога, что Камерон нечист на руку, что его нужно срочно увольнять. Линкольн с видом невинного дитяти вопросил: вы что же, хотите сказать, что Камерон может что-то *украсть*?

Стивенс, хмурясь, ответил:

— Ну, раскаленную-то печку он не украдет...

Линкольн тут же со смехом пересказал этот разговор Камерону как... «хорошую шутку». Взбеленившийся Камерон стал кричать, чтобы Стивенс взял свои слова обратно.

Стивенс взял. Торжественно заявил Линкольну:

— Я сказал вам, что Камерон не украдет раскаленную печку. Теперь я беру свои слова обратно...

Крупный торговец из Вермонта Джим Фиск говорил, не скрываясь: «Вы можете продать правительству что угодно и почти за любую цену, которую у вас хватит нахальства назвать». Естественно, для успеха сделки требовалось отстегнуть соответствующему чиновнику...

Конгресс создал Комиссию по наблюдению за правительственными контрактами — и тут же собрал массу свидетельств про вздутые цены, которые к тому же правительство платит за товары крайне низкого качества. Послали результаты расследования Камерону, требуя прислать в высший законодательный орган страны все сведения о контрактах, количествах поставленной продукции, именах поставщиков, полученных суммах. Камерон не отвечал несколько месяцев.

Конгрессмен от штата Нью-Йорк Ван Вик громыхал с сенатской трибуны:

— Похоже, что мания воровства охватила все правительственные каналы, от генерала до барабанщика, начиная с тех, кто стоит вблизи от источника власти, и кончая последним таможенным чиновником. Чуть ли не каждый из тех, кто имеет дело с правительством, думает, что оно продержится недолго, и торопится наворовать...

И огласил длиннейший список самых непотребных сделок — с именами, датами, фактами и суммами.

Однако Линкольн терпел Камерона еще долго — и отправил в отставку только тогда, когда генерал окончательно зарвался. Речь идет уже не о воровстве: Камерон стал официально рассылать по стране политические меморандумы, касавшиеся важнейших вопросов, которые президент считал исключительно своей компетенцией. Вот тут разозленный Линкольн Камерона и уволил — и тихонечко спровадил послом в Россию... Хотя та самая комиссия Конгресса уже подготовила доклад, посвященный персонально Камерону. Насчитывал он ни много ни мало 1109 страниц и факты содержал убойнейшие...

Несколько милых примеров. По указанию Камерона армия закупила тысячу пистолетов по 25 долларов каждый (при реальной цене в 14 долларов). За 20-долларовую винтовку Энфилда (поставлявшуюся многими тысячами) пла-

тили 26 долларов, за 15-долларовый револьвер Кольта — 35. Кто получал откаты, догадаться нетрудно... (99).

Северный генерал Уилсон впоследствии писал о поставщиках: «Палатки они поставляли из наиболее легкой материи либо на несколько дюймов меньше установленного размера; на сбрую давали тонкую кожу; седла делали плохие мастера из бракованной кожи; в обувь ставили картонные подметки; одежду шили из переработанной, бывшей в употреблении шерсти; в кормовых смесях для лошадей было излишне много мякины и дешевых сортов зерна; каждого поставщика приходилось строго контролировать».

Корнелий Вандербильт, будущий железнодорожный магнат, оказался в нужном месте в нужное время — когда правительству потребовалось много судов для перевозки солдат. Агенты Вандербильта быстренько осмотрели все «корабельные кладбища», собрали едва державшуюся на воде всевозможную трухлявую рухлядь, подлатали, подкрасили — и Вандербильт продал все это старье правительству, получив денежки как за совершенно новые корабли (понятное дело, уплатив хороший откат). На этом деле он вмиг заработал несколько сот тысяч долларов. Многие из кораблей очень быстро пошли ко дну, а вместе с ними — сотни солдат. Один из помощников Вандербильта перепугался и посоветовал боссу не увлекаться очень уж явным жульничеством: законы, мол, существуют... Тогда Вандербильт и сказал свою ставшую широко известной фразу: «А зачем мне закон? Разве я не обладаю силой?» И ведь прав оказался, стервец: за «патриотические труды по созданию американского флота» правительство его наградило большой золотой медалью и присвоило чин коммодора (капитана первого ранга)...

Английский журнал иронизировал: «Большая война всегда создает больше подлецов, чем убивает». Янки крыть было нечем — пока солдаты умирали на фронте (а до того их шинели расползались под первым же дождем, а картонные подошвы моментально отлетали), в тылу сказочно обогащались тысячи биржевиков и спекулянтов, подрядчиков, поставщиков и посредников, контрабандистов и банкиров (эти малопочтенные профессии сплошь и рядом совмещались в одном лице). Не отставали получавшие свою долю сенаторы, конгрессмены, губернаторы, чиновники военной и гражданской администрации. Свой кусок сладкого пирога урвали владельцы дорогих отелей и ресторанов, ювелиры и модные портнихи: в одночасье разбогатевшие субъекты и их дамочки открыто гуляли так, словно завтра должен был наступить конец света. На Север из Европы тогда ввозилось бриллиантов на два миллиона долларов в год. Зимой в витринах магазинов красовались коробочки с клубникой по двадцать четыре доллара за лукошечко — при том, что средняя заработная плата рабочего на фабрике или в мастерской, железнодорожника составляла примерно доллар в день (при продолжительности рабочего дня в 12–16 часов).

Из армии поступали тревожные донесения: «Солдаты отказываются служить сверхсрочно, волонтеры разбредаются по домам» — многие уже понимали, за что *на деле* воюют Север и кому это выгодно...

Состояния сколачивали даже на протезах, полагавшихся инвалидам войны. Будущий финансовый воротила Морган, в то время еще молодой и голодный, *впарил* военному ведомству партию бракованных, совершенно непригодных к стрельбе карабинов, заработав на этом 95 000 долларов. Под видом сахара иные умудрялись поставлять

в армию песок, а под видом кофе — рожь. Форму шили из всевозможных лоскутов и текстильных отходов, причем поставляли ее не уставного синего цвета, а какой получится — отчего северные солдаты частенько палили друг в друга, не опознав своих по мундирам...

Из мало кому тогда доступного сенатского доклада: «Один из отделов министерства финансов стал домом обогащения и проституции. Члены конгресса устроили своих любовниц на должности секретарей. Почтенного сенатора на улице сильным ударом сбила с ног женщина, над которой он надругался. За казенный счет чиновники вдоволь напиваются виски. С правительством заключаются жульнические договоры на поставки, чиновники открыто грабят казну».

Цены на продукты и товары первой необходимости взлетели вдвое — при том, что зарплата не увеличилась ни на цент. Именно тогда в Америке и стали широко распространяться социалистические идеи и окрепли профсоюзы — в результате чего страну еще несколько десятилетий будет лихорадить...

Особый разговор — о «патриотизме» северных банкиров...

С американскими финансами тогда творилось такое, что оторопь берет даже россиянина, всего навидавшегося за последние двадцать лет...

По чьей-то то ли неосмотрительности, то ли, что вероятнее, тонкому расчету был принят крайне интересный закон о банках: отныне группа из пяти и более лиц, ежели она располагала капиталом не менее 50 000 долларов, имела право открыть банк и... выпускать собственные банкноты. А если такой банк клал в государственную казну государственные же процентные бумаги, то проценты казна банкирам выплачивала золотом... Все наши «Менатепы», «СБС-Агро» и прочие МММ по сравнению с американскими дельцами — щенки...

Слово поэту Сэндбергу: «В стране циркулировало 8300 видов бумажных денег, выпущенных платежеспособными банками, а вместе с выпусками жульнических, обанкротившихся или маломощных банков их итог достигал 13 тысяч».

Солдаты в армии использовали эти бумажки в качестве пластырей на раны — или для других насущных потребностей... Ничего удивительного, что не частные, а *федеральные* банкноты упали в цене: за 175 долларов банкнотами платили сотню золотом... Чуть позже доллар стоил уже «в звонком металле» сорок центов.

Буквально на пороге вольготно расположился финансовый кризис, дружелюбно скалясь и покрикивая: ку-ку, ребята, вот он я!

Чтобы хоть как-то пополнить опустевшую до донышка казну, правительство попросило у банкиров заем в 250 миллионов долларов. Те, какое-то время пожаловавшись на бедность, согласились, но с одним ма-аленьким условием: если раньше кредит давали под пять процентов, то нынче, из-за всеобщей дороговизны (одна клубника чего стоит, и бриллианты тоже!), банкиры требуют двенадцать процентов. Причем проценты следует выплачивать непременно золотом и серебром, а не бумагой.

Правительство покряхтело и согласилось — а что ему еще оставалось? Большими патриотами показали себя господа банкиры! Чтобы расплатиться с кредиторами, правительство подняло таможенные тарифы — на чай, сахар и кофе на 50 процентов, на все остальные товары — на 100 процентов. Что, как легко догадаться, повлекло резкий рост цен на внутреннем рынке. Делегация рабочих каким-то чудом прорвалась к Линкольну и стала объяснять, что на нынешнюю зарплату прожить нельзя: хоть ложись и помирай! Линкольн им посочувствовал, покивал со скорб-

ным видом, а потом заявил: что поделать, парни, кому теперь легко, я тоже на жизнь трачу вдвое больше, чем до войны, мне тоже зарплату не повышают... Тем дело и кончилось.

В общем, именно во время войны исключительно неправедными путями и были сколочены состояния будущих олигархов, которых американские источники, даже не склонные к какой-либо левизне и уж тем более к коммунизму, именуют не иначе, как «баронами-разбойниками» — в память о тех средневековых феодалах, что, пользуясь отсутствием прессы, полиции и сенатских комиссий, попросту грабили проезжающих по дорогам...

Только к середине 1863 г., на третьем году войны, правительство прикрыло *официальную* торговлю северных посредников с южанами. Северяне получали лицензию у одного из дюжины федеральных министерств и «в интересах родины» преспокойно покупали хлопок в южных штатах, с которыми тем временем ожесточенно воевали. Причем, пользуясь ситуацией, покупали за бесценок, а в Англию продавали за приличные денежки. Самое интересное, что против этого бизнеса выступил первым... один из таких посредников по фамилии Дана. Разок он и сам провернул подобную сделку, а потом проснулась совесть (редко, очень редко, но и такое с бизнесменами случается!) и Дана стал обивать порог Белого дома и военного министерства, говоря, что получается как-то неловко...

В конце концов Линкольн очередным указом покупку хлопка у противника запретил... кроме «тех операций, что проводятся по указанию министерства финансов». И еще несколько месяцев шустрые посредники сновали туда-сюда, сдавая прибыль уже исключительно в государственную казну.

Потом и это запретили — но, как легко догадаться, налаженный бизнес так просто умереть не может. И расцвела контрабандная торговля южным хлопком (на которую облеченные властью лица по каким-то своим причинам смотрели сквозь пальцы).

А попутно Север принял меры, чтобы южане не вздумали сами извлекать прибыль из своего хлопка: побережье Юга давным-давно было блокировано военно-морским флотом США. Северные войска, занимая какой-нибудь город на Юге, первым делом не арсеналы реквизировали, а старательно сжигали тамошние хлопчатобумажные фабрики...

Это еще цветочки: чуть позже, в 1864 г., очень быстро стали известны *подлинные* цели так называемого «весеннего наступления на Ред-Ривер», изобиловавшего крупными тактическими просчетами и ошибками северного командования и закончившегося большими потерями федеральных войск. Официально северные войска должны были прорваться из Луизианы в Техас — однако выяснилось, что на генералов и политиков попросту надавили тузы и спекулянты, стремившиеся побыстрее захватить богатые хлопковые и сахарные плантации Луизианы...

Сам Линкольн, к его чести, ни в каких финансовых махинациях не замечен и ломаного гроша себе в карман не положил. Однако именно он долгие годы покрывал всевозможное ворье вроде Камерона — или создавал такие условия, при которых всевозможные махинаторы набивали себе карман.

Добрейшей души был человек. Однажды он, сам от того не получив личной выгоды, посодействовал старому другу Свэтту, подмахнув подсунутую тем на подпись бумажку, по которой государственные золотые рудники Нью-Алмаден в Калифорнии практически за бесценок передавались не-

коей частной корпорации (где Свэтт состоял акционером). Точно так же «старина Эйби» исключительно по дружбе подсказал другому старому приятелю, Уитни, какие именно земельные участки на западе следует прикупить. Через самое короткое время эти участки потребовались казне, и Уитни, продав их государству, в одночасье наварил 50 000 долларов...

А разыгравшийся Свэтт, видя такое к себе расположение, начал было торговать с южанами сеном — и оставил это занятие только тогда, когда северный генерал Грант всерьез пообещал его пристрелить к чертовой матери. Поначалу-то Свэтт кинулся жаловаться Линкольну, но тот, подумав, ответил фразой из известного анекдота:

— Этот? Этот может...

Точно так же под крылышком Линкольна благоденствовал полковник Бейкер, начальник сыскного отдела военного министерства (военным этот отдел подчинялся чисто формально, а на деле представлял собой что-то вроде нынешнего ФБР). Слово современнику: «В его камерах люди томились неделями; их держали без ордера на арест, показания брались без присяги, не соблюдалась даже видимость законности. Если же обвиняемый принимал меры для своей защиты, его быстро сплавляли в тюрьму Олд Капитол, где он становился недосягаем для гражданских властей. Коррупция распространялась, как заразная болезнь, там, где действовали детективы Бейкера. Добросовестные фабриканты и торговцы, исправно платившие налоги, безжалостно преследовались за малейшие технические нарушения правил, их быстро разоряли. Зато мошенники скоро богатели и легко могли уделять часть добычи своим защитникам — детективам Бейкера» (156).

Поведавший все это чиновник государственного казначейства Читенден вспоминал еще, как поймал Бейкера на каком-то подлоге: «Нисколько не смутившись, даже не порозовев, этот субъект улыбнулся и, глядя мне прямо в глаза, сказал: «На этот раз уловка не удалась, а?»

Линкольн тут был ни при чем: он просто-напросто и о Бейкере ничего не знал — святая простота, и все тут... Та самая простота, что, по русской старой пословице, хуже воровства.

Какой откровенный бардак тогда царил вокруг президента, прекрасно иллюстрирует случай с посещением Линкольном театра — в самый разгар войны. К театру чета Линкольнов и спикер Конгресса подъехали без единого человека охраны, с молодым кучером-ирландцем на козлах. Когда через три часа пьеса кончилась и высокие гости вышли на улицу, обнаружилось, что на облучке сидит совершенно посторонний юноша, однорукий инвалид, а пьяный вдребезину кучер барахтается тут же, под колесами (пока хозяева смотрели пьесу, он преспокойно налакался в ближайшем кабачке). Вокруг собралась толпа человек в сто, с интересом наблюдая, как кучер все же вскарабкался на козлы, но тут же оттуда навернулся... Кроме этого алкаша, президента не сопровождал ни один человек — в разгар войны, в столице, где немало вражеских агентов...

Пришлось владельцу театра лично карабкаться на козлы и в роли кучера отвозить спикера домой, а президента с супругой — в Белый дом. После этого выглядят откровенной сказочкой все россказни о множестве страшных южных агентов, которые во время войны только и делали, что неустанно готовили покушения на Линкольна. Если бы южная разведка этим занималась всерьез, то президента при такой системе охраны сто раз уже убили бы или похитили...

Чтобы хоть как-то выпустить пар (все ведь на Севере прекрасно понимали, что этот пир во время чумы добром не кончится), решили, кроме внешнего врага отыскать еще и внутреннего, чтобы отвлечь именно на него ярость голодных толп. Метод старый, но, что скрывать, действенный...

Лучше всего для этого подходили евреи — такое уж у них было горькое везение...

17 декабря 1862 г. генерал северян Грант, командовавший федеральными войсками в штатах Теннесси, Кентукки и Миссисипи, разослал по телеграфу обширный приказ, в котором говорилось, что евреи «как класс» виновны в контрабандной торговле с Югом — а потому их всех поголовно следует выселить с территорий, контролирующихся федералами. Причем уходить евреи должны были пешком — Грант особо уточнил, что по железной дороге они ездить не имеют права: «Они такие невыносимые твари, что район должен быть очищен от них».

«Национал-патриотическая пресса» и отдельные политики этот почин с радостью подхватили, и понесся клич: гони жидов, спасай Вашингтонщину! Из Мемфиса, самого крупного города Теннесси, выгнали более тысячи евреев, предварительно конфисковав их имущество. Всех протестовавших (не делая разницы меж евреями и христианами) кинули за решетку. Грант неистовствовал, объявив, что вся вина за контрабандную торговлю хлопком лежит исключительно на евреях... Что истине нисколько не соответствовало: евреи среди контрабандистов составляли ничтожный процент. Более того, в контрабандной торговле хлопком с противником активнейшим образом участвовал родной папаша... генерала Гранта, причем советы о том, как лучше обтяпать дельце и не попасться, он получал именно от сыночка...

Легко представить, как этакие новшества встретили северные евреи, ни в чем предосудительном перед родиной не замешанные (и особенно те, кто добросовестно воевал в северной армии). Известный вашингтонский адвокат Вольф опубликовал в одной из газет открытое письмо: «Война породила злобное сумасшествие, приближающееся к самым мрачным временам суеверий и инквизиции. Разве евреи начали эту войну? Разве не сами американцы участвуют в ней? Разве нет христиан, занимающихся контрабандой?»

Полковник Бейкер моментально приказал арестовать Вольфа, чтобы впредь не умничал, и преспокойно принялся стряпать против него дело по обвинению в шпионаже. Хорошо еще, вмешался Линкольн, Вольфа выпустили, приказ Гранта быстренько отменили, чем все и ограничилось (149).

На Юге тоже имелись свои антисемиты — но им никогда не давали воли, и им приходилось ограничиваться лишь злобной болтовней. Зато северяне все чаще орали про то, что отделение Юга — еще и «еврейский заговор», поскольку государственным секретарем Конфедерации и шефом секретных служб, вот ужас, был Иегуда Бенджамин, еврей, женатый на католичке (тут уже явственно просматривались совместные зловещие планы жидомасонов и Ватикана, одинаково ненавистных новоанглийскому пуританину).

Весной 1864 г. северяне даже отправили специальную диверсионную группу под командованием полковника Дольгрена, которой предстояло ворваться в столицу Конфедерации Ричмонд, поджечь склады и фабрики, под шумок захватить и перебить руководство Конфедерации — и в первую очередь «жида пархатого» Бенджамина. Группа была немаленькая — кавалерийский полк. Однако дело сорвалось

по чистой случайности: после проливных дождей уровень воды в реке поднялся, и негр-проводник не смог отыскать брод. Негра северяне преспокойнейшим образом повесили (явный пособник плантаторов) и отступили несолоно хлебавши, но по дороге их перехватили южане и расколошматили, причем погиб и полковник... (149).

Северный разгул продолжался — от трагедии к комедии и обратно...

Если на Юге командиров назначали исключительно по деловым качествам и способностям, то на Севере шли в ход другие мотивы. Сплошь и рядом Линкольн назначал полковниками и генералами абсолютно не приспособленных к военному делу политиков, исключительно чтобы «заткнуть им рот, чтобы они не выступали против войны»: республиканцев — за заслуги перед партией и лично Авраамом Томасовичем, а демократов — чтобы не ушли, чего доброго, в глухую оппозицию и не переметнулись на Юг. Республиканский обком в штате Иллинойс... тьфу ты, республиканское руководство!.. жаловалось: из 70 командиров тамошних полков 40 — демократы, а как же правящая партия? За что боролись? Из Вашингтона им объясняли, что они не учитывают текущего момента: республиканцы и так обязаны быть на стороне власти, а демократов приходится покупать...

Можно себе представить, как воевали эти «выдвиженцы». Одного из таких, генерала Попа, однажды с помощью примитивной хитрости обвел вокруг пальца южный генерал Лонгстрит. Он велел взять два десятка самых буйных лошадей, привязать им к хвостам огромные пучки веток и гонять по дороге взад-вперед. Узрев клубы пыли, Поп решил, что на него движется огромная армия противника, и отдал приказ отменить готовившееся наступление...

Генерал Макклеллан, довольно долго пробывший главнокомандующим северян (и на этом посту никак себя не проявивший), как-то после очередной насмешки Линкольна написал: «Господин президент, неужели вы принимаете меня за дурака?» Ответ Линкольна был краток: «Кончено, нет. Но я могу и ошибаться». Когда бездарного генерала все же выпихнули с высокого поста, больше всего об этом сокрушался даже не он сам, а южный командующий генерал Ли...

Дезертирство для северян понемногу становилось настоящей проблемой: газеты, что ни день, сообщали о расстреле одного-двух. Это были те, кому не повезло. Более удачливые, сумевшие ускользнуть, не ограничивались тем, что прятались по укромным местечкам. Любовь американцев к созданию всевозможных общественных организаций проявила себя и здесь: северные дезертиры... создали тайное общество «Рыцари золотого круга», чтобы «поощрять дезертирство, мешать набору и защищать силой своих сообщников». Это были не болтуны, а создатели настоящей подпольной сети и боевых отрядов, которые освобождали коллег из-под ареста, убивали вербовщиков в армию, жгли их дома, устраивали настоящие форты, в которых сопротивлялись ловившим дезертиров отрядам.

109-й Иллинойский полк устроил массовое дезертирство, да вдобавок братание с южанами. Пришлось арестовать весь полк. Солдаты в свое оправдание орали, что их обманули: они, мол, так не договаривались, воевать за Союз они еще согласны, а в вот освобождать чертовых ниггеров решительно не согласны...

В столь веселой обстановке и состоялось второе крупное сражение Гражданской войны: армия Макклеллана вновь браво переправилась через Потомак и возле Болс-

Блаффа ударила по южанам. Южане их вновь разбили (снова при меньшей численности) — но и теперь не воспользовались победой, не пошли на Вашингтон...

Линкольн вернул на военную службу Улисса Гранта, личность достаточно известную — но отнюдь не военными заслугами. Еще до войны бывшего тогда капитаном Гранта потихоньку выперли из армии за беспробудное пьянство, и он кое-как пробавлялся, торгуя в Иллинойсе конской упряжью. С началом войны его не просто вернули в армию, а еще и произвели в генералы.

В первом сражении южане Гранта разбили вдребезги — причем командовавший конфедератами генерал Полк совсем недавно был... протестантским епископом Нового Орлеана, что выглядело особенно унизительным для проигравшей стороны (Грант как-никак — кадровый военный). Отступал Грант так стремительно, что оставил в лагере жену с ее рабами (миссис Грант была хозяйкой немалого числа невольников). Южане, как истинные джентльмены, отпустили ее к мужу. Вместе с рабами.

Но в дальнейшем военная фортуна оказалась к Гранту как нельзя более благосклонна. К алкоголю он сохранил прежнюю любовь — но военачальником, следует признать, оказался талантливым...

Весной 1862 г. северянам удалось после тяжелых боев занять Новый Орлеан, крупнейший порт Юга. Назначенный тамошним военным губернатором генерал Батлер немедленно развернулся на славу. Все оппозиционные газеты моментально закрыли, у «подозреваемых в симпатии к Конфедерации» принялись конфисковывать имущество. «Шпионов» и «изменников» по приказу генерала расстреливали десятками, не утруждая себя и пародией на суд. В старых добрых традициях вольного и прогрессивного Севера Батлер незамедлительно принялся за «жидов». Дом

новоорлеанского уроженца Иегуды Бенджамина был тут же разграблен, а обеих его сестер как «родственниц врага народа» выбросили на улицу.

Оглядевшись и обжившись, Батлер развернул неплохой бизнес по распродаже конфискованного у южан имущества — в том числе загнал северным коллекционерам четыреста с лишним старинных бронзовых колоколов, собранных южанами для переплавки на пушки. За один такой колокол на Севере, случалось, платили и по тридцать тысяч...

Кружили упорные слухи, что Батлер прикарманил и столовое серебро из усадьбы южного генерала, где обосновался (за что получил от южан кличку «ложечник»).

И наконец, сколотивший приличное состояние на грабеже Нового Орлеана Батлер вздумал воевать с женщинами. Южанки, женщины гордые, открыто выражали презрение к оккупантам: демонстративно отворачивались, переходили на другую сторону улицы, а то и помоями из окон обливали. Тогда Батлер издал официальный приказ, в котором заявлял, что с любой женщиной, «словом, жестом или движением» оскорбившей бравого воина федеральной армии, будут обращаться как с уличной проституткой».

Гнусная была личность — даже на общем северном фоне, отнюдь не блиставшем джентльменами, рыцарями и просто честными людьми. Не зря Батлера потом именовали «новоорлеанский палач», «мясник Нового Орлеана», «монстр» — а после войны на Юге десятилетиями пользовались огромным спросом ночные горшки с изображенной на дне физиономией славного генерала Батлера... (149).

Наблюдавший своими глазами северное воинство русский военный агент (военный атташе) полковник Романов

писал не без затаенного презрения: «Мне указывали на гражданских чиновников и приказчиков магазинов, принятых на службу прямо полковниками... В бывших уже сражениях солдаты действовали не столько по команде своих начальников, сколько по собственному соображению и убеждению: бродили куда кому вздумалось, стреляли когда кто находил нужным, словом, каждый вел войну сам по себе и сам от себя» (62).

Первые два года Гражданской войны сводились к редким успехам Севера и *звонким* победам Юга. Южане, уступавшие противнику решительно во всем (обмундирование, оружие, боеприпасы, продукты, численность), превосходили тем не менее боевым духом и сплоченностью. Их профессора математики и священники искусно громили врага — а кадровые вояки Севера то и дело проигрывали самым позорным образом.

Российский посланник барон Стекль уже стал писать в Петербург, что России следует остаться «беспристрастным свидетелем этих внутренних споров двух ветвей англосаксонской расы, от которых человечество только выиграет», поскольку внутренняя война в Штатах является «лучшей гарантией против честолюбивых замыслов и политического эгоизма этой расы».

Вовсе уж пессимистичными посланиями забрасывал Карла Маркса Энгельс, считавший, что война закончится признанием раскола: буржуазия воевать не желает и думает только о собственном кармане, финансовая политика правительства неудачна, командующие бездарны, народ пассивен. Более всего герра Фридриха возмущало отсутствие у «народных масс» «революционной энергии».

Маркс, наоборот, был настроен крайне оптимистично, уверяя даже приятеля, что «буржуазная республика» будет

сметена «революцией». В этом предсказании он крупно промахнулся, но в другом оказался совершенно прав, предрекая, что Линкольн со временем изменит «старые» методы ведения войны и перейдет к новым, которые можно назвать «революционными». Впоследствии именно так и произошло...

Обе стороны пытались искать выход из кризиса. На Юге национализировали немногочисленные железные дороги и от недостатка металла пускали в переплавку не только колокола и ограды, но даже часовые маятники (в те годы весьма увесистые и габаритные). На Севере вводили новые, прежде невиданные и диковинные для Америки налоги: на фабрикантов и торговцев, на лиц «свободных профессий», на предметы роскоши, на жалованье чиновников, на доходы с капитала. Заодно приняли и указ о конфискации имущества всех, «ведущих агитацию против принудительного военного набора и препятствующих ему» — дезертиров и сочувствующих развелось столько, что демократическое законодательство захлебнулось...

На Севере и на Юге принялись выпускать деньги нового образца, потому что старых *разновидностей* кружило невероятное количество и в них путались. Подозреваю: если какие-нибудь хитрованы не подделали уже существующие купюры, а выпустили бы свои, взяв рисунок от фонаря, то их все равно кто-нибудь и брал бы — поди разберись в 13 000 разновидностей, без компьютера сие невозможно...

Именно тогда доллар и получил название «бак», а во множественном числе — «бакс». На обратной стороне первой десятидолларовой купюры общефедерального образца, сменившей прежний разнобой, номинал был изображен римской цифрой, оказавшейся крайне похожей на

«sawbuck», что по-американски означало «козлы для пилки дров». «Собак» очень быстро сократили в «бак»...

Тогда же (не будем говорить — «навсегда») бак стал *зеленым*. До Гражданской американские купюры были в основном серого или черного цвета, разве что каемочка имелась цветная. Как только получила распространение фотография, моментально нашлись умельцы, подделывавшие деньги фотоспособом: делали снимок купюры и размножали, подрисовав каемочку красками. Так что купюры именно из-за этого решили сделать цветными. На складе из всех красок в достаточном количестве нашлась только зеленая. Это не более чем версия, но она имеет право на существование. По этой версии, солдаты северян, получив новые деньги, назвали их «green backs» — «зеленые спинки». А потом опять-таки сократили до «бакс». Очень похоже на правду, учитывая, что деньги Конфедерации, синего и серого цвета, прозвали «синие спинки» и «серые спинки»: «blue backs» и «grey backs».

Тут случился очередной курьез, без которого Большая История была бы чересчур трагической и сухой. На банкноте в 10 долларов чуточку подхалимски изобразили президента Линкольна (по скромности своей не протестовавшего против такой чести, которая в те времена полагалась лишь монархам). Во время войны мелкая монета (звонкий металл!) исчезла из обращения, и ее решили заменить бумажками. И кто-то рьяный, знакомясь с новыми деньгами, вдруг узрел на купюрке в 5 центов портрет... не самого высокопоставленного чиновника министерства финансов Спенсера Кларка. Как там у Жванецкого? Кто что охраняет, тот то и имеет. За выпуском новых денег надзирал как раз означенный Кларк, вот он и решил втихомолку себя, родимого, увековечить — почему президенту можно, а Кларку нельзя?

Скандал был жуткий. «Не по чину мечты!» — орало на Кларка высокое начальство. Тщеславного финансиста вышибли со службы, а конгрессмены срочно приняли закон, запрещавший впредь изображать на деньгах, купюрах и монетах, а также прочих официальных ценных бумагах государственных деятелей любого ранга при их жизни. Закон соблюдается до сих пор. Обратной силы ему тогда придавать не стали, и на десятках по-прежнему красовался живой и здравствующий Эйб Линкольн.

В мае 1862 г. Линкольн подписал Закон о гомстедах.

Несмотря на экзотический термин, ничего сложного в нем нет. По этому закону любой семейный американец (или иммигрант), заплатив десять долларов, получал земельный надел в 160 акров. Если он пять лет его неустанно обрабатывал, земля переходила в его полную безраздельную собственность.

Касалось это незаселенных земель на Западе. Филантропией тут и не пахло: северяне с присущей им расчетливостью пытались выбить (в буквальном смысле слова) почву из-под ног южан, которые тоже зарились на западные бескрайние просторы. Однако теперь у этих земель появился хозяин, всецело обязанный своим нынешним положением Вашингтону, который глотку бы перегрыз любому южному визитеру...

В том, что это была попытка *кинуть кость* простому народу, давненько уже неодобрительно взиравшему на происходящее, убеждает позиция американского историка экономики, автора трехтомного капитального труда «История цивилизации» Э. Хобсбаума. Он пишет прямо: «Реально извлекшими выгоду из свободной земли были спекулянты, финансисты и капиталисты-предприниматели» (181). А что касается «простого» народа, то землицу получил лишь малый процент желающих. Поскольку в

Законе о гомстедах была сделана хитрая оговорочка: землю можно не только получать бесплатно, но и покупать, сколько душе угодно, по доллару с лишним за акр. Тут-то на западные земли и кинулись дельцы со спекулянтами...

Ну и, наконец, земли, столь щедро раздаваемые и продаваемые по Закону о гомстедах, большей частью принадлежали индейцам — но в США это считалось столь ничтожным препятствием, что и принимать его всерьез смешно. Краснокожих вежливо *попросили* убираться куда подальше, а кто не понял, тем *разъяснили*. Точнее говоря, разъяснили с помощью изобретения полковника Кольта...

6 апреля 1862 г. состоялась битва под Шайло (по какому-то мистическому совпадению «шайло» на древнееврейском означает «мирное место»!) Эта битва (которую выиграли северяне) считается первой по-настоящему кровопролитной битвой Гражданской. В предыдущих сражениях потери оказывались все же невелики — а под Шайло за два дня погибло больше американцев, чем за всю Войну за независимость, англо-американскую войну и мексиканскую кампанию, вместе взятые (99). Северяне, впрочем, хотя и победили, но оказались настолько измотаны, что остались на месте, не преследуя разбитого противника.

Через несколько месяцев, в сентябре, генерал Ли *впервые* за все время войны вторгся на территорию Севера. У реки Антинем (Энтинем) он встретился с войсками Макклеллана, вдвое превосходящими по численности.

Не исключено, что южане и в этот раз разбили бы Макклеллана — не слишком великого полководца. Но произошла история, которая даже мне, матерому фантасту, порой кажется неправдоподобной. Однако американские

историки свидетельствуют, что все так и было...

Кто-то из северян поднял на обочине три сигары, завернутые в листок бумаги, — сверток то ли забыл, то ли обронил на привале кто-то из южан. Бумага оказалась копией приказа генерала Ли, содержащей точную диспозицию южных войск. С таким подарком судьбы даже Макклеллан мог победить...

И ведь не победил, бездарь дешевая! Даже располагая двукратным превосходством в численности, даже получив точный план действий противника — не победил! Генерал Ли выдержал несколько десятков атак северян, а потом случилась *ничья*. Потеряв треть своих солдат, Ли после сражения остался стоять на месте, ожидая новой атаки. Макклеллан, отрапортовав в Вашингтон о «триумфе», тем не менее в наступление идти не решался. В конце концов обе армии тихонечко разошлись. Северяне опасались неблагоприятного для себя исхода, а Ли после таких потерь уже не мог развивать наступление на Вашингтон. К тому же окрестное население (дело происходило в штате Мэриленд) встретило его без восторга: в тех краях обитали в основном зажиточные фермеры-немцы, которым, по большому счету, плевать было и на тех, и на этих...

Декабрь 1862-го. Очередное вторжение северян в Вирджинию. Армия северян в 120 000 человек атаковала Фридриксбург, важный транспортный узел южан. Его защищала южная армия (72 000 человек), которой командовал Ли, а в подчинении у него находился Джексон Каменная Стена.

Северяне атаковали четырнадцать раз и снесли город артиллерийским огнем, но взять его все же не смогли и отступили. Потери южан убитыми оказались более чем вдвое меньше. Исход, если подумать, был все же трагическим:

генерал Ли, талантливейший полководец, вновь и вновь оставался вроде бы победителем — но Север, чуть залечив раны, вновь принимался давить массой. Слишком неравным было соотношение сил.

Вообще, в истории период 1861–1862 гг. считается «дилетантским». Это было время, когда обе стороны только учились...

К концу того же периода относится первое достоверное покушение на Линкольна. Впрочем, было ли это покушение, неясно до сих пор...

Линкольн ежедневно ездил верхом к своей семье, поселившейся на лето в пригороде, милях в трех от Белого дома, — ездил в полном одиночестве. Где-то между одиннадцатью вечера и полуночью (по другим сведениям, на рассвете) метрах в пятидесяти от задумавшегося всадника раздался выстрел. Конь без понукания рванул галопом, и президент умчался. Новых выстрелов не последовало.

Сам Линкольн считал, что «какой-то охотник, возвращаясь домой и не заботясь о том, куда полетит его пуля, разрядил свое ружье, чтобы дома оно не представляло опасности для членов его семьи».

Никакого расследования по этому инциденту не проводилось. Так что стопроцентно надежных выводов делать нельзя. Могло быть и покушение — а может, все же случайный выстрел. Для настоящего покушения на главу государства один-единственный выстрел выглядит как-то несерьезно: профессионалы работали бы группой и на короткой дистанции, они ведь прекрасно должны были видеть, что президент едет один, и знать, что у него нет привычки носить с собой оружие...

Одним словом, темная история.

Примерно тогда же в Белом доме оказалась с визитом Гарриет Бичер-Стоу. И в разговоре с ней Линкольн произнес поразительную фразу, от которой и сегодня холодок по коже (лично у меня, по крайней мере):

— Как бы война ни кончилась, я ненадолго ее переживу...

А теперь мы немного отвлечемся от сражений и кризисов, чтобы поговорить о других, не менее интересных вещах, без которых история Гражданской войны будет неполной...

Глава восьмая

НА ОКРАИНЕ ВОЙНЫ

От отсталости люди плачут горькими слезами.
От прогресса — кровавыми.

Ф. Доберфорф

1. Твердь земная, волны и небеса

Всякая большая и долгая война обязательно обладает кое-какими особенностями, которые с энтузиазмом и любопытством изучают тогда же военные специалисты других стран, а позже — военные историки. Всему остальному человечеству от этих особенностей всегда бывало только хуже...

Так вот, всякая большая и долгая война вызывает буквально *всплеск* как технических новинок, так и новой тактики. Что-то появляется впервые, что-то, пусть и существовавшее прежде, начинает применяться в больших масштабах. Вообще-то технический прогресс сам по себе ни капельки счастья человечеству не приносит (что прозорливо отметил прусский король Фридрих Великий лет за двести до того, как над этой истиной задумались всерьез). Ну,

а технический прогресс в военном деле и вовсе не допускает дискуссий — он однозначно несет только кровь и слезы. Другие державы интересные новинки подхватывают моментально, и в результате там, где в патриархальном прошлом нашел бы смертушку какой-то жалкий взвод, а то и одиночный солдат, теперь в мгновенье ока и следа не остается от роты, от батальона, от огромного красавца крейсера, казавшегося несокрушимым...

Гражданская война в США оказала огромное влияние на развитие военной науки и техники. Многое в это время появилось впервые или применялось с размахом, какого прежде не знали: применение крупных масс кавалерии, встречный бой, протяженные кавалерийские рейды в глубокие тылы противника, оптический прицел, колючая проволока... Практически одновременно (так что одни военные историки держат приоритет за северянами, а другие — за южанами) обе стороны додумались до того, что как-то в голову прежде не приходило: установив пушку на железнодорожной платформе, издали открыть огонь по ничего не подозревающему противнику. Летом 1862 г. это и произошло. Двумя годами позже, при осаде северянами Питтсбурга, они уже применяли 13-дюймовые (то есть *калибром* в 330 миллиметров!) мортиры, из которых с безопасного расстояния лупили по городу.

Через восемь лет, во время франко-прусской войны, пруссаки при осаде Парижа эту новинку применяли широко: их пушки, установленные на железнодорожных платформах, перемещались по всему периметру осады и вели огонь с разных направлений, что для осажденных было неожиданностью. Пруссаки внимательно изучили американскую войну, а вот французы такой прыти не проявили... Зато именно они, оправившись от позорного разгрома, одними из первых в Европе стали проек-

тировать бронепоезда — родившиеся из замысла американцев.

31 мая 1862 г., во время боев вокруг Ричмонда, произошло еще одно историческое событие из категории тех, которым бы лучше не случаться вовсе. На поле боя, где до того слышалось лишь одиночное буханье пушек и столь же одиночные выстрелы однозарядных ружей, внезапно раздались в нескольких местах новые звуки — *очереди*...

Впервые в мировой военной истории на поле сражения появился пулемет — оружие, которому через несколько десятилетий суждено было изменить и тактику, и стратегию самым решительным образом.

Правда, тогда никто толком ничего и не понял — новинка была использована в мизерных количествах и никакого влияния на исход битвы не оказала. Но это было только начало.

Пулеметы времен Гражданской ничуть не походили на будущих своих потомков. На орудийном лафете помещался блок из семи стволов под патрон крупного калибра. Стволы вращал солдат с помощью боковой рукоятки, отчего конструкция смахивала то ли на мясорубку, то ли на кофемолку — именно такое прозвище получили первые пулеметы. Но шутки тут неуместны — пусть и неуклюжий, агрегат мог выпускать 200–250 пуль в минуту...

За всю войну у южан использовалось примерно шестьдесят пулеметов системы Аджера, а у северян примерно столько же картечниц Гатлинга, как их тогда именовали. А кроме них — еще несколько образцов придумки других конструкторов — которые были изготовлены в одном-двух экземплярах. Короче говоря, это оказался дебют, но чертовски многообещающий. В мае 1871 г. новое оружие применили в *городском* бою: именно из картечниц Гатлинга французские правительственные войска во время ликвида-

ции Парижской коммуны сметали последние банды восставших...

Именно в американской Гражданской войне мины стали впервые использоваться не при осаде городов и укреплений, а против живой силы противника.

Весной 1862 г. конфедераты впервые применили эту новинку во время отступления — попросту закопали в землю снаряды с детонаторами, которые взорвались перед преследовавшей южан северной кавалерией. Убитых не было, но кавалеристы, придя в нешуточное смятение, повернули назад.

Времена еще стояли патриархальные, чуть ли не вегетарианские (по сравнению с войнами следующего столетия), и новинка вызвала яростное неприятие даже у профессиональных военных. Северяне с ходу назвали изобретение «кровавым и варварским», «недостойным и неэффективным способом вести войну» и применение мин в своей армии запретили — до поры до времени. Начав осаду южных городов, они стали закладывать огромные количества пороха в подкопы, оправдываясь тем, «что это же не в чистом поле»...

Южане тоже *конфузились*. Состоялась долгая дискуссия насчет мин, и в конце концов военный министр конфедератов Рэндолф вынес свой вердикт: «Позволительно устанавливать торпеды (т.е. мины. — *А. Б.*) в бруствере, чтобы отразить атаку противника, или на дороге, чтобы задержать погоню. Однако непозволительно использовать снаряды только для того, чтобы лишить жизни солдат противника и не имея другого намерения, как только уменьшить силы врага на несколько человек».

Всего несколько лет спустя подобная точка зрения уже стала казаться смешным, неуместным чистоплюйством. Не зря Уинстон Черчилль, в военном деле кое-что понимав-

ший, назвал американскую Гражданскую «последней войной, которую вели джентльмены...»

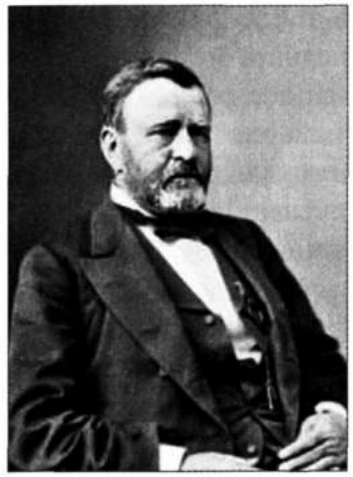
Опять-таки впервые в мировой истории появились подрывники-диверсанты. Пороховые склады противника и до того пытались при первой же возможности поджечь — с тех самых пор, как они появились. Однако раньше ограничивались тем, что лупили в сторону разведанного порохового погреба раскаленными ядрами или посылали смельчака с прозаическим факелом.

Теперь появились храбрецы с замаскированными «адскими машинами». Самую, наверное, крупную диверсию за времена Гражданской совершили два южанина, военнослужащие Максвелл и Диллард. Во время осады Питтсбурга северянами федералы устроили главный склад боеприпасов в местечке под названием Сити-Пойнт, на реке Джеймс. Когда оба диверсанта (в цивильном, понятно) появились на территории порохового склада, делая вид, что просто прогуливаются, часовые не обратили на них внимания. Не самое умное поведение — особенно если учитывать, что «праздный гуляка» Максвелл нес с собой ящик, в котором была бомба его собственного изобретения, названная им «часовой миной»: пятнадцать фунтов пороха, детонатор и часовой механизм.

Южане подошли к разгружавшейся барже, подозвали одного из грузчиков и преспокойно сообщили, что капитан велел принять эту штуку на борт. Грузчик «штуку» отнес в трюм. Оба диверсанта не спеша удалились и беспрепятственно покинули территорию склада.

Командующий северянами генерал Улисс Грант сидел возле своей палатки, высоко на обрыве над рекой Джеймс, и думал печальную думу: осада затягивалась, легкой прогулки не получилось, южане сопротивлялись отчаянно, в Вашингтоне недовольны... У генерала оказалось самое

лучшее место, какое только мог выбрать для себя тот, кто решил бы наблюдать эту интересную картину, — о чем Грант и не подозревал до полудня.

Улисс Грант

Около полудня, через два часа после ухода диверсантов, «штука» сработала. Пятнадцать фунтов пороха добросовестно ахнули, сдетонировали патроны и снаряды на барже, а чуть погодя — складированные на пристани запасы пороха...

От баржи не осталось и щепочки. В небо поднялось черное грибовидное облако, видимое за несколько километров. Взрывная волна снесла несколько зданий, сорвала с якорей корабли на реке. В воздухе, тяжело кружась, летели орудия и лошади. О том, что испытал Грант, наблюдавший это с обрыва, остается только гадать...

Погибло 58 человек и 126 были ранены. Боеприпасов и разного военного снаряжения было уничтожено на четыре миллиона долларов. Самое интересное, что следственная комиссия федералов так и осталась в убеждении, что взрыв произошел в результате какого-то несчастного случая. Только после войны стала известна правда — и имена диверсантов... (76).

Грант попытался было тоже добиться победы при помощи пороха. Саперы северян вырыли туннель под позициями конфедератов и заложили в него 320 бочонков пороха — четыре тонны. Взрыв был таким, что, по выражению одного из уцелевших южан, «ад рухнул». Погибло триста солдат Конфедерации — однако, когда северяне кинулись

в атаку прямо через гигантскую воронку от взрыва (восемнадцать метров в диаметре и девять в глубину), непродуманное решение Гранта обернулось очередным поражением: солдаты застряли в гигантской яме, южане там их и накрыли пушечным огнем, а потом перешли в контратаку, заставив Гранта отступить. Потери южан были вдвое меньше...

Перейдем теперь с земной тверди на зыбкую морскую гладь. Корабли-броненосцы, точнее, сражения между ними, тоже берут начало в Гражданской войне. США вообще-то в этом плане и до того опережали Европу. Первый в мире бронированный корабль появился именно в Штатах. В 1812 г. знаменитый изобретатель Фултон начал строить военный пароход, который без ложной скромности назвал своим именем. Это был бронированный катамаран с гребным колесом между двумя корпусами. В одном корпусе размещался паровой котел, в другом — паровая машина. Длина — 45 метров, скорость — 11 километров в час (или, говоря по-морскому, около шести узлов). «Фултон» успешно прошел испытания в 1814 г. и предназначался для обороны нью-йоркской гавани от возможных атак английского флота. Атак не последовало, потому что кончилась война. «Фултон» так и остался в строю, но в 1829 г., как пишется в одной из книг по истории техники, «был уничтожен случайным взрывом». Возможно, именно так все и обстояло. Но если вспомнить, что поблизости в большом количестве имелись англичане, «случайность» могла оказаться и рукотворной. У англичан есть большой опыт по части организации подобных случайностей...

В США был построен и первый корабль с гребным винтом, а не колесами. В массовом порядке броненосцы стали строить все же в Европе: французы (1857) и британцы — но первые *сражения* между закованными в броню кораблями произошли в Америке...

После провозглашения независимости Конфедерация заняла федеральную военно-морскую верфь в Норфолке (Виргиния). Отступавшие северяне успели затопить строящиеся корабли, но вскоре южане подняли отлично сохранившийся корпус судна «Мерримак». Полностью покрыли его броней, устроили бронированную надстройку (как может судить по рисунку читатель, выглядевшую не особенно изящно) и вооружили десятью пушками. Подпорченные затоплением и пожаром паровые машины могли обеспечить скорость максимум в 5 узлов (около 10 километров в час) и запас хода в 6 часов, но Югу выбирать было не из чего...

Получив известия об этом, северяне принялись лихорадочно строить свой броненосец «Монитор», но, прежде чем он успел добраться до театра военных действий, «Мерримак», переименованный в «Виргинию», успел себя показать...

8 марта 1862 г. (поразительно, как много в этом году появилось новинок!) «Виргиния», попыхивая трубой, направилась к объявившейся у южных берегов северной эскадре, состоявшей из пяти фрегатов: «Кумберленд», «Конгресс», «Миннесота», «Роанок» и «Сент-Лоренс» (некоторые источники называют «Кумберленд» шлюпом).

Корабли были внушительные, большие и красивые, два паровых и три парусных. Пушек тоже имелось в достатке — от 30 на «Кумберленде» до 50 на «Конгрессе». Вполне возможно, что когда вдалеке показалось нечто непонятное вроде отчаянно дымящего плавучего амбара, кто-то из морских волков успел хмыкнуть:

— Эт-то что еще за оказия?

Даже если так и было, всем вскоре стало не до смеха — «Виргиния» без особых церемоний вступила в бой. Обстре-

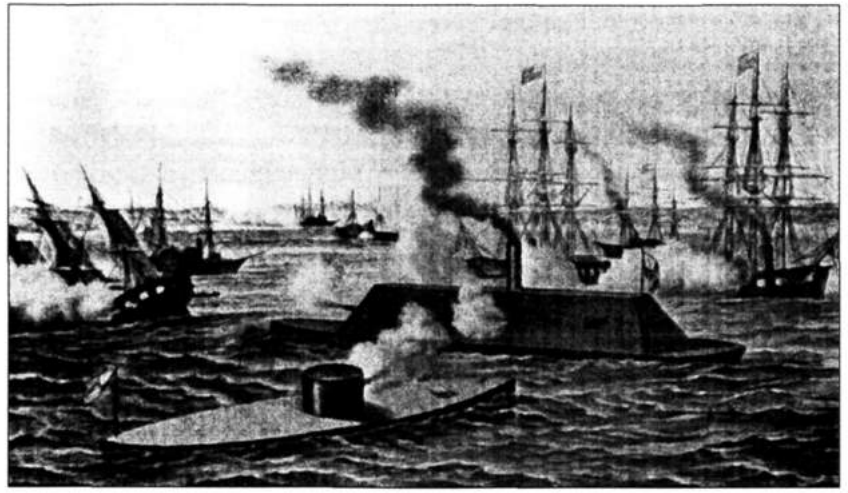
ляв «Кумберленд», она потопила его лихим таранным ударом. Потом принялась за «Конгресс», который вскорости подожгла, и поднявшая белый флаг команда едва спаслась на шлюпках. Ядра и пули северян от «Виргинии» отскакивали, как комки жеваной бумаги. Видя такое дело, «Миннесота», врубив паровую машину на полную мощность, пустилась наутек. «Виргиния», бросившись в погоню, загнала «Миннесоту» на мель, но разобраться с ней не смогла: наступила темнота, и южане сами опасались сесть на мель на незнакомом фарватере.

Два остальных корабля северян благоразумно покинули место действия еще до конца боя. Итог получился для Вашингтона неутешительный: северяне потеряли убитыми 250 человек, южане — двух.

«Виргиния» оставалась поблизости, рассчитывая с рассветом заняться прочно сидящей на мели «Миннесотой». Однако утром на горизонте показалось облачко дыма: это поспешал построенный в страшной спешке, за три с небольшим месяца, северный броненосец «Монитор», названный так не без умысла: по-английски это означает «наставник», конструктор корабля Эриксон хотел таким нехитрым способом показать, что его корабль станет «педагогом», который научит уму-разуму «зарвавшихся мятежников».

Сначала кто-то из южан сравнил визитера с «сырной коробкой», другие приняли за плавучий буек. Но вскоре уже можно было разглядеть круглую башню с двумя пушками — и на «Виргинии» объявили боевую тревогу...

Два бронированных корабля сошлись... Первый блин оказался комом. Трехчасовая артиллерийская дуэль, в общем, ни к чему серьезному не привела, разве что командир «Монитора» был слегка ранен — собственно, просто оглушен взрывной волной и ненадолго ослеп, когда ему в

Первое в истории сражение броненосцев — башенного «Монитора» флота северян и перестроенной из фрегата в казематный броненосец «Виргинии» флота южан 9 марта 1862 г.

лицо метнуло горсть несгоревшего пороха. Оба корабля всего лишь изрядно помяли друг другу броню литыми ядрами и разрывными («бомбическими») снарядами. Время *настоящих* сражений меж броненосцами еще не пришло...

В азарте «Виргиния» даже пыталась потопить противника таранным ударом, а «Монитор», в свою очередь, — ее. Ничего не вышло. Кончилось все тем, что оба корабля разошлись — причем, как водится, на каждом считали, что победа осталась именно за ним, и на «Виргинии», и на «Мониторе» долго вспоминали, «как мы им накидали»...

От этого боя не было никакой пользы — разве что спасенной оказалась «Миннесота», уже приготовившаяся к тому, что ее вот-вот разделают, как бог черепаху. Но суть тут в другом: это сражение броненосцев было *первым* — и для людей понимающих прозвучало похоронным звоном по деревянным военным кораблям. Парус теперь оконча-

тельно должен был уступить место паровой машине, а дерево — броне...

Век обоих исторических кораблей оказался недолог. Уже в мае того же года северяне прорвались к Норфолку и взяли его в блокаду. «Виргинию» хотели отвести в глубь южной территории по реке, но она слишком глубоко сидела в воде — даже когда с нее сняли всю броню. Пришлось ее сжечь, чтобы не досталась противнику...

В декабре того же года погиб и «Монитор». После ремонта он вышел в море (по одним источникам, на буксире, по другим — своим ходом). Попав в шторм у мыса Гаттерас в Северной Каролине, «первенец» затонул (погибли 4 офицера и 12 матросов, 49 человек удалось спасти). Американские водолазы долго искали исторический корабль, но обнаружить его смогли только в 1974 г. Удалось поднять винт броненосца, паровую машину и орудийную башню...

Оставшись без своих броненосцев, северяне и южане придумали кое-что другое. Война должна была продолжаться и под водой. Обе противоборствующих стороны в лихорадочном темпе принялись строить подводные лодки...

Самое интересное, что подводный флот и северян, и южан родился не на пустом месте. У американцев уже имелся, пусть и крохотный, но все же безусловно боевой опыт применения подлодок.

Точнее, одной-единственной подлодки. Во время Войны за независимость, когда английский флот вошел в нью-йоркскую бухту и установил блокаду города с моря, американцы не могли вступить с ним в бой *на воде*, поскольку боевыми кораблями не располагали. Как говорится на Руси, голь на выдумки хитра. Атаковать британцев решено было *под водой*.

Механик Бушнелл соорудил одноместное суденышко, названное «Черепаха» — этакое деревянное яйцо размером с большую бочку. Легко можно догадаться, что этот агрегат особым совершенством не блистал: единственный член экипажа дышал через медные трубки, торчавшие над поверхностью воды, когда «Черепаха» погружалась. Чтобы погрузиться или всплыть, он ручным насосом то накачивал воду в специальный бак, то вытеснял ее оттуда воздухом. В роли судового двигателя выступал опять же сам подводник: дергая за ручки, он греб торчавшими снаружи весельцами. Перископа, естественно, не имелось — лишь некое его подобие, позволявшее с грехом пополам рассмотреть, что происходит над водой. Оружие заключалось в 50-килограммовом бочонке динамита, который следовало с помощью бурава прикрепить к днищу неприятельского корабля.

Не спешите иронизировать: как-никак это был первый в мировой истории боевой рейс подводной лодки...

К великому моему сожалению, мне не известно, как искали добровольца — а ведь это наверняка было захватывающее зрелище. Известно лишь, что добровольцем вызвался армейский сержант Эзра Ли.

Как ни удивительно, но он проплыл под водой несколько километров и добрался до британского корабля «Орел» — и добросовестно попытался ввинтить бурав, однако днище корабля оказалось обитым медными листами (чтобы во время плаваний в тропических морях не покрывалось толстенной коркой всевозможных морских ракушек, которые тормозили ход). Ли попытался прицепить мину к другому кораблю — опять не получилось. Бочонок взорвался на поверхности воды, но вреда от этого не было никакого.

Дальше начинается дикий разнобой версий, в котором никак не удается определить истину. Пишут, что «Черепа-

ху» потопили пушечным огнем англичане, но храбрый сержант сумел спастись. Пишут, что «Черепаха» была застигнута врасплох отливом и досталась британцам целехонькой. Пишут, что «Черепаха» благополучно вернулась в порт, а потоплен был корабль, ее перевозивший. Отыскать истину во всем этом буйном многообразии лично мне не удалось: даже американские авторы придерживаются противоположных мнений...

В общем, не подлежит сомнению одно: первая в мире атака боевой подводной лодки окончилась безрезультатно. На этом и остановимся.

В Гражданскую войну первыми боевую подводную лодку построили южане. У истоков предприятия стоял «капитан» Ханли, отнюдь не моряк — закончив университет в Новом Орлеане, он был адвокатом, бизнесменом, таможенником. Но поскольку специалистов по данному делу нигде в мире не имелось, сгодился и Ханли...

Новоорлеанские инженеры, не мудрствуя лукаво, просто-напросто взяли цилиндрический паровой котел, разрезали пополам, приделали перемычки — так что получился не круглый, а овальный корпус длиной в десять с лишним метров, шириной — метр с лишним, высотой — почти два метра. От «Черепахи» изделие, получившее название «Американский ныряльщик», не особенно и отличалось. Правда, наметился некоторый прогресс: вместо весел, которые бравый сержант Ли дергал за ручки, имелся коленчатый вал, который вручную вращали восемь матросов, придавая скорость до 8 километров в час. Балластные цистерны были чуточку совершеннее: водой при погружении они наполнялись сами, стоило только клапан открыть, а вот выкачивали воду тем же ручным насосом.

«Ныряльщика» достроили, спустили на воду. И тут началось...

Лодка выходила из дока, когда ее накрыло высокой волной — и в распахнутый люк хлынула вода. Восемь матросов так и потонули, спастись удалось лишь командиру, лейтенанту Пейну, который стоял в распахнутом люке и потому успел прыгнуть в воду...

Лодку подняли со дна, не без хлопот подыскали новую команду и вновь устроили испытания, под командой все того же лейтенанта Пейна. На сей раз все вродс бы шло гладко, но поблизости от неповоротливого «Ныряльщика» по чьему-то недосмотру прошло крупное судно, подняло высокую волну... Вновь вода захлестнула лодку, вновь она утонула. Везучий Пейн спасся и на сей раз, а с ним двое матросов из восьми.

Лодку снова подняли! Теперь руководить испытаниями взялся сам Ханли. Поначалу все шло хорошо, лодка совершила несколько удачных погружений, проходя под днищами стоявших на якоре кораблей и благополучно выныривая. Ободренный успехом, Ханли решил идти на очередное погружение слишком резко... «Ныряльщик» больше на поверхности так и не показался. Когда через неделю южане подняли лодку со дна в третий раз, выяснилось, что от резкого погружения вода сильной струей хлынула в клапан балластной цистерны и Ханли не смог его перекрыть. Погибли все до единого. Был ли и в третий раз на борту лейтенант Пейн, мне установить не удалось...

Южане — люди упрямые. Они все же решили отправить лодку на боевое задание — теперь она, правда, была переименована в «Ханли». Отыскать новый экипаж оказалось делом трудным и хлопотным — видавшие виды морские волки разбегались, крича, что геройски погибнуть за родину на борту «нормального» корабля они согласны, но внутрь этой чертовой бочки в жизни не полезут... Кое-как

все же уговорили семерых моряков вертеть «двигатель», а лейтенанта Диксона — ими командовать.

И вот в четвертый раз — получилось! Да еще как!

Восьмерка «самоубийц» (все до единого — добровольцы) ночью 17 февраля 1864 г. отправились в свой первый и единственный рейс — к победе и на тот свет...

«Ханли» толкала перед собой железный прут, на котором был укреплен почти сорокакилограммовый пороховой заряд: следовало вогнать остроконечный нос «торпеды» в борт судна противника, дернуть изнутри лодки за спусковой шнур, а потом улепетывать что есть мочи, крутя вал со всем усердием...

Недалеко от берега стоял боевой корабль северян «Хьюстоник» — винтовой пароход. Командование блокировавшей южный порт Чарльстон эскадры что-то прослышало о «новом секретном оружии южан, действующем из-под воды». Толком никто ничего не знал, а потому, как обычно в таких случаях водится, отдали приказ «смотреть в оба, ежели что».

Вахтенный офицер корабля заметил метрах в ста от правого борта странный предмет — на вид обычное бревно, но оно очень уж целеустремленно и быстро приближалось к борту... Колокол забил тревогу. Стали поднимать якорь, разводить пары, кто-то попытался прицелиться из носовой пушки...

«Бревно» ударило в деревянный борт, и громыхнул взрыв. Корабль быстро затонул. Подоспевший сосед успел спасти 21 офицера и 129 матросов. Погибли всего пять человек.

«Ханли» вместе со всем экипажем пропала без вести. Очень долго считалось, что она пошла на дно вместе с «Хьюстоником», но позже удалось выяснить, что через 45 минут после взрыва на берегу видели подаваемые под-

лодкой световые сигналы. В 1994 г. ее обнаружили на дне. Предполагается, что командир, подавая тот самый условленный сигнал, распахнул люк и зажег фонарь, вспышки которого и увидели на берегу, — и тут люк захлестнула высокая приливная волна, лодка камнем пошла ко дну, никто не спасся... (99)

Еще до успешной атаки «Ханли» южане не просто построили, а запустили в серию подлодки типа «Давид», которых смастерили около двадцати. Правда, это были, если можно так выразиться, «полуподлодки», или, как выражаются инженеры, «суда полупогруженного типа». Большая часть корпуса (длина — 18 м, диаметр — 1,8 м) пребывала под водой, но на поверхности на три с половиной метра торчала кабина рулевого и паровой котел с трубой. Экипаж — четыре человека, а вооружение — снова пороховая мина на длинном шесте.

Первый «Давид» на первом же испытании пошел ко дну, унеся несколько жизней. Да и другие лодки вели себя примерно так же. В отличие от «Ханли» этот полуподводный монстр ничем себя не прославил, и его единственный бой обернулся, прямо скажем, чистой комедией. Сохранились воспоминания одного из членов экипажа «полуподлодки», великолепно передающие колорит эпохи.

Осенью 1863 г. «Давид» пошел в атаку на северный броненосец «Айронсайд»...

«Когда до корабля оставалось не более 40 метров, нас обстреляли. Лейтенант Глассел открыл ответный огонь из двуствольного орудия. Через 2 минуты мы ударили в правый борт судна (мы шли на полной скорости) в пяти метрах от ахтерштевня. Взрыв торпеды пришелся на место, которое находилось примерно в двух метрах от дна. Противник открыл огонь из малокалиберных орудий, попадая по подлодке, но не причиняя нам особого вреда. Столб

воды был настолько велик, что он оттолкнулся от нашей подлодки с такой силой, что потушил огонь (в топке парового котла. — *А. Б.*) и заставил нас подумать, что мы сейчас пойдем ко дну. Мы дали задний ход, но вибрация от удара была такой силы, что по машинному отделению раскидало балласт и помешало двигателю работать. Во время этой задержки подлодка, благодаря прибою и ветру, болталась под корпусом судна. Все это время по нам вели прицельный огонь. Поняв, что ситуация достигла критической отметки, мы решили, что единственным выходом будет прыгнуть за борт и надеяться, что нас спасут лодки противника. Лейтенант Глассел и стрелок Джеймс Салливан, имея при себе спасательные жилеты, поплыли в направлении судна противника, и их никогда больше не видели. Пилот застрял в подлодке, а я, находясь в этот момент за бортом и поняв, что пощады не будет (экипаж во всю глотку кричал, что сдается, но северяне продолжали по ним палить. — *А. Б.*), решил, что надо попробовать еще раз спасти судно. Соответственно, я возвратился на подлодку, зажег огонь, спустя некоторое время у меня было достаточно пара, чтобы запустить двигатель. Пилот взял штурвал, и мы поплыли обратно через пролив и проплыли в метре от борта «Айронсайда», который все это время вел по нам огонь из малокалиберных орудий...» (49).

Взорвавшаяся мина никакого вреда судну не причинила. Единственной жертвой у северян стал командир броненосца, коего упомянутый лейтенант Глассел уложил из «двуствольного орудия» (наверняка очень малого калибра). «Давид» еще дважды в течение войны атаковал корабли северян, но, судя по отсутствию хоть каких-то сведений, закончилось это пшиком.

Если подбить итог, он окажется неутешительным: за всю войну северные подводники потопили один-единственный

корабль (правда, немаленький, если его экипаж состоял из ста пятидесяти человек) и уничтожили 6 моряков противника — при том, что сами во время аварий потеряли около сорока. Однако не забывайте, что это был *первый* опыт, на котором и основывалось все последующее. Как бы там ни было, но после известий о действиях подлодок у северян началась паника, в каждом плывущем бревне они усматривали «страшную торпедную лодку», корабли срочно обвешивали проволочными сетками и бревнами на привязи — чтобы мина не ударила в борт.

(Кстати, о броненосцах. Их к концу войны у каждой стороны насчитывалось около десятка, и они принимали участие в достаточно серьезных речных сражениях — на реке броненосцы, пусть и несовершенные, проявили себя отлично, настолько, что само название «Монитор» на многие десятилетия стало обозначением для речных бронированных судов...)

Закрывая тему, можно упомянуть, что северяне тоже пытались создать подводный флот, но у них-то как раз ничего не получилось — по причинам житейским и даже где-то романтическим, не имеющим никакого отношения к технике...

Инженер Оливер Холстед по собственному проекту стал строить на Бруклинской верфи в Нью-Йорке подлодку под названием «Умный кит». Это была классическая железная сигара длиной около десяти метров и диаметром около двух-трех, с экипажем в девять человек. Шестеро работали «двигателем», командир командовал, а два водолаза должны были прикреплять мину к днищу вражеского корабля. Предполагалось, что, подобравшись под водой к противнику, лодка станет на якоря, водолазы выберутся наружу и прицепят заряд.

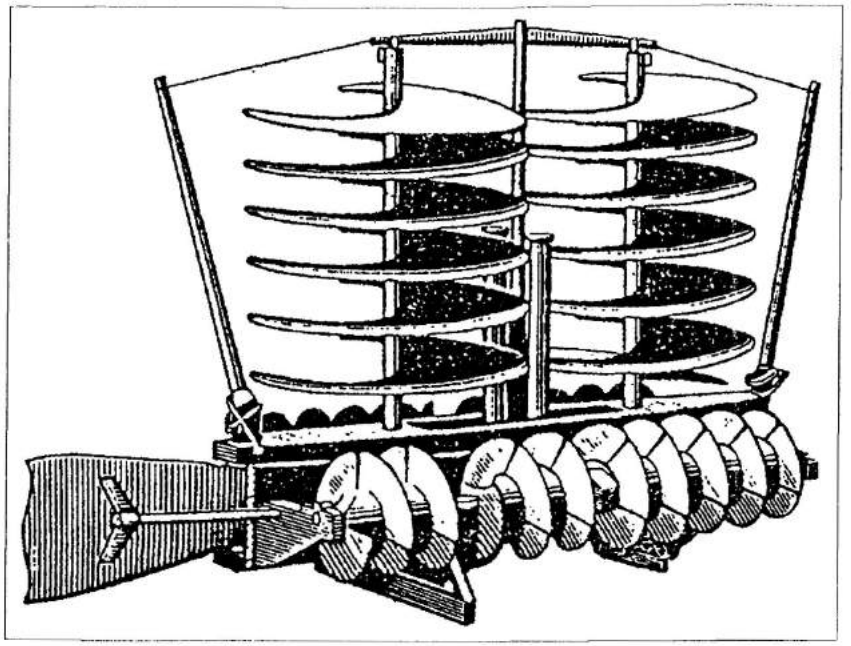
По сложившейся традиции, «Умный кит» трижды тонул на испытаниях, погубив три экипажа в полном составе.

Холстед не отчаивался и продолжал работать, но тут вмешалась романтика. Инженер, вовсе не будучи сухим технарем, крутил пылкий роман с некоей замужней красоткой. Проведав об этом, ее муж сунул в карман кольт, заявился на верфь и без всякого почтения к олицетворяемому Холстедом научно-техническому прогрессу пристрелил соперника на месте. Замены Холстеду не нашлось, и все работы по созданию федерального подводного флота прекратились...

Пытливые конструкторы обращали взоры и на воздушную стихию. И северяне, и южане использовали привязные воздушные шары для корректировки артиллерийского огня. В те времена, по компетентному замечанию военного историка Кирилла Маля, «стрельба нескольких удачно расположенных орудий останавливала или даже отражала атаки целых дивизий». Аэростат поднимался метров на триста. Зенитных орудий тогда не было, ружейные пули на такое расстояние не долетали — а обзор был километров на пять.

Северяне в 1861 г. построили первый в мире *авианосец*, переделав угольную баржу в речную плавбазу для аэростата. На ней стоял даже генератор, вырабатывавший газ для баллона — из железных опилок, подвергнутых воздействию серной кислоты.

В 1863 г. на одном из таких северных аэростатов поднялся в воздух молодой лейтенант прусской армии, военный наблюдатель при федеральной армии. Молодой граф, еще никак себя не проявивший, звался Фердинанд фон Цеппелин. Скорее всего, именно тогда ему и пришла в голову интересная мысль: а если сделать так, чтобы шар не просто висел, как поплавок, а еще и летал, куда потребуется, да еще и бомбы сбрасывал? Как уже догадался эрудированный читатель, это был тот самый Цеппелин, будущий создатель германских боевых дирижаблей, настолько прогремевший, что долго еще дирижабли в обиходе называли цеппелинами...

Геликоптер У. Поуэрса

Мало того, тогда же начались первые попытки создать как бомбардировщики, так и боевые вертолеты!

Эти проекты настолько опередили время, что так и остались не более чем *прожектами*. И северные, и южные изобретатели рисовали летательные аппараты наподобие планеров, которые обрушивали бы на голову врага бомбы, — но дальше рисунков дело не пошло.

Вертолеты, правда, появились в виде моделей. Генерал армии северян Миттчелл, в гражданской жизни профессор, испытал даже модель геликоптера с винтом метрового диаметра. Южанин, инженер из Алабамы Поуэрс, предложил

довольно экзотический проект «винтокрыла», с которым читатель может познакомиться по рисунку. Передвигаться это *чудо* должно было при помощи паровой машины (только лет через тридцать знаменитый американский изобретатель Эдисон окончательно и неопровержимо докажет: паровая машина для летательного аппарата непригодна). Поуэрс даже построил макет своего аппарата. Южане его тут же засекретили так, что макет обнаружили по чистой случайности в каких-то запасниках лишь в 1940 г. (195).

Все эти эксперименты никак нельзя считать пустой забавой — уже в 1870-м, во время франко-прусской войны, воздушные шары широко использовались обеими воюющими сторонами. Броненосный флот и военная авиация получили такое развитие, что нет нужды об этом хотя бы бегло рассказывать. Начало, однако, было положено в братоубийственной американской войне — к несчастью тех миллионов, военных и штатских, которым пришлось испытать на своей шкуре достижения научно-технического прогресса — не к ночи будь помянут...

А разговор теперь пойдет о еще одной интересной, но забытой странице Гражданской — действиях в мировом океане южных крейсеров, причинивших Северу гигантский ущерб. Эти корабли с легкой руки победителей принято именовать «пиратскими», но это вряд ли справедливо...

2. И призрак легендарного корвета качается в созвездии Весов...

При слове «крейсер» вовсе не следует представлять себе могучие бронированные чудовища. Крейсер берет свое начало от термина «крейсировать». Как гласит Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (199), «Крейсерство — разъезды военных кораблей по морю с целью захвата неприятельских торговых судов».

Военные корабли южан, вышедшие в океан, были классическими *каперами*. Капер, напоминаю, это судно (как правило не военное, а вооруженное торговое), получившее от своего правительства официальный документ с поручением захватывать торговые суда противника (а при удаче, понятно, и драться с его военными кораблями, если есть надежды на победу). Другое дело, что северяне Конфедерацию не признавали в качестве независимого государства и называли каперов Юга «пиратами» — но это уже зависит от точки зрения...

Особую пикантность ситуации придавало то, что не кто иной, как Соединенные Штаты, *отказались* в 1856 г. присоединиться к Парижской морской декларации, которая оставила право захвата неприятельских торговых судов только за сугубо военными кораблями, покончив тем самым с каперством. Вот и выходит, что южане действовали в нарушение Парижской декларации — но охотились-то они исключительно на американские корабли, а США Парижскую декларацию не подписали и законных оснований преследовать каперство не имели... О чем в Вашингтоне, надо полагать, теперь горько сожалели.

В 1856-м США не подписали Парижскую декларацию в расчете на собственную выгоду. Все прочие великие морские державы поступили так отнюдь не из какого-то благородства: у них и без того имелись достаточно сильные военные флоты, наспех вооруженные торговые суденышки-каперы им были совершенно ни к чему. И наоборот, военно-морской флот США был тогда, по сравнению с «великими державами», достаточно слабым. В случае войны пришлось бы рассчитывать главным образом на каперов...

Теперь вашингтонская хитрость обернулась против Вашингтона же. Военный флот южан не шел ни в какое сравнение с северным, согласно плану «Анаконда» установившим блокаду южных берегов. И руководство Конфедерации решило сделать ставку на каперов — и ударить Север по самому больному месту, то есть *карману*.

То, что удар был нанесен со знанием дела и пришелся по больному месту, тут же засвидетельствовал обиженный рев северной газеты «Нью-Йорк трибюн»: «Угрожая коммерции Севера каперами, Джефферсон Дэвис все равно что бросает спичку в пороховой погреб. Эффект, который это может произвести в нашем обществе, заключается в углублении и десятикратном усилении вражды и ненависти широких масс к Югу».

Южане и ухом не повели, прекрасно понимая, что «широкие массы» тут упомянуты из чистой демагогии. Разъяренные толстосумы срочно надавили на президента Линкольна: с его подачи экипаж захваченного капера южан «Саванна» был немедленно приговорен к повешению за «пиратство».

Спас их от петли президент Конфедерации Джефферсон Дэвис: он заявил, что на Юге достаточно пленных северян и, если Север начнет вешать южан как «пиратов», Юг сможет живописно развесить на деревьях немалое количество северян как «бандитов»... В Вашингтоне понимали только такой язык — и смертный приговор морякам-южанам быстренько отменили...

Всего на морских просторах действовало девятнадцать южных крейсеров. Самые известные из них — «Алабама», «Флорида», «Шенандоа», а самый знаменитый из этой «золотой тройки» — «Алабама».

Капитан «Алабамы» Рафаэль Семмс родился в 1809 г. и был кадровым офицером военно-морского флота США

(на службе — с 15 лет). Когда Юг провозгласил Декларацию независимости, Семмс (как и триста с лишним морских офицеров-южан) написал прошение об отставке и отправился на службу Конфедерации.

Рафаэль Семмс, командир крейсера южан «Алабама»

Сначала ему достался под команду небольшой парусно-винтовой купеческий пароход «Самтер», на котором установили пять пушек. Именно он считается первенцем южного военного флота.

Устье реки Миссисипи, куда пришел корабль, блокировала согласно плану «Анаконда» северная эскадра. Два многопушечных фрегата и два военных парохода перекрыли четыре рукава, которыми Миссисипи впадала в море. Улучив удобный момент, «Самтер» на всех парах вырвался в океан — пароход «Бруклин» пытался его перехватить, но Семмс оторвался от погони.

И началась боевая работа. Семмс крейсировал в Атлантике, у побережья Северной и Южной Америки. За семь месяцев он захватил восемнадцать северных «торговцев». Семь из них южане сожгли со всем грузом, девять, высадив на них призовые команды, увели в нейтральные порты, а два отпустили, взяв с команды обязательство уплатить выкуп после окончания военных действий (а также обещание никогда не воевать против конфедератов). Времена, напоминаю, стояли патриархальные...

Нанеся Северу ущерб примерно на миллион долларов, Симмс добрался до Гибралтара, где высадил всех своих

пленников, команды захваченных судов. И вскоре сам сошел на берег со своими людьми: за долгое плаванье «Самтер» совершенно износился и к новому выходу в море был непригоден.

Вся команда с капитаном во главе отправилась в Англию, где на Ливерпульской верфи строился деревянный трехмачтовый корвет, по отзывам современников — красавец корабль, способный ходить и под парусами, и с помощью двух паровых машин. Название у него было чисто условное: «Номер 290». «Номер» этот мгновенно привлек внимание северной разведки: понимающему глазу сразу видно было, что строится военный корабль...

Северные дипломаты сделали охотничью стойку, но поделать ничего не могли: согласно тогдашним международным конвенциям любая нейтральная страна могла строить для участников боевых действий и передавать заказчику *невооруженные* корабли. Оружия на «Номере 290» не имелось никакого.

И все же Вашингтон надавил — и британское правительство приказало ливерпульским таможенникам задержать судно в порту. То ли умышленно, то ли случайно чиновники опоздали на несколько часов, когда они заявились, оказалось, что «заказ 290» уже вышел в открытое море для «ходовых испытаний».

Из которых он не вернулся. Судно подошло к ирландским берегам, там представители верфи сошли на сушу, а на борт поднялся офицер Конфедерации Бэтчер. Уже под его командой «Номер 290» отправился к Азорским островам. Вскоре туда подошли два корабля Конфедерации: один привез шесть пушек, боеприпасы и уголь, второй — еще два орудия и капитана Семмса с командой «Самтера».

«Номер 290» перестал существовать — теперь это и был корвет «Алабама» под флагом Конфедерации, с выгравированным на медной накладке штурвала девизом: «На Бога надейся, а сам не плошай» (Aide toi et Dieu taidera).

Только теперь большая часть команды узнала, на какое судно нанялась и чем оно намерено заниматься, — они полагали, что и в самом деле завербовались только на ходовые испытания...

Семмс открытым текстом объяснил, что к чему, и предложил желающим поступить на службу Конфедерации — за оговоренное жалованье и долю «призовых» денег. Часть британских моряков отказалась, часть осталась на корабле. И «Алабама» вышла в море с экипажем из двенадцати южан с «Самтера», одного испанца и семидесяти одного британского подданного (англичане тогда не без оснований считались лучшими моряками на свете).

Не откладывая дело в долгий ящик, Семмс приступил к работе, едва отплыв от Азорских островов — благо навстречу попался китобоец под флагом северян, следом — шхуна из Бостона и тут же — еще один китобой. Что самое любопытное, его команда, попав в плен, не Юг ругала, а поносила последними словами своего президента Линкольна, а капитан во всеуслышание выразил надежду увидеть когда-нибудь государственного секретаря Сьюарда повешенным на суку...

Вашингтон неистовствовал, объявив действия «Алабамы» «преступлением против человечества». Северные газеты завопили, что команда Семмса состоит из «подонков различных наций», представляет собой орду недисциплинированных негодяев — и уж, конечно, способна только жечь мирные суда, а с военным кораблем в жизни не рискнет сразиться...

Случилось так, что вскоре после этой газетной шумихи Семмс доказал как раз противоположное: вернувшись к побережью США, «Алабама» встретилась с военным па-

роходом северян «Гаттерас» и так разделывала его, что всего через семнадцать минут боя подожженный бомбическими снарядами Семмса «Гаттерас» поспешил оповестить, что сдается. Пощечина Северу была изрядная: Семмс взял в плен 18 офицеров и 118 матросов... Капитан «Гаттераса» из плена отправил своему начальству довольно унылый рапорт, где живописно повествовал, как он собрался было в два счета разделаться с «мятежным пиратом» и браво кинулся в бой — только вот почему-то обернулось так, что именно «пират» вломил «Гаттерасу» по первое число, и он, капитан, вынужден был сдаться, чтобы «не рисковать дорогими жизнями моих подчиненных»...

Удар по самолюбию северян был тот еще... В погоню за «Алабамой» отправилось несколько военных кораблей. Не полагаясь на них, толстосумы Севера быстренько скинулись и на свои денежки приобрели и вооружили два парохода. Один назвали «Сакраменто», а второй Корнелиус Вандербильт, внесший основную сумму, назвал в свою честь. Предназначались они исключительно для поимки или уничтожения «Алабамы».

Однако все эти потуги ни к чему не привели. «Алабама» два года крейсировала в Атлантическом и Индийском океанах, появлялась то у Филиппин, то в Южно-Китайском море, возле Цейлона и Мадагаскара, у африканских и бразильских берегов... Корвет был неуловим. За два года «Алабама» прошла 75 000 миль, захватила шестьдесят четыре северных судна и потопила один военный корабль, нанеся Северу ущерб в шесть миллионов долларов.

За это время корабль, конечно же, сильно потрепало стихиями — и Семмс пошел для ремонта во французский порт Шербур. Американский консул, размещавшийся там, немедленно поднял тревогу, отбивая депеши своим коллегам в портах Англии и Франции, запрашивая, не найдется ли поблизости федерального военного судна...

Нашлось. Не прошло и трех дней, как не успевший приступить к ремонту Семмс узнал, что на горизонте замаячил северный корвет «Корсар» под командованием старого знакомого и бывшего сослуживца Семмса Уинслоу...

Разумеется, «Корсар» не собирался нападать на «Алабаму» во французских территориальных водах — это было бы чересчур даже для янки (да и французские военные корабли поблизости имелись в немалом количестве). «Корсар» не мог и зайти в Шербур — иначе ему по тогдашним морским законам пришлось бы там торчать ровно сутки после ухода «Алабамы». Уинслоу расположился у границы территориальных вод, всем своим видом показывая, что ждать готов сколько угодно.

А впрочем, Семмс и не медлил. Будь он трусом, мог бы преспокойно оставаться в Шербуре хоть до конца войны, попивая бургундское и гуляя по набережным. Однако южанин практически сразу же отправил «Корсару» вызов на бой. Оба корабля были примерно одного класса (разве что против восьми орудий Семмса у северян имелось семь, но, уступая в числе пушек, северяне выигрывали в большем калибре).

Еще до начала боя у северян было два серьезных преимущества. Во-первых, порох у них был отличный, сухой — а пороховые запасы «Алабамы» за два года плавания отсырели. Во-вторых, командир «Корсара» защитил борта своего корабля якорными цепями, которые прикрыл фанерой, — это была неплохая защита от тогдашних ядер и бомб...

19 июня 1864 г. «Алабама» снялась с якоря. Красавец корвет вышел в свой последний рейс и последний бой...

Французы, обожавшие дуэли, такой случай упускать не собирались. Весь город высыпал на прибрежные холмы.

Те, кто имел такую возможность, вышли в море на лодках и прогулочных суденышках, чтобы не пропустить ничего интересного.

В качестве своеобразного секунданта «Алабаму» сопровождал французский броненосец, зорко наблюдавший за тем, чтобы «дуэлянты» сошлись строго за пределами французских территориальных вод.

Семмс влез на лафет орудия и во второй (и последний) раз в жизни обратился с речью к своей команде: «Офицеры и матросы «Алабамы»! У вас появилась еще одна возможность встретиться с врагом, вторая с тех пор, как вы потопили «Гаттерас». К настоящему времени вы обошли почти весь свет, и не будет преувеличением сказать, что вы уничтожили и загнали под защиту нейтрального флага половину вражеского флота, который в начале войны заполонил все моря. Этим достижением вы можете гордиться, и благодарное отечество вас не забудет. Имя вашего корабля известно повсюду, где есть цивилизация. Будет ли это имя запятнано поражением? Это невозможно! Помните, что мы в проливе Ла-Манш, который является полем морской славы нашей расы, и что взоры всей Европы в этот миг обращены на вас. Флаг, который развевается над вами, принадлежит молодой республике, бросающей вызов своему врагу, где бы и когда бы она его ни встретила. Покажите всему миру, что вы знаете, как защитить себя! По местам стоять!»

Ему ответил дружный рев матросов:

— Да здравствует Юг!

— Да здравствует генерал Ли и его армия!

Большинство моряков «Алабамы» были, напоминаю, британцами — но за два года славных походов они наверняка как-то незаметно прониклись *южным духом*. Та отвага, которую они проявили в двух сражениях, вряд ли

объясняется только добросовестной отработкой жалованья...

Бой продолжался семьдесят минут. «Алабама» открыла огонь первой, но очень быстро Семмс увидел, что ни ядра, ни разрывные снаряды не причиняют ни малейшего вреда корпусу противника, — они с лязгом, высекая снопы искр, отскакивали от якорных цепей, обнаружившихся под измочаленной фанерой...

Он несколько раз пытался сойтись на абордаж (*свалиться* на абордаж, как выражались тогдашние моряки), но «Корсар» всякий раз уворачивался — и бил залпами с близкого расстояния. Начиненные подмокшим порохом бомбы «Алабамы» не взрывались. Зато 280-миллиметровый снаряд «Корсара», ударивший сквозь пушечный порт внутрь, мигом уложил 8 из 16 канониров Семмса. Старший офицер «Алабамы» вспоминал потом: «Люди были разорваны на куски, а палуба усеяна руками, ногами, головами и внутренностями. Один из помощников кивнул мне головой, как будто спрашивая: «Мне очистить палубу?» Я наклонил голову. Он поднял изувеченные останки и бросил их в море».

«Алабама» отвечала, как могла. «Корсар» *гвоздил* разрывными. С точностью до наоборот повторился бой «Алабамы» с «Гаттерасом» — только теперь «Алабама» сама оказалась на месте «Гаттераса»...

Один из разрывных снарядов «Корсара» угодил в машинное отделение и разворотил машину. Из люков и иллюминаторов повалили плотные клубы белого пара. На «Корсаре» мгновенно поняли, что это означает (тем более что «Алабама» тут же потеряла ход), и, подойдя совсем близко, принялись бить залпами. Борт «Алабамы» был буквально снесен. Семмс приказал поставить паруса и пытался направить корвет к берегу, но ветер был слишком слабым. «Алабама» начала погружаться.

Некоторые историки пишут, что Семмс тогда приказал спустить флаг, но этому определенно противоречит строчка из рапорта самого командира северян: «Еще несколько мгновений, и флаг южан задержался над поверхностью воды, но потом и он исчез в волнах». Судя по тексту, речь явно идет о флаге, по-прежнему развевавшемся на корме. Тем более что есть свидетельства: «Алабама» вела огонь до конца. Последний залп она дала, когда дула орудий тонущего корвета уже касались воды...

«Корсар» сумел взять в плен только 70 моряков с «Алабамы» — тех, кого сам выловил из воды. Капитана Семмса и сорок человек его команды подобрала английская яхта, одно из тех суденышек, что вышло в море посмотреть на увлекательное зрелище. Владелец яхты определенно не питал симпатий к Северу — он, не медля, взял курс на Англию, и его пассажиры избежали плена. Взбешенный Уинслоу так и писал потом в рапорте: «Знай я, что это будет так, я бы утопил ее вместе с «Алабамой». Великолепный штрих к портрету северного морячка: готов был потопить невооруженное судно нейтрального государства в международных водах только за то, что оно у него из-под носа увело людей, которых он уже считал своими пленными... К слову, «пират» Семмс однажды отпустил северное судно восвояси при довольно характерных для южного менталитета обстоятельствах. Речь идет о почтовом пароходе «Ариэль», на котором из 500 пассажиров большинство составляли женщины и дети. Сжечь захваченное судно Семмс не мог — и взять на «Алабаму» такое количество народу не мог тоже (кроме пассажиров, на «Ариэле» плыли еще 140 морских пехотинцев Севера и несколько офицеров). В конце концов Симмс «Ариэль» отпустил, взяв только с военных честное слово не воевать против Конфедерации (ручаться можно, что пассажиры

«Ариэля» капитана Семмса «подлым пиратом» безусловно потом не считали...)

Таким образом Семмс избежал плена, после войны открыл на Юге адвокатскую контору и до конца жизни (он умер в 1877-м) высказывался о северянах так, как они заслуживали...

Второй знаменитый крейсер южан, «Флорида», действовавший главным образом в Вест-Индии и у бразильского побережья, за два с лишним года захватил 38 северных судов общей стоимостью более двух миллионов долларов. Северяне в конце концов захватили его, но совершенно пиратским образом. «Флорида» зашла для ремонта в бразильский порт Баия, и командир Моррис с половиной команды сошел на берег. Ночью в бразильские территориальные воды как ни в чем не бывало вошел федеральный военный корабль «Уошетт», ворвался в порт, захватил «Флориду» и на буксире увел ее в нейтральные воды.

С точки зрения международных морских конвенций это было чистейшей воды пиратство. Бразилия выразила решительный протест, и северного капитана Коллинза собирались было отдать под военный трибунал, но на его защиту выступило пресловутое «общественное мнение», заявив, что Коллинз — «национальный герой» и нельзя судить его за вторжение к каким-то там бразильяшкам, пусть и суверенным. Почесав в затылках, северные адмиралы Коллинза отпустили и даже повысили в звании — национальный герой все-таки... Кстати, сама «Флорида» у северян задержалась ненадолго: вскоре она отправилась в новый рейс, уже, понятно, с другой командой и под федеральным флагом, но столкнулась с другим военным судном и затонула...

Судьба третьего знаменитого южного рейдера, «Шенандоа», оказалась еще интереснее — но о ней позже.

Тем временем свой вклад в морскую войну собрались внести и нью-йоркские толстосумы, протащившие в Конгрессе акт, по которому президенту Линкольну разрешалось своей властью отправлять в море каперские суда. Однако Линкольну очень быстро растолковали, что за этим кроется, — господа олигархи собирались отправить на разбой собственную, *частную* эскадру и всю добычу складывать в собственный карман, как водится, прикрываясь красивыми словами о помощи родине и борьбе с мятежниками. Линкольн от этого плана отказался. Зато ему удалось во втором периоде войны добиться от Англии крупных уступок: англичане конфисковали строившиеся для Юга новые крейсера и запретили уже действующим заходить в свои порты...

Южане не особенно и унывали: им удалось купить во Франции тяжелый броненосец, приспособленный к тому же для таранных ударов по вражеским кораблям. Этот серьезный корабль, названный «Стоунуолл», собрался было пересечь Атлантику, но из-за шторма должен был отстаиваться в испанском порту. Вашингтон отправил на перехват два фрегата, по примеру «Корсара» обосновавшихся в нейтральный водах. Узнав об этом, капитан броненосца Пейдж, как ранее Семмс, отправил северянам вызов на бой.

Северяне тихонечко *слиняли*. Командир эскадры Крейвен потом оправдывался: пушек-то у них было гораздо больше, но вот корабли деревянные, а южанин — сплошь железный. Ка-ак двинет в борт тараном, и приходи, кума, любоваться...

Военно-морское командование северян это за оправдание не посчитало, и труса Крейвена отдали под трибунал...

За время войны южные крейсера захватили, по подсчетам американских историков, 258 торговых кораблей Се-

вера (или 5 процентов всего торгового флота). Больше трех четвертей судов из-за подобной угрозы покинуло США, зарегистрировавшись в иностранных портах и подняв тамошние флаги. Лидерство среди рейдеров безусловно принадлежит Рафаэлю Семмсу: 18 судов он захватил на «Самтере», 69 на «Алабаме», да вдобавок потопил военный корабль. (Счет «Флориды» — 36 судов, «Шенандоа» — 36, «Таллахасси» — 29, остальные приходятся на долю еще полутора десятков крейсеров).

Глава девятая

РЫЦАРИ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

> Единственным белым среди африканцев в Лабулео был португалец — человек обаятельнейший, из-за чего я сразу заподозрил, что он — шпион.
>
> *К. Драйсуотер*

Повествовать о большой, долгой войне — и ни словечком не упомянуть о секретных службах? Господа мои, это просто немыслимо! Тема благодатнейшая. Вообще о борьбе разведок Юга и Севера можно написать кучу остросюжетных романов и снять массу фильмов, но для данной книги это — побочная тема, так что я ограничусь не особенно и длинным рассказом о самых известных разведчиках Юга и Севера.

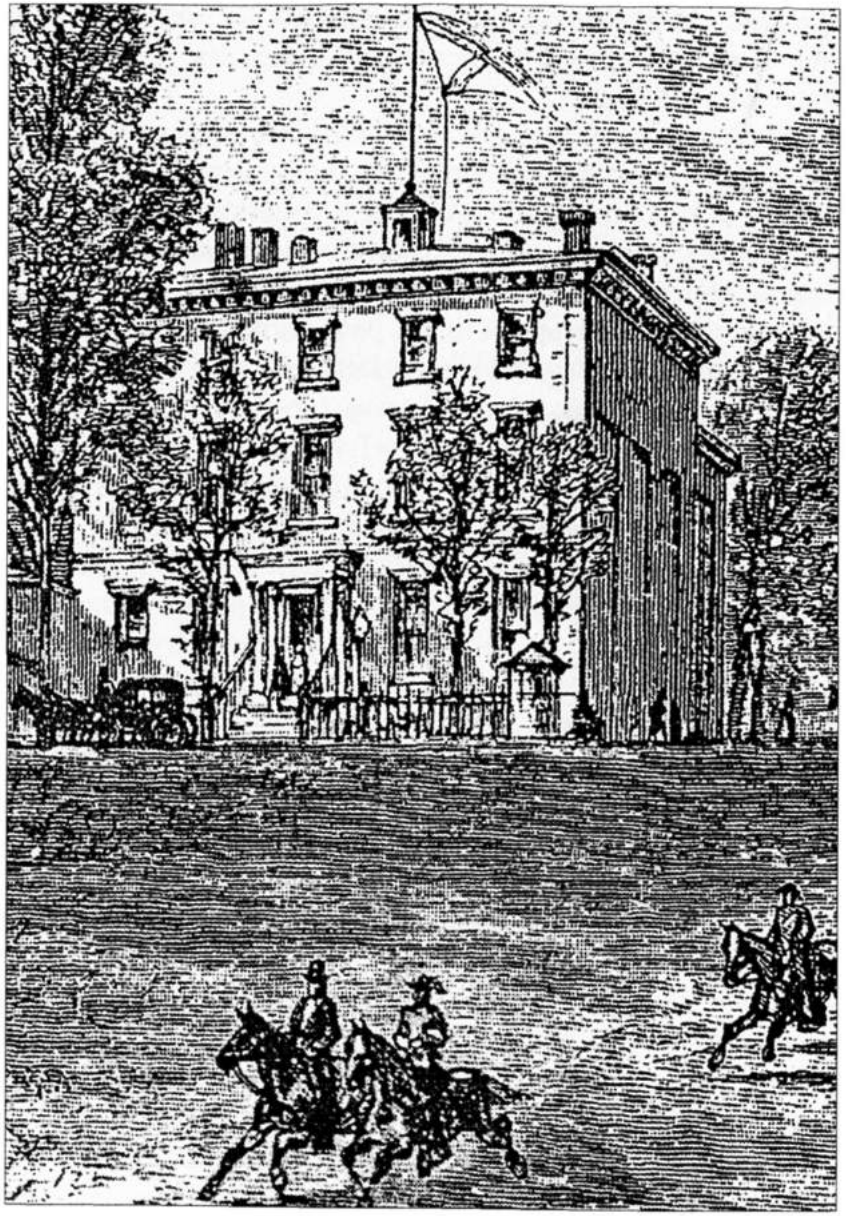
Будем называть их всех именно так — разведчиками. Конечно, во время войны (особенно гражданской) всякая сторона своих *героев* именует не иначе, как разведчиками, а *подонков* противника называет исключительно шпионами, но мы-то с вами не на войне. Да и времени прошло изрядно, чуть ли не полтора столетия. В конце концов, тайные агенты и той, и другой стороны, как мы вскоре

убедимся, действовали главным образом из любви к родине, а не ради презренного металла. Пусть уж они все будут разведчиками...

Давным-давно, когда меня и на свете-то не было, открыт грустный парадокс: большая часть разведчиков, о головокружительных приключениях и подвигах которых стало широко известно, — разведчики *провалившиеся*. Удачливые и успешные, так никогда и не расшифрованные противником, как правило, за редчайшим исключением, так и умирают безымянными и неведомыми. Как говорил герой одного из рассказов Куваева (не путать с тем Куваевым, что придумал Масяню!): «Так ведь кто не попадается, про тех мы не знаем». Речь там шла не о разведке, а о тайной торговле золотишком, но суть та же...

Так и здесь. Почти все «звезды» шпионажа, о которых я буду рассказывать, провалились. Наверняка было еще множество других, но они навсегда уже останутся в безвестности, потому что до самого конца не допустили ни единого прокола.

Северные архивы обеих секретных служб, возглавлявшихся, соответственно, Бейкером и Пинкертоном, сохранились (как-никак победителям нет нужды жечь важные бумаги). Южные — наоборот. Секретной службой Конфедерации (как и ее иностранными делами) руководил Иегуда Бенджамин, а у этого энергичнейшего, умного, недюжинного руководителя была очень полезная черта: он предпочитал не оставлять письменных свидетельств своей деятельности. Вообще никаких. Даже когда речь шла о «мирных» сторонах деятельности южной администрации — что уж говорить о разведке и контрразведке. К тому же перед падением столицы Конфедерации Ричмонда там уничтожили все архивы. Поэтому известны лишь *засветившиеся* разведчики южан...

Белый дом Конфедерации в Ричмонде

Роза Гринхау

«Суперстар» конфедератской разведки безусловно следует считать Розу Гринхау (Гринхауз, О'Нил Гринхау, по прозвищу Мятежная Роза. Да, это была женщина! Поневоле вспоминается киплинговское:

Что за женщина жила, бог ее помилуй!
Не добра и не верна,
Но мужчин влекла она
С сатанинской силой...

Уроженка Юга, она в свое время вышла замуж за известного тогда писателя Роберта Гринхау и поселилась в Вашингтоне. Потом овдовела. К началу Гражданской ей было под сорок. Настоящая светская дама — умная, красивая, элегантная. В своем особняке на углу 13-й и 1-й улиц она держала светский салон, который и до войны, и во время нее посещала вся северная верхушка, гражданская и военная (разве что президент Линкольн, не любитель светских раутов, там никогда не был замечен).

Что интересно, Мятежная Роза своих убеждений и взглядов не скрывала ничуть, ей ничего не стоило, например, заявить всему благородному обществу, что она «не любит и не почитает старого звездно-полосатого флага», потому что видит в нем исключительно символ «аболиционизма — убийств, грабежа, угнетения и позора».

Но когда это взгляды очаровательной женщины были причиной того, что мужчины переставали ходить к ней в гости? В салоне миссис Гринхау регулярно толпился самый что ни на есть бомонд — генералы и сенаторы, банкиры

и высокопоставленные чиновники вплоть до государственного секретаря Сьюарда.

И Роза... Собственно, о ее деятельности мало что известно. Компетентные историки разведки считают, что именно она передала генералу Пьеру Борегару планы вашингтонских укреплений и план операций «Великой Потомакской армии», что помогло южанам вовремя встретить агрессора. Известно, что она с успехом вербовала высоких чиновников и просто собирала из обмолвок сановных гостей ценнейшую информацию. Предполагается, что Гринхау была руководителем серьезного разведцентра южан — но никаких деталей до нашего времени не дошло, прекрасная южанка была настоящим профессионалом...

Аллан Пинкертон (к тому времени из хозяина задрипанного сыскного бюро ставший руководителем государственной секретной службы) о Розе спокойно слышать не мог. Буквально сатанел. Он прекрасно понимал, что происходит в особняке, который именовал «золоченым салоном аристократических предателей», но точных улик раздобыть его люди не могли, как ни пытались.

В конце концов Пинкертон взялся за дело лично. В те патриархальные времена и методы были патриархальные: один из сыщиков встал под высоко расположенным окном, а Пинкертон, балансируя у него на плечах, подслушивал, что говорили внутри. А разговор шел интереснейший: некий капитан из военной полиции как раз принес Розе карту столичных укреплений...

Когда офицер покинул особняк, Пинкертон самолично сел ему на хвост. Очевидно, капитан это заметил. Он скрылся в дверях некоего дома... откуда тотчас же выскочили четыре солдата со штыками наперевес и Пинкертона немедленно арестовали, как подозрительную личность,

вертящуюся вокруг военного объекта (каковым дом и оказался). Возмущаться насчет произвола было бесполезно: вовсю работала линкольновская «чрезвычайщина», любой федерал мог арестовать любую «подозрительную личность»...

Пинкертон прочно обосновался в камере, назвавшись вымышленным именем и придумав в оправдание какую-то ерунду. Неизвестно, что бы с ним было, но ему удалось через часового передать записку на волю, и начальство его быстренько освободило.

Капитана арестовали, но он год просидел в тюрьме, не дав никаких показаний, — и в конце концов был найден с перерезанным горлом. Считается, что его в целях сохранения тайны изничтожили «коварные южане», но возможны и другие варианты, как раз с северным участием...

Розу Гринхау разъяренный Пинкертон все же отправил за решетку — но она никаких показаний не давала, а улик, как я уже говорил, не имелось. Провалилась и попытка следить за гостями особняка. Пинкертон оставил в засаде агентов, чтобы следили, кто туда войдет, — но отчего-то ни одна живая душа, подозреваемая в шпионаже, в дом так и не заявилась. Секрет был прост: вскоре оказалось, что восьмилетняя дочь Розы залезла на дерево поодаль и оттуда кричала всем знакомым, кого успевала заметить издали: «Мама арестована!» Вот такими старомодными приемчиками пользовались в разведке в те почти былинные времена...

По некоторым данным, Роза и из камеры ухитрялась посылать донесения в Ричмонд... В конце концов, не в силах уличить, ее в числе других южан обменяли на северных военнопленных.

Встреченная в Ричмонде с триумфом, Мятежная Роза

вскоре отправилась в Европу с какой-то секретной миссией, о которой до сих пор ничего неизвестно. Там она побывала даже на приеме у королевы Виктории, выпустила книгу имевших бешеный успех мемуаров (зная Розу, можно смело предполагать, что и задание в Европе она с блеском выполнила).

Погибла Гринхау случайно и нелепо — корабль, на котором она возвращалась, потерпел крушение у южных берегов. Хоронили ее с воинскими почестями...

Не менее знаменита другая южная разведчица, Белл Бойд — в отличие от зрелой Розы Гринхау встретившая Гражданскую войну семнадцатилетней. Ох, не зря ее потом прозвали Повстанческой Жанной Д'Арк...

Ее родной городок в штате Виргиния очень быстро захватили северяне. В дом Бойдов, выломав дверь, ворвались сержант с солдатами. Потом солдаты объясняли, что они, мол, всего-навсего хотели водрузить над домом федеральный флаг — но возможно, на уме было и что похуже (см. соответствующий эпизод из «Унесенных ветром»). В общем, юная Белл схватила пистолет и шарахнула в сержанта так удачно, что он почти сразу же отдал концы. Северные командиры, рассмотрев дело и учитывая возраст подсудимой, списали все на «несчастный случай» (может, замыслы сержанта и в самом деле простирались гораздо дальше возни с флагом?).

Вскоре Белл стала работать на разведку южан. В ее доме поселились федеральные офицеры, часто бывал там и хорошо информированный корреспондент «Нью-Йорк Таймс». Вся эта публика обсуждала серьезные дела, не понижая голоса, к тому же, распустив хвосты по-павлиньи, кружила вокруг очаровательной юной южанки — а та, ухватывая обрывки ценных сведений, старательно передавала все в южные штабы...

Однажды она совершила самый настоящий подвиг. Ей стало известно, что северяне, объединив силы трех генералов, хотят неожиданно обрушиться на войска Джексона Каменной Стены. Нужно было сообщить об этом немедленно — но все помощники Белл не рискнули переходить линию фронта.

Тогда она пошла сама: средь бела дня, в нарядном платье, в белоснежном чепчике и крахмальном воротничке двинулась к позициям южан прямо по полю, на котором кипело сражение. Каким-то чудом уцелела под ружейным и пушечным огнем — и оказалась среди своих, в Луизианской бригаде. Джексон Каменная Стена немедленно двинул свои силы к нужному месту и разбил северян... Белл благодарил лично тогдашний главнокомандующий Джонстон.

Вернувшись через фронт, она продолжала заниматься тем же. И так уж ей не повезло, что однажды Белл передала очередное донесение «южному курьеру», оказавшемуся северной подставой. Девушку моментально арестовали и отправили в Вашингтон, где тюремщики, по сохранившимся воспоминаниям, от нее держались подальше: узница была арестанткой не из покладистых...

Как впоследствии и Розу Гринхоу, Белл Бойд обменяли на арестованного на Юге агента северян. В Ричмонде ее встретил почетный караул, а вечером под окнами Белл городской оркестр играл серенаду.

Финал этой истории кажется заимствованным из авантюрного романа — но так все и было на самом деле. Оказавшись по каким-то делам в Англии, красавица встретилась с офицером военно-морского федерального флота — и меж представителями двух враждующих сторон моментально проскочила электрическая искра, да какая... Офицер по фамилии Хардинг плюнул на войну и подал в от-

ставку, Белл покинула свою службу, и они там же, в Лондоне, обвенчались. Вот уж поистине: «Любовь, любовь, ты правишь миром...»

Миссис Хардинг прожила еще долго, прочитала множество лекций о своем разведывательном прошлом — с большим успехом у публики и немалым гонораром. Р. Роуэн, историк разведки (и сам бывший разведчик), не без укоризны отмечает в своей книге, что Белл «отнюдь не стыдилась своей славы «шпионки мятежников» (135).

Мистер Роуэн служил в разведке США, а его предки участвовали в Гражданской, соответственно, на стороне северян — так что перед нами точка зрения классического федерала. А почему, собственно, Белл Бойд должна была стыдиться своих немалых заслуг перед родиной?

Черт побери, каких только приключений не случалось в те лихие времена! Однажды четыре сыщика-федерала преследовали южного разведчика Уолтера Боуи — но он ускользнул от погони, переодевшись и загримировавшись... негритянкой-прачкой, тащившей на голове корзину с бельем. Мало того, когда его чуть позже задержал северный патруль, Боуи притворялся так талантливо, что северяне и в самом деле приняли его за натуральную негритянку. Великим артистом мог бы стать — вот только после поражения Юга подался в бандиты и был убит при очередном ограблении...

Случались и трагические истории. Один из самых блестящих разведчиков Конфедерации, Шоу, известный северянам как «капитан Колмен» (разведчики, как известно, одной фамилией не ограничиваются), однажды попал в плен к северным контрразведчикам в составе целой группы. Северяне лишь у одного из них, Сэмюэля Дэвиса, обнаружили компрометирующие документы — у остальных не нашлось при себе ни малейших улик.

Дэвиса тут же принялись *прессовать*, требуя сведений о нынешнем местоположении клятого капитана Колмена. Дэвис прекрасно Колмена знал, и во время допроса они стояли рядом. Как вам сцена?

Как Дэвису ни угрожали, своего шефа он не выдал — и был тут же повешен. Остальных, в том числе и Колмена сочли неопасной мелкотой и вскоре обменяли у южан на своих пленных...

Когда впоследствии северный генерал Додж (во время войны сменивший Пинкертона на посту начальника секретной службы) узнал эту историю, он был настолько потрясен, что первым сделал немаленький взнос в фонд сооружения памятника Сэмюэлю Дэвису. Пожалуй, следует поверить Черчиллю, писавшему, что эту войну вели джентльмены (жаль только, что рядом с подлинными джентльменами, как мы увидим позже, обреталось немало отъявленной сволочи...)

Для *другого* Сэмюэля Дэвиса, тоже разведчика южан, провал закончился более благополучно. Двадцатичетырехлетний лейтенант, парень отчаянный (родственник самого президента Конфедерации Джефферсона Дэвиса), отправился с некоей секретной миссией в Огайо, на северную территорию. Перекрасив волосы, запасся поддельным британским паспортом на вымышленную фамилию... и в поезде нос к носу столкнулся с двумя федеральными солдатами, моментально его опознавшими: их совсем недавно обменяли из южного плена, и в лагере, где они сидели, Дэвис был дежурным офицером...

Оказавшись в общей камере нью-йоркской тюрьмы, битком набитой арестантами, Дэвис присутствия духа не потерял. Он отпорол подкладку сюртука, достал имевшиеся при нем депеши и планы, вычерченные на шелке, про-

брался к печурке, у которой грелись заключенные, и ухитрился все это сжечь.

Военный трибунал (в котором участвовало несколько северных инвалидов войны) приговорил его к смерти. В последнем слове перед ними Дэвис сказал: «В нашем мире я ничего не боюсь. Меня не страшит смерть. Я молод и хотел бы еще пожить, но я считаю недостойным любого, кто ищет жалости у своих врагов. У некоторых из вас имеются раны и шрамы. Я их тоже могу показать. Вы служите своей стране как можно лучше. Я тоже. Перед Богом у меня чистая совесть, и когда верховный руководитель вашего народа подаст команду, я покажу вам, как надо умирать, будь то на виселице или под пулями ваших солдат» (156).

Обратите внимание, это в который раз повторяется: южане упорно считали, что они и северяне принадлежат к *разным* народам, к *разным* странам. Это и есть главная причина той стойкости, с которой Юг четыре года противостоял неизмеримо более сильному противнику, — и ни при чем тут затрепанные штампы о «подлых рабовладельцах» и «благородных освободителях»...

С просьбой помиловать Дэвиса к президенту обратилось немало влиятельных людей — в том числе и северные сенаторы. В конце концов Линкольн заменил смертную казнь тюремным заключением, то ли по доброте (тому есть немало примеров), то ли по причинам сугубо практическим: опасались, что Дэвис в качестве мести за родственника может ответить адекватно в отношении северных агентов, которых по тюрьмам на Юге сидело немало.

И Север, и Юг активнейшим образом использовали свою разведку в Европе — понятное дело, не для того, чтобы красть военные секреты. Речь шла уже о формировании тамошнего общественного мнения в свою поддержку, о пропаганде, одним словом, о том, что сейчас называется «психологической войной». *Эта* сторона тайной войны наиболее туманна: поскольку деньги и у той, и у другой стороны брали люди не последние, политики и видные журналисты, конспирировавшиеся особенно рьяно.

В Англии довольно мастерски работал совсем молодой человек по фамилии Готце, швейцарский гражданин. Сначала он поставлял передовицы для наиболее влиятельных лондонских газет, а потом пошел дальше, стал издавать еженедельник «Индекс», замаскированный под «независимое» английское издание, «сочувствующее Югу». Пропаганда велась очень тонко, без прямой защиты рабовладельческого строя, с упором на неконституционные действия северян (каковых хватало), в «Индексе» сотрудничали влиятельные английские публицисты, наверняка далеко не все — из-за денег. Готце работал так хватко, что и о подлинной сути «Индекса», и о нем самом стало известно только через шестьдесят лет, в 1922 г., когда опубликовали его секретную переписку...

В 1864 г. внезапно скончался от апоплексического удара посол США во Франции Дейтон. Причина была интересная: оказалось вдруг, что личный секретарь посла поддерживал амурные отношения с некоей красоткой Софи Брикар — а та была агентом конфедератов, так что секретнейшая информация долго утекала в Ричмонд, к Иегуде Бенджамину. Нежная и трепетная душа дипломата столь суровой реальности попросту не вынесла...

Теперь — о северных разведчиках. Первое место тут безусловно следует присудить мисс Элизабет Ван Лью, прямо-таки зеркальному двойнику Розы Гринхау. Разница только в том, что Элизабет была постарше Розы, далеко

Элизабет Ван Лью

не так красива и всю жизнь оставалась убежденной старой девой. Весь свой нерастраченный пыл она вложила в тайную деятельность, и результаты, честное слово, получились потрясающие...

Элизабет Ван Лью, далеко не бедная плантаторша, была потомственной южанкой — но еще в молодости стала яростной аболиционисткой и своих рабов освободила задолго до войны. Ну, а с началом войны она прямо-таки демонстративно высказывала свои симпатии «делу Севера», мало того, помогала едой и теплыми вещами северным военнопленным. И даже выступала на улицах Ричмонда с речами против рабства.

Все это было настолько явно, что Элизабет считали «чокнутой», «экзальтированной», «чудаковатой старой девой» — и, в общем, не относились к ней серьезно: чудит барыня, случается... Играло свою роль и рыцарское отношение на Юге к даме — там, где мужчина давно бы огреб серьезные неприятности или попал под подозрение, к женщине относились гораздо снисходительнее, бормоча под нос нечто вроде нашего: волос долог, да ум короток...

А потому Элизабет развернулась так, что и сегодня ее работа вызывает почтительное уважение... Многие из руководства Конфедерации были старинными друзьями ее семьи, а это, как вы легко догадаетесь, позволяло добывать порой ценнейшую информацию. Мисс Ван Лью ухитрилась *подвести* своего агента к президенту Конфе-

дерации Дэвису. Одной из негритянок, которым она до войны дала вольную, была, как пишут, «необычайно умная» девушка, за счет Элизабет получившая образование на Севере. Элизабет ее устроила служанкой в ричмондский Белый дом, резиденцию президента Дэвиса. Легко представить, какие важные и интересные для северной разведки разговоры вели джентльмены, которым и в голову не приходило опасаться «темной черномазой из глуши»...

Достоверно известно, что на Элизабет работали несколько чиновников военного министерства южан, что она руководила целой сетью засылаемых с Севера федеральных агентов, что она создала как минимум пять явок, через которые пересылались шифровки генералу Гранту. В фамильном особняке Ван Лью в Ричмонде, в потайной комнате, скрывались и северные разведчики, и беглые военнопленные — а однажды Элизабет там спрятала свою единственную лошадь, чтобы не отдавать ее армии Юга, когда началась «всеобщая мобилизация» конского поголовья.

Подозревать ее в конце концов начали, взяли в разработку — но до конца войны так и не сумели собрать улики. Когда оборона Юга рухнула окончательно, горожане, прихватив факелы, толпой нагрянули к особняку Элизабет, чтобы сжечь его (саму отчаянную даму все же не собирались трогать). Воинственная старая дева не растерялась и заявила во всеуслышанье, что федералы, которые тут будут максимум через час, в свою очередь, спалят дома всех собравшихся. Соседи призадумались — и, ворча, отступились. Когда на ричмондских улицах показались первые разъезды северян, Элизабет Ван Лью торжественно подняла над своим домом федеральный флаг.

Конец у этой истории достаточно унылый. Генерал Грант, став президентом США, «за заслуги» назначил Элизабет почтмейстером Ричмонда. Южане до самой ее смерти бойкотировали мисс Ван Лью как «предательницу» — так что жизнь у нее выдалась не особенно приятная. Федеральное правительство ей не возместило ни цента из тех денег, которые она тратила из своих сбережений на тайную деятельность, а после ухода Гранта и вовсе отправило в отставку без пенсии. Единственными средствами к существованию оказалась скудная денежная помощь, которую Элизабет оказывали друзья и родственники полковника-северянина, которому она помогла бежать из плена... Короче говоря, ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

На Юге разведслужба была одна. На Севере — две (Бейкера и Пинкертона), а потому, как частенько в таких случаях бывает, меж ними царило нездоровое соперничество: интриги, грызня, конкуренция. Что делу только мешало. Ну, а поскольку, как уже не раз подчеркивалось, времена стояли патриархальные, то в самом начале войны, посреди всеобщей неразберихи за линию фронта к южанам отправился в роли тайного агента сам Бейкер. Вооружившись громоздкой фотокамерой, он под видом бродячего фотографа принялся бродить по южным тылам. В конце концов его все же арестовали и посадили, но улик не нашли. Вскоре в камеру к Бейкеру явилась с религиозными брошюрками юная очаровательная особа и поведала шепотом, что собирается вскоре пробраться тайком к северянам — так не нужно ли кому-нибудь там что-то серьезное передать?

Бейкер сыграл дурачка — и правильно сделал, как позже выяснилось: эта очаровательная молодая особа звалась Белл Бойд... В конце концов — патриархальщина! — дошло до того, что Бейкера взялся допрашивать сам президент Дэвис, но тот преспокойно выдал себя за уроженца Теннесси, простачка от сохи, а когда южане отыскали жителя того самого города, за уроженца которого Бейкер себя выдавал, Бейкер, ухитрившись подслушать фамилию «земляка», кинулся к нему с объятиями и задурил голову так, что тот подтвердил: ну как же, как же, наш парень...

Бейкер пережил на Юге еще массу приключений, собрал немало ценной информации и вернулся на Север, после чего и стал главой одной из секретных служб (где, как уже говорилось, параллельно с ловлей вражеских агентов занимался «крышеванием» коммерсантов и вульгарным рэкетом).

Одним из лучших разведчиков Пинкертона оказался рядовой солдат Дейв Грэхем, под видом мелкого торговца действовавший в тылах южан (однажды он даже взорвал склад боеприпасов), — этот парень настолько хорошо умел изображать эпилептика, что пару раз вводил в заблуждение и опытных врачей.

Зато другого ценного агента, Уэбстера, погубил именно Пинкертон — своей торопливостью. Уэбстер, талантливый контрразведчик, раскрывший немало тайных организаций южан на Севере, однажды расхворался, от него долго не было вестей — и разнервничавшийся Пинкертон отправил к нему двух связных. Связные действовали так топорно, что сразу себя выдали — а потом, спасая себя от виселицы, «заложили» Уэбстера, коего и отправили на виселицу...

Целый роман можно написать и о северном агенте Филиппе Хенсоне, который по заданию северян проник в разведслужбу южан и долго на манер Штирлица служил агентом-двойником, был в конце концов арестован, выдержал допрос у самого генерала Ли, ничем себя не выдал и

дождался прихода федеральных войск. Южане его справедливо считали самым опасным шпионом Севера...

Особо следует подчеркнуть: почти все эти люди, и северяне, и южане, работали не за деньги, а за идею — и многие из них за эту идею, не дрогнув, отправились на виселицу.

Были и *другие* — тоже служившие идее, но идея эта была довольно-таки гнилой. Я имею в виду многочисленную революционную сволочь, набежавшую в северную армию. Вот к *этим* никакого уважения не испытываешь, очень уж гнусная была публика...

Однако без рассказа о ней не обойтись.

Глава десятая

ЛЮДИ СО СТОРОНЫ

Худшее правительство — как правило, самое высоконравственное.

Г. Л. Менкен

1. Семь пар нечистых

Поскольку эта глава, в общем, не только об «идейных» чужеземцах, оказавшихся участниками Гражданской, а обо *всех* иностранцах, вовлеченных в войну, то начать следует с народа совершенно безыдейного.

С наемников. Об этом как-то подзабылось, но значительную часть северной армии составляли европейцы, нанятые, как в Средневековье, за несколько монет. Уже в августе 1862 г. все американские дипломаты в Европе получили от государственного секретаря Сьюарда инструкцию о вербовке наемников. И рьяно принялись за дело. В США потянулись немцы, итальянцы, ирландцы, поляки, венгры и прочие граждане европейских держав. Сколько их в федеральной армии насчитывалось, мне точно неизвестно, но американский автор употребляет определение «сотни тысяч» (149).

Часть из этих «кондотьеров» наверняка искала приключений и добычи — но скорее всего, очень малая. В Европе простому народу тогда жилось голодно и безземельно (особенно ирландцам, против которых Британия устроила настоящий геноцид), так что американские обещания для них были манной небесной: обмундирование, обувка, жалованье, а после войны — земельный участок. Для европейского бедняка приманка нешуточная. А то, что могут убить... Каждый всегда надеется, что убьют не его, а соседа.

Для северного командования эти солдаты были прямотаки находкой — совершеннейшие чужаки в Штатах, не имеющие тут ни родных, ни знакомых, не знающие даже здешнего языка. И с дисциплиной у них не в пример лучше, чем у необузданных, вольных янки, и, что еще существеннее, они не способны поддаться на агитацию противника и уж безусловно не проникнутся к противнику сочувствием. Надежнейшее пушечное мясо. Смело можно предположить, что именно от этих чужаков и шло больше всего зверств, грабежей и насилия, именно им можно было поручать самые грязные дела: в *нашу* Гражданскую особой лютостью отличались как раз латыши, китайцы и прочие разноплеменные «интернационалисты», которых с коренным населением ничегошеньки не связывало...

Горький парадокс в том, что северяне не сами это придумали, а попросту позаимствовали эту идею у англичан. В свое время, когда началась американская революция и Война за независимость, практичные британцы решили использовать иностранных наемников. Россия и Пруссия отказались за деньги поставлять своих солдат, тогда упрямые милорды *купили* примерно тридцать тысяч солдат в мелких германских княжествах, главным образом в Гессе-

не. Денег потрачено было много, но особенных ратных подвигов немцы не показали, разве что печально прославились безудержным мародерством в старом добром европейском стиле. *Нынешние*, иностранцы на службе у федералов, надо полагать, вели себя не лучше. Легко догадаться, что командование их швыряло в мясорубку первыми (сдохнут — Европа большая, можно еще прикупить) — и никто им благоразумно не объяснил, что обещанный земельный надел сплошь и рядом придется потом отбивать у индейцев, потому что это исконные земли краснокожих...

Сомневаюсь, что есть точная статистика, сколько из этих бедолаг погибли или остались калеками и сколь ничтожный процент из них все же сподобился получить клочок земли (известно ведь, что и из жаждавших своей землицы коренных американцев далеко не все такое счастье получили).

Теперь — об идейных. На протяжении всей войны (да и потом) Север пользовался особенной любовью того самого революционного сброда чуть ли не из всех европейских стран: Север ведь был «прогрессивным» и вел «освободительную» войну...

Девятнадцатый век дал миру явление совершенно новое и прежде практически не встречавшееся: профессионального революционера. Субъект этот был подлинным интернационалистом (кстати Марксов «Интернационал» уже существовал) — он не замыкался на своей родине, а носился по всему миру, как собака с консервной банкой на хвосте, кидаясь в любую «революцию», ничуть не удручаясь незнанием языка и местных реалий. Главное, это была революция — священное ремесло...

По всей видимости, с ними происходило то же самое, что нередко случается с людьми, отвоевавшими в какой-

нибудь горячей точке: человек уже не в состоянии перейти к мирной жизни, он мотается по всем заварушкам, какие только вспыхивают, — и ведь счастлив...

Впервые с этим явлением столкнулись во времена Великой французской революции, когда во Францию нахлынули иностранные борцы за «свободу, равенство и братство». Фигуры, как правило, были весьма жутковатые, вроде прусского барона Клоотца, раздававшего направо и налево визитки, где пониже его имени стояло: «Личный враг Иисуса Христа», или теоретика террора швейцарца Марата (по многим косвенным данным, к тому же еще и английского агента). А в рядах штурмовавших Бастилию обнаружился молодой русский граф Строганов, юноша из приличной семьи, никогда ни в каком бунтарстве не замеченной. Впрочем, в последнем случае причины были чисто романтические: молодой граф по уши влюбился в дорогую проститутку Теруань де Мирекур и, когда его пассия подалась в революцию, поспешил следом...

К середине девятнадцатого века профессиональные революционеры, можно сказать, сформировались как класс и представляли собой довольно многочисленную банду. Огромную роль в этом сыграл один-единственный человек — итальянец Джузеппе Мадзини, персона крупная и во многом до сих пор загадочная.

Упомянутый синьор, бежав в Лондон после провала организованного им в Италии мятежа, чуть ли не сорок лет неутомимо разжигал революционное движение по всей Европе. Именно он создал целую охапку революционных организаций: «Молодая Италия», «Молодая Польша», «Молодая Скандинавия», «Молодая Швейцария», «Молодая Германия», «Молодая Франция», «Молодая Ирландия». Интересно, что никакой «Молодой Англии» так и не по-

явилось — а потому давным-давно нашлись циники, открыто утверждавшие, что синьор Мадзини был вульгарным агентом английской разведки, всегда заинтересованной в том, чтобы в Европе было побольше разлада, неразберихи и смуты...

Все эти организации существовали отнюдь не на бумаге и не ограничивались пылкими речами в пивнушках: постоянно куда-то прокрадывались тайные агенты, то и дело в разных концах Европы вспыхивали мятежи, случались покушения на монархов и министров, взрывались бомбы, появлялись баррикады. Учитывая, что эмигрант Мадзини был беден, как церковная мышь, но тем не менее как-то ухитрялся почти сорок лет баламутить чуть ли не всю Европу, начинаешь верить тем, кто твердит об английских денежках и английских интригах.

По большому счету, толку от всей этой «молодежи» не вышло никакого. Быстрее всех самораспустилась «Молодая Скандинавия» — тамошние флегматичные парни не выказывали особенного желания швырять бомбы и бегать с вилами по баррикадам, так что дело вскорости незаметно заглохло. «Молодая Швейцария» что-то такое делать пыталась — но кончилось все не «народной революцией», а гражданской войной 1847 г. между католиками и протестантами. Мадзини, мелочностью не страдавший, организовал еще и «Молодую Персию». «Молодые персюки» были народом горячим и взялись с размахом, провозгласив во всеуслышанье, что от ислама надо вернуться к древнему зороастризму, а с женщин снять паранджу. Но тут персидский шах (нужно отметить, при поддержке многих подданных, которым столь сатанинские новшества пришлись не по душе) распорядился переловить всех смутьянов и поотрубать им головы. Так и поступили — после чего Персия чуть ли не на сто лет успокоилась...

Крупных удач, повторяю, за революционерами не числилось — но по всей Европе долгие годы *тлело*: мятежи, взрывы и покушения, осевшая в безопасных заграницах революционная эмиграция, и кровь, кровь, кровь... Сформировалась каста — и многие из этих субъектов, когда начинало припекать, как раз и оседали в США, в которых видели «идеал свободы и демократии».

Вот вам, так сказать, типичный представитель: датчанин Харро Хэрринг. После того как ему не удалось поднять на бунт своих аполитичных земляков, наш непоседа засветился во время греческого восстания против турок (1821), участвовал в польском восстании (1830–1831), потом подался в Америку и там воевал в каких-то ныне позабытых заварушках с целью создать Соединенные Штаты Латинской Америки. А параллельно активнейшим образом работал у Мадзини в «Молодой Германии», «Молодой Италии» и откровенно агонизирующей «Молодой Скандинавии». Когда во многих странах Европы ненадолго все же *полыхнуло*, маячил то там то сям, перепархивая из одной державы в другую, что твой Карлсон...

Еще один неугомонный — поляк Михал Чайковский. Участвовал в польском восстании 1831 г., потом был французским тайным агентом в Стамбуле, потом ненароком принял ислам и перешел на службу к туркам, во главе так называемых «султанских казаков» воевал против русских в Крымскую кампанию. Через двадцать лет столь же неожиданно перепрыгнул из ислама в православие и поселился в России, где обзавелся имением (подобные финты позволяют думать, что ясновельможный пан работал еще и на русскую разведку). Покончил жизнь самоубийством — есть у меня стойкие подозрения, попросту не перенеся спокойной жизни, к которой был органически неспособен...

И господ с подобными биографиями по Европе слонялось видимо-невидимо. И многие из них, когда началась Гражданская война в США, тут же кинулись под северные знамена — защищать «прогресс» и «освобождение негров»...

В 1819 г. в Мангейме ужасно прогрессивный и свободомыслящий немецкий студент Карл Занд убил ножом известного писателя и историка Коцебу. Кое-где до сих пор попадается утверждение, что благородный юноша таким образом покарал «русского шпиона», — но на самом деле Коцебу не имел ничего общего со шпионажем, то есть кражей государственных и военных тайн. Он просто-напросто регулярно составлял для Санкт-Петербурга своеобразные сводки о новинках немецкой литературы и настроениях в обществе — совершенно открыто, о чем каждая собака знала...

Дело в том, что Коцебу считался «реакционером» — он даже написал имевшую успех у публики комедию, высмеивающую всех этих революционеров, «прогрессистов» и прочих путаников. За что и поплатился. Сначала, в 1817 г., «революционное студенчество» устроило костер из книг «реакционеров», в том числе и трудов Коцебу (а вы что же, полагали, что это только при Гитлере немцы додумались сжигать «неправильные» книги?), а потом, как чертик из коробочки, выскочил восторженный юноша с ножиком в кармане...

Немецкая полиция отчего-то полагала, что за этим убийством стоит разветвленный заговор двух экстремистских организаций — «Черные» и «Безусловные». Как удалось установить, каждый член этих милых кружков по интересам обязан был носить под одеждой «освященный клятвой» кинжал, а планы у них были грандиозные: от провозглашения республики до убийства русского императора Александра I...

Радикалов тогда же основательно прижали и принялись гонять по всем германским государствам, отчего на четверть века воцарилось спокойствие. К чему я это упомянул? Да дело в том, что главарь «Черных» и «Безусловных» Карл Фоллен, без кинжала и по нужде не ходивший, сбежал в США, где вскоре обнаружился среди самых рьяных аболов...

В федеральной армии было немало немцев, бывших участников германских революций 1848 г., причем они не в атаку с винтовочкой ходили — Карл Шурц дослужился до генерал-майора, его приятель Виллих — до бригадного генерала, а их собрат по революции Вейдемейер, большой друг Маркса, командовал военным округом. (Вейдемейер и заправлял «Союзом коммунистов», предшественником Марксова «Интернационала»). Их коллегу Зигеля «отдельные реакционеры» долго и упорно обвиняли в том, что он, будучи генералом северян, массово расстреливал пленных южан. Учитывая, с каким великолепным презрением революционеры относились к идейным противникам, которых и за людей не считали, в этих обвинениях не видится никакой клеветы...

Перечислить всех «бешеных» иностранцев, вставших под федеральные знамена, попросту невозможно — столько их было. Немцы, поляки, венгры, итальянцы, по которым у них дома веревка плакала...

Пытался было повоевать под знаменами Севера и знаменитый Джузеппе Гарибальди, у которого к тому времени было за спиной двадцать лет войн в Аргентине и Бразилии и участие в объединении Италии. Однако северянам скрепя сердце пришлось все же отказаться от услуг столь крупного специалиста: синьор Джузеппе, надо отдать ему должное, был невероятным романтиком-идеалистом и всерьез полагал, что вся каша заварилась из-за «стенающих

негров». Очень уж известный был человек — и весьма строптивый, поди пойми, как он себя поведет, когда обнаружит, что война против Юга что-то очень уж не похожа на благородную. Так что госсекретарь Сьюард отписал ему открытым текстом: «Вопрос об единстве Союза не связан с вопросом об уничтожении невольничества», — и в Штаты не пустил. Рядовых гарибальдийцев, правда, как людей обстрелянных и опытных, на службу зачисляли — но держали под присмотром.

В рядах северян браво разъезжал и француз Клюзере, личность чрезвычайно мутная и путаная. Сначала он, будучи в рядах французской армии, подавлял парижское восстание 1848 г., за что получил крест. Отвоевав Крымскую кампанию, подался в США, где воевал на стороне федералов, потом связался с Гарибальди, в Ирландии пытался возглавить движение тамошних революционеров, но не преуспел. Во времена Парижской Коммуны занимал там видное положение, но потом был уличен в тайных переговорах с версальским правительством и из Парижа бежал (что интересно, версальцы тоже не стали его кормить пряниками, а заочно приговорили к расстрелу — намутил, надо полагать, немало...).

Одним словом, иностранных экстремистов, сбежавшихся со всей Европы, в рядах северян было столько, что российский посланник Стекль тогда же отписал в Петербург не самые приятные для Вашингтона слова: «Весь командный состав, не исключая окружения главнокомандующего, состоит из революционеров и авантюристов, которым здесь, кажется, назначено свидание со всех уголков земли» (62). Возможно, он и преувеличивал, но определенно немного...

Без наших соотечественников стройные ряды благородных северян тоже не обошлись...

Иван Васильевич Турчанинов

До генерал-майора у федералов дослужился Джон Турчин, он же Иван Васильевич Турчанинов — быть может, самая загадочная фигура Гражданской войны. Практически у всех ее участников можно отыскать мотивы, толкнувшие их к «синим» северянам или «серым» южанам: идеи и убеждения, деньги, наконец, мобилизация, против которой переть трудновато. В случае Джона Турчина все окутано совершеннейшим туманом. Абсолютно невозможно установить, за каким чертом его на эту войну понесло...

И. В. Турчанинов родился в области Войска Донского, в семье офицера. Потомственный дворянин, профессиональный офицер, закончил Николаевскую Академию Генерального штаба, потом служил в гвардии, дослужился до полковника. На Крымской войне не был. Служака аккуратный, исправный, но ничем не примечательный, ничем не отличившийся. Честно говоря, посредственность.

В 1856 г. гвардии полковник Турчанинов, как описывали советские историки, «бежал из царской России, будучи противником самодержавно-крепостнического строя», — а потом якобы в Лондоне встретился с Герценом и получил от того духовное напутствие: мол, на бой кровавый, святой и правый...

Все это выдумки чистейшей воды, вызванные желанием отыскать еще одного «борца»: тут вам и диссертации, и книги, и материальные блага... На самом деле, как выяснилось позже, в отечественных архивах не ра-

зыскано ни словечка, ни полстрочки о каких бы то ни было симпатиях полковника к революционерам, демократам и прочей подобной публике. Да и достоверных свидетельств его встречи с Герценом пока отыскать не удалось.

И наконец, Турчанинов из России вовсе не «бежал» — он уехал за границу официальнейшим образом, согласно прошению об отпуске для лечения. Другое дело, что в положенный срок он в Россию не вернулся и, согласно строгим военным уставам, был «исключен из службы за долговременное неприбытие из отпуска с дальнейшим преданием военному суду после розыска». Что опять-таки ничего общего с «преследованием за диссидентство» не имеет — таковы уж были суровые статьи тогдашних уставов...

В Штатах Турчанинов несколько лет работал инженером-топографом в управлении Иллинойской центральной железной дороги, помаленьку фермерствовал — а потом закрутило: через два месяца после начала военных действий он уже командир полка волонтеров, потом командир бригады, дивизии, кавалерийского корпуса. В 1864 г. ушел в отставку по болезни, работал в Патентном бюро Чикаго, вновь инженером-топографом...

Зачем? Решительно непонятно, почему благополучный полковник (ну не мог же он знать заранее, за пять лет, что грянет война!) стал «невозвращенцем»? Почему он пошел на войну, еще более-менее понятно: быть может, просто не навоевался (он участвовал в венгерском походе 1848-го, но в Крымской кампании не воевал и, возможно, получил некий комплекс неполноценности?). Загадка на загадке...

Кстати, благодарный Север поступил с Турчаниновым, как и со многими другими энтузиастами, немало сделав-

шими для победы «северного дела»: военную пенсию, которую Джон Турчин годами выпрашивал у военного ведомства, ему назначили только за полгода до смерти (последовавшей в государственной больнице для душевнобольных) (120).

Гораздо больше определенности с другим русским эмигрантом, воевавшим у северян, Струве. Стекль в одном из сообщений называет его российским подданным, «который в 1848 г. участвовал в германской революции». Еще один пламенный революционер...

Вообще считается, что на стороне северян воевали в Гражданскую около сотни русских — но скуднейшие сведения имеются только о девяти. О русских в рядах южан я пока сведениями не располагаю.

Не зря говорится: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Так вот, рубите мне голову, но очень уж многозначительным симптомом является то, что среди симпатизирующих северянам столько откровенной сволочи. Дело не во флагах и лозунгах, а в людях, которые под этим флагом собираются и эти лозунги подхватывают. В том-то и беда, что публика из числа сторонников северян буквально через одного состоит из субъектов... как бы это поделикатнее выразиться... очень уж специфических.

Вышеназванными дело не ограничивается. Вот вам еще один симпатизант Севера — отец международного анархизма Михаил Бакунин. Фигура, безусловно, жутковатая, теоретик, оказавший, увы, нешуточное влияние на будущих экстремистов всех мастей и расцветок...

Вот взгляды Бакунина в кратком изложении — почерпнутые из весьма расположенного к нему источника (45).

Главное зло на этом свете — от эксплуататорского государства. Поэтому восставший народ обязан в сжатые

сроки разрушить до основания *всё*, что составляет понятие «государство»: не только армию, полицию, тюрьмы, но и церковь, парламент и прочие муниципалитеты, суды, банки, учебные заведения, сколько их ни есть, а также государственные учреждения, сверху донизу, от совета министров до захудалой почтовой конторы. Дочиста, одним словом. Архивы — все до единой бумажки — следует истребить, конфисковать все государственное имущество, а также имущество всех «реакционеров» (кто будет определять степень реакционности данного индивидуума, у Бакунина выписано достаточно невнятно).

После этого, по Бакунину, и начнется райская жизнь: освобожденный народ добровольно и с песнями собьется в некие «общины», а чтобы воцарилась полная демократия, абсолютно всех чиновников, всех госслужащих, от министра до последнего почтмейстера, полагается выбирать всеобщим, равным и тайным голосованием. Тогда-то уж точно не будет ни бюрократии, ни угнетения человека человеком...

Бакунин прекрасно понимал: если каким-то чудом где-нибудь такая община и возникнет, то ее, погрузившуюся в хаос, быстренько раздербанят соседи, и поэтому выдвинул достаточно стройную, надо сказать, программу *мировой* революции: всякая община будет распространять революцию за свои пределы, пока не охватит весь земной шар, за исключением Антарктиды...

Прежняя семья, между прочим, упраздняется: всякий свободный мужик без бюрократических проволочек может спать с любой свободной бабой — а детей, буде народятся, изымает общество и воспитывает настоящими революционерами.

Это была, конечно, абсолютно нежизнеспособная утопия, которую невозможно провести в жизнь, — но она

привлекла немало народу. Еще и оттого, что Маркс возлагал все надежды на пролетариат (а крестьянство полагал едва ли не стадом животных), а Бакунин, наоборот, к пролетариату относился не особенно и душевно, считая его элементом для революции потерянным: у кого-то домишко, у кого-то — денежки в чулке, у кого-то — обеденный сервиз, комод с занавесочками и самогонный аппарат. Обросших барахлишком пролетариев трудновато будет уговорить все развалить. По Бакунину, самым что ни на есть революционным элементом были как раз всевозможнейшие уголовники, маргиналы, безработные и конокрады: во-первых, этим-то терять абсолютно уж нечего, а во-вторых, у многих из них есть бесценный для мировой революции опыт резать глотки и отрывать рукиноги... В общем, тому, кто вздумает познакомиться с этим кровавым бредом поближе, ничего не стоит разыскать объемистый том Бакунина, изданный совсем недавно (10).

Один характерный пример из Бакунина: поскольку свобода все же высшая ценность, то всякий, осужденный по новым законам революционной общины, имеет право этому наказанию не подчиниться, если заявит, что он не признает ни общины, ни ее законов. Правда, община в случае рецидива имеет право прикончить осужденного, как собаку — свобода, полная и законченная.

Во что превратится человечество, руководимое *такими* законами, читателю предоставляется судить самому.

Но как бы там ни было, идеи Бакунина привлекли многих — и по всему миру загрохотали бомбы, загремели выстрелы, полилась кровь. Идеи Бакунина в той или иной степени стали всплывать в программах самых разных революционных партий, по всем континентам. Скажем, большевики, когда рвались «превратить империалистическую войну в гражданскую» и выступали за поражение России в войнах с внешним противником, руководствовались как раз почерпнутым у Бакунина тезисом: революционер, или «интернациональной брат», как выражался Бакунин, «не должен быть патриотом, а если его отечество выступит против свободы и справедливости, обязан выступить против своего отечества». Даже *сегодня* по всему миру немало «фронтов» и «религий», которые своим пророком считают как раз Бакунина...

Так вот, именно этот субъект с большим воодушевлением выступал сторонником «прогрессивного Севера». В чем был отнюдь не оригинален. Просматривается четкая закономерность: все революционеры, нигилисты, анархисты, радикалы, коммунисты, бунтари и просто «прогрессивная публика» были горячими сторонниками Севера. Как говорится, «всякий интеллигентный человек обязан...» В данном случае — обязан поддерживать прогрессивный Север и клеймить позором «реакционный Юг»...

Север тоже не оставался в долгу: кукушка хвалит петуха... Точно так же и американские радикалы, «бешеные», социалисты, экстремисты, в свою очередь, разражались восторженными аплодисментами по адресу любой европейской кровавой заварушки, если она была «прогрессивной». Один из виднейших аболиционистов-пуритан Уэнделл Филлипс писал: «Люди, возглавляющие Коммуну (речь идет о Парижской Коммуне. — *А. Б.*), являлись самыми выдающимися, самыми чистыми и благородными патриотами Франции». «Я глубоко чту Париж как авангард Интернационала всего мира» (257).

Ему вторил довольно крупный ученый Льюис Генри Морган, этнограф, археолог и историк (по совместительству — один их духовных отцов «борьбы с реакционным

Югом»): «Я нисколько не сомневаюсь в том, что Коммуна, принципы, цели, действия, составляющие ее историю, были несправедливо осуждены, потому что не были правильно поняты... Они были, в основном, честными людьми, имевшими патриотические цели, насколько я мог понять их движение. Версальскому собранию следовало бы сделать уступки такой многочисленной и сильной организации французов, какой показала себя Коммуна».

Словеса-то каковы! А что на деле? А на деле все выглядело следующим образом: парижская чернь, состоявшая главным образом из всевозможных уголовников, под руководством кучки патологических садистов (и примкнувших к ним «революционеров» чуть ли не со всей Европы) захватила столицу Франции и ухитрилась продержаться семьдесят два дня. За это время они перебили массу ни в чем не повинных людей, разрушили множество исторических зданий, вообще развалили все, до чего смогли дотянуться. У всей остальной Франции эта сомнительная инициатива не нашла поддержки (если не считать кратковременного бунта марсельской портовой шпаны, который быстро придушили), обосновавшееся в Версале правительство никаких «уступок» делать, естественно, не собиралось. Оно просто-напросто подняло армию — и французские крестьяне в солдатских шинелях достаточно быстро с парижской гангреной покончили...

Но и тут, повторяю, вовсю грохотало братание: американские «прогрессисты» с Севера восторгались Парижской Коммуной, а вожди последней немало приятных слов говорили о «заокеанском форпосте свободы и демократии».

Угодно несколько портретов главарей Коммуны?

Жюль Алликс, журналист и педагог (!). После разгрома Коммуны отправлен в психиатрическую больницу, где

проторчал пять лет. Учитывая, что при подавлении мятежа победители стреляли мятежников, как бешеных собак, особого гуманизма не проявляя (а зачем?!), товарищ Алликс должен был быть и в самом деле редкостным шизофреником, раз его не поставили к стенке, а отправили в клинику...

Станислас Бланше (псевдоним, настоящая фамилия — то ли Паниль, то ли Пуриль). Бывший монах ордена капуцинов, потом бизнесмен и злостный банкрот, потом полицейский чиновничек и, наконец — активный деятель Коммуны. В конце концов самими же коммунарами за что-то посажен на нары, но ухитрился смыться и от революционного правосудия, и от взявших Париж правительственных войск.

Эмиль Клеман, сапожник. Член всевозможных тайных революционных обществ с двадцатилетним стажем, активный деятель Коммуны — вот только потом обнаружились полицейские документы, из которых следовало, что «коммунар» все эти годы был стукачом.

Жарль-Жозеф Ледруа. Бывший каторжник с приличным уголовным стажем...

Рауль Риго, «прокурор» Коммуны. Арестовывал и расстреливал священников как «реакционеров», брал в заложники родственников и даже друзей «версальцев». Крайне возмущался торжественным уничтожением на площади гильотины, считая, что этот инструмент Коммуне необходим, как воздух...

И наконец, Гюстав Флуранс, личность выдающаяся даже на фоне этого зверинца. Сын видного ученого-физиолога. В 1863 г. поехал было воевать за «свободу Польши», но чем-то ему польские повстанцы не приглянулись, и пришлось вернуться в Париж. Потом объявился в Стамбуле, где издавал газету, защищавшую греческих

повстанцев* (а заодно пропагандировал самый оголтелый атеизм). «Зверообразные» турки отчего-то ограничились исключительно тем, что газету прикрыли, а французского посла вежливо попросили убрать своего соотечественника куда-нибудь подальше.

Флуранс перебрался в Грецию, где так надоел своими политическими речами, что греки посадили его в тюрьму. Потом, правда, выпустили, и наш герой подался на Крит, где толкал пылкие речи партизанам. Потом он снова сидел в тюрьме в Афинах.

Вернувшись во Францию, совершенно серьезно пытался *в одиночку* свергнуть императора Наполеона III. Именно так и было: ворвавшись в редакцию некоей газеты, выхватив револьвер и обнажив «длинную саблю, которую всегда носил при себе» (хороши же были порядочки в тогдашнем Париже, если всякий интеллигент мог шляться с саблей на боку!), объявил, что «революция началась», а правительство «низвергнуто».

Французы — это французы. Диагноз такой. Вместо того чтобы надеть крикуну рубашечку с рукавами на спине, редакционный коллектив повалил на улицу следом за Флурансом, и революция началась. «Восставшему народу» удалось обезоружить аж двух солдат и арестовать одного полицейского комиссара, но дальше дело застопорилось: мятежную толпу разогнали даже не регулярные армейские части, а муниципальные гвардейцы (нечто вроде наших дружинников, только вооруженные еще и ружьями).

Флуранс бежал в Лондон, где подружился с Карлом Марксом. Последний был невысокого мнения о французских политэмигрантах, которых ласково именовал «вся здешняя французская революционная челядь», но для Флуранса сделал исключение. Тем более что Флуранс был большим приятелем дочки Маркса Женни (которую, как говорят романтики, учил журналистскому делу, а циники, по своему обыкновению, уверяют, что этим учеба не ограничивалась).

* Греция тогда уже была независимой, но остров Крит еще принадлежал Османской империи и был одной из тогдашних горячих точек, куда охотно стекалось развеяться разноплеменное революционное отребье.

В тихом филистерском Лондоне было скучно, и Флуранс подался назад во Францию, где снова попытался свергнуть императора, собираясь, как он сам писал: «В одну из ночей овладеть дворцом Тюильри с помощью некоторых знакомых людей в самом дворце; мощными взрывчатыми приборами, предоставленными наукой в распоряжение угнетенных, раздавить бонапартистов в случае их попытки сопротивляться; смелым набегом парализовать всех вооруженных защитников тирана — и с помощью нескольких человек, обладающих необычайной энергией, освободить от цепей великий народ».

На бумаге оно было красиво — но в жизни не нашлось ни мощных взрывчатых приборов, ни даже нескольких человек — и Флуранс вновь отправился в Грецию, где снова толкал речи и призывал к революции.

Греки по уже сложившейся традиции собрались было вновь упрятать надоедливого визитера в тюрьму, но тут в Париже грянула долгожданная «революция». Флуранс моментально туда помчался. В пути, правда, случилась досадная задержка, какие-то бдительные провинциалы приняли странного проезжего за прусского шпиона, но неугомонный Флуранс ухитрился как-то передать весточку в Париж, и его срочно выпустили.

В Париже он предложил тогдашнему правительству национальной обороны (Коммуны еще не было) план «всеобщего восстания в Европе»: постройка баррикад в Бер-

лине и Вене, провозглашение республики в Италии, революционное восстание в Англии, и так далее, и так далее, вплоть до Гренландии...

Правительство от его услуг отказалось вежливо, но твердо. Отдельные здравомыслящие министры предлагали даже кликнуть врача, но как-то обошлось, прожектера отпустили восвояси. И зря — он тут же попытался устроить бунт стрелковых батальонов против «недостаточно революционного правительства», был арестован, освобожден толпой, где-то скрывался. Тут грянула Коммуна, и Флуранс взлетел на самые верхи...

Кончил он, правда, плохо — кинулся командовать вылазкой, пышно именовавшейся «атакой на Версаль». Сорок тысяч человек, распевая «Марсельезу», выступили в поход, но, столкнувшись с регулярными войсками версальского правительства, бросились врассыпную. Прятавшегося в каком-то трактире Флуранса отыскали жандармы и тут же пристрелили...

Большую симпатию к «делу Севера» питал и небезызвестный Ярослав Домбровский, еще один «интернациональный брат». Этот субъект, поляк по происхождению, сделал в армии Российской империи неплохую карьеру, закончив даже Академию Генерального штаба, но потом стал активным членом тайного офицерского кружка в Петербурге. Кружок выявили, членов пересажали не только как заговорщиков, но и нарушителей воинской присяги (в скобках: вообще-то среди поляков, ставших офицерами империи, процент изменников во время двух польских восстаний был ничтожен — убеждения убеждениями, а честь и присяга превыше всего, так они полагали). Домбровскому удалось бежать, он обосновался во Франции, во времена Коммуны стал «генералом» и был убит в какой-то стычке. Лет за шесть до того он

написал не то что статью, а толстую книгу о «прогрессивной освободительной войне Севера против реакционного Юга» (97, 131).

Вообще, русские революционеры на флаг «прогрессивного Севера» разве что не молились. Заокеанскую «цитадель демократии» они обожали со всем пылом. В мемуарах виднейшего деятеля «Народной воли» Н. А. Морозова есть любопытный эпизод. Во время его очередной тюремной отсидки как раз случился столетний юбилей США, или, по выражению самого Морозова, «сто лет американской свободы», «столетняя годовщина великой заатлантической республики». Заключенные — революционер на нигилисте — решили это отпраздновать. В честь «мирового торжества» смастерили кучу американских флажков.

«И вот, когда наступил день американской свободы, из всех закованных железными решетками окон огромной темницы русских политических узников, из всех их камер, расположенных тесно, как пчелиные соты, заколыхались по ветру звездные республиканские знамена великой федерации Нового Света!.. «Великая заатлантическая республика, — говорил во мне торжествующий голос. — Вот и из нашей России прислан тебе привет!» (112).

Подозреваю, отсюда и берет начало та нерассуждающая, слепая, право же, патологическая влюбленность в «великую федерацию Нового Света», которой маялась российская интеллигенция, что прежняя, что перестроечная. Горький парадокс в том, что буквально в то самое время, когда сияющие русские народники махали из окошек американскими флажками, в самих США горько разочаровались и в «американской демократии», и в Гражданской войне иные ее активнейшие участники со стороны северян (подробнее об этом чуть позже...)

Все это — цветочки. Психические завихрения отдельных революционных личностей. Сами по себе они были фигурами все же мелкими, второразрядными. Ягодки вызрели тогда, когда симпатии к «прогрессивному Северу» открытым текстом стали выражать зубры, корифеи, основоположники...

Речь наконец пойдет о Карле Марксе — который в те времена не то что не был воплощен в граните, бронзе, мраморе и золоте, но подавляющему большинству человечества был неизвестен вовсе. Поскольку был всего-навсего одним из множества забавных эмигрантов, которыми Лондон набит, как селедка икрой. Пописывал статеечки, собирал материал для книги под названием «Капитал», спал со своей служанкой и страдал от лютого безденежья, спасаясь лишь подаяниями сердечного друга Фридриха Энгельса. (Кстати, это безденежье позволяет все же полагать, что Маркс, в отличие от того же Мадзини, с английскими секретными службами шашней не водил и ими не финансировался. Чего не было — того не было. А впрочем, для тогдашних английских спецслужб Маркс был фигурой неинтересной и малоценной, которую нельзя использовать для сиюминутных практических целей, в отличие от более перспективного Мадзини, устраивавшего реальные заварушки по всей Европе).

Вообще, в Лондоне накопилось превеликое множество революционных иммигрантов чуть ли не всех наций. И меж собой вся эта малопочтенная публика грызлась, словно бродячие псы из-за случайной косточки. О чем с превеликим сокрушением пишет человек в этих вопросах безусловно компетентный, А. И. Герцен (137).

Итальянцы собачились с поляками: первые любили ввернуть где надо и не надо, что именно Италия — светоч для революционеров всего мира, образец, пример. Вторые со всем шляхетским пылом кричали, что макаронники слишком высоко себя ставят и всемирным светочем является как раз Польша. Попутно поляки при любом удобном случае демонстрировали презрение к русским революционерам: хоть и революционеры, а все равно русские, пся крев... Русские очень обижались — они-то со всей душой...

Маркс с Бакуниным друг друга не переваривали изначально. Особенно Маркс. Дело тут было не только в глубочайших теоретических разногласиях. Бакунин был ярок, а Маркс — скучен. Оба участвовали в германской революции 1848 г., но Бакунин после ее подавления два года сидел в германской тюрьме, потом еще четыре — в русской, бежал из сибирской ссылки, совершил кругосветное путешествие. Маркс же, изгаанный из Германии, долгие годы вел скучнейшую жизнь обитателя лондонской окраины. И писания его для тогдашней пылкой молодежи казались чертовски нудными: сотни страниц, набитых схемами и диаграммами, экономическими выкладками, занудными рассуждениями о «пролетариате»... Меж тем Бакунин на незрелые умы действовал гораздо более магнетически: гремел кандалами, бежал из Сибири, призывал резать, жечь и крушить, уверял, что всякому найдется место в этой вселенской заварушке! Герр Карл на фоне Бакунина смотрелся уныло...

В отместку он распространял о Бакунине (вообще обо всех своих соперниках) гнуснейшие слухи. Даже обычно сдержанный Герцен (которого Маркс несказанно допек) немало высказал в адрес «шайки непризнанных немецких государственных людей, окружавших неузнанного гения первой величины, Маркса». «Они из своего неудачного патриотизма и страшных притязаний сделали какую-то

Hochschule* клеветы и заподозревания всех людей, выступавших на сцену с большим успехом, чем они сами».

Действительно, Маркс, глазом не моргнув, печатно объявил в издаваемой им газетке, что Бакунин — русский шпион. Якобы известная французская писательница Жорж Санд слышала от своего знакомого Ледрю-Роллена, что он, когда был министром внутренних дел, самолично видел в архивах соответствующие бумаги. Тут уж возмутились даже те, кто к Бакунину дружбы не питал и взглядов его не разделял. Запросили Жорж Санд — и та тут же откликнулась, сообщая, что Бакунина очень уважает, а разговора с Ледрю-Ролленом у нее на подобную тему никогда не было. Получилось как-то неловко. Припертый к стенке Маркс неуклюже извернулся: поместил в своей газетке это письмо с клятвенным заверением, что клеветническая заметка появилась в его отсутствие и он к ней никакого отношения не имеет (хотя все было как раз наоборот).

Но клеветать продолжал. Его ближайший тогдашний сподвижник, некий англичанин Урквард, помешался на «русском шпионаже», изрекая на полном серьезе, что русская дипломатия подкупила и завербовала чуть ли не *всех* ведущих государственных деятелей *всех* стран. И потратил долгие годы, чтобы «уличить» в работе на Петербург... английского премьер-министра Пальмерстона (пожалуй, самого ярого врага России за все девятнадцатое столетие). «Он об этом печатал статьи и брошюры, делал предложения в парламенте, проповедовал на митингах. Сначала на него сердились, отвечали ему, бранили его, потом привыкли. Обвиняемые и слушавшие стали улыбаться, не обращали внимания; наконец разразились общим хохотом» (137).

* Высшее учебное заведение, университет (*нем.*).

Однако Марксова компания при любом удобном случае выпускала вперед Уркварда, определенно скорбного на голову. Тот и рад был стараться: в «русских агентах» у него ходили и один из руководителей венгерской революции Лайош Кошут, и даже Мадзини. «Марксидов», как именует их Герцен, больше всего бесило то, что упомянутые Кошут, Мадзини и многие другие видные революционеры водят компанию как раз с Герценом, а их самих, скажем так, вежливо игнорируют... В одной из статеек мелькнула великолепная фразочка: «Герцен, *выдающий* себя за социалиста и революционера...» А далее чуть ли не открытым текстом утверждалось, что и Герцен, конечно же, тайный агент русской разведки.

Дело тут было не в личных симпатиях и антипатиях, а в идеологии. Всякое эмигрантское мероприятие, в котором не звали участвовать немцев, было, изволите ли видеть, контрреволюционным. Энгельс давным-давно выдвинул горячо полюбившийся Марксу тезис — нации, оказывается, бывают «революционные» и «контрреволюционные». «Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и теперь еще сохранили жизнеспособность: это — немцы, поляки и мадьяры. Поэтому они теперь революционны. Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны».

Это даже расизмом нельзя назвать — тут что-то другое. Нелишне напомнить, что Маркс, этнический еврей, антисемитом был лютым — поскольку в тогдашних евреях не усматривал ни капли «революционности» и для своих глобальных планов считал непригодными. К слову, именно из-за этого тезиса Бакунин и выступил открыто против

Маркса с Энгельсом, и произошел окончательный разрыв...

Но вернемся к Америке. В свое время Маркс с Энгельсом (хотя здравомыслящему человеку это и покажется диким) горячо одобряли нападение США на Мексику и захват половины мексиканской территории. Энгельс: «И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с ней сделать? И что плохого, если энергичные янки быстрой разработкой тамошних золотых россыпей умножат средства обращения, в короткое время сконцентрируют в наиболее подходящих местах тихоокеанского побережья густое население, создадут большие города? Конечно, «независимость» некоторого числа калифорнийских и техасских испанцев может при этом пострадать, «справедливость» и другие моральные принципы, может быть, кое-где будут нарушены, но какое значение имеет это по сравнению с такими всемирно-историческими фактами?»

И далее: «Конечно, при этом дело не обходится без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается...»

Точно так же Маркс объявил «исторически прогрессивными и полезными для этого времени завоеваниями» не только захват американцами половины Мексики, но и завоевание Британией Индии. Дело тут, как легко догадаться, не в кровожадности или английском золоте, коего в судьбе Маркса не прослеживается, а в железобетонных Марксовых теоретических построениях.

Мексика и Индия — страны отсталые. Пролетариата там — кот наплакал. Зато при англичанах в Индии и американцах в Мексике там разовьется промышленность, а с нею и пролетариат, который, по Марксу, являясь могильщиком капитализма, однажды и свершит социальную революцию... В логике отказать нельзя. Пресловутый «прогресс» ведет к несказанному размножению пролетариата, а уж тот, вещал Маркс, грозно тряся бородой, однажды всем покажет...

Так что нет ничего удивительного в том, что с началом Гражданской войны Маркс оказался горячим сторонником Севера. Все происходящее в его схемы укладывалось как нельзя лучше: завоевав «отсталый и реакционный» Юг, американцы там рано или поздно создадут развитую промышленность, а с ней и многочисленный пролетариат, каковой... см. выше.

В конце ноября 1864 г. в Белый дом Аврааму Линкольну ушло письмо Маркса, которое, думается мне, стоит привести целиком:

«Милостивый государь!

Мы шлем поздравления американскому народу в связи с Вашим переизбранием огромным большинством.

Если умеренным лозунгом Вашего первого избрания было сопротивление могуществу рабовладельцев, то победный боевой клич Вашего вторичного избрания гласит: смерть рабству!

С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно чувствовали, что судьбы их класса связаны со звездным флагом. Разве борьба за территории, которая положила начало этой суровой эпопее, не должна была решить, будет ли девственная почва необозримых пространств предоставлена труду переселенца или опозорена поступью надсмотрщика за рабами?

Когда олигархия 300 000 рабовладельцев (как мы видим, численность «олигархов» Маркс с великолепной небрежностью преувеличил в сотни раз. — *А. Б.*) дерзнула впервые в мировой истории написать слово «рабство» на

знамени вооруженного мятежа, когда в тех самых местах, где была провозглашена первая декларации прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века, когда в тех самых местах контрреволюция с неизменной последовательностью похвалялась тем, что упразднила «идеи, господствовавшие в те времена, когда создавалась первая конституция», заявляя, что «рабство — благодетельный институт, единственное, в сущности, решение великой проблемы отношения капитала к труду», и цинично провозглашала собственность на человека «краеугольным камнем нового здания», — тогда рабочий класс Европы понял сразу — еще раньше, чем фанатичное заступничество высших классов за дело джентри*-конфедератов послужило для него зловещим предостережением, — что мятеж рабовладельцев прозвучит набатом для всеобщего крестового похода собственности против труда и что судьбы трудящихся, их надежды на будущее и даже их прошлые завоевания поставлены на карту в этой грандиозной войне по ту сторону Атлантического океана. Поэтому рабочий класс повсюду терпеливо переносил лишения, в которые вверг его хлопковый кризис, горячо выступал против интервенции в пользу рабовладения, которой настойчиво добивались власть имущие, — и в большинстве стран Европы внес свою дань крови за правое дело.

Пока рабочие — подлинная политическая сила Севера — позволяли рабству осквернять их собственную республику, пока перед негром, которого покупали и продавали, не спрашивая его согласия, они кичились высокой привилегией белого рабочего самому продавать себя и выбирать себе хозяина, — они не были в состоянии ни добиться истинной свободы труда, ни оказать помощь своим европейским братьям в их борьбе за освобождение; но это препятствие на пути к прогрессу теперь снесено кровавой волной гражданской войны.

* Джентри — в Англии помещик, землевладелец.

Рабочие Европы твердо верят, что, подобно тому, как американская война за независимость положила начало эре господства буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса. Предвестие грядущей эпохи они усматривают в том, что на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы и преобразование общественного строя» (101).

В письме этом, конечно, немало блажи — во-первых, никто не уполномочивал бородатого пророка выступать от имени *всего* рабочего класса *всей* Европы. Эту почетную привилегию он сам себе присвоил. Во-вторых, рабочий класс в массе своей вовсе не «переносил терпеливо лишения», связанные с прекращением поставок хлопка в Европу. Массы, увы, никаким таким «классовым сознанием» не обладали, им попросту хотелось кушать. А потому английские ткачи, оставшись безработными, собирали многотысячные митинги, на которых без малейших подталкиваний со стороны южной агентуры и прочих «реакционеров» требовали послать в Америку английские войска и разнести Север — чтобы и дальше хлопок поступал беспрепятственно. Своя рубашка, знаете ли, к телу ближе. Когда жена и дети просят есть, как-то не тянет слушать наставления марксистов о том, что сознательный пролетарий должен во имя классовой солидарности с пролетарием североамериканским малость поголодать...

С другой же стороны... Большой ошибкой было бы, поддавшись нынешней волне примитивной антикомму-

нистической пропаганды, представлять дело так, будто Маркс и его сторонники были кучкой авантюристов и отщепенцев. Ну не были они «кучкой», что поделать! В те времена левое, социалистическое движение размах приобрело нешуточный. Исторической объективности ради нужно отметить, что английские социалисты (к чему и Маркс был причастен) тоже собирали митинги в десятки тысяч человек, на которых вносились резолюции в поддержку Севера. Приведенное письмо — вовсе не единоличное творчество Маркса. Оно было написано Марксом от имени Центрального совета Международного товарищества рабочих и подписано, кроме Маркса, секретарями отделений Совета из пятидесяти шести стран (156). Согласитесь, к такому следует относиться внимательно: пусть даже в каждой стране выступавших под красным флагом марксистов было немного, все же это политическая сила, с которой уже в те времена следовало считаться...

Особенно такому трезвому и расчетливому политику, как Авраам Линкольн. Нет сомнений, что послание он прочитал очень внимательно. И нет также никаких сомнений в том, что *последний* абзац послания его удручил до крайности. Каково было Линкольну читать, что он, оказывается, избран провидением для «преобразования общественного строя», дабы в США наступила «эра господства рабочего класса»... В жизни Линкольн не собирался делать ничего подобного! Реформатором он был чертовски умеренным и ломал, резал по живому исключительно в тех случаях, когда этого требовали текущие надобности. У него и в мыслях не было покушаться на *основы*. Не зря он еще в декабре 1861 г. в послании Конгрессу писал: «Вырабатывая политику, необходимую для подавления мятежа, я заботился и всемерно стремлюсь к

тому, чтобы неизбежный в связи с этим конфликт не перерос в неистовую и безжалостную революционную борьбу» (61). И в дальнейшем он прочно стоял на этих позициях.

Но горькая-то ирония в том, что Линкольн оказался заложником собственного имиджа, того *бренда*, который ему создали для президентских выборов ушлые республиканцы: наш парень, работяга! Из простого народа! Лесоруб! Законченный пролетарий! Как писала простая душа Бичер-Стоу, «Авраам Линкольн в полном смысле слова работник. У него все свойства и способности рабочего класса, и положение его во главе могущественной нации говорит тем, кто живет трудом, что их время настает».

Как частенько случается, нашлось немало идеалистов и романтиков, которые всерьез восприняли всю эту предвыборную трескотню — и, подобно Марксу, искренне полагали в наивности своей, что «работяга» и в самом деле со дня на день выйдет на балкон, оглушительным свистом в два пальца созовет сознательных пролетариев и объявит что-нибудь вроде «преобразования общественного строя», дабы воцарилась «эра господства рабочего класса»...

И потому Линкольн оказался в положении несколько дурацком — не объяснять же отдельно взятым романтикам, что есть дистанция огромного размера меж предвыборной агитацией и реальной жизнью...

Но отнестись к лондонскому посланию следовало внимательно — как-никак пятьдесят шесть стран, а война продолжается, и нельзя отбрасывать *организованную* поддержку, от кого бы она ни исходила... А потому американский посол в Лондоне Адамс письмо принял со всей деликатностью и долго тряс руку тем, кто его принес.

Ну, а дальше началась тонкая дипломатия. Вскоре Адамс в самых учтивых выражениях сообщил герру Марксу: пись-

мо передано президенту, и, «поскольку чувства, выраженные в письме, носят частный характер, они приняты им с искренней и сильной надеждой, что он не окажется недостойным доверия, которым недавно он был облечен своими согражданами и многочисленными друзьями человечества и прогресса во всем мире».

А еще через несколько недель «друзья человечества и прогресса» получили ответ, безусловно их разочаровавший. Ответное письмо, подписанное не президентом, а государственным секретарем, было вежливейшим. И являло собою прекрасный образец дипломатического изящества: «Правительство Соединенных Штатов ясно сознает, что его политика не является, да и не может быть, реакционной; но в то же время оно придерживается курса, принятого с самого начала, на полное воздержание от пропагандизма и противозаконной интервенции. Оно стремится быть одинаково справедливым в отношениях со всеми государствами и народами. Оно уверено, что это стремление даст благоприятные результаты и найдет поддержку в своей стране, а также уважение и доброжелательность во всем мире» (156).

За всеми этими словесными хитросплетениями человек неглупый без труда просекал главную мысль: за поддержку, ребята, спасибочки, но вот глупостями вроде «коренных преобразований» у нас никто заниматься не будет, посему просьба губы особенно не раскатывать. Вероятнее всего, марксисты главную мысль прекрасно поняли, потому что их переписка с Линкольном на этом и увяла...

Однако через полсотни годочков на одной шестой части суши объявилось правительство, которое сделало учение Маркса прямо-таки религией. Я о большевиках, понятно. Антисемитские, русофобские и прочие «неправильные» высказывания основоположника упрятали подальше,

а то, что осталось, было объявлено святой истиной в последней инстанции. В том числе и отношение Маркса к Гражданской войне в США.

А в августе восемнадцатого года товарищ Ленин в письме к американским рабочим вдогонку Марксу высказался недвусмысленно: «В 1870 г. Америка в некоторых отношениях, если взять только „разрушение“ (зря В. И. это слово заключил в кавычки, ох, зря! — *А. Б.*) некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла п о з а д и (разрядка ленинская. — *А. Б.*) 1860 г. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на т а к о м (разрядка ленинская. — *А. Б.*) основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1861–1865 годов в Америке!» (90).

Всё! Отныне советская пропаганда, вооруженная ценнейшими указаниями двух основоположников, покойного и живехонького, талдычила свое: гражданская война со стороны северян революционна, прогрессивна, имеет всемирно-историческое значение!!! Поскольку сам Маркс... Поскольку сам Ленин...

Именно в этом и кроется незатейливый секрет того, почему даже в самые морозные времена «холодной войны» советская пропаганда ни разу не пыталась, кляня все американское, обгадить Гражданскую: установки, данные вождями и основоположниками, не позволяли. Всё разнеси, но на Гражданскую не покушайся, это святое, коли Маркс и Ленин...

Но всё это произойдет гораздо позже. А мы с вами вернемся в Америку тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, где в двух портах давненько уж стоят на якоре боевые корабли под российскими Андреевскими флагами...

Вот о них и пойдет разговор.

2. Беглые фрегаты

Действительно, достаточно хорошо известно, что в 1863–1864 гг. две русских эскадры около девяти месяцев базировались в Сан-Франциско и Нью-Йорке, прикрывая эти города от возможного нападения английского и французского флотов. Однако о мотивах России до сих пор можно прочесть немало благоглупостей. В советские времена упор делался на «дружескую помощь» России заокеанской республике: мол, уж так любили в России американцев, так близко к сердцу принимали хлопоты США, так горячо поддерживали Север в его благородной борьбе, что исключительно из братской дружбы послали к дальним берегам военную флотилию, чтобы европейские реакционеры не обидели закадычных друзей... Вот типичнейший пример, далеко не единственный (26): «Глава русского правительства А. М. Горчаков серьезно беспокоился о судьбе Северных Штатов, которые фактически оказались „между молотом и наковальней"... Русские эскадры под командой контр-адмиралов Лесовского и Попова были посланы за океан».

Частенько, к месту и не к месту, советская пропаганда пользовалась этой историей, чтобы попрекнуть США: мол, наши прадеды вас когда-то от неминучей гибели спасли, а вы, неблагодарные, добра не цените! Американцы (ничуть не левых убеждений) тоже поддерживали устоявшуюся версию. Джеймс Блейн, конгрессмен с сорокалетним стажем: «В то время, среди великих держав мира, только одна проявляла активную дружбу к нам», Историк Дж. Стимпсорн: «Считалось общепризнанным, что русские находятся в США затем, чтобы англичане и французы держали руки прочь от США в то время, как Штаты сражаются за свое существование».

Но порой и в советских источниках проскакивали туманные, но весьма любопытные фразочки типа: «При посылке эскадр русское правительство руководствовалось и соображениями возможной войны между Россией и западноевропейскими державами, назревавшей в результате резкого обострения политических противоречий в Европе».

Вот это уже гораздо интереснее: выходит, что кроме беззаветной и бескорыстной дружбы были и какие-то *другие* соображения... Какие? И что кроется за обтекаемой формулировкой «резкого обострения противоречий» — каких, кстати?

Ну что же, позвольте доложить подробно...

Тогдашний министр иностранных дел России Горчаков отчего-то решил, что России позарез необходимо сохранение США как единого государства. Он неоднократно писал российскому посланнику в Штатах барону Стеклю: «Американская нация явила доказательство политической честности, которая дает ей несомненное право на уважение и признательность всех правительств, заинтересованных в том, чтобы соблюден был мир на море, а начала права восторжествовали бы над силой в международных отношениях, для спокойствия вселенной, прогресса цивилизации и блага человечества».

Напоминаю, это писалось *после* того, как в 1855 г. действия США в Японии недвусмысленно показали, что речь идет о спланированной на долгий срок операции, направленной на блокирование России где-нибудь у устья Амура... О закрытии для России выхода в Тихий океан.

Горчаков не унимался: «Обе наши страны, поставленные на оконечностях обоих полушарий, обе в цветущем периоде своего развития, кажутся призванными к естественной общности взаимных интересов и сочувствий».

Все эти красивости уместны в романтической повести, но совершенно не годятся для грубой прозы международных отношений, где каждая страна заботится исключительно о собственной выгоде, наплевав на «спокойствие вселенной», «благо человечества» и «взаимные сочувствия». Однако Горчаков, по детальным воспоминаниям прекрасно его знавших, был как раз из тех самовлюбленных политиков, которые гонятся лишь за эффектной фразой, красиво написанной бумажкой...

Впрочем, я подробно писал об этом злом гении российской дипломатии в одной из предшествующих книг и повторяться не буду. Перейдем сразу к тем самым «резким противоречиям». К подтверждению того нехитрого факта, что Россия, посылая в Америку военную флотилию, не филантропией занималась, а решала сиюминутные собственные проблемы. Точнее, ей только *казалось*, что она их решала...

Но не будем забегать вперед. Начнем с начала, то есть с вспыхнувшего в 1863 г. восстания в Польше.

Эта заварушка при ближайшем рассмотрении имела мало общего с предшествующим мятежом 1830–1831 гг. Тогда, что греха таить, против русской короны поднялась практически вся часть Польши, отошедшая России при разделе Речи Посполитой. Употреблять определения «всенародное единение», «единый порыв» вовсе не будет преувеличением.

Теперь все обстояло совершенно иначе. Ни всенародным единением, ни единым порывом и не пахло. Начнем с целей. Аристократические главари мятежа не придумали ничего лучше, кроме как призвать к воссозданию свободной и независимой Польши не в ее этнических границах, а в пределах... середины *семнадцатого* века, «от моря до моря». Вельможные господа всерьез провозгласили, что в состав Польши должны войти вся Украина (с Киевом), вся Белоруссия, Смоленск, Литва, часть нынешних Эстонии и Латвии (находившаяся когда-то под польским владычеством), а также Северное Причерноморье. Выдвигать такие требования в 1863-м году от Рождества Христова было чересчур уж экстравагантно, учитывая несопоставимые весовые категории российской императорской армии и мятежных ватаг. Чтобы предъявлять такие требования достаточно крупному государству, его непременно нужно сначала разбить, и тяжелейшим образом...

Самое интересное, что наглость этих заявлений возмутила даже многолетних противников царской России — Бакунина с Герценом. Бакунин на короткое время забыл собственные призывы развалить до основанья все до единого государства, осудил поляков за их непомерные требования и предложил вполне здравую мысль: России следует отпустить Польшу, но и Польше в этом случае следует строить свою державу исключительно на основе земель, населенных этническими поляками (правда, он тут же сбился на обычную свою проповедь о «федеративном союзе вольных общин»).

Герцен поначалу тоже возмущался, печатно заявляя, что «Киев такой же русский город, как и Москва», — но потом и его потянуло на привычные революционные лозунги...

Итак, восстание... Исторический опыт учит: революция в любой стране может победить только тогда, когда ее поддержит основная масса населения — крестьянство. Этого-то как раз в Польше и не случилось. Основную массу восставших составляли безземельная и малоземельная шляхта, городские ремесленники, мелкие лавочники, маргиналы. Сохранилось любопытное военно-судебное дело: некий

шляхтич Ельский «чистосердечно сознавая, что, будучи без куска хлеба и доведен до крайности, решился пробраться за Гродно с намерением поступить в шайку мятежников, которые платят жалованье, и на дорогу получил 10 рублей серебром» (50).

Секретная сводка, направленная императору Александру II, сообщала: «Можно с уверенностью сказать, что главный контингент участников восстания составляет масса безземельной и неимущей шляхты, не имеющей ничего общего с крупным дворянством; мастеровых, торговцев, чиновников, врачей, сельских и городских ксендзов, однодворцев и мещан».

Упомянутые «сельские и городские ксендзы» опять-таки в массе своей происходили из простонародья: крестьянские дети, сироты, получившие образование за счет филантропов. Верхушка польского католического духовенства недвусмысленно держалась в стороне от восстания. Как и большинство крупных помещиков, они были людьми в меру циничными и считали, что не особенно и важно, какая вывеска красуется на прибыльном предприятии: «Государь Император» или «Ясновельможный Пан Круль». А еще они всерьез боялись, что революционная волна невзначай сметет и их немалые привилегии...

Главари повстанцев, представители древнейших фамилий, тоже не горели жланием обустраивать царство Божие на земле. Великая Польша от моря до моря им представлялась не фермерской республикой на американский лад, а уютным местечком, где благородные паны будут по-прежнему владеть всем от горизонта до горизонта, а «быдло», независимо от национальности, станет исправно гнуть спину на землях магнатов. Одним из первых же декретов «правительство» повстанцев поторопилось сообщить, что

за помещиками остаются их права на леса и пастбища. И панская землица, само собой, остается неприкосновенной.

Легко догадаться, что крестьяне (в том числе и этнические поляки) этакие новости встретили крайне неодобрительно. Крестьянская психология испокон веков в этом вопросе незатейлива: все на свете, любые мятежи и заварушки, любые реформы и преобразования рассматриваются в первую очередь с точки зрения *землицы*: добавят или отберут? Можно будет пощипать помещиков, или земли по-прежнему окажутся недоступными, а за пользование пастбищами будут драть три шкуры? Часть крестьянства все же выступила на стороне восставших — но не настолько большая, чтобы можно было говорить о «едином порыве» и «всенародном мятеже». К тому же восставшие быстро раскололись на две партии: «красных» и «белых». «Красные» как раз и стояли за то, чтобы безвозмездно раздать крестьянам в случае победы всю помещичью землю, леса и пастбища, покосы и луга. «Белые», как и следовало ожидать, взвились: они еще готовы были пошуметь о свободе, но категорически не хотели расставаться ради нее с угодьями и поместьями...

И наконец, против плана «Великой Польши от моря до моря» тут же проголосовали вилами крестьяне тех мест, где поляки пребывали исключительно в качестве *панов*: украинцы, белорусы, литовцы. Началась неразбериха в стане восставших, плавно перетекавшая в хаос, — и в Польшу двинулись русские полки.

Ах да! Восставшие на сей раз пытались привлечь на свою сторону и польских евреев. В прошлый раз, когда те, поддавшись общему настроению, простодушно пожелали тоже бороться за свободу, военный министр повстанцев заявил: «Мы не позволим, чтобы еврейская кровь смеши-

валась с благородной кровью поляков. Что скажет Европа, узнав, что в деле завоевания нашей свободы мы не могли обойтись без еврейских рук?» (256).

Теперь прошлые ошибки учли — но толку все равно было мало. К повстанцам примкнули в основном еврейские бедняки да та самая восторженная молодежь, что очертя голову бросается во все мировые заварушки, стоит только прозвучать парочке романтических лозунгов. Люди степенные, солидные, зажиточные не особенно и спешили бунтовать...

Едва русские войска принялись подавлять мятеж, революционеры всех мастей, включая и Бакунина с Герценом, кинулись в чернильные сражения. Герцен написал воззвание к русским военным, призывая их «не стать палачами», — но в то же время (определенно разрываясь меж собственной революционностью и неприязнью к зарвавшимся полякам) призывал мятежников сложить оружие и добиваться своих требований мирным путем.

Другие оказались гораздо радикальнее. Подпольная организация «Земля и воля» выпустила свое обращение к русским войскам, сделав им довольно оригинальное предложение: «Вместо того чтобы позорить себя преступным избиением поляков, обратите свой меч на общего врага нашего, выйдите из Польши, возвративши ей похищенную свободу, и идите к нам, в свое отечество, освобождать его от виновника всех народных бедствий — императорского правительства».

В войсках это послание брезгливо проигнорировали — но оно имело большой успех у нарождавшейся русской интеллигенции, кинувшейся строчить и свои корявые статеечки. За одну из таких статей притянули к ответу и небезызвестного Писарева, арестовав его на квартире, снимаемой у штабс-капитана лейб-гвардии Павловского полка

«Расстрел англичанами сипаев после подавления восстания в Индии». Картина Верещагина. Куплена на выставке англичанами, после чего бесследно исчезла

Попова. Попов тоже был большой вольнодумец и находился под секретным надзором полиции — но исключительно по причине его педерастических связей с неким «бывшим учителем Благосветловым»...

Ну, а в далекой Франции призывал все громы и молнии на голову «проклятого царизма» Виктор Гюго, как водится, считавший всех и всяческих бунтовщиков благороднейшими на земле людьми.

Но все это была лишь частная болтовня несдержанных на язык и скорбных на голову чудаков. Вскоре за «несчастных поляков» вступились целые *государства*.

Начала, естественно, Англия — оплот гуманизма и демократии на земле. Пять лет назад английская армия кровавейшим образом подавила восстание в Индии — пленных привязывали к дулам пушек и выстрелами разносили на куски, население целых деревень бросали связанными

в поле и пускали по ним слонов. *Это*, вероятно, зверством не считалось — но вот страдания поляков англичан отчего-то огорчили донельзя. И Англия (совместно с примкнувшими к ней Австрией и Францией) принялась бомбардировать Петербург грозными нотами, требуя немедленно предоставить Польше независимость согласно ее требованиям (то есть в тех самых шизофренических границах, о которых я говорил).

Из Петербурга вежливо, но твердо отвечали, что не потерпят вмешательства в свои внутренние дела. Три жалостливых державы настаивали, и в конце концов их ноты превратились в самые настоящие ультиматумы: или Польша получит свободу, или — война!

Войны в Петербурге боялись панически. И государю императору, и Горчакову, и прочим сановникам уже мерещилось, как объединенные англо-французско-австрийские полчища вторгнутся в российские пределы, как окажется тогда блокированным в Кронштадте весь Балтийский флот — и, конечно же, сгинет бесславно, как погиб не так уж давно флот Черноморский...

Тем более что первый звоночек уже прозвучал: некий капитан французского военно-морского флота с многозначительной фамилией Маньяк сколотил экипаж из поляков, купил одномачтовый колесный пароходишко, вооружил его и отплыл в Черное море, чтобы силами своей храброй команды победить русский царизм.

Правда, Маньяка с маньячатами быстренько остановили у Босфора турки, не питавшие ни малейших симпатий к польским мятежникам — поскольку у тех первым пунктом программы стояло «воссоздание Великой Польши», ну, а вторым скромненько значилось «покорение Турции».

И все равно в Петербурге, как тогда выражались, впали в величайшую ажитацию, а проще говоря, струхнули.

Мерещились эскадры грозных броненосцев, идущие следом за лоханкой Маньяка, — и много чего еще.

Адмирал Крабе

Тут-то на сцене появился управляющий Морским министерством адмирал Краббе, один из немногих, кто не потерял присутствия духа. Он, не повышая голоса и водя указкой по картам, предложил отличный выход: чтобы русский флот не погиб, запертый на Балтике, его следует вывести в океан. Если война и в самом деле вспыхнет, русские крейсера, оставаясь неуловимыми, смогут очень быстро нарушить морскую торговлю Англии, перехватывая британские гражданские суда. Причем противник помешать ничем не сможет: искать в океанских просторах быстроходный крейсер — все равно что искать иголку в стоге сена. Есть, кстати, два великолепных порта, где эскадры могут базироваться: Нью-Йорк — на атлантическом побережье Америки, и Сан-Франциско — на тихоокеанском...

План Краббе был принят молниеносно. Вот тогда-то русская флотилия и двинулась к американским берегам. Эскадра Лесовского пошла в Нью-Йорк, эскадра Попова — в Сан-Франциско, где первым делом случилось забавное недоразумение: в тех местах как раз объявилась «Алабама» капитана Семмса, и янки перепугались до ужаса. Один из кораблей эскадры Попова, клипер «Абрек», настолько походил на «Алабаму», что был за нее и принят. Стоявший у входа в гавань пароход открыл по «Абреку» пальбу, а бе-

реговые форты приготовились последовать его примеру. Командир «Абрека» кавторанг Пилкин вмиг сообразил, что кричать и объяснять бесполезно, — сгоряча не расслышат и расстреляют в упор. Он действовал быстро и решительно: пренебрегая редким огнем малокалиберных пушек пароходика, подвел клипер к нему вплотную, борт к борту, сыграл боевую тревогу и вызвал на палубу абордажную команду, намекая недвусмысленно: ежели вы чего, так и я вам... Янки, малость охолонувши, рассмотрели русские мундиры, ничуть не похожие на конфедератские, и очень извинялись...

Вот таковы *истинные* причины появления русской флотилии у американских берегов. Самое забавное, что даже сегодня находятся эксцентрики, по примеру советских пропагандистов отрицающие настоящие мотивы русских. Автор вышедшего всего-то три года назад учебника по истории США для вузов (!) (69) клеймит позором «отдельных американских историков-критиканов», которые смеют утверждать, будто российский флот был направлен из Балтики для того, чтобы нападать на коммерческие суда Англии и грабить их». В обоснование своего мнения г-н Иванян выдвигает железный, как ему представляется, аргумент: «Утверждения о том, что российский флот выводился из Балтики в открытое море с целью перехвата и грабежа английских кораблей, документально не подтверждается. Ни о каких встречах с английскими торговыми судами на пути в Нью-Йорк и тем более нападениях на них в исторических документах тех лет не упоминается».

Ну еще бы! *На пути* в Америку русские корабли никаких английских не перехватывали — потому что собирались это делать исключительно *в случае войны*. Ну, а что до того, будто эта история «документально не подтверждается»... Рекомендую г-ну Иваняну второй том «Военной энциклопедии», изданной в 1911 г. в Санкт-Петербурге под редакцией доброй дюжины знатоков военного дела, среди коих имеются полковники, офицеры Генерального штаба и даже один профессор. Страницы 384–388, статья «Американская экспедиция русского флота в 1863–1864 гг.». Там черным по белому как раз и излагается та самая версия, против которой протестует Иванян. И, кстати, в архивах бывшего Морского министерства сохранились как «Записка» адмирала Краббе, в которой он впервые выдвинул идею американской экспедиции, так и «Инструкция», составленная им же по приказу императора для командиров эскадр. Адрес известный — Центральный государственный архив военно-морского флота. Так-то...

Но самое любопытное (и безусловно печальное) — то, что все грозные ультиматумы Англии-Франции-Австрии были всего лишь грандиозным блефом, на который и купились высшие российские чины во главе с государем императором...

Причем они во второй раз наступили на те же грабли. В первый раз это случилось в 1855 г., после того как русские войска оставили разрушенный Севастополь.

Пребывавшая в Крыму англо-французско-турецко-итальянская* армия была решительно не способна к маломальски серьезному наступлению за пределы Крыма. У них свирепствовала холера, а солдаты воевать далее не особенно и хотели. Между самими союзниками началась грызня. Английский командующий умер от холеры, а нового (чтобы был толковым) подобрать никак не могли. Француз-

* Разумеется, речь идет не о всей Италии, а о войсках Сардинского королевства.

ского командующего император Наполеон III только что выгнал в отставку как раз за то, что тот настаивал на продолжении военных действий. Турок и сардинцев можно было не принимать в расчет. Все вялые атаки английских кораблей на Тихом океане и на Балтике были отбиты без особого напряжения сил. Господа союзники думали об одном: как бы тихонько убраться из Крыма, сохранив лицо...

Но при этом они строили грозные физиономии и заверяли, что воевать готовы до скончания века. В Петербурге поверили, ужаснулись и подписали невыгоднейший для России мирный договор. Хотя обстановка требовала другого: цинично улыбаясь, подбочениться и заявить с непроницаемым видом:

— Воюйте дальше, господа, воюйте, милости просим!

И любопытно было бы тогда посмотреть, как приунывшие и отощавшие армии четырех держав, заливая окрестности холерным поносом, попытались бы не то что за пределы Крыма выйти, а хотя бы дотащиться до Крымского перешейка... Любопытно было бы посмотреть, как английские корабли, которых заставили драпануть монахи Соловецкого монастыря с помощью пары допотопных пушек, пойдут в лоб на могучие укрепления Кронштадта, никогда и никем не преодоленные... Учитывая еще, что на *другом* театре военных действий, Кавказском, русские турок как раз колошматили в хвост и гриву...

Точно так же и в 1863 г. «тройка» самым вульгарным образом блефовала. Всерьез с Россией воевать никто и не собирался. Англия вести широкомасштабные боевые действия была не в состоянии. По старой привычке загребать жар чужими руками она пыталась подтолкнуть вперед Францию — но там тоже понимали, что к чему, и таскать

каштаны из огня голыми руками ради британцев не собирались.

Вообще, в те времена англо-французская вражда (именно так!) обострилась до предела. Настолько, что война между двумя державами была вполне вероятна. Если вам доведется как-нибудь увидеть по телевизору форт Байяр, прошу помнить: это сооружение (показанное также в прекрасном старом фильме «Искатели приключений») как раз и было построено как французский военный форт, которому предстояло в случае чего встретить огнем английские эскадры...

В нашей историографии можно частенько встретить утверждение, будто французский император Наполеон III был «марионеткой англичан». Что-то похожее и в самом деле имело место — но только на первых порах. Наполеон, пытаясь завладеть троном, и в самом деле получил немалую английскую помощь, но потом, как это частенько случается, окрепнув на троне, решил вести свою игру, справедливо рассудив: чего стоит услуга, если она уже оказана...

Франция и Англия насмерть сцепились в схватке за гегемонию в Ливане и Сирии. Франция строила Суэцкий канал — Англия пыталась помешать. Франция по старой привычке стремилась к главенству в Европе — Англия этому противостояла. Дошло до того, что однажды итальянский террорист Орсини метнул бомбу в Наполеона — и на следствии моментально выяснилось, что мастерил он ее в Англии, где и обитал неизвестно на какие шиши. Скандал был страшный, Наполеон открытым текстом обвинял Британию в покровительстве заговорщикам. Обе страны лихорадочными темпами строили броненосцы и береговые укрепления по обе стороны Ла-Манша...

Еще один штришок: «вольная Польша» была Лондону необходима исключительно в качестве занозы для России. Против реально независимой Польши первой выступила бы Англия: потому что контроль над «новорожденным» немедленно захватила бы Франция, что британцев никак не устраивало.

В *этих* условиях участие Англии в крупной войне против России было бы на руку только Франции. Что в Париже и Лондоне прекрасно понимали — а потому воевать всерьез и не собирались. Беда русской дипломатии и разведки в том, что она оказалась неспособной проникнуть в суть этого запутанного клубка политических интриг. И приняла блеф за чистую монету...

Ах да, осталась еще Австрия, третий член грозного триумвирата...

Вот *эти* мелочи совершенно не следовало принимать в расчет. Потому что за спиной Австрии, хмурясь и неодобрительно поводя штыками, стояли пруссаки. Пруссия Бисмарка тогда была верным и последовательным союзником России — в том числе и в польском вопросе. Прусские войска стояли на границе, чтобы не допускать польских мятежников на свою территорию, а чуть позже Бисмарк отправил в Петербург посланника с проектом конвенции, по которой командиры прусских и русских отрядов имели право «оказывать взаимное содействие и в случае надобности переходить границу, дабы преследовать восставших, которые перешли бы из одной страны в другую». Прусский парламент, набитый «прогрессивно мыслящими» либералами, эту конвенцию не ратифицировал, но «на местах» ее втихомолку соблюдали...

Францию пруссаки ненавидели, и в случае ее выступления против России обязательно бы воспользовались случаем, чтобы предаться старому национальному спорту: бить лягушатников. Австрию Бисмарк давно собирался «разъяснить» — что и сделал через три года после польского мятежа...

Ну вот и все о Европе. Давайте вернемся в Америку, поскольку там назревают крайне интересные события. Там вот-вот грянет манифест...

Глава одиннадцатая

БРАТЬЯ И ПУШКИ

День за днем бит — и дуб не устоит.

Б. Франклин

1. Великий манифест

В одной из современных книг о США мне довелось прочитать строки, которые, право, заставили разинуть рот. Перечитал еще раз — никаких ошибок, никаких опечаток...

«На восемнадцатом месяце своего президентства Авраам Линкольн подписал прокламацию об освобождении рабов. Южная Каролина объявила о своем выходе из федерации, за ней последовали еще десять штатов. Они создали «Конфедеративные штаты Америки», избрали своей столицей Ричмонд, и президентом — Джефферсона Дэвиса. Усилия Линкольна сохранить единство федерации мирным путем не увенчались успехом. Четырехлетняя Гражданская война между Севером и Югом охватила всю страну...» (182).

Поскольку автор, как следует из его объемистой книги, историю США знает весьма неплохо, сразу закрадывается

подозрение, что мы имеем дело не с невежеством, а с грязным шулерским трюком — за который у картежников в старые времена виновного долго и старательно били подсвечниками. Дело представлено так, будто *сначала* президент подписал указ об освобождении негров, а уж *потом* южные штаты, не в силах вынести такого новшества, подняли мятеж, отделились и Линкольн, безуспешно испробовав мирные способы решения конфликта, был вынужден начать войну...

(Кстати, утверждение, будто Гражданская война охватила *всю* страну — опять-таки преувеличение, мало соответствующее истине, поскольку, как мы увидим дальше, военные действия Север практически не затронули, в отличие от разрушенного Юга...)

На самом деле все обстояло как раз наоборот: *сначала* произошел раскол и война, а уж *потом*, после восемнадцати месяцев своего президентства, Линкольн и выпустил «прокламацию». На самом деле, конечно, не прокламацию (прокламации — это вульгарные листовки, которые клеят на стены или разбрасывают на митингах), а *манифест.*

Это эпохальное событие произошло 1 января 1863 г. Однако не следует бурно аплодировать и откупоривать шампанское. Никакой «всеобщей вольности» не произошло. Манифест Линкольна освобождал только рабов *мятежных* штатов, составлявших Конфедерацию. Он нисколечко не касался пусть и рабовладельческих, но остававшихся в составе Союза штатов Мэриленд, Делавэр, Миссури и Кентукки (где чернокожих невольников в общей сложности насчитывалось около миллиона), а также и Севера. Все, кто владел рабами на этой территории, могли и дальше преспокойно помыкать своей черной скотинкой. Разве что неграм на контролируемой Севером территории милости-

во дозволялось уйти от своего хозяина, но исключительно за тем, чтобы поступить в армию или в «оборонную промышленность» — на металлургические заводы и оружейное производство. То есть выполнять за белых самую грязную работу, а также идти вместо них под пули. А заодно в манифесте объявлялось, что после войны черных все же постараются переселить в Африку — к корням и истокам, так сказать...

Свобода получилась какая-то куцая, откровенно кастрированная. Одна из лондонских газет тут же язвительно прокомментировала: «Основная идея не в том, что один человек не может на законных основаниях владеть другим, а в том, что он не может владеть им в случае нелояльности Соединенным Штатам».

Таким образом, прямо-таки на поверхности лежит, что издание эпохального манифеста преследовало узкие практические цели. Во-первых, это была откровенная экономическая диверсия против Юга: предполагалось, что все до единого тамошние негры, узнав о «воле», в едином порыве то ли восстанут, то ли просто разбегутся. Во-вторых, близились новые президентские выборы, и Линкольну следовало подумать об избирателях: та восторженная толпа левых, радикалов, активных аболов, что буквально на плечах внесла «честного Эйби» в Белый дом, давно уже была недовольна Линкольном, не торопившимся освобождать негров, — а значит, могла и отвернуться окончательно... Экономической диверсии, в общем, не получилось. Согласно подсчетам американских историков, только пятая часть невольников на Юге пустилась в бега. Остальные остались на месте — они работали спустя рукава, но все же работали... А аболиционисты остались полумерами недовольны. Именно тогда в их среде и родилась издевательская песенка:

Честный Эйб, когда началась война,
Сказал: не за волю рабов идет она.
А потом честный Эйб сказал стране:
Будет воля, и будет конец войне.
Но тогда, объясните мне, как же так?
Днем он честен, иль ночью, иль как? (114).

А теперь — самое интересное. Главнокомандующий южными войсками генерал Роберт Ли... еще задолго до линкольновского манифеста, в 1862 г., освободил всех рабов, которые к нему перешли по наследству после смерти тещи. Он был далеко не единственным из конфедератов, которые так поступили с началом войны, а то и до раскола...

После манифеста негры появились в армии Севера и на военно-морском флоте. Их было не менее двухсот тысяч, и американский историк Макферсон пишет достаточно откровенно: «Без их помощи северяне никогда не выиграли бы войну столь быстро, а возможно, вообще не одержали бы в ней победу».

Однако никакого равенства не ждите. «Благородный» Север своими действиями поневоле заставлял вспомнить старый южный анекдот о разном подходе к черным на Юге и на Севере: «Южанин говорит негру: ты мне не ровня, но так уж и быть, присаживайся рядом. Северянин говорит негру: ты мне ровня, но держись-ка от меня подальше...»

Слово знатоку проблемы Фредерику Дугласу: «В конце концов было предложено числить их (негров в северной армии. — *А.Б.*) солдатами, но не выдавать им синей формы, а вместо нее такую, какая была бы снабжена специальными отличительными знаками и подчеркивала, что носители ее — люди низшего сорта... Существовал приказ не пускать негров в атаку в одном строю с белыми против их прежних владельцев... не давать им участвовать в

Роберт Ли

победах северян... Рекомендовалось посылать их в те форты и гарнизоны, где свирепствовала желтая лихорадка, и в разные другие нездоровые районы Юга, считавшиеся опасными для белых. Усугубляя дискриминацию, солдатам-неграм выплачивали вдвое меньшее жалованье, чем остальным, и ставили их только под начальство командиров-белых» (43).

Чернокожих солдат, уходивших в увольнение в северных штатах, частенько избивала толпа — чтоб не шлялись где попало... В армии черные копали траншеи, таскали пушки вместо мулов, копали колодцы, первыми оказывались на разгрузке чего-то тяжелого... (58).

Во время похода генерала Шермана за его войсками двинулись тысячи южных негров с семьями, надеясь найти у северян защиту от хозяев. Чтобы освободиться от этакого докучливого сборища, командир корпуса генерал Дэвис, переправившись со своими солдатами на другой берег реки, велел разобрать за последним понтонный мост. Толпа негров кинулась вплавь, люди тонули сотнями. Кто-то из северян их спасал, а кто-то лишь посмеивался, наблюдая за столь забавным зрелищем...

Белый солдат-северянин получал тринадцать долларов в месяц жалованья. Черный — десять, а то и семь. В марте 1864 г. солдаты 3-го Южнокаролинского «цветного» полка из-за этого подняли мятеж. Их предводитель, сержант Уильям Уолкер, приказал подчиненным составить ружья в козлы, а потом они все явились к начальству и потребовали, чтобы их жалованье увеличили

до того, какое получают белые, пригрозив, что в противном случае уйдут со службы: ведь по контракту, который они подписали, им обещали такое же жалованье, как и белым.

Уолкера отдали под военный трибунал за мятеж и тут же расстреляли. Жалованье неграм повысили до «белого стандарта» — но гораздо позже...

Тогда же негритянский полк в Луизиане взбунтовался в полном составе: но уже не из-за урезанного жалованья, а из-за зверского обращения с ними командира полка подполковника Бенедикта. Судя по всему, Бенедикт и в самом деле натворил дел: военный трибунал отпустил всех арестованных солдат-негров и признал, что Бенедикт «подвергал солдат жестоким и необычным наказаниям», за что и был из армии США уволен...

О черных солдатах-северянах написано немало. Гораздо менее известно, что в армии Юга практически с самого начала войны находилось чуть ли не двести тысяч негров. Оружия им не давали, но они занимались саперными работали, служили в обозе, одним словом, обеспечивали тылы. И в массе своей не предавали — хотя в походных условиях дезертировать было не так уж трудно, особенно когда войска конфедератов пусть редко, но все же оказывались на территории Севера.

Более того, встречаются смутные упоминания, что во время осады северянами Нового Орлеана там на стороне южан выступали подразделения *вооруженных* негров — но эти данные, противоречащие устоявшимся штампам, приходится выискивать по крупицам...

На Юге, как уже не раз говорилось, большинство лидеров Конфедерации вовсе не были «тупыми рабовладельцами». На самом высоком уровне (и государственный секретарь Иегуда Бенджамин, и сам президент Джефферсон

Дэвис) не раз пытались облегчить положение негров вплоть до призыва их в армию — но всякий раз наталкивались на сопротивление «твердолобых». Кстати, получается интересно: коли уж южное руководство собиралось привлекать негров в свою армию, значит, было совершенно уверено, что черные не повернут штыки против белых и не сбегут, а будут воевать за Юг...

В конце концов весной 1865 г. Дэвис *пробил* наконец «Закон о солдате-негре», по которому всякого чернокожего, пожелавшего поступить в армию солдатом, следовало освобождать с согласия хозяев и правительств штатов. Но это было сделано слишком поздно и ход войны переломить уже не смогло: на Юге, увы, хватало своих реакционеров...

Вскоре после издания Линкольном манифеста беда подкралась к Северу с самой неожиданной стороны. А впрочем, нетрудно было предугадать, что этим и кончится...

2. Пожарища Нью-Йорка

Рано или поздно на Севере должно было *полыхнуть* — когда одни жуют черствую корку, а другие едят землянику зимой, покупая коробочку за сумму, равную месячной зарплате рабочего, да еще выставляют напоказ свои брильянты, добром не кончится...

В те далекие времена капитал был откровенно *зверообразен*. Классовые противоречия — не выдумка левых, а реальность середины XIX в. Богатые с простодушным цинизмом выставляли свое богатство напоказ, опираясь на ту самую протестантскую доктрину: если кто-то беден, значит, Бог от него отвернулся, а потому с бедняком можно обращаться, как с собакой. Вот только никто не задумывался, что эта «собака» — все же думающий человек, в котором помаленьку копится нешуточная ненависть...

По официальным данным (в том числе согласно докладу начальника полиции Нью-Йорка), шестая часть населения тогдашнего мегаполиса состояла из людей совершенно нищих... Каждый двадцатый, по тем же данным, обитал в сырых подвалах, где в комнату набивалось от шести до двадцати человек. Чтобы как-то решить проблему, власти на скорую руку строили многоэтажные дома, тогдашние «коммуналки» — с сортирами во дворе и уличными водопроводными колонками. Эти трущобы опять-таки были битком набиты бедняками, в основном недавними приезжими из Европы. По американским данным, продолжительность жизни молодого ирландца после того, как он оказывался в этих трущобах, составляла четырнадцать лет.

Хорэс Грили, известный журналист и политик: «В этих местах отбросы под действием солнечных лучей излучают ядовитые миазмы... воры и проститутки собираются в шайки и занимаются своим ремеслом... Повсюду рассадники болезней...»

Криминального элемента, по оптимистическим подсчетам, в Нью-Йорке имелось пятьдесят тысяч человек, а по пессимистическим — все семьдесят. По трущобам гуляли туберкулез, холера, тиф, воспаление легких и золотуха — разумеется, сплошь и рядом распространявшиеся и в более благополучные кварталы (93).

Грили старательно подсчитал, сколько оставалось денег после уплаты всех неизбежных расходов у неквалифицированных рабочих, коих насчитывалось превеликое множество. Цифры и в самом деле потрясают. Глава семьи из пяти человек зарабатывал примерно 10 долларов 57 центов в неделю. После того как он покупал еду и одежду,

топливо, вносил квартирную плату, на все про все оставалось 37 центов. Легко себе представить настроение такого человека — обычно недавнего иммигранта, которого к тому же всячески шпыняют и притесняют «коренные», при любом удобном случае злобно шипя: «Понаехали тут!»

Священник с Севера М. Эли, выступая на одном из собраний, вынужден был публично признать, что свободный северянин из города Филадельфия... живет хуже южного раба!

«Труд обыкновенного раба в таких штатах, как Виргиния, Теннесси и Кентукки, значительно лучше компенсируется, так как он получает необходимое питание, одежду, жилье и медицинскую помощь, чем труд многих уважаемых рабочих и работниц в этом городе, которые прилежно трудятся и работают в два раза дольше, чем любой негр, находящийся на службе у своего хозяина» (93).

Интересно, сколько таких «свободных» белых, предложи им поменяться местами с невольником на плантации, согласились бы? Наверняка нашлись бы желающие...

И в довершение всего 3 марта 1863 г. Конгресс США принял закон о всеобщей воинской повинности...

Для американцев это оказалось столь ошеломляющим, что нам сегодня толком их чувства и не понять. Во-первых, и в тогдашней Европе (в том числе и в России) до всеобщей военной службы еще было далеко, система набора рекрутов включала обычно очень малый процент населения. Во-вторых, за все время своего существования США (а впрочем, за все время существования колоний в Америке) ничего, даже отдаленно похожего, не водилось. Закон вызвал шок.

Правда, до действительно всеобщей мобилизации было далеко: очень уж многочисленным оказалось население на

Севере, но на каждый штат выделяли определенную квоту, норму, которую следовало выполнить... Кроме того, по закону любой подлежащий призыву мог откупиться за триста долларов — или нанять вместо себя кого-нибудь (что, между прочим, и в Европе водилось, в том числе и в России).

Понятно, что зажиточные и бедные моментально оказались в неравном положении. Для простого работяги, мелкого фермера, скромного чиновника триста долларов были суммой астрономической, неподъемной.

Моментально возникли посреднические конторы, находившие «заместителей» тем, кто мог откупиться. Сплошь и рядом они ради быстрой прибыли шли по самому простому пути: подпаивали какого-нибудь неосторожного бедолагу, подсовывали на подпись контракт и бесчувственного доставляли на призывной пункт. Потом правды искать было бесполезно: подпись-то стоит... (99).

Сии посреднички иногда в прямом смысле хватали первого, кто подвернулся под руку. Когда однажды один такой доставил в Нью-Йоркский полк тяжелой артиллерии 57 новобранцев, врачи моментально завернули семнадцать из них. И не всегда по причине хилости: среди этих семнадцати оказались и однорукие калеки, и полные дебилы...

По всему Северу начались бунты против мобилизации. Случалось, что проводивших призыв офицеров не только избивали, но и убивали, — а иные ушлые губернаторы выполняли квоту, посылая на сборные пункты заключенных из тюрем. Двойная выгода получалась: и директиву центра выполнил, и от лишнего криминала родной штат почистил...

И вот в начале июля 1863 г. в Нью-Йорке при известии об очередном наборе в армию на улицы выплеснулась огромная толпа, в которой, как легко догадаться, преоб-

ладали мобилизованные. Для начала стали громить призывные пункты. Разнесли квартиру городского начальника военной полиции, сломали «лотерейный барабан» (из которого вытаскивали фамилии неудачников), порвали в клочки всю документацию и наконец подожгли здание, чтоб уж — наверняка. Тут же разнесли еще несколько «мобилизационных бюро». Учреждений, связанных с набором в армию, больше не осталось, но аппетит, как известно, приходит во время еды, и после столь веселого начала никому уже не хотелось отправляться по домам. Тем более что из всех щелей и закоулков хлынул криминальный элемент, усмотревший для себя возможность под шумок поживиться.

И понеслось... Те, кого можно назвать бунтарями идейными, разгромили дом мэра Нью-Йорка, редакции газет, особняки непопулярных политиков. Те, кто об идеях не думал вообще и даже не знал, как это слово правильно пишется, бросились грабить ювелирные лавки и винные магазины, разносить вдребезги салуны, где «повстанцев» отказывались поить бесплатно...

Воинских частей в городе не было. Начальника полиции, сдуру вздумавшего уговаривать толпу, как следует макнули в сточную канаву. Полторы тысячи его подчиненных, вмиг потеряв убитыми несколько десятков, превратились в чисто обороняющуюся сторону. Против их дубинок и кольтов бунтующие выставили ружья военного образца — они к тому времени захватили арсенал и вооружились как следует.

Хаос в городе, которым никто не управлял и не обеспечивал порядка, продолжался три дня. Горели дома: здание паромной переправы, гостиницы и аптеки, магазины и фабрики, полицейские участки и церкви. Началась охота за неграми — их вешали на фонарях, бросали в огонь,

сожгли сиротский приют для черных, причем несколько детей выбраться не успели (напоминаю, господа, это Север!)

На улицах появились баррикады. Повсюду ходили толпы с плакатами: «Долой обязательную военную службу!», «Долой 300-долларовый выкуп!», «Кровь бедняка — это золото для богача». Ораторы на митингах кричали, что эта война — «доход для богатых и смерть на поле боя для бедных».

В центре Нью-Йорка горел дом генерального почтмейстера США (то бишь министра связи) — отношения к призыву он не имел, просто подвернулся под горячую руку. Горел разграбленный арсенал. На фонаре повесили капитана-гвардейца. Телеграфные провода оборвали по всему городу.

На четвертый день появились федеральные войска. Пенсильванский полк с ходу открыл артиллерийский огонь по толпам на улицах. Следом подоспели кавалерия и морская пехота, тоже не жалевшие патронов. Бунт в течение дня был подавлен. Погибло примерно тысяча человек, имущества было уничтожено на полтора миллиона долларов. Закон о трехстах долларах не отменили, но все же правительству пришлось пойти на некоторые послабления. Подобные бунты, хотя и уступавшие по размаху, случились еще в десятке городов — в Бостоне тоже попытались захватить арсенал, и солдаты стреляли залпами...

И в тогдашней Америке, и среди советских пропагандистов, и среди сегодняшних авторов (взять того же Иваняна) нашлись ловкачи, объявившие эти события результатом «подрывной деятельности южных шпионов». Однако подробное изучение мятежей показывает, что это не так, — просто-напросто произошел стихийный взрыв возмущения «черни»...

3. Окружающие

К середине войны стало окончательно ясно, что за пределами страны Юг союзников себе не найдет и ни одна иностранная держава в войну вмешиваться не будет...

Еще в октябре 1862 г. Наполеон III предложил Англии и России совместно выступить против Севера, на стороне Юга, который следовало признать независимой державой. Филантропия тут была ни при чем: у императора имелись чисто утилитарные мотивы. Франция тогда как раз пыталась сделать мексиканским императором эрцгерцога Максимилиана, младшего брата австрийского императора Франца-Иосифа — и в Мексике к тому времени уже находился французский корпус в 35 000 штыков. Север был категорически против этих планов, считая, что только он один имеет право громить южных соседей, — вот Наполеон и рассудил вполне логично, что следует поставить северян на место...

Вот это было уже серьезно, и в Вашингтоне наверняка пережили немало бессонных ночей. Даже без участия России удар английских войск из Канады и французских с территории Мексики очень быстро урезал бы США до размеров палисадника вокруг Белого дома...

Россия отказалась — Горчаков прошамкал что-то об «исторической дружбе» русских и американцев. Англия тоже не выказала никакого желания во всем этом участвовать.

Мотивов у британцев много, и достаточно сложных. Разумеется, среди таковых не числится простое человеческое сочувствие к черным невольникам — подобной шизофрении за британскими джентльменами не водилось. У них буквально в это время было учреждено Антропологическое общество, создатель которого Дж. Хант в качестве идеологической платформы наваял статью «Место негра в природе», где именовал африканцев «другим видом», безусловно недостойным и тени равенства с белыми...

Определенную роль в отказе Англии ввязываться в заокеанскую войну сыграло то, что принято именовать «общим настроением умов». Изрядное число ткачей Ланкашира на митингах требовало от правительства воевать против Севера — но противники войны под руководством Лондонского совета профсоюзов собирали еще большие демонстрации, достигавшие нескольких десятков тысяч человек.

Королева Виктория, вначале склонная вмешаться на стороне Юга, после внезапной смерти мужа впала в депрессию и на несколько лет отстранилась от реальности — что ослабило позиции сторонников войны в правительстве и парламенте. К тому же в Британии разгорелся очередной скандал, вызванный связью наследника трона принца Уэльского с некоей актрискою, о чем стало известно «широкой общественности». Вновь, как уже не раз случалось за последние сто лет, оживились противники монархии, стоявшие за республику. До оружия дело не дошло, но по всей стране возникло с полсотни «республиканских клубов», парламентские ораторы нападали на «непомерные расходы двора», лидер радикалов Джозеф Чемберлен (не пролетарий от сохи, а крупный фабрикант) кричал на митингах, что «республика необходима». Монархисты честно называли ситуацию «великим кризисом монархии» и лихорадочно пытались разрулить ситуацию. Тут уж было не до заокеанских дел...

Но все это, разумеется, не главное. Исторический опыт показывает: за любой серьезной внешнеполитической акцией британцев следует искать *серьезные деньги*. Все остальное — лирика, романтика, мотивы третьестепенные...

Главная причина, по которой к середине войны Британия окончательно решила *сдать* Юг, кроется в вульгарной экономике. Иногда пишут, что все дело — в американской пшенице, отчаянно требовавшейся Европе. Тогда в Европе как раз случился страшный недород, и единственным средством не допустить голода были закупки пшеницы на Севере...

Это опять-таки полуправда. На северной пшенице, как бы в ней Европа ни нуждалась, свет клином не сошелся.

Главная причина — *хлопок*.

Англичан за многое следует упрекать, но нельзя не признать за ними несомненное достоинство: умение рассчитывать далеко вперед, не на годы, а на десятилетия — и строить долгосрочные комбинации... Так вот, к тому времени на Юге Британия поставила крест, потому что видела в нем конкурента. В Египте и в Индии британцы развивали собственные хлопковые плантации. На них, понятно, трудились не рабы, а наемные рабочие — но египетским феллахам и индусам англичане платили такие гроши, что тамошний хлопок (пусть и чуточку пониже качеством) обходился гораздо дешевле, чем покупной южный...

Многозначительная статистика из справочника 1864 г. (117).

Стоимость ввозимого хлопка в Англию в 1863 г. (в млн фунтов стерлингов), в том числе:

С Юга — 58

Из Бразилии — 27

Из Египта — 77

Из Индии и Китая — 462

Из других стран — 17

Как видим, Юг был теперь британцам не особенно и нужен, более того, начинал мешать. И тем более Лондону не нужно было укрепление Франции в Мексике. И Лондон недвусмысленно дал понять, что не только не будет

воевать за Юг, но и никакой помощи оказывать не будет. В Англии срочно конфисковали строившиеся южные рейдеры и провели еще целый ряд отнюдь не показных мероприятий, после которых на Севере окончательно поняли что к чему. Вздохнули с облегчением — и набрались наглости. Летом того же года военный корабль северян, преследуя торговое судно южан, пытавшееся скрыться в японских территориальных водах, непринужденно ворвался на рейд Йокогамы и заодно с преследуемым обстрелял из пушек и город...

Весной 1863 г. северяне, ободренные известиями из Лондона, в очередной раз вторглись на Юг. Стотридцатитысячная армия генерала Хукера была настроена браво, и Хукер орал с седла корреспондентам:

— Мои планы совершенны, и Юг может рассчитывать только на милость Божью!

Он запамятовал, что у Юга, кроме упований на Божью милость, был еще и талантливейший военачальник генерал Ли... Более чем вдвое уступавшие противнику по численности корпуса Ли (шестьдесят тысяч человек), вооруженные и экипированные гораздо хуже, остановили федералов у городка Ченселорвилль и вынудили отступить в полном беспорядке — а потом, преследуя противника, форсировали Потомак и вошли в Пенсильванию. Хукер честно признался командованию, что водить большие армии ему как-то несподручно, вернулся в свой прежний корпус и люто, совершенно по-русски запил. Воевал он впоследствии храбро, но *полководцем* ему уже никогда не удалось побыть — а насмешки коллег за позорный проигрыш были столь частыми, что Хукер ушел в отставку за полгода до конца войны...

В американской истории он остался благодаря достаточно пикантным обстоятельствам: поскольку Хукер был не

только заядлым картежником и пьяницей по прозвищу «Три бутылки», но и большим ценителем женского пола, за его войсками следовали многочисленные особы из тех, кого «дамами» именуют исключительно из вежливости. Современники вспоминали, что штаб-квартира Хукера представляла собой «комбинацию трактира и борделя». Военно-полевых шлюх стали именовать «леди Хукера», потом для краткости и определение «леди» отбросили как совершенно не соответствующее истине. И американский жаргон обогатился словечком «хукер», означающим проститутку... (232).

Славная победа южан при Ченселорвилле оказалась омрачена смертью одного из лучших генералов Юга — причем Джексон Каменная Стена, не особенно удачливый профессор математики и блестящий военачальник, погиб от своих же. В неразберихе, в полутьме подскакал к южным позициям с той стороны, откуда своих не ждали, а ожидали исключительно противника, бдительные солдаты выстрелили...

Юг одерживал блестящие победы, по всем правилам военного искусства — но северный гигант, отдышавшись и замазав синяки, пер вновь и вновь, как взбесившийся бульдозер. Он не мог соперничать в воинском мастерстве генералов и отваге солдат, но методично давил *тушей*...

Достаточно сравнить условия, в которых приходилось воевать северянам в синих мундирах и южанам в серых, чтобы понять: Юг был обречен, несмотря на всю свою отвагу, патриотизм и высокий боевой дух...

4. Синие и серые

На Севере насчитывались десятки крупных пороховых мельниц — на Юге их имелось всего четыре. Для производства пороха, как известно, кроме угля и серы необхо-

дима еще и селитра, но ее-то как раз зажатый в блокаде Юг получал мало. Чтобы хоть как-то исправить положение с лютым дефицитом пороха, южане изворачивались, как могли: в пещерах Теннесси, Кентукки и Аламабы разрабатывали многолетние залежи помета летучих мышей, содержавшего селитру. Рыли длинные канавы, наполняли их навозом, гниющими растениями и трупами павших животных. В одном из городов Алабамы даже поставили бочку, куда горожане по утрам сливали содержимое ночных горшков....

В переплавку отправлялось все, сделанное из чугуна, — ограды, решетки, ворота, статуэтки, часовые маятники. Лихорадочными темпами налаживали с нуля военные заводы и мастерские. Десятки крохотных суденышек южан, ухитряясь проскользнуть мимо сторожевых кораблей северян, доставляли закупленное в Европе оружие, боеприпасы, все необходимое. Поскольку почти все мужчины ушли на фронт, к фабричным станкам становились женщины — и далеко не одни простолюдинки.

Юг *держался*. Не потерявшие присутствия духа люди устраивали «голодные балы», где единственным угощением была холодная вода...

Северный солдат получал в день примерно полкило сухарей или хлеба, полкило мяса, двести граммов сала. Кроме того, на каждых сто солдат выдавался оптом еще и паек: бобы, рис, кофе, сахар, соль, фруктовый сок, свечи и мыло (99). Южане мяса не видели месяцами и питались в основном кукурузой: сырой и вареной, поджаренными зернами и похлебкой. Чтобы хоть как-то разнообразить меню, южане готовили так называемые «шомполушки» — кукурузную муку размешивали с водой, тестом обмазывали шомполы и запекали на костре. Вкус этого «деликатеса» представить несложно...

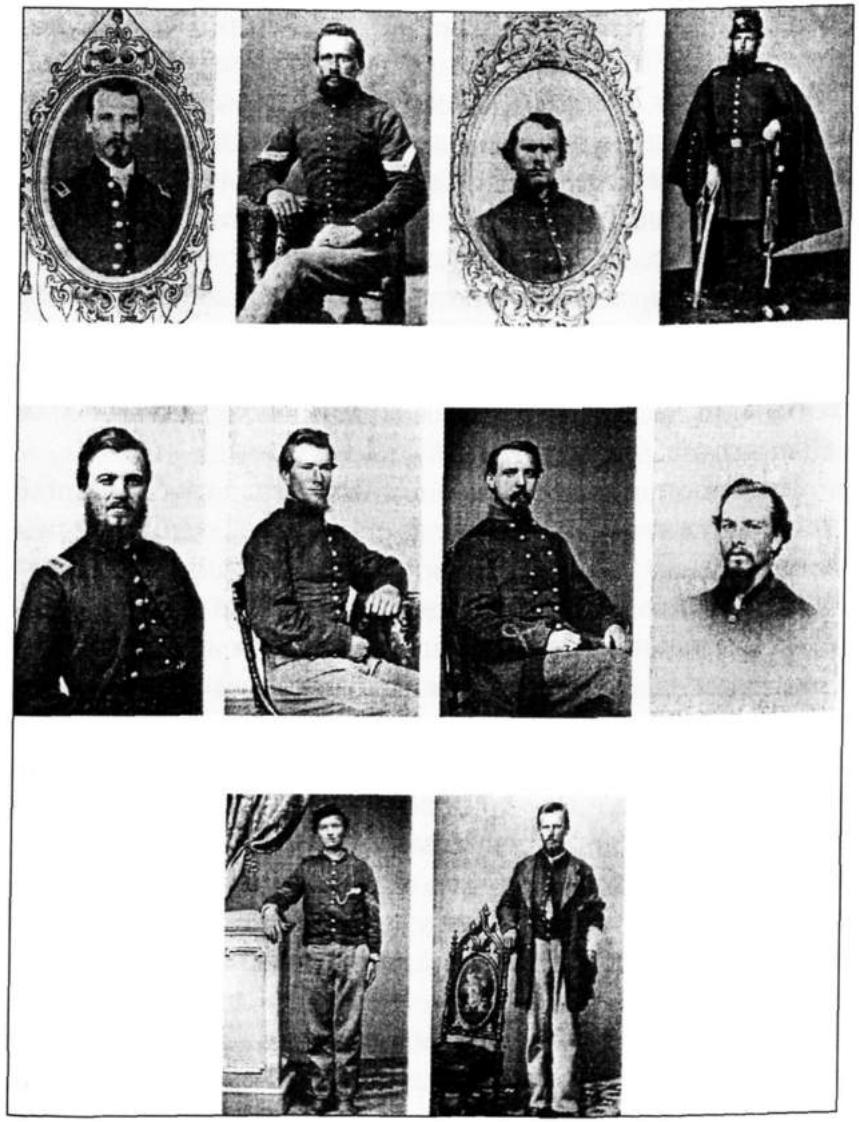
Иногда и этого не было. Вот донесение вышестоящему командованию командира одного из корпусов: «Мы не можем поддерживать жизнь в наших животных более чем неделю или две. Наши рационы также слишком скудны, так что мы едва можем идти. Я умоляю вас прислать нам провиант хотя бы ради того, чтобы мы могли продолжить марш».

Так же дело обстояло и с обмундированием. С превеликим трудом, опять-таки с нуля, на Юге удалось создать текстильные фабрики, но их мощностей не хватало, чтобы обеспечить армию. Серые мундиры Конфедерации большей частью существовали лишь теоретически. На практике сшитую из домотканой материи или снятую с убитых северян форму красили настоем из скорлупы грецкого ореха, отчего она становилась не серой, а желто-бурой. В таких мундирах ходила примерно половина южной армии. Зимой приходилось выходить из положения вовсе уж экзотическим способом: конфисковав у мирного обывателя ковер, южный солдат прорезал в нем дырку для головы и носил некое подобие мексиканского пончо...

Бойцы Техасской бригады придумали фирменный метод добывать шляпы — прятались в засаде у какой-нибудь дороги с оживленным движением и, когда показывался дилижанс, начинали орать что есть мочи, палить холостыми зарядами. Когда любопытные пассажиры высовывались, с них быстренько срывали шляпы и улепетывали... (99).

Обуви сплошь и рядом не было вообще. Дошло до того, что начали выпускать «эрзац» — армейские ботинки с деревянной подошвой и парусиновым верхом — все же лучше, чем ничего...

Подавляющая часть южной армии передвигалась и воевала босиком. В том числе и зимой, в морозы, когда зас-

Солдаты Гражданской войны посылали домой фотографии размером с визитную карточку

тывшая грязь резала подошвы не хуже битого стекла. Генерал южан Лонгстрит с горечью говорил: «С нашими бойцами дело обстояло так же плохо, как с животными, а может быть, и хуже, так как солдаты не имели подков. Я сам видел на замерзшей земле кровавые пятна, оставленные проходившей по дороге босой пехотой».

Жительница небольшого городка в штате Теннесси, видевшая, как проходили части Лонгстрита, так и записала в дневнике: она никогда не забудет «этих оборванных, босых техасских мальчиков, которые, проходя мимо моего дома во время отступления к Ноксвиллу, оставляли на земле кровавые следы».

Вот как описывал один из южных солдат своего типичного сослуживца: «Через плечо он носит скатанное поношенное одеяло со связанными книзу концами, кусок палаточного брезента и дырявое пончо. Его „униформа" сильно поношена, одна штанина оторвана до колена, а у самодельных башмаков так разбиты носы, что сквозь дырки видны голые ноги. На его голове сидит потрепанная засаленная шляпа неописуемого вида. Так выглядит человек, несущий на своих плечах молитвы и мольбы Конфедерации на окончательную победу. Он голоден, он грязен, он носит лохмотья, часто у него нет обуви, но несмотря на все это, он один из лучших воинов, которых только можно встретить на страницах американской истории».

Это вовсе не похвальба — именно так и было. О неудачной для южан битве под Геттисбергом (июль 1863 г.) современники рассказывали потом, что более леденящего кровь зрелища в жизни не видели: когда южане за сорок минут расстреляли свои скудные запасы снарядов, в атаку пошла южная пехота. Пятнадцать тысяч человек, оборванные и разутые, под неумолчный треск барабанов полтора

километра шли до вражеских позиций по огромному полю — без единого выстрела, со штыками наперевес, под огнем северных орудий, осыпавших атакующих картечью. Дошли. И ворвались на позиции противника. Сражение Север выиграл исключительно благодаря тому, что в очередной раз задавил массой — массой щедро кормленного ветчиной и рисом, поенного кофе с сахаром разноплеменного сброда из Европы, щеголявшего в кожаных сапогах и непромокаемых плащах...

Примечательная деталь эпохи: в столь жалком виде воевали не только простолюдины, но и люди из общества. Чтобы хоть как-то обозначить, что они «джентльмены», богатые южане-солдаты носили зубную щетку в петлице мундира...

А потому и неизбежное на войне мародерство носило на Севере и на Юге свой, особенный характер. Северяне подчистую грабили *ценности*, не только опустошая окрестные дома, но и раскапывая могилы (причем нередко их генералы даже поощряли грабеж — особенно этим был знаменит Шерман). А вот непритязательная картинка, нарисованная с натуры солдатом-южанином: «Голова Дика Сазерленда покоилась на буханке хлеба, как на подушке, а рука заботливо обнимала сочный окорок. Боб Мюррей, опасаясь, что его пленники упорхнут или будут похищены, обмотал большой палец правой ноги веревкой, к которой привязал с полдюжины цыплят; одна из широко раскинутых ног Брёхенена охватывала два переполненных кувшина с яблочным маслом и джемом, в то время как у его головы шумно крякал старый жесткий седой гусак, при этом ничуть не беспокоя его сна; Дик Скиннер лежал на спине, держа правой рукой за ноги трех жирных цыплят и утку, а в левой руке — здоровенную индейку. Он крепко спал, издавая громовой раскатистый храп, который хо-

рошо гармонировал с мелодичным кудахтаньем и кряканьем птиц».

Что ни говорите, есть принципиальнейшая разница между этими смертельно изголодавшимися людьми и северным наемным сбродом, пихавшим в карман серебряные ложки, а в заплечный мешок — все, что представляло хоть малейшую ценность. Причем на Юге даже с «куриным» мародерством боролись жестоко, вплоть до расстрелов — а на Севере тотальный грабеж открыто поощряли...

Вообще-то и на Юге согласно тамошним законам о мобилизации можно было «откупиться» от армии — но там откупившихся было ничтожно мало. Откупившегося ждало общее молчаливое презрение, в особенности со стороны женщин, о чем вспоминают иностранные очевидцы: «Тот, кто не надевал мундира, считался трусом». Именно поэтому на Юге «выкупной закон» был достаточно быстро отменен — а на Севере сохранился до конца войны...

Юг держался — но жизнь там стала адской. Деликатесом считалась конина, письма на фронт писали на обрывках обоев; спичек, свечей и керосина попросту не было (149). Знатные дамы работали сиделками в госпиталях, стояли у ткацких станков, у жерновов пороховых мельниц — сравните с бытием северных разбогатевших на войне прожигателей жизни, завозивших на два миллиона долларов в год бриллиантов и лопавших зимой свежую клубнику...

Практически все южане от 18 до 65 лет ушли на фронт. В тылу цены на некоторые продукты взлетели вдесятеро, а на соль — в пятьдесят раз.

Из-за отсутствия соли страдали, быть может, больше всего. Северные генералы, наступая, в первую очередь

уничтожали не военные объекты, а солеварни, чтобы «преподать урок мятежникам». На Флоридском побережье северяне высаживали морские десанты исключительно для того, чтобы громить прибрежные солеварни (причинив в одном только 1863 г. ущерб на шесть миллионов долларов).

Южане изощрялись, как могли. Жители побережья варили кукурузу или кашу в морской воде. Бочки, в которых была солонина, варили в котлах, чтобы выпарить из клепок соль. Землю вокруг коптилен, на которую годами капала соленая вода, тоже выпаривали. Один из южных журналов в рубрике «Домашние советы» горько иронизировал: «Как сберечь мясо, чтобы оно не испортилось летом? Съешьте его ранней весной». Генералу Пикетту, впоследствии герою сражения под Геттисбергом, на свадьбу преподнесли маленький пакетик соли — царский подарок для Юга тех времен... (85).

Как ни держался Юг, он в конце концов *надорвался*. У любого упорства есть свои пределы. Ближе к концу войны стало шириться дезертирство. В штате Виргиния оно достигло таких масштабов, что там даже создали Ассоциацию дезертиров.

К тому времени на Юге вовсю действовали негритянские партизанские отряды — сплошь и рядом снабжавшиеся и вооружавшиеся северными агентами (одним из которых стала Гарриет Табмен). Как легко догадаться, связываться с частями регулярной армии их не тянуло — а вот «оттягиваться» на плантациях в глуши, где к тому же не осталось мужчин, было занятием гораздо более безопасным. Южная газета писала: «Трудно найти слова, чтобы описать дикие и ужасные последствия рейдов негров на этом скрытом театре войны». Можно себе представить...

В штате Флорида появились даже отряды, где совместно с черными партизанами действовали белые дезертиры, — по сохранившимся воспоминаниям, они не только захватывали плантации, но порой угрожали целым городам. И тем не менее процент дезертирства на Юге никогда не был таким высоким, как на Севере, где он, согласно подсчетам К. Маля, составил *десять* процентов... Причем дезертирство на Севере процветало с первых дней войны, а на Юге стало представлять проблему только в 1865 г., буквально в самом конце.

Битва под Геттисбергом стала поворотным пунктом войны. Юг головы не опускал и знамен не сворачивал — через год после Геттисберга, в июле 1864-го, южане едва не взяли Вашингтон. Генерал Конфедерации Эрли с двадцатитысячной армией через горные перевалы подошел с той стороны, откуда его никто не ждал, и добрался до места, откуда мог невооруженным глазом видеть купол Конгресса. Военные моряки, не уведомляя Линкольна, приготовили для него специальный пароход на случай бегства. Однако северяне отбросили противника — Юг выдохся... Это было ясно почти всем. Никакое полководческое искусство не могло заменить гигантское превосходство Севера в людях, оружии, боеприпасах, еде, обмундировании, технике...

Воодушевленные северные «бешеные» оживились. Их главарь Тадеуш Стивенс, с которым мы уже встречались ранее и встретимся еще не раз, неистовствовал, организовав кампанию под лозунгом «Никакой пощады южанам!» Призывами расстрелять или повесить без суда и следствия все руководство южан он не ограничивался: кровожадный старикан требовал самых массовых, широчайших репрессий, чуть ли не поголовных казней всех солдат южной армии. Кабинетные интеллигенты обычно и бывают самыми кровожадными, поскольку видят в человеке не человека, а, как выражался махновец из «Хождения по мукам», всего-навсего «классовый факт»...

В 1864 г., как и положено по Конституции, состоялись очередные президентские выборы — которые Линкольн во второй раз выиграл. *Теперь* он тем более не мог называться «президентом Соединенных Штатов» — поскольку Юг, в прошлый раз лишь не включивший Линкольна в избирательные бюллетени, но в выборах все же участвовавший, на сей раз, естественно, проигнорировал выборы...

Без махинаций и тут не обошлось. Линкольн собирался внести в Конституцию поправку о полном и окончательном запрете рабства — для чего ему требовалось набрать три четверти голосов представителей всех штатов. Была опасность, что этого сделать не удастся. Тогда в пожарном порядке, с многочисленными нарушениями в Союз приняли в качестве полноправного штата территорию Невада — чтобы ее представители обеспечили нужное число голосов. Чтобы протащить это решение через Конгресс, люди Линкольна попросту подкупили несколько конгрессменов, предоставив им высокооплачиваемые должности на госслужбе, которых они жаждали...

Это была не единственная махинация из множества — но о них рассказывать долго, да и не стоит отклоняться от темы. Интересующихся отсылаю к книге Сэндберга, при всей его любви к Линкольну изображавшему тогдашнюю политику такой, какой она и была...

Оппозиция скучать президенту не давала. Вот перечень эпитетов, которыми Линкольна награждала ее пресса (не имевшая никакого отношения к Югу): обезьяна, горилла, глупец, грязный анекдотчик, деспот, лгун, вор, бахвал, фигляр, узурпатор, монстр, черепаха, невежда, старый под-

лец, клятвопреступник, грабитель, мошенник, тиран, демон, мясник, континентальный пират... (156). Накал страстей был такой, что лично мне порой решительно непонятно, как Линкольн, изрядно потерявший прежнюю популярность, смог выиграть выборы 64-го года. А впрочем, денежные мешки от него не отступались, в этом, видимо, и разгадка. Уж им-то было за что благодарить «старину Эйби»...

В том же году, в ноябре, наконец-то раскачались люди из секретной службы: теперь к президенту были приставлены четверо полицейских «во время его хождений в военное министерство, при посещении спектаклей и для обхода коридора, прилегающего к его спальне». Запомните эту дату и эту формулировку, она нам еще вспомнится...

Незадолго до этого, в августе, произошло второе покушение на президента. Как и в прошлый раз, Линкольн посреди ночи отправился на верховую прогулку в полном одиночестве — и вскоре прискакал без шляпы, рассказав охраннику Николсу, что кто-то в него выстрелил у подножия ближайшей горы. Николс с напарником взяли фонари и отправились туда. Очень быстро нашли пробитый пулей цилиндр президента. Если первый случай еще можно было списать на неосторожного охотника, то теперь сомнений не было: случилось самое настоящее покушение. Однако Линкольн по каким-то своим соображениям уговорил обоих охранников сохранить все это в тайне.

Война продолжалась. Теперь самое время рассказать о кое-каких известных фигурах, которые пока были обрисованы скупо. И о тех методах, которые пустили в ход северяне еще до того, как наметился полный и окончательный перелом в их пользу.

Итак, жили-были два генерала, Улисс Грант и Уильям Шерман. Один из них задолго до войны прославился как горький пьяница, другого недоброжелатели считали сумасшедшим или, по крайней мере, человеком со странностями...

5. Катаклизм по фамилии Шерман

Друг друга они обожали (без малейшего гомосексуального подтекста, чего не было, того не было). Шерман говаривал: «Генерал Грант — это великий генерал. Я его хорошо знаю. Он защищал меня, когда я был сумасшедшим, а я защищал его, когда он был пьян».

Весной 1864 г. Линкольн назначил Гранта главнокомандующим — и Конгресс *авансом* присвоил Гранту специально для такого случая изобретенный титул: «Главный Генерал Армии США». Напоминаю: и в те времена Грант оставался рабовладельцем, в противоположность южному командующему Ли, который своих невольников давным-давно отпустил на волю...

Грант тут же вспомнил о старом приятеле Шермане и быстро его продвинул. И так уж получилось, что именно эта парочка переломила ход войны. Вовсе не оттого, что оба блистали какими-то особенными полководческими талантами. Просто-напросто оба были субъектами наподобие голливудского Терминатора: решительные, жестокие (какой-то нечеловеческой жестокостью нерассуждающего робота), целеустремленные, упрямые, упорные... Если их с кем-то и сравнивать в отечественной военной истории, так это, разумеется, с маршалом Жуковым: подобно Жукову, Грант с Шерманом были решительно не способны проявить себя искусными военачальниками, но не боялись

лить кровушку направо и налево, неважно, вражескую или своих солдат.

Американский историк Лэннинг писал о Гранте: «Не будь этого полководца, США вполне могли бы остаться разделенными на два государства, так никогда и не достигнув уровня сверхдержавы». Скорее всего, он прав — вот только слово «полководец» употреблено совершенно не к месту: тут следует подыскать какое-то другое определение...

Война продолжалась. Северные генералы откровенно *чудили*. Батлер, «мясник Нового Орлеана», в конце концов за неимением *настоящего* противника принялся воевать с... южными дамами. Причем всерьез. Дело в том, что гордые южанки во врага, захватившего город, не стреляли и бомб не подкладывали, но вовсю использовали другое женское оружие: горящий презрением взгляд. Демонстративно отворачивались от бравых победителей, в упор их не видели, переходили на другую сторону улицы, завидев идущего навстречу «синепузого». Победителей это ужасно злило — тем более что участились случаи, когда на гордо шествующего по тротуару «синепузого» якобы по нечаянности женщина выплескивала содержимое ночного горшка.

Батлер решил это дело пресечь и издал приказ, который полностью укладывается в одну строчку из Высоцкого: «Кто косо кинет взгляд, тот ренегат и гад». В приказе объявлялось: с любой женщиной, которая «словом, жестом или движением» оскорбит удальца в синем мундире, «будут обращаться, как с уличной проституткой». После чего долгие десятилетия на Юге большим спросом пользовались ночные горшки с портретом генерала Батлера на донышке...

Грант в те времена, как мы уже видели, вместо реального дела устраивал еврейские депортации — отчего перелома в ходе войны как-то не произошло.

Но все это были цветочки, можно сказать, самодеятельность. Лишь после назначения Гранта главнокомандующим и повышения Шермана началось *неописуемое*. То, что не имело аналогов в предшествующей военной истории.

Кое-кто из не особенно доброжелательных к Северу историков называл развернувшиеся события «Хиросимой». Доля правды в этом есть: действительно, Хиросима, разве что без атомной бомбы.

Шерману принадлежит печальная слава изобретателя *тотальной* войны — тактики «выжженной земли», которую потом с большим удовольствием проводили в жизнь ребятки со свастикой на груди (и многие из них за эти художества болтали ножками в петле).

Шерман объявил публично: «Мы не можем изменить сердца людей Юга, но мы сможем сделать войну такой ужасной и так отвратить их от войны, что сменятся поколения, прежде чем они снова заговорят о ней».

Он подготовил план «Марша к морю» — удар, который должен был надвое рассечь территорию Конфедерации и дать возможность северянам выйти к Атлантике на южном побережье. И написал Гранту: «Я проведу этот марш, и пусть Юг взвоет».

Военного противодействия Шерман встретить не ожидал — войска конфедератов были скованы в других местах другими северными генералами. Армия Шермана двигалась двумя колоннами, и в полосе шириной в сто километров не оставалось ничего, сделанного человеческими руками. Именно так: *ничего*...

Солдаты Шермана за месяц разрушили 265 миль железнодорожных путей. Причем рельсы не просто сбрасывали под откос, а, раскалив предварительно докрасна, закручи-

Генерал Уильям Шерман

вали вокруг деревьев. Солдаты разваливали фабричные трубы, ломали плавильные горны в мастерских, разбивали паровые машины, дырявили фабричные котлы, крушили все, что только можно было развалить, сломать, выбросить в реку, покорежить...

Все, что могло гореть, горело. Сам Шерман так и пишет в мемуарах: «Покидая Южную Каролину, мои солдаты настолько привыкли разрушать все на своем пути, что дом, где размещалась моя штаб-квартира, часто загорался прежде, чем я его покидал» (170).

Все, что невозможно было унести с собой, портили, повсюду над полями поднимался жуткий смрад — живность уничтожалась поголовно. Генерал Шеридан, крушивший Виргинию, преспокойно доносил в Вашингтон: «Мне удалось сжечь две тысячи амбаров, полных зерна, и семьдесят мельниц, а также забить три тысячи овец. В зоне пяти миль я приказал сжечь все дома».

И Шерман, и Шеридан в свое время набили руку на индейцах, подчистую уничтожая целые племена, — и теперь использовали прежний опыт уже в применении к белым. Кстати, именно Шеридан и придумал знаменитый людоедский афоризм: «Хороший индеец — мертвый индеец».

В разные стороны от основных колонн рассыпались отряды фуражиров — *эти*, оказавшись далеко от командиров, творили вовсе уж законченный беспредел. Шерман впоследствии откровенно признавался, что эти бродячие

банды «мародерствовали, совершали грабежи и насилия». А конкретнее, отбирали драгоценности у женщин, раскапывали тайники с фамильным серебром, вытряхивали все ценное.

Чтобы никто не заподозрил, будто я пользуюсь какими-то «рабовладельческими» источниками, позвольте привести интересную цитату из биографии Линкольна, написанной восторженным сторонником «северного дела» Сэндбергом, которого никак нельзя заподозрить в симпатии к Югу:

«Кавалеристы хватали стариков и душили их до тех пор, пока они не раскрывали свои тайники с золотыми монетами, серебром или драгоценностями. Солдаты ложились в грязных сапогах на белоснежные простыни, танцевали на отполированных до блеска полах, выли под аккомпанемент пианино и затем разбивали пианино прикладами. Они вытаскивали перины из спален и устраивали снежные вьюги из перьев. Они стращали белых женщин, но обычно дело не заканчивалось изнасилованием, исключением были один-два случая (то есть, надо полагать, сто двадцать два. — *А. Б.*). Зато кавалеристы свободно вели себя с негритянками, особенно ценя хорошо сложенных мулаток. Это были «проделки» ветеранов войны, отменных вояк, и Шерман их не наказывал частично потому, что считал, что лучших, чем они, солдат в мире нет... а частично еще и потому, что заводить военную полицию для поддержания порядка и дисциплины среди солдат его армии означало задержку в движении...» (156).

Если такова история с точки зрения северян (несомненно, поэтическая натура и взгляды Сэндберга не позволили ему копаться в особенной гнуси), то нетрудно представить, что за пекло творилось на самом деле. Именно пос-

ле рейда Шермана северная пресса и принялась вопить о «зверствах конфедератов», которые частенько не брали пленных, — а вы, дорогой мой читатель, брали бы в плен и кормили пряниками агрессоров, проделывавших *такое* на вашей родине?

Подобным образом Шерман развлекался на протяжении всего тысячемильного пути. Захватив Атланту, он выгнал всех жителей на окраины, под проливной дождь, и сжег город дотла — около двух тысяч домов. Сколько умерло женщин, стариков и детей, простудившихся под ночным ливнем, до сих пор не подсчитано...

Когда на пути Шермана конфедераты принялись закладывать мины, он собрал пленных, вручил им кирки и лопаты и под угрозой расстрела заставил эти мины откапывать...

Южные штаты Кентукки и Миссури (что признается в серьезных исторических трудах) были разрушены *полностью*.

Большая часть того, что творили Шерман с Шериданом, впоследствии именовалась «военными преступлениями». Это понятие появилось в постановлениях Вашингтонской конференции 1922 г., Женевской конвенции 1929 г., а окончательно разработано в Уставе Нюрнбергского военного трибунала и Уставе Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Вот строгая формула: «К военным преступлениям относятся: убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; жестокое обращение с ранеными и пленными; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов и деревень; использование запрещенных способов и орудий ведения войны и другие преступления» (219).

Из всего перечисленного Шерман с Шериданом не замечены разве что в убийствах заложников... А потому мне иногда приходит в голову: коли уж там и сям принято реабилитировать посмертно (порой тех, кто этого совершенно не заслуживает), то, быть может, имеет смысл в некоторых случаях и посмертно *казнить*? Как это было принято лет четыреста назад: вздергивать на виселицу «в изображении». Шерман с Шериданом такое вполне заслужили...

Как пример редчайшего контраста американский современный автор (85) приводит гуманнейшего северного генерала Оливера Ховарда: взяв городок Коламбия в Южной Каролине, он ограничился тем, что поджег лишь соляные склады, да вдобавок предварительно выдал соль городскому госпиталю и раздал остатки горожанам. Действительно, на фоне твердокаменных борцов вроде Шеридана с Шерманом и их буйной братии генерал Ховард смотрится совершеннейшим слюнтяем, блаженненьким: «нормальный» северный генерал на его месте весь город сжег бы дочиста, предварительно ограбив его до нитки. Удивительно, что Ховарда за столь вопиющие прегрешения не выгнали в отставку и не посадили — должно быть, руки не дошли...

6. Костры Ричмонда

В апреле 1865 г. все *рухнуло*. Юг физически не мог более сопротивляться.

Ричмонд был осажден. На площади перед зданием правительства, густо оцепленной солдатами, под рев громивших укрепления столицы Конфедерации орудий пылали огромные костры. Черным дымом улетали в небо груды

Южная столица Ричмонд после взятия ее северянами. На заднем плане слева — здание Конгресса

бесценных для историков бумаг: гражданские и военные архивы Конфедерации, документы секретной службы. У оцепления, как кошка возле сметаны, бродила Элизабет Ван Лью: северная разведчица прекрасно понимала, чего эти бумаги стоят, и пыталась стащить хоть что-нибудь. Кажется, так и не удалось...

К вечеру поезд с членами правительства Кофедерации вырвался из осажденного города. Следом за ним саперы тут же подорвали рельсы, чтобы остановить погоню. Утром следующего дня в город, все еще освещенный заревами гигантских пожарищ, вошли северяне. Впереди маршировали негритянские полки, распевая:

Тело Джона Брауна покоится в земле,
Дух Джона Брауна шагает по земле...

Они верили, что жизнь для них теперь настанет совершенно райская. А следом за солдатскими шеренгами катили несколько карет — это ехала миссис Джулия Грант со своими чернокожими *рабами*...

Авраам Линкольн незамедлительно приехал в Ричмонд и при большом стечении рукоплескавшего народа посидел в кресле Джефферсона Дэвиса. Вокруг Ричмонда чернокожие громили усадьбы плантаторов, особенное внимание уделяя винным погребам и женщинам. Эдмунд Раффин, сделавший когда-то первый выстрел Гражданской, набросил на плечи флаг Конфедерации и выстрелил себе в сердце. Победители лихорадочно составляли «черные списки» побежденных — многие тысячи южан в него угодили. Все офицеры южной армии, все гражданские служащие Юга, все, чье состояние превышало двадцать тысяч долларов, должны были лично ходатайствовать перед президентом о прощении, иначе подлежали «поражению в гражданских правах» (а вы полагаете, что это большевики выдумали?).

Генерал Ли со своей армией капитулировал, окруженный со всех сторон превосходящими силами северян. В первую очередь он попросил накормить его солдат, которые не ели двое суток...

Через несколько дней было арестовано большинство членов правительства Юга. Иные советские историки уверяли, будто Джефферсон Дэвис скрывался, переодевшись в женское платье, но верить этому не следует — не тот был человек. Это, надо полагать, вторично использовали клише, с помощью коего когда-то пытались как можно более унизить Керенского (как к Александру Федоровичу ни относись, но скрылся он от большевиков не в «платье медсестры», а в морской форме...).

Иегуда Бенджамин, за голову которого северяне объявили награду в сто тысяч долларов и собирались вздернуть без суда и следствия как «жидомасона», все же после череды головокружительных приключений выбрался за пределы страны, переодетый бедняком, выдавая себя за фер-

мера-француза, не знающего английского (французским он владел блестяще).

Кстати, последним солдатом Конфедерации, выполнившим конкретное задание, стал опять-таки еврей, майор Мозес — он с десятью солдатами, отбиваясь от многочисленных банд, довез до столицы штата Джорджия остатки золотого запаса конфедератов и передал слитки под расписку федералам — при условии, что золото пойдет на нужды раненых и демобилизованных (дальнейшая судьба этого золота мне неизвестна, но, зная северную публику, предположения можно строить самые разные) (149).

Всё кончилось. Однако южный рейдер «Шенандоа» еще *семь месяцев* охотился за северными судами в Тихом океане — при отсутствии радиосвязи никто и ведать не ведал, что война завершилась... (29).

Итог? Число убитых с обеих сторон превышает шестьсот тысяч человек. Сколько именно мертвых попало под определение «более шестисот тысяч», не знает никто. Десяток достаточно серьезных источников, которыми я пользовался, приводит десяток разных чисел — от шестисот пятнадцати тысяч до шестисот пятидесяти...

Калек насчитывалось *миллион* (не раненых, впоследствии выздоровевших, а именно тех, кто остался калеками). Число подозрительно круглое, наверняка калек было чуточку больше или чуточку меньше, но в том-то и беда, что — *чуточку*... Материального ущерба никто до сих пор не подсчитал и наверняка уже не подсчитает — ясно, что он громаден.

Холодок по спине от такого итога — тем более если вспомнить, что «благородные» цели развязанной северянами войны так и остались пустозвонством. Несколько лет назад мне довелось смотреть по телевизору какой-то американский сериал о Гражданской. Финальные кадры, знаете ли, примечательны...

Южные генералы подписывают капитуляцию. Гремят салютом северные орудия, победители откупоривают шампанское, повсюду надрываются полковые оркестры, девственницы в белых платьях машут букетами... А посреди всего этого ходит с мрачнейшим лицом главный герой — офицер победоносной северной армии, прошедший войну от звонка до звонка. К нему бросается, обливая шампанским, сослуживец и недоуменно вопрошает: что с тобой, дружище, мы же победители!? Майор, все так же сумрачно на него глядя, отвечает:

— Здесь нет победителей. Здесь одни побежденные...

Иногда и американцы умеют снимать *умное* кино...

А чтобы окончательно закончить с генералами Грантом и Ли, имеет смысл обратиться к ценному источнику — той самой военной энциклопедии (216, 217). Интересные вещи там содержатся. Общее настроение умов (как гражданских, так и военных) в России всегда было на стороне северян. Однако составлявшие Энциклопедию военные отличались качеством, штатским интеллигентам не присущим, — объективностью. А потому волей-неволей давали *истинную* картину событий и называли вещи своими именами...

Статья о генерале Роберте Эдварде Ли (без указания автора) буквально изобилует превосходными эпитетами, отдавая должное таланту военачальника. «Блестяще окончил курс военной академии в Вест-Пойнте», «Во время Мексиканской войны показал себя не только отличным инженером, но и офицером Генерального штаба», «Ли должен быть признан одним из выдающихся генералов, совмещавшим в себе дарования стратега, тактика, военного инженера и организатора», «Как человек, Ли являл собой ред-

кий пример сочетания личного благородства, прямоты и скромности с глубокой религиозностью, близкой к мистицизму. Эти качества вместе с военными дарованиями и подвигами сделали имя Ли известным далеко за пределами Америки».

Статья о Гранте (автор — капитан Л.П. Римский-Корсаков) вдвое больше по объему, но в ней не содержится ничего, хотя бы отдаленно похожего. Собственно, это — по-бухгалтерски сухое перечисление всего, что Грант сделал в жизни. «Железная воля и непоколебимость» есть. «Храбрость и решительность в сражениях» имеется. «Блестящие и смелые действия», «скромность», «военные и организаторские дарования»... И это всё. Ни словечка, ни примера, позволивших бы назвать Гранта талантливым *полководцем*...

Памятник Роберту Ли установлен в 1890 г. в Ричмонде. Четырьмя годами позже будущий президент Вудро Вильсон, составляя «Календарь великих американцев», включил в него и Гранта, и Ли. Что бы ни наворотили северяне и во время войны, и позже, надо отдать им должное в одном: они не посягали на право Юга иметь своих *героев*. И потому с некоего момента в американских городах стали ставить памятники каждый своим...

Ровно через четыре года, после сдачи форта Самтер, день в день, северяне торжественно подняли над ним федеральный флаг. Сделал это бывший комендант Самтера Андерсон (уже не майор, а генерал-майор).

К этому времени Авраам Линкольн, шестнадцатый президент, лежал в гробу, дожидаясь торжественных похорон. Мимо истории его убийства — загадочной, путаной, грязной! — просто невозможно пройти, описывая Гражданскую войну. К этому мы вернемся через главу. Умышленно нарушая хронологическую последовательность, я намерен

сначала подробно рассказать о том, как в течение нескольких лет победители обустраивали и побежденный Юг, и всю воссоединившуюся страну. Мне представляется, что именно благодаря детальному изложению этих событий как раз и удастся более-менее определенно ответить на вопрос, кто же все-таки убил президента Линкольна. Возможно, читатель впоследствии согласится, что я был прав...

Глава двенадцатая

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ПУТИ

> И услышал он и увидел при лунном свете, что вышли на поле хищные грабители и лихие воры и грабят и обирают благородных рыцарей, срывают богатые пряжки и браслеты и добрые кольца и драгоценные камни во множестве. А кто еще не вовсе испустил дух, они того добивают ради богатых доспехов и украшений.
>
> *Т. Мэлори. «Смерть Артура»*

1. Вольный полет стервятников

Победители были настолько великодушны, что тут же объявили амнистию — то есть всех подряд южан расстреливать, как предлагал Тадеуш Стивенс, не будут. Большинство, мол, должно в письменном виде дать присягу в вечной лояльности президенту, после чего будет восстановлено в политических и гражданских правах. Вот только многие, под эту амнистию попадавшие, из гордости отказывались подписывать «смертельное обязательство», а потому оставались лишенными как прав, так и конфискованного имущества.

Амнистии не подлежали члены правительства Конфедерации, лица, дезертировавшие с Севера на Юг, лица, жестоко обращавшиеся с неграми-военнопленными, выпускники военных академий в Вест-Пойнте и Аннаполисе, губернаторы южных штатов, участники «пиратских рейдов на море», а также те «мятежники», что располагали состоянием или годовым доходом в 20 тысяч долларов.

Этим дело не ограничилось: южные штаты обрели некий неопределенный статус, они были официальным образом «исключены» из Союза, но, разумеется, не отпущены на волю, а поставлены под прямой контроль оккупационной администрации. Около ста пятидесяти тысяч южан лишились права голосовать: офицеры, гражданские служащие Конфедерации, все те, кто в 1865 г. заплатил больше двух тысяч долларов налога...

Джефферсон Дэвис просидел в тюрьме около двух лет — непонятно на каком основании. Все это время усиленно ломали голову, в чем же его все-таки можно обвинить, но так и не придумали ничего такого, что прошло бы в суде. Ручных судей найти — не проблема, но нужно было еще учитывать мировое общественное мнение. В конце концов Дэвиса потихоньку выпустили.

Генерал Ли так никогда в жизни и не подал унизительное для себя «прошение о лояльности» — а потому до конца жизни... не имел американского гражданства! Что его, насколько можно судить, нисколечко не волновало. Отвергнув многочисленные предложения занять то или иное тепленькое место с высоким жалованьем, он возглавил на Юге военный колледж имени Вашингтона (теперь — колледж имени Вашингтона—Ли). Самое забавное, что через сто лет (1975), когда близилась двухсотлетняя годовщина независимости США, отдельные

политики смекнули, что получается как-то неудобно, — и Роберт Ли официально, специальным решением Конгресса был восстановлен в американском гражданстве (что сам наверняка бы встретил с высокомерным презрением).

Кстати, тогда же, на волне юбилейного угара (1976), американцы решили, что следует как-нибудь особенным образом почествовать великого отца-основателя Джорджа Вашингтона. Памятников и прочих мемориалов имелось уже достаточно, на монетах он и без того давно уже красовался, нарекать его именем очередной университет или корабль показалось банальным...

И тогда янки удивили весь мир. Высшее звание в американских вооруженных силах — пятизвездный генерал. Особым решением Конгресса ввели звание шестизвездного генерала и присвоили его посмертно давным-давно скончавшемуся Вашингтону. Даже в СССР никогда не додумались посмертно присвоить Ленину звание Маршала Советского Союза или наградить орденом «Герой Социалистического Труда»...

Знаменитое Арлингтонское кладбище, где хоронят американских военных, возникло исключительно из-за желания как можно крепче досадить в свое время генералу Ли. Еще весной 1864 г. военный министр приказал главному армейскому квартирмейстеру генералу Мегсу подыскать место для нового воинского кладбища, потому что на двух имеющихся нет больше мест. Мегс, южанин по происхождению, когда-то служил под начальством Ли — но, когда началась война, остался у федералов. Южане брезгливо именовали его предателем, а Мегс, в свою очередь, питал жгучую ненависть к бывшей родине...

Стремясь хоть как-то напакостить бывшему командиру, он выбрал для кладбища поместье Ли в местечке Арлингтон, возле реки Потомак, как раз напротив Вашингтона. И первые захоронения появились у самого крыльца особняка Ли. Естественно, Ли там больше никогда не жил...

Многие, как и Ли, вовсе не собирались давать присягу. Когда бывшего генерала конфедератов Тумбса спросили, почему он «не просит прощения у Конгресса», Тумбс, как пишет Дж. Ф. Кеннеди, «со спокойной величавостью» сказал: «Прощения за что? Я еще сам не простил Северу».

Никоим образом не стоит думать, будто Север и Юг «одинаково» пострадали от войны. В их положении была существеннейшая разница...

Людские потери Юга арифметически были меньше северных — 258 000 человек, но не стоит забывать, что огромную долю убитых у северян составляли иностранные наемники, а не коренные жители страны. Говоря иначе, *треть* всех солдат Юга, ушедших на войну, погибла. О Севере такого нельзя сказать... (115).

Вообще, американские авторы давно обратили внимание, что Гражданская, собственно говоря, выиграна не Севером, а *Западом*. Западные штаты Индиана, Иллинойс и Айова послали в федеральную армию, как пишет профессор Коэн, «немыслимый процент своего мужского населения» (83).

Но дело даже не в этом. Американцы, любители статистики, прилежно подсчитали: за время Гражданской произошло 200 400 «сражений и стычек» — от крупных до мелких «боев местного значения». Девяносто девять процентов из них — на территории Юга. Война ведь шла, за редким исключением, на *Юге*. Целые округа по нескольку раз переходили из рук в руки — а если еще добавить все, что уничтожили солдаты Шермана...

Производство хлопка на Юге упало втрое. Площадь обрабатываемых земель сократилась наполовину. Промышленность, и без того хилая — разрушена. Поголовье скота резко сократилось. Деньги Конфедерации ничего уже не стоили, они вообще перестали быть деньгами — а других у южан не было...

Немало земель у южан было конфисковано. А тем, кто свое каким-то чудом сохранил, пришлось столкнуться с очередной северной придумкой, блестяще описанной в романе М. Митчелл «Унесенные ветром»: налоги начинают брать «от фонаря», сколько вздумается, прикинув, какая сумма для владельца плантации окажется неподъемной, — и вскоре его земля переходит в цепкие ручонки северного спекулянта.

В Луизиане налоги для белых были повышены в десять раз. В Миссисипи — в четырнадцать. В длиннющих очередях за пособием и миской благотворительного супа стояло немало бывших зажиточных хозяев... (170).

Количество южан, умерших в северных лагерях для военнопленных, мне неизвестно — но встречаются редкие упоминания, что их следует считать «многими тысячами». Северные солдаты в южных лагерях тоже умирали — но ничего общего с действительностью не имеет утверждение, будто южане *специально* уничтожали пленных на манер нацистов. Сэндберг приводит процент смертности: из каждой сотни пленных южан на Севере погибло 12, из каждой сотни северян на Юге — 15. Как видим, примерно одинаковое число, что не укладывается в зловещую версию о «южных зверствах». К тому же следует учесть, что Юг, в отличие от сытого Севера, голодал — что отразилось и на снабжении пленных. Уж если солдаты Конфедерации жили на одной кукурузе, где было раздобыть для пленных ветчину и кофе, к коим они привыкли в своей благополучной армии?

Не кто иной, как Ленин, который в качестве экономиста все же достоин самого пристального интереса, опубликовал данные, согласно которым размеры средней фермы на Юге (как и количество обрабатываемой земли) уменьшились на добрую треть — а вот на Севере, наоборот, наблюдался подъем (92). Что дало Владимиру Ильичу возможность лишний раз позлорадствовать по адресу «клятых рабовладельцев», которым пришлось несладко. Вот только размер средней фермы в ленинской таблице как раз и показывает, что речь идет не об «олигархах», а именно мелких фермерах...

СРЕДНИЙ РАЗМЕР ФЕРМ В АКРАХ

Годы	на юге		на севере	
	Ср. колич. всей земли	Ср. колич. обр. земли	Ср. колич. всей земли	Ср. колич. обр. земли
1850	332,1	101,1	127,1	65,4
1860	335,4	101,3	126,4	68,3
1870	214,2	69,2	117,0	69,2
1880	153,4	56,2	114,9	76,6
1890	139,7	58,8	123,7	87,8
1900	138,2	48,1	132,2	90,9
1910	114,4	48,6	143,0	100,3

Когда речь заходила о федеральных субсидиях и кредитах, Северу и Югу доставались, мягко выражаясь, несопоставимые суммы. В 1865 г. США потратили на общественные работы 103 294 501 доллар, из которых Югу досталось лишь 9 469 363. Штат Огайо получил миллион долларов, соседний с ним Кентукки — всего 25 000. Штат Мэн получил три миллиона, Миссисипи — 136 тысяч. Зато правительство выделило 83 миллиона долларов без-

возвратных субсидий частным железнодорожным компаниям «Юнион пасифик» и «Сентарл пасифик» — и, как я уже писал, эти денежки моментально куда-то испарились (58).

Вы еще не забыли Закон о гомстедах 1862 г., по которому желающие получали практически бесплатно земельные участки? Когда он вышел во время войны, там было написано, что треть территории южных штатов Алабама, Арканзас, Флорида, Луизиана и Миссисипи как раз и будет отведена для неюжан, желающих там фермерствовать. После чего, как легко догадаться, масса народу дралась с южанами, как черти, рассчитывая, что после победы поселится в тех местах, — за свою будущую землицу дрались, надо полагать, без понукания...

Очень быстро после капитуляции Юга Вашингтон это дело моментально отменил. Без всяких внятных объяснений. По какому-то странному совпадению эти земли едва ли не мгновенно оказались в руках северных лесопромышленников и земельных спекулянтов — еще один штришок, показывающий, для чего *на самом деле* была развязана война... (58).

В своей замечательной книге «Жизнь на Миссисипи», сугубо документальной, Марк Твен приводит высказывание одного из случайных встречных (наверняка дополненное собственным мнением):

«Раз вечером в клубе один господин, обратясь ко мне, сказал конфиденциально:

— Вы, конечно, заметили, что мы почти всегда толкуем о войне. Это не потому, что нам не о чем больше разговаривать, а потому, что ничто другое не интересует нас так сильно. И есть еще причина: во время войны каждый из нас лично перенес, кажется, все виды человеческих испытаний, следовательно, о каком бы постороннем пред-

мете вы ни упомянули, он непременно напомнит кому-нибудь из слушателей о чем-либо, случившемся во время войны — и он захочет рассказать об этом. Так разговор постоянно снова переходит на войну... результат один: любая выбранная наугад тема расшевелит в памяти каждого из присутствующих груз воспоминаний о войне...» (161).

Вот в этом и крылось принципиальнейшее различие: на Юге с войной соприкоснулся практически *каждый*, а для Севера она была чем-то абстрактным, происходившим где-то далеко и касалась лишь родственников воевавших, которых насчитывалось на несколько порядков меньше, чем южан...

И начался великий грабеж, который можно сравнить только с российским раскулачиванием: по некоторым позициям так много общего, что оторопь берет...

Согласно планам Линкольна, разработанным им незадолго до смерти, южным штатам после окончания войны предстояло вновь послать своих представителей в Конгресс. На Юге провели выборы, представители приехали в столицу.

Однако на заседания допущены не были — им объяснили, что они какие-то неправильные, и выборы были неправильные, и сам Юг какой-то неправильный. Инициатором этого решения был Тадеуш Стивенс, «бешеный номер один».

Законно избранных южных конгрессменов отправили домой. Юг был разделен на пять оккупационных округов, возглавлявшихся федеральными генералами, которые получали всю власть — от возможности регулировать цены на мороженое, до права выносить смертные приговоры (которые, правда, утверждал все же президент). Было объявлено, что режим военной *диктатуры* сохранится до

тех пор, пока южане не примут новые, «демократические» конституции своих штатов. И только тогда, как там же говорилось, они будут «вновь приняты в Союз». Так что Юг, повторяю, оставался непонятно чем — оккупированной территорией, и не более того. Еще в 1868 г. такое положение сохранялось...

Как и большевики впоследствии, северяне начали с грабежа южных церквей — речь шла не об отдельных зданиях, а о целых *конфессиях*, чье имущество конфисковывалось и передавалось «правильным» церквям Севера. Протестантскую епископальную церковь Юга запретили вообще — именно ее епископом был генерал южан Полк, героически погибший в бою... (61).

Вскоре появились комиссары — как в таком деле без них?

На Юг неисчислимыми толпами хлынули жадные голодранцы, которые остались в истории под презрительной кличкой «саквояжники» или «мешочники» — потому что приезжали с пустым саквояжем или пустым мешком, а уезжали богачами. Желающий может сам для себя перевести американское «carpetbaggers», как ему покажется вернее...

(Как обычно во времена всевозможных междоусобных заварушек и случается, часть из них составляли южане, бывшие надсмотрщики за рабами и прочая шелупонь, ухитрившаяся выдать себя за «стойких борцов против рабства». Но гораздо больше было северных мошенников, почуявших неплохую поживу.)

Самые примитивные предпочитали хапнуть по мелочи и побыстрее смыться. Один такой субъект заявился в один из округов штата Алабама, таща на плече связку разноцветных колышков, и объяснил неграм, что он не кто иной, как особый уполномоченный президента, намеренный разделить землю между бывшими невольниками. Достаточно, мол, забить эти колышки на любом участке или ферме, которые покажутся подходящими, — и без всякой бумажной волокиты вступить во владение землей.

Как кто-то, наверное, уже догадался, колышки прохвост не даром раздавал, а продавал за скромные суммы: обычно за три доллара, но мог, поторговавшись, согласиться и на один.

«Многие легковерные и доверчивые цветные заплатили за эти небольшие колышки, забили их в землю на участках своих белых соседей, и некоторые из них начали обрабатывать эти новообретенные плантации. Нетрудно догадаться, каковы были результаты» (93).

Но так, конечно, действовала вовсе уж мелкая шпана, напоминающая портного из анекдота, который на вопрос, что бы он сделал, став царем, простодушно ответил, что украл бы из кассы сто рублей и убежал...

Люди *солидные* на такое не разменивались. Они моментально смекнули, что для долгого и систематического воровства следует не колышки неграм продавать за смешные копейки, а заполучить, как выражался дед Щукарь, «портфелю»...

Дело в том, что федеральное правительство в своей несказанной заботе о разнесчастных освобожденных невольниках организовало так называемое Бюро освобождения. Предполагалось, что это будет общественная организация, поголовно состоящая из энтузиастов и гуманистов, которые в тяжких трудах облегчат жизнь бывшим рабам...

Черт его знает, как это получилось, но отчего-то возникла не когорта святых подвижников, а огромнейшая чисто бюрократическая контора, которая быстро довела

дело до того, что теперь освобожденный негр от нее зависел буквально во всем. Хотел ли он жениться или переехать в другое место, требовалась бумажка от Бюро освобождения.

Вдобавок именно через Бюро проходили колоссальнейшие денежные средства, выделяемые федеральным правительством на продовольственную и иную помощь неграм... Конечно, грошик-другой доходил и до чернокожих, но мешок долларов, откуда этот грошик был взят, волшебным образом испарялся, причем по документам все было в порядке — если верить документам, каждый черный ежедневно ел устриц и попивал шампанское...

Вдобавок Бюро занималось еще и тем, что пристраивало в хорошие руки политически благонадежных северян конфискованные у «мятежников» земли и прочее имущество.

Даже благонамереннейший советский историк тридцатых годов, исправно следующий основным штампам, меланхолично констатирует: «Трудно сказать, что было хуже — диктатура помещиков или диктатура жуликов» (56). Для советского ученого, да еще начала тридцатых — вольнодумство поразительное...

Когда выборы все же разрешили, получилась печальная комедия. Всевозможные политиканы, нахлынувшие с Севера, раздав неграм пару долларов и угостив как следует виски (а недовольных из числа белых запугав с помощью федеральных войск и «саквояжников»), захватывали посты губернаторов и конгрессменов. И начиналось...

Некто Эймс, зять «нью-орлеанского мясника» генерала Батлера, именно таким образом был «избран» губернатором Миссисипи. После чего «министром просвещения»

штата был назначен некий Кардоза, которого нью-йоркская полиция разыскивала за воровство, а вице-губернатором и статс-секретарем стали бывшие рабы, кажется, не знавшие грамоты. Сам губернатор, обеспечив себя столь надежными кадрами, которые либо не умели работать с отчетностью и проверять всевозможные сметы, либо не видели ничего худого в том, чтобы запустить руку в казну, занялся собственными делами. Именно при нем налоги были увеличены в четырнадцать раз. Кончил, говорят, миллионером.

Его коллега, «демократически избранный» губернатор Луизианы, при жалованье в восемь тысяч долларов оказался через год обладателем состояния в сто тысяч — простодушно объясняя при этом, что он откладывал и копил, копил и откладывал, во всем себе отказывая...

Позже, во время президентских выборов 1876 г., возглавляемые «саквояжниками» правительства Южной Каролины, Луизианы и Флориды фальсифицировали избирательные бюллетени, благодаря чему в Белый дом прошел «нужный» кандидат. Оппозиция взъярилась, раздобыла неопровержимые доказательства и представила их сенатской комиссии — но поскольку оппозиция состояла из южан, а сенатская комиссия — из членов той же республиканской партии, что и победивший кандидат, дело замяли (о чем писал в своей книге Дж. Ф. Кеннеди).

Кстати, как раз Кеннеди в своей книге назвал происходившее после войны «закабалением и эксплуатацией Юга»...

Радикалы на Севере не унимались, твердя с пеной у рта, что «доверять Югу нельзя», что Югу следует неустанно «мстить». Однажды они, не надеясь на собственное ораторское искусство, *запустили* в Конгрессе должным образом подготовленного ветерана войны (настоящего или ли-

пового — неизвестно), и он долго стращал конгрессменов рассказами про кровожадных южан, которые едят по утрам северных младенцев и наводят порчу на вынутый след президента. При этом он старательно размахивал своей окровавленной рубашкой: вот она, мол, кровь, пролитая на полях сражений с монстрами-плантаторами!

Сенатор Джим Лейн из Канзаса, даром что член Республиканской партии, оказался врагом народа... северного народа, понятно. Его главные прегрешения состояли в том, что он поддерживал планы Реконструкции Юга, которые проводил в жизнь преемник и соратник Линкольна президент Джонсон. Да вдобавок требовал признать избранное южанами правительство штата Арканзас, мотивируя это тем, что выборы были свободными и прошли без нарушений. Как ни объясняли ему товарищи по партии, что арканзасское правительство все равно неправильное, потому что оно им не нравится, честный сенатор гнул свое. Его затравили, ошельмовали, обвинили в финансовых злоупотреблениях, и кончилось все тем, что Лейн покончил с собой...

Военный министр Стэнтон открыто вел дело к тому, чтобы стать диктатором оккупированного Юга. Президент Джонсон его уволил было, назначив на его место Гранта, — но Стэнтон, забаррикадировавшись у себя в кабинете, призвал на помощь радикалов из Конгресса. После чего только принципиальная позиция одного из сенаторов спасла президента от импичмента...

Ах, да, я совсем забыл упомянуть об одном крайне важном обстоятельстве. Победившие северяне чернокожих невольников, конечно, освободили (добрейшие люди!), но — без земли...

Теперь свобода у негров была — но ее, как известно, на хлеб не намажешь и в похлебку не покрошишь. Когда у

человека нет ничего, кроме свободы, жить ему не так уж и приятно...

И вот в 1867 г. Тадеуш Стивенс, неугомонный ястреб, предложил масштабнейший план наделения негров землей. Считали не по головам, а по семьям. Каждая негритянская семья должна была получить участок в пятьдесят акров...

Что же, нашелся наконец благодетель, намеренный одним ударом покончить с негритянской бедностью? Не спешите устраивать бурные, продолжительные аплодисменты, и уж тем более переводить их в овации. Все было гораздо интереснее...

По плану Стивенса, для полного и окончательного облагодетельствования негров следовало конфисковать у южан три четверти принадлежавших им земель, или 394 миллиона акров. Количество негритянских семей, которым предстояло получить участки, определялось примерно в миллион.

Немного несложных арифметических действий. Пятьдесят акров на миллион — пятьдесят миллионов акров. 394 000 000 — 50 000 000 = 344 000 000.

Другими словами, неграм предполагалось передать всего двенадцать с половиной процентов «конфиската». А остальное кому? А остальное, толковал Стивенс, следует за смешные деньги распродать ответственным людям, чтобы пополнить отощавший за время войны государственный бюджет...

В общем, не подлежит сомнению, что под флагом помощи неграм северные дельцы затеяли очередное грандиозное ограбление Юга, намереваясь за бесценок приобрести сотни миллионов гектаров ценной землицы. Сомневаюсь, что неграм при таком раскладе досталась бы хоть мизерная доля обещанного — когда у дельцов разыгрыва-

ется аппетит, окружающим не достается и обглоданных начисто костей...

Неизвестно точно, использовали ли Стивенса «втемную» или он прекрасно понимал, что делал. Вероятнее всего, второе — он был дельцом, заводчиком, да и в железнодорожном бизнесе замечен. Как бы там ни было, Конгресс, должно быть, разобрался, что ему предлагают под видом заботы о неграх. Проект Стивенса был отвергнут (подозреваю, дело тут не в редкостном душевном благородстве, а в том, что подсуетились те, кого к участию в грабеже не допустили, и они решили незатейливо: так не доставайся ж ты никому...)

Дж. Ф. Кеннеди отозвался о Стивенсе без малейшего уважения: «Искалеченное, фанатичное воплощение крайностей движения радикальных республиканцев» (77).

Казалось бы, те, кто всерьез озабочен положением негров, могут теперь предложить *реальный* план наделения чернокожих землей. Однако никто из «благородных северян» так никогда подобного плана и не выдвинул. Практически всё, что предлагалось, при ближайшем рассмотрении оказывалось не особенно и ловко замаскированной попыткой набить собственные карманы. Не за то же, в конце концов, воевали, чтобы каждый ниггер стал вольным собственником-землепашцем...

Фредерик Дуглас говорил: «Когда евреи обрели свободу, им было позволено унести с собой добычу из Египта. Когда крепостные крестьяне в России обрели свободу, им дали по три акра земли, и на этой земле они могли жить и выращивать свой хлеб. Совсем не так обстояло дело, когда дали свободу неграм. Их пустили на все четыре стороны с пустыми руками, без денег, без друзей, без клочка земли. Молодые и старые, больные и здоровые — все они оказались под открытым небом, ничем не защищенные от врагов» (43).

Дуглас, между прочим, как раз и предложил достаточно толковый план: ничуть не утопический, легко выполнимый. Он предложил, чтобы Конгресс провел закон, разрешающий неграм покупать землю в рассрочку, а поскольку денег у негров мало, правительству нужно организовать «Национальную компанию земли и кредита», которая и выдавала бы субсидии. Деньги, по Дугласу, для начала требовались смешные — один миллион долларов.

Конгресс эту идею отверг — и в дальнейшем северяне старательно проваливали любой план, способный вытащить чернокожих из нищеты. Война закончилась победой, цели были достигнуты (то есть с Юга *содрали* достаточно), а значит, можно было забросить подальше те благородные лозунги, которыми раньше приманивали наивных романтиков...

Серьезные люди старательно пилили деньги. При чем тут голодающие негры? Они свое получили и так: паре сотен из них навесили красивые, блестящие медальки, придуманные генералом Батлером. Серьезные люди полагали, что и этого вполне достаточно для каких-то там черномазых.

А на Юге помаленьку лилась кровь...

2. Свобода без равенства и братства

Серьезные люди с Севера, пообещав неграм конфискованные у мятежников земли, как раз и вытолкнули их вперед в качестве силы, способной все разломать...

Негры купились, и винить их за это не следует: после всего пережитого они были хмельны от свободы и перспективы для себя видели радужные. Тем более что «саквояжники» с добрыми-добрыми глазами неустанно на-

шептывали нечто, крайне напоминающее куплет «Интернационала»:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем...

Негров толкнули во власть массами — шеренгами, рядами и колоннами. Подавляющее большинство из них были неграмотны — семь из каждых восьми. Но из них комплектовались «конституционные конвенты» — собрания, которым предстояло принять новые конституции южных штатов. Вудро Вильсон отмечал потом, что депутатами сплошь и рядом становились «лица, которые могли написать лишь свое имя и не имели ни малейшего понятия о власти». То есть происходило совершенно то же самое, что впоследствии наблюдалось в революционной России: во власть толпами загонялись люди неграмотные и не имевшие никакого опыта государственной работы, зато безупречные с точки зрения рабоче-крестьянского происхождения. Разница только в том, что в новорожденной Советской России не маячили за кулисами денежные мешки, намеревавшиеся прибрать к рукам страну. А во всем прочем — сходство порой поразительное...

Вильсон: «Негры были главными избирателями. Избранные ими конвенты и правительства, образованные этими конвентами, были созданы для того, чтобы обеспечить власть неграм».

Примечание на полях: «власть негров» с белыми «освободителями» за спиной, подсказывавшими на ухо, какую бумажку следует подмахнуть, — разумеется, в целях будущего устройства райской жизни для бывших рабов...

Из шестнадцати негров, избранных за эти годы в Конгресс США, только четверо закончили университеты на Севере и за границей. Остальные были бывшими рабами, образования не имевшими вовсе. При всех их благих намерениях они, естественно, не могли обойтись без белых подсказчиков...

В законодательном собрании штата Южная Каролина две трети негров-депутатов вообще не умели ни читать, ни писать. При всем сочувствии к бывшим рабам приходится признать, что эти люди все же мало подходили на роль законодателей штата...

Напряженность росла. В штате Миссисипи во время выборов негры шли к избирательным участкам строем, «как солдаты, вооруженные палками и дубинами, некоторые из них со старыми саблями и клинками из обломков кос» (93). Некий негритянский лидер из Виргинии заявил во всеуслышание: «Прежде чем какой-нибудь негритянский ребенок испытает муки голода, улицы Ричмонда будут по колено залиты кровью. И слава богу, что негры научились пользоваться ружьями, пистолетами и шомполами».

Трудно винить белых, которые, видя и слыша все это, выходили на улицу с кольтом в кармане. Именно это стремление к самозащите во времена «разгула демократии» северные комиссары, а вслед за ними и советские историки именовали «активизацией реакционеров»...

И наконец, вышло так, что негры в новых органах власти получили непропорционально большое количество мест, не соответствовавшее численности черных и белых — что белым не прибавило душевного спокойствия и дружелюбия...

Житель Нью-Йорка, посетивший заседание свежеизбранного конгресса Южной Каролины, получил нешуточ-

ный шок: спикер был черный, секретарь — «черный и наглый», черных конгрессменов оказалось сто один, а белых — всего двадцать три. При том, что негры составляли примерно сорок процентов населения штата*. Обстановка была самая непринужденная: черные конгрессмены «скандалили и бранились, как на пиратском судне».

А где-то в сторонке маячили «саквояжники» — в чьи карманы и утекали огромные денежки из средств Бюро освобождения и многочисленных фондов, якобы служивших для помощи черным. Разумеется, это была не местная самодеятельность — приходилось делиться с «парнями из Вашингтона», а как же иначе, коли от них и зависело щедрое выделение новых траншей...

Законы нарушали не просто демонстративно, а с какой-то показной лихостью, с простодушно-циничным ухарством. Чтобы обеспечить «правильное» большинство в конвенте штата Миссисипи, туда быстро *пропихнули* двадцать бывших солдат федеральной армии, срочно прибывших с Севера, — они прежде в штате не жили и согласно всем писаным законам не имели права избираться в конвент, но кого это волновало? Главное было — протащить «правильных»...

Опорой всех этих революционных перемен были дислоцированные на Юге негритянские полки федеральной армии. Вдобавок моментально появилась хорошо вооруженная негритянская милиция и масса других вооруженных объединений, довольно прозрачно замаскированных под «стрелковые клубы», «охотничьи общества» и прочий досааф.

* Даже если согласиться с теми источниками, что отводят негритянскому населению штата 60 процентов, пропорция все равно выходит не вполне справедливая...

Ну, а если в первом акте на стене висит ружье...

Кое-где начались вооруженные столкновения между негритянскими солдатами и белыми, так что специально посланным белым федералам приходилось их разнимать. Без сомнения, часть этих кровавых стычек лежит на совести тех белых, которых со спокойной совестью и впрямь можно назвать «реакционерами», — но согласно логике жизни часть вины следует переложить и на негров, выступавших зачинщиками. Повторялось то, что когда-то случилось в Канзасе: фермы сжигали, а их хозяев убивали по «подозрению» в тайной антинегритянской деятельности — как некогда Джон Браун...

И наконец, по Югу разгуливали чисто уголовные черные банды, грабившие всех без разбора с голодухи...

В той же Южной Каролине «добровольческие отряды» хорошо вооруженных негров насчитывали четырнадцать полков по тысяче человек в каждом. Отдельные — реакционные, конечно же, журналисты! — именовали их «негритянским ку-клукс-кланом».

Я вовсе не хочу сказать, что белые были ангелами, а черные — дьяволами. Но никак нельзя и утверждать, будто ангелами были черные, а монстрами — белые. Простонапросто северяне создали обстановку «хорошо управляемого хаоса», в которой взаимные обиды, наложившись на прежние сложности, создали кровавую неразбериху, где невозможно отыскать правых и виноватых... Такое в истории частенько случается.

Мудрым человеком был поэт Некрасов, писавший после освобождения крестьян в России:

> Распалась цепь великая, распалась и ударила —
> Одним концом по барину, другим — по мужику.

Примерно так же обстояло дело и на Юге.

Буквально в то же самое время Б. Н. Чичерин, русский философ, историк, публицист и общественный деятель, профессор кафедры государственного права, сделал наивную попытку усовестить Герцена, из Лондона призывавшего Русь «к топору». Он писал в своем обширном послании: «Необузданные порывы могут иметь свою политическую прелесть, но в общественных делах прежде всего требуется политический смысл и политический такт, который знает меру и угадывает пору... В обществе юном, которое не привыкло еще выдерживать внутренние бури и не успело приобрести мужественных добродетелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднее, нежели где-либо. У нас общество должно купить себе право на свободу разумным самообладанием, а вы к чему его приучаете? К раздражительности, к нетерпению, к неуступчивым требованиям, к неразборчивости средств... Вам, во что бы то ни стало, нужна цель, а каким путем она будет достигнута — безумным и кровавым или мирным и гражданским, это для вас вопрос второстепенный... Палка сверху и топор снизу — вот обыкновенный конец политической проповеди, действующей под внушением страсти!» (214).

Эти слова во многом применимы и к ситуации на Юге — когда вместо взвешенной, продуманной работы ломают старое и ставят жизнь с ног на голову — жди крови...

А ведь писал более чем за семьдесят лет до Реконструкции умнейший человек Томас Джефферсон: «Глубоко укоренившиеся среди белых предрассудки, десятки тысяч воспоминаний о несправедливости и обидах, перенесенных черными, новые обиды, реальные различия, созданные самой природой, и многие другие обстоятельства будут разделять нас на два лагеря и вызывать потрясения...»

В 1867 г. появилась тайная организация, именовавшаяся ку-клукс-клан, выросшая из разрозненных отрядов вроде «Черной кавалерии» и «Ордена Золотой Зари»...

Писать о ней трудно, тяжело — поскольку за прошедшие полтора столетия само название этой организации стало символом зверства, реакционности, террора. Однако с большим тактом все же следует попытаться что-то *понять*...

Начнем с того, что ку-клукс-кланов было *два*. И речь пойдет именно о *первом*, который в значительной степени (о чем сегодня начинают писать прямо) был все же организованным ответом на террор черных. Нравится это кому-то или нет, задевает ли это чью-то трепетную интеллигентскую душу (или менталитет советского историка, привыкшего десятилетиями пережевывать устоявшиеся штампы, освященные Марксом и Лениным), — но так оно тогда и обстояло... Первый клан был ответом на черный террор, бандитизм, разгул всевозможного криминала...

Северянин Вудро Вильсон: «Было ясно, что причиной волнений в южных штатах являлось лишение избирательного права лучших белых и не в меньшей степени признание этого права за наиболее невежественными черными» (61).

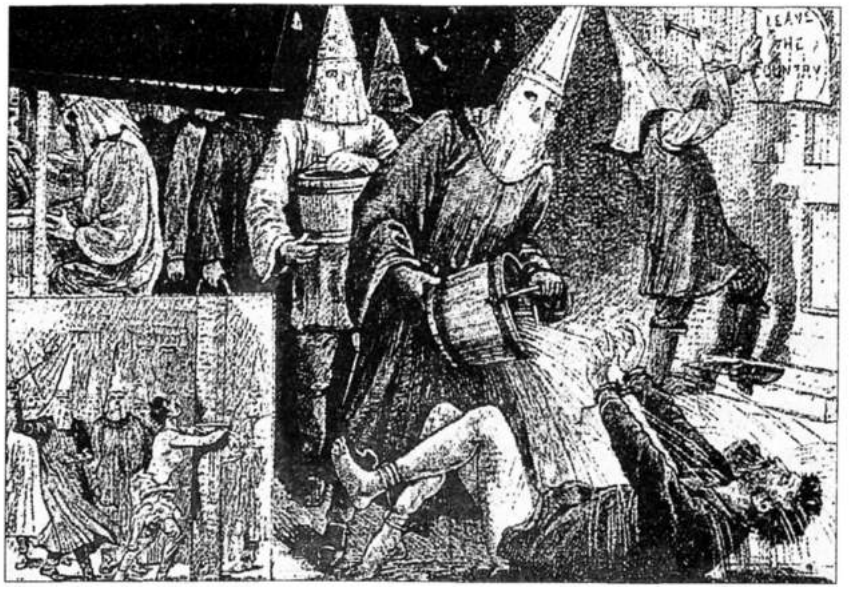
Что — с оговорками и реверансами — признается не только в нынешней прессе (31), но и в достаточно серьезных исторических книгах (37). Лёд тронулся. На место былой идеологической зашоренности пришел вдумчивый объективный анализ...

Вот выдержки из дневника куклусклановца Рэндольфа Шотвелла, сделанные в тюрьме, куда его северяне упрятали не за конкретные прегрешения, а всего-навсего за членство в клане. Не оправдывая южан, все же нужно попы-

таться их понять и выслушать их точку зрения (обязанностью любого суда как-никак является выслушать обе стороны).

«Ку-клукс-клан был закономерным результатом деятельности юнионистских лиг и бюро по делам освобожденных негров и, следовательно, самим своим существованием обязан радикальным мероприятиям. Какие унижения, вымогательства, преследования и личные придирки пришлось терпеть южанам от полчищ авантюристов и шулеров, обосновавшихся на Юге при покровительстве бюро по делам освобожденных негров и департамента государственных сборов, — об этом могут знать лишь те, кто имел несчастье перенести их. В каждом городе и деревне был мелкий самодержец в мундире, его приказы были законом для всех, и его самодурства боялись больше, чем присутствия вражеских войск. Теперь кажутся смешными случаи, когда какой-нибудь воинственный герой гонялся с обнаженной шпагой за полуобезумевшим мирным жителем по улицам мирного городка, чтобы срезать несколько ржавых конфедератских пуговиц с его костюма, или посылал вооруженный отряд арестовать почтенную даму потому, что кто-то видел ее маленьких девочек, играющих во дворе с чем-то напоминающим флаг мятежников. Тем не менее подобные подвиги были часты во многих районах Юга вплоть до 1867 г.» (124).

Самое интересное, что эта цитата взята из советской книжки тридцатилетней давности — и ее автор, добросовестно, с положенным пафосом обличающий куклуксклановцев, тем не менее оказался не в состоянии привести *примеры* «зверств» и «кровопролития». Оказывается, клановцы действовали скорее методами психологической войны — «эффектные ночные конные парады», например.

«Зверства» куклуксклановцев

Или в селениях, где обитали наиболее буйные чернокожие, лунной ночью вдруг объявлялся жуткий всадник. Чихал так, что из носа и ушей выбрасывало языки пламени, потом просил у перепуганного хозяина хижины напиться, осушал пару ведер (под белым балахоном был прикреплен кожаный мешок) и удовлетворенно крякал:

— Лучше водички не пил с тех пор, как меня под Шайло укокошили...

После чего негру на прощанье протягивалась рука — точнее, взаправдашняя кисть скелета. Иногда всадник снимал голову — самый настоящий череп — и просил хозяина подержать. И скрывался во мраке. На суеверных негров такие спектакли действовали прекрасно, да и не только на них — желающие могут вспомнить отличный фильм «Дикая охота короля Стаха» (по одноименному роману).

Посмотрите на рисунок, изображающий «зверства куклусклановцев в Канзасе» (выполнено тогда же, в XIX в.) С первого взгляда ясно, что зверства получаются какие-то... несерьезные. Человека всего-навсего обливают водой из бадеек — а не, скажем, соляной кислотой. Никак не похоже, что кто-то собирается его вешать или резать. Тот бедолага, которого секут на меньшем рисунке, судя по внешности, определенно белый. Кроме того, что немаловажно, мы не знаем, *почему* его порют. Это вовсе не обязательно «борец за гражданские права негров» — с тем же успехом наказуемый может оказаться местным уголовником вроде печальной памяти братьев Крейч. Эти белокожие субъекты выпускали на промысел несколько негритянских шаек, скупая у них награбленное и краденое. Однажды ночью прискакали всадники в белых капюшонах, вытащили брательников из дома и без церемоний вздернули на первом суку. После чего, надо полагать, криминогенная обстановка в округе проявила стойкую тенденцию к спаду...

Сплошь и рядом убийства, в которых второпях обвиняли членов ку-клукс-клана, так и оставались нераскрытыми — но частенько эти жертвы (вполне возможно, павшие от руки провокаторов — впервые, что ли, такое случается в мировой истории?) в дальнейшем фигурировали непременно как «убитые клановцами». Где-то мне попадалась совершенно шизофреническая статистика, согласно которой за 1865–1870 гг. клановцы убили на Юге аж пятнадцать тысяч человек. То есть примерно по десять каждый день.

Цифра совершенно нереальная. Такого массового побоища просто не могло случиться на Юге, оккупированном и полным как всевозможных «черных ополчений», так и северных «комиссаров». Да и клан появился только в 1867 году...

Насколько можно судить по старым донесениям в Вашингтон, клановцев обвиняли главным образом в том, что они «нагло устраивали шествия средь бела дня» — что конституции, между прочим, нисколечко не противоречило.

Вот характерный пример «зверств клановцев». Заметка из ведущей демократической газеты штата Джорджия (17 февраля 1871 г.): «Убийство негра, члена законодательного собрания. Эбе Тенер, негр, избранный в законодательное собрание от округа Патнэм, был убит во вторник около Истэнтауна. Кем он был застрелен — неизвестно».

И тут же убийство объявили «террором клана». Хотя согласно презумпции невиновности, которая и в Америке презумпция, с равным успехом чернокожий депутат мог стать жертвой ревнивого мужа или грабителя с большой дороги.

И наконец, прекрасно известны случаи, когда черные «бдительные» убивали белых исключительно по *подозрению* в членстве в клане.

Почему, кстати, среди оккупировавших Юг федеральных частей были чисто негритянские полки? Почему с момента их формирования черных отправляли к черным, а белых — к белым?

Да просто потому, что «благородные северные освободители» категорически отказывались служить в одном полку с «черномазыми»...

Не на Юге, а на Севере избили в поезде возвращавшуюся с фронта знаменитую Гарриет Табмен — «черномазая» в военном френче осмелилась сесть в вагоне рядом с белыми, вот ее и проучили как следует, чтобы не принимала всерьез лозунги и призывы... (Табмен, кстати, военные власти так и не признали «ветераном войны» и лишили

пенсии. Умерла она в совершеннейшей нищете, перед первой мировой войной, и еще успела застать большой негритянский погром — в том городке, возле которого родился Линкольн...)

Посмотрим, как вели себя победители.

Техас, 1872 год. Когда республиканские кандидаты провалились на выборах — и губернаторских, и в законодательное собрание штата, — «либералы» отказались признать законность выборов. Кандидат «саквояжников», считавший победителем именно себя, поднял негритянскую милицию, захватил некоторые правительственные здания, так что в Техасе появилось два губернатора, два конгресса... Судя по тому, что Вашингтон все же одернул именно *своих*, южане действительно победили...

Два года спустя то же самое повторилось в Арканзасе. «Саквояжники» и лидеры черного ополчения выборы проиграли, но проигрыша не признали, и в столице начались настоящие бои за телеграф, железную дорогу, здание Конгресса. И снова Вашингтон был вынужден одернуть своих и даже разоружить наиболее рьяных с помощью федеральных войск, а это кое о чем говорит.

В нескольких штатах началась настоящая война — по отзывам очевидцев, некоторые бои были «настолько же серьезны, как и сражения Гражданской войны». На Юге вспыхнули *восстания* белого населения, доведенного до отчаяния. Подавляли их регулярные войска с артиллерией...

Ку-клукс-клан был официально распущен и прекратил существование в 1878 г., когда оккупационные войска были выведены с Юга. Имена организаторов и руководителей клана так и остались навсегда тайной.

И только в 1915 г. был создан *второй* ку-клукс-клан — из новых людей, не имевший никакого отношения к прежнему. Именно *этот* клан и в самом деле запятнал себя многочисленными зверствами...

Вот только, что характерно, второй клан едва ли не больше отделений и членов имел не на Юге, а на Севере! На 1924 г. в южных штатах было от пятидесяти до двухсот тысяч клановцев в каждом — а в западной Индиане полмиллиона, в Огайо, оплот северян во время Гражданской — четыреста пятьдесят тысяч... Объясняется все просто: на Севере оказалось множество черных рабочих, и следовало держать их в узде. Для этого и был создан второй клан, уже не имевший никакого отношения к тому, прежнему. Но в общественном сознании деятельность обеих организаций совместилась...

Строго говоря, у северян с самого начала был прекрасный способ решить проблему раз и навсегда: дать неграм достаточно земли, а не загонять в качестве батраков на плантации к старым и новым хозяевам. Но на это-то Север как раз никогда и не пошел — причем такой исход никак нельзя списать на «козни южан»: Север всегда делал только то, что сам хотел...

Ну, а когда негры пытались сами захватывать землю, их всякий раз (примеров множество) выгоняли с помощью жестоко подавлявших восстания федеральных войск. Сплошь и рядом своих чернокожих братьев колошматили прикладами как раз солдаты негритянских полков...

Только в одном единственном районе (побережье Южной Каролины и Флориды и близлежащие острова) неграм удалось добиться своего. Они захватили плантации, разделили земли и успешно отбивали все попытки их оттуда выставить. Главным образом им это удавалось на островах. Посылать туда крупные силы было затруднительно, в конце концов власти и бывшие хозяева махнули рукой — и черные остались на «завоеванных» землях. Но этих ве-

зунчиков насчитывалось всего-то сорок тысяч из нескольких миллионов чернокожих...

А потому негры Юга, чтобы не умереть с голоду, массами хлынули на Север в поисках работы. После того как в 1865 г. от голода в южных штатах погибло двести тысяч чернокожих, оставшиеся в живых готовы были ухватиться за любую работу...

Север их встретил без малейшего дружелюбия. Профсоюзы категорически отказались принимать к себе «черномазых». Как ни прискорбно напоминать такое марксистам, но из песни слов не выкинешь: американское отделение Марксова «Интернационала» отстранилось как от Реконструкции, так и от борьбы за права негров-пролетариев (61).

Быстро сориентировавшись, северные фабриканты стали использовать негров как штрейкбрехеров, отправляя их туда, где бастовали белые, чтобы «черная скотинка» вкалывала за гроши. Естественно, белым это любви к черным не прибавило, и негры очень быстро поняли, что здесь им не лучше, чем на Юге, а то и хуже...

3. Поле чудес

Север после ограбления Юга (это не я сказал про «ограбление», напоминаю, а Дж. Ф. Кеннеди!) чувствовал себя сытым удавом, заглотившим быка. В некоторых штатах более двух третей земельных участков прибрали к рукам северные победители. На Юг хлынул знакомый народ: спекулянты финансовые и земельные, банкиры, лесопромышленники, горнозаводчики, «телеграфисты», железнодорожные магнаты. Им сыпались жирные субсидии из казны, им выбивались всевозможные налоговые льготы. Олигархия формировалась так стремительно, что старушка Европа не могла прийти в себя от удивления...

Жил-был когда-то на свете интересный человек — англичанин Джон Брей, наборщик, активный участник профсоюзного движения (хоть оно и называлось тогда иначе). В 1837 г. он выпустил книгу, которую любопытно читать и сегодня (17). Прожив достаточно долго в США, он тогда же сделал любопытное предсказание: «Зародыш монархии заложен в самом строении американского общества; его черный и кровавый ствол уже стремится вверх из социальной почвы, и можно с уверенностью предсказать на основании общего хода событий, что республика Соединенных Штатов будет поглощена монархией или олигархией еще до конца настоящего столетия, если только это движение не будет остановлено изменением в строении общества».

Под «изменениями» социалист Брей полагал сами понимаете что. Изменений так и не произошло, монархии тоже не случилось, но насчет олигархии Брей угодил в самую точку (в чем с горечью убедился, дожив до того момента, когда его мрачные пророчества начали исполняться...).

Ах, какие колоритные типажи шныряли тогда по американским просторам, выхватывая золото прямо-таки из воздуха! Березовский по сравнению с ними — мелкая сявка, тыряшая пятачки по карманам...

Филипп Армор в одночасье «заработал» три миллиона долларов на поставках мяса для армии — хотя из бочек с тухлятиной, которую он поставлял, кучами сыпались черви.

Джон Фиск начинал с того, что контрабандой во время войны вывозил с Юга хлопок. Потом продал армии груды залежавшихся в магазинах одеял, которые цивиль-

ные покупатели не брали из-за неприглядной расцветки. И *поднялся* на довольно остроумном деле. В ближайшем к Англии (по прямой через морскую гладь) порту он нанял быстроходное судно — и, едва стало известно о капитуляции южан, отправил на нем в Лондон своего человечка. Тот быстренько *скинул* облигации Конфедерации на приличную сумму — они на лондонском финансовом рынке котировались уже довольно низко, но все же выручить за них денежки можно было. Через два дня, когда весть о крахе Юга дошла до Англии, цена облигаций упала ниже плинтуса — но Фиск свои деньги огреб.

И кинулся в железнодорожный бизнес, где ухитрился надуть не кого-нибудь, а Вандербильта, известного тем, что палец в рот ему не клади — голову откусит. Комбинация была по тем временам свеженькая, незатрепанная: Вандербильт, решив прибрать к рукам железнодорожную компанию (где одним из трех основных акционеров был Фиск), потихоньку начал скупать ее акции — а они росли в цене, росли, росли... Вандербильт тем времени их скупал, скупал, скупал...

Набрав долгожданный 51 процент, он возликовал в душе и послал за шампанским. Но не успела пробка вылететь в потолок, как стало известно, что Фиск пробил через правление выпуск сотен тысяч новых акций, которые не сумели бы скупить и десять Вандербильтов сразу. Контрольный пакет Вандербидьта мгновенно превратился в лопнувший мыльный пузырь — но потратить на него он успел миллионы...

Торжествующий Фиск на пару с приятелем Гулдом перекинулся на золото. Подельники стали монополистами по торговле золотом в Нью-Йорке. После очередных махинаций, о которых тут нет смысла рассказывать подробно,

они устроили финансовый кризис под названием «Черная пятница», положив в карман кругленькую сумму в 11 миллионов долларов.

Фиск, правда, кончил плохо — один из разоренных им бизнесменов пристрелил его прямо в вестибюле роскошного «Гранд-Отеля». Но это был чуть ли не единственный из «баронов-разбойников», с которым произошла столь досадная случайность, — коллеги по бизнесу благоденствовали.

Вандербильт захватил одну из важнейших в стране Центральную железную дорогу — на сей раз он не полагался на контрольный пакет. Нанятые им банды разбирали рельсы, портили мосты, начались крушения, налеты грабителей, почему-то из всех железных дорог облюбовавших именно эту. Пассажиры отхлынули. Замаячило банкротство. Тогда к владельцам убыточной дороги явился Вандербильт и быстренько ее купил за смешные деньги. Все всё знали, но связываться никто не рискнул.

В 1865 г. завел свой крохотный керосиновый заводик делец с ничем не примечательной еще фамилией Рокфеллер. Через пять лет его состояние уже оценивалось в миллион...

В 1860 г. более половины «земельного фонда» страны находилось в ведении правительства в качестве «федеральных земель». К 1900 г. из этого немалого количества осталось только десять процентов. Остальное каким-то загадочным образом перешло к железнодорожным компаниям и горнорудным трестам. Две цитаты из американских историков: «Каждое крупное состояние в XIX в. уходит своими корнями в жульничество». «В своей всепоглощающей страсти к накоплению богатства люди растаскивали ресурсы страны, как бандиты, грабящие дворец» (88).

Беда не в том, что люди становились миллионерами, — беда в том, что это была изначально *грязная* игра, в которой все решали не деловые способности и талант, а закулисные махинации, коррупция и прямая уголовщина...

О «баронах-разбойниках» можно написать не одну книгу (немало, кстати, и написано). Это было бы увлекательнейшее чтение, но ограничимся кратким резюме: после окончания Гражданской войны огромные богатства как на Юге, так и на Севере были оперативно «прихватизированы» кучкой темных дельцов, в одночасье ставших олигархами. Без победы над Югом (и без самого Юга) все эти акулы остались бы мелкими рыбешками — и уж безусловно никогда не вышли бы на международную арену.

Когда Корнелиус Вандербильт умер в 1877 г. и обнаружилось, что его состояние достигает ста миллионов долларов, в английский язык пришлось срочно вводить новый термин — «мультимиллионер», чтобы отличать олигархов от «просто» миллионеров.

Теперь можно было сворачивать на Юге и видимость реформ — главная цель была достигнута, золото рекой текло в сейфы, негры уже никого не интересовали...

4. Финал и занавес

В 1871 г. власти окончательно покончили с призраком «индейского суверенитета». Теперь с индейцами не заключали не только договоров, но и куцых соглашений. Краснокожие поменяли юридический статус и стали не «договаривающейся стороной», а «подопечными правительства» (лишенными всех гражданских и политических прав).

К слову, есть информация, что именно устроенные американцами лагеря для индейцев взял за образец для *своих* жутких заведений господин по фамилии Гитлер...

Собственно говоря, поскольку все новое — это хорошо забытое старое, северные ловкачи, под флагом «борьбы за свободу негров» ограбившие всю страну, всего-навсего позаимствовали идею у итальянцев тринадцатого столетия. Когда-то славный город Флоренция смертельно враждовал с окрестными баронами, крупными землевладельцами. И победить этих баронов Флоренция никак не могла — поскольку те располагали приличным войском из своих вассалов, пребывавших на полукрепостном положении.

Вот тогда-то ушлые флорентийцы (городские люди, грамотные) и подняли страшный шум: о недопустимости угнетения человека человеком, о свободе, присущей человеку изначально, о подлости «рабовладельцев»-баронов. И развернули целое движение за права «угнетенных баронских рабов».

Понемногу угнетенные стали прислушиваться к словам добрых людей из города, а там и прониклись настолько, что подняли восстание и отказались пребывать в своем нынешнем жалком положении. Флорентийское ополчение без особого труда победило лишившихся войска баронов... а годиков через пятьдесят, когда от былой силы баронов и след простыл, вольный город Флоренция не только восстановил в своих владениях самое настоящее *рабство* для некоторых категорий населения, но и расширил его по сравнению с прошлой баронской практикой... Аналогия лежит на поверхности.

В Штатах очень быстро наступило самое натуральное горькое похмелье: люди, частенько самой жизни не щадившие за «благородное дело Севера», стали с ужасом и отвращением сознавать, для *чего* их использовали.

Жорж Клемансо, будущий видный французский политик, по молодости лет восторженно относился к «священной войне Севера», Линкольна считал величайшим в истории политическим деятелем, а США — землей обетованной. Приехав туда и своими глазами наблюдая президентские выборы 1868 г., объездив южные штаты, восторженный юноша пришел в ужас, узрев коррупцию, северный расизм, закулисные партийные махинации. Именно после американской поездки Клемансо первым ввел во французский язык понятие *политикан* — со всем присущим этому термину отрицательным значением.

Но вернемся к северянам...

Один из самых знаменитых писателей Америки Амброз Бирс был из тех, кто совершенно искренне верил в *слова*. Он прошел войну в федеральной армии, участвовал в нескольких сражениях, был тяжело ранен. Однако потом, насмотревшись на то, что творил в Новом Орлеане «мясник» Батлер, вплотную столкнувшись с разгулом «саквояжников», которых по долгу федерального офицера должен был защищать и оберегать, Бирс, по воспоминаниям его знавших, откровенно сожалел, что с таким пылом сражался за «северное дело», оказавшееся лишь ширмой для хапуг...

Другой писатель, Джон Дефорест, сейчас почти забыт — но когда-то пользовался в США большой известностью. Он воевал три года, дослужился до пехотного капитана. Мало того, отечеству служил не только саблей, но и пером — написал когда-то очень популярный в Штатах роман «Мисс Рэвенел уходит к северянам» (46), увидевший свет в 1867-м, — о семье южных плантаторов Рэвенелов, которые сначала поддерживали исторически обреченное, реакционное дело южан, но потом, прозрев, нашли в себе силы порвать со своим классом и дружно, всем семейством, перешли на сторону благородного, прогрессивного, свободолюбивого Севера. Идейно выросли, одним словом. Перековались.

Ну, а потом та же история, что с Бирсом: Дефорест присмотрелся, огляделся... Ужаснулся. Сообразил, за что воевал и ради чего все было затеяно.

Бирс, по крайней мере, так и остался талантливым беллетристом — а вот Дефорест был определенно сломлен. До конца жизни он писал политические памфлеты — о коррупции в политической жизни, о мошеннических махинациях разбогатевших на войне северных дельцов, об аферистах, прохвостах, взяточниках, казнокрадах и тому подобной шушере. Когда он под конец жизни пытался вернуться к литературе и написал роман о рабочих, ничего не получилось: издателя не нашлось, рукопись так и исчезла (предполагают, уничтожена автором...).

Беда во всех этих «прозрениях» и «раскаяниях» одна: они происходят, когда ничего уже нельзя исправить и переиграть. А потому и нет особой жалости к таким кающимся...

В 1876 г. федеральные войска были выведены из большей части южных штатов. Произошло это не с бухты-барахты, а в результате закулисной сделки с южными политиками, на которую Север охотно пошел, едва прозвучало магическое слово «выгода».

Дело в следующем.

В 1876 г. во время очередных президентских выборов ситуация сложилась прямо-таки критическая. Не вдаваясь в особенно запутанные политические хитросплетения, изложу кратко: кандидаты республиканцев и демократов шли примерно голова в голову. По американским законам, президента выбирает не все население, а выборщики от штатов. Республиканцу к уже имеющимся голосам следовало

получить один-единственный, чтобы добиться победы. Демократ получил меньше — но у выборщиков от трех южных штатов оставалось в «запасе» еще 19 голосов. Если бы они их подали за своего, демократ обошел бы республиканца...

Это могло привести к серьезному кризису. В сенате большинство держали республиканцы, а в палате представителей — демократы. И те, и другие открыто говорили, что победу противника признают незаконной и обязательно постараются отстранить нового президента от должности. По сложившейся традиции республиканцы приготовились и на сей раз решить дело оружием: генерал Грант, военный министр, стал сосредоточивать войска возле столицы, радикалы в открытую грозили, что устроят поход на Вашингтон и «покритикуют» всех политических противников — что на их языке этот оборот означал, догадаться было нетрудно.

Страна оказалась на пороге новой гражданской войны...

Партийные боссы с обеих сторон, настроенные решить дело мирно, собрались где-то на нейтральной территории и уладили проблему: Юг обещал согласиться с президентом-республиканцем, а Север, в свою очередь, выводил с Юга войска, отзывал всех своих «комиссаров», одним словом, отменял оккупационный режим и возвращал Югу все права, то есть самоуправление...

Ударили по рукам — и вскоре северные войска ушли из двух последних штатов, где еще оставались, — из Луизианы и Южной Каролины. Следом за ними убрались «саквояжники», уже превратившиеся в весьма состоятельных господ. Финал и занавес. Обозленные южане быстро стали принимать законы, насколько возможно ограничивающие негров в правах...

Это, конечно, южан не красит — но в том-то и суть, что *новое* закабаление чернокожих проводилось Югом не

самостоятельно, а с циничного одобрения Севера. В 1875 г. был принят Закон о гражданских правах чернокожих, уравнявший их с белыми. Однако в 1883 г. Верховный суд США принял Четырнадцатую поправку к Конституции, по которой любой штат мог этот закон не соблюдать... Обоснование было циничнейшее: мол, федеральное правительство обязано соблюдать только те законы о равноправии, которые само издало. А вмешиваться в юриспруденцию отдельных штатов, пусть и вводящих расовую дискриминацию, у правительства нет полномочий — и оно не в состоянии посягать на исконно американские свободы...

Именно так и мотивировалось: сами мы никаких дискриминационных законов на федеральном уровне, боже сохрани, не вводим, но и на штаты влиять не можем...

Знаете, что самое пикантное? Единственным членом Верховного суда, который выступал против такого решения, был *южанин*, мало того — бывший рабовладелец! Но его задавили большинством коллеги, прогрессивные северяне...

И родилось то, что именуется «расовой сегрегацией»: черные и белые должны были обитать раздельно — свои районы, свои вагоны в трамваях и поездах, свои больницы, школы, кладбища, воинские части и даже тюремные камеры. Ну, а негру, сдуру или из принципа решившемуся перейти на «белое» место, приходилось ох как несладко. Это новшество появилось исключительно благодаря трудам северян. К слову, расовая сегрегация в армии США была отменена указом президента Трумэна только в 1948 г., а запреты на совместное обучение черных и белых — еще позже.

Север вся эта лирика-романтика нисколько не волновала — как и незавидная участь негров, попавших из огня

да в полымя. В солидной нью-йоркской газете «Дейли Трибюн» появилась примечательная статья: «Капиталисты-северяне убедились не только в безопасности, но и в возможности получать колоссальные прибыли от инвестиций в развитие сказочно богатых ресурсов угля и железа в Алабаме, Теннесси и Джорджии» (58).

А также, добавлю, железнодорожные и телеграфные магнаты, лесоторговцы и лесопромышленники, земельные спекулянты и прочая предприимчивая публика с Севера. Настоящие цели войны, как видим, были достигнуты, в чем Север, ничуть не смущаясь, признавался открыто. Кого теперь интересовало, как живут на Юге негры?

Именно тогда родилась горькая негритянская песенка:

Негр сеет хлопок на холме,
Негр уберет его.
Белый возьмет себе деньги,
А негру не даст ничего.
Сидит на ветке дятел,
Он учится считать:
Все белые забрали,
А негр ни с чем опять...

В тридцатые годы XX в. американцы устроили крайне полезное предприятие — Федеральный писательский проект. Заключался он в том, что множество энтузиастов (главным образом начинающие писатели и журналисты) ездили по стране, старательно интервьюируя стариков, помнивших Гражданскую войну и Реконструкцию, освоение новых земель, «золотую лихорадку» и все прочее, представлявшее огромный интерес для потомков. В результате появилось множество интереснейших сборников воспоминаний.

Среди прочего сохранился рассказ бывшего раба Томаса Холла: «Линкольна почитают в качестве нашего освободителя, но разве он нас освободил? Он дал нам свободу, не дав ни единого шанса самостоятельно жить, и до сих пор мы должны зависеть от белых южан в вопросах работы, еды и одежды; он же, исходя из своей необходимости и потребностей, держал нас в состоянии крепостных, которое не многим лучше рабства» (58).

Интересный нюанс: в СССР никогда не издавали книгу Уильяма Дюбуа «Черная реконструкция». Уж на что Дюбуа был свой в доску коммунист, но *эту* его книгу старательно обходили вниманием. Причина названа открыто: «Основной недостаток книги заключается в том, что автор ошибается в оценке характера событий периода Реконструкции... имеется в книге и ряд других недостатков». Другими словами, Дюбуа определенно, несмотря на свои коммунистические взгляды, все же натолкал в свою работу немало фактов, которые, надо полагать, категорически не сочетались с принятыми в советской историографии штампами, — так было с «Автобиографией», где он простодушно признался, что черные долго колебались, стоит ли вообще участвовать в «освободительной войне»...

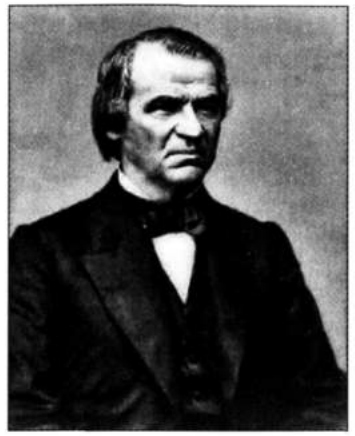
Еще одно немаловажное обстоятельство. В советской исторической науке было принято валить с больной головы на здоровую — то есть единственным и главным виновником последующего неравноправия негров и расовой сегрегации, монстром и супостатом изображался Эндрю Джонсон, вице-президент при Линкольне, после его убийства ставший президентом. Исключительно на том основании, что Джонсон имел несчастье родиться на Юге, его зачисляли в «тайные агенты плантаторов», считали «засланным казачком», который якобы и угробил все благородные северные начинания из-за своих потаенных симпатий к разбитым рабовладельцам...

Все это мало соответствует действительности и объясняется только тем, что из своего лондонского далека Карл Маркс обозвал Джонсона «грязным орудием в руках рабовладельцев» без всяких на то причин — а потом советские марксисты слова основоположника творчески развивали.

Правда, случались интересные неувязки. В одной фразе можно было прочитать марксово определение, а следом утверждалось, что Джонсон «не оправдал классовых интересов буржуазии», за что северные буржуины и пытались его сместить. С одной стороны — «грязное орудие», с другой — «не оправдал доверия своего класса». Подобная словесная эквилибристика наталкивала на мысль, что дело определенно нечисто. Не было ответа на самый принципиальный вопрос: отчего же Линкольн, в жизни не страдавший простотой и доверчивостью, выбрал себе в вице-президенты именно Джонсона — «сторонника рабовладельцев»? Или все эти годы Джонсон, подобно Семену Семенычу Горбункову, «искусно маскировался под порядочного человека» и лишь после смерти Линкольна сбросил маску, обнажив свое звериное мурло?

Но если так, отчего Дж. Ф. Кеннеди, сроду не симпатизировавший южным расистам, вообще рабовладельцам, в своей книге называет Джонсона «отважным бойцом»? Получается, мы чего-то не знали?

Вот именно. Никаким «тайным сторонником рабовладельцев» и «агентом южан» Джонсон не был отроду. Наоборот, он виноват только в том, что, оказавшись на посту президента, старательно и последовательно, не отклоняясь ни на шаг, *продолжал* разработанную Линкольном программу послевоенного переустройства страны. То есть делал все, чтобы помешать олигархам окончательно разграбить Юг — за что и был ошельмован, оклеветан, едва не свергнут...

Эндрю Джонсон

Настоящая биография Эндрю Джонсона никак не сочетается с образом «тайного сторонника рабовладельцев»...

Джонсон родился в южном штате Теннесси — но в семье классического «белого бедняка», в жизни не владевшего ни плантациями, ни неграми. Джонсон — единственный из американских президентов, который *вообще* ни дня не посещал школу, был самоучкой. Объективности ради следует упомянуть, что, слегка разбогатев, он стал рабовладельцем — невольников у него имелось аж целых восемь. Что с ними было потом, неизвестно — если учесть последующую деятельность Джонсона, он их, вероятнее всего, освободил.

Когда начался Великий Раскол, сенатор от штата Теннесси Эндрю Джонсон оказался *единственным* южным конгрессменом, который проголосовал против отделения Юга. Когда он после этого ехал на родину, в Виргинии разъяренная толпа сторонников Конфедерации выволокла его из вагона и потащила вешать. Никакими шутками и не пахло — Джонсону уже накинули на шею петлю. Спас его кто-то из толпы, во всеуслышание заявивший: вешать Джонсона имеют право только его избиратели-теннесийцы, а никак не виргинцы. То ли он был большим законником, то ли попросту хотел Джонсона спасти. На линчевателей, как ни странно, этот аргумент подействовал, Джонсона они отпустили. Теннесийцы Джонсона вешать

не стали — но его чучела болтались на ветках по всему штату. Джонсон, подвергаясь серьезной опасности, разъезжал по штату, пытаясь отговорить земляков отделяться, — и только убедившись, что все бесполезно, уехал в Вашингтон...

Именно он был среди сторонников решительного ведения войны. Именно он требовал казни руководителей Конфедерации. Именно он заявлял: «Крупные плантации должны быть конфискованы, разделены на мелкие фермы и проданы честным, трудолюбивым людям».

Похож этот человек на «тайного агента южан»? Да ни капельки! Линкольн потому и взял его, даже не члена Республиканской партии, себе в напарники, что был в нем стопроцентно уверен: *такой* не изменит, не продаст, не пойдет на попятный...

И Джонсон покойного шефа не продал. Он методично проводил в жизнь «план Линкольна» — выступал (безуспешно) против отмены «Закона о гомстедах» на Юге, поскольку был одним из тех, кто этот закон разрабатывал и претворял в жизнь. Делал все, чтобы Реконструкция не превратилась в великое разграбление к пользе одних олигархов.

Вот тут за него и взялись всерьез, тут-то на него и кинулись всей сворой экстремисты и радикалы — за спинами которых смутными тенями маячили все те же северные дельцы. Обвиняли даже в том, что Джонсон якобы собирается двинуть на столицу верные войска, разогнать Конгресс и стать диктатором наподобие латиноамериканских. С доказательствами было как-то убого — но шум поднялся изрядный. Заправлял всем наш старый знакомый Тадеуш Стивенс, личность, несомненно, скорбная на голову. А главным обвинителем Джонсона выступал «мясник из Нового Орлеана» генерал Батлер, ставший конгрессменом (которого ненавидели в его собственной партии).

Тадеуш Стивенс

Как уже говорилось, попытка снять Джонсона с должности сорвалась благодаря одному-единственному голосу сенатора от Канзаса Росса — Джонсона он терпеть не мог, но считал «судилище» абсолютно несправедливым. А потому в два счета доказал, что «улики» против президента попросту сфабрикованы «следственным комитетом» Батлера, коему, по словам Росса, всегда были свойственны «предрасположенность к дерьму и грязи»...

Росса буквально затравили. Республиканская партия от него отвернулась, назвав «предателем» (против партийной дисциплины попер!), и кончил он жизнь практически в нищете. Тех, кто хочет познакомиться с этой историей подробно, отсылаю к книге Кеннеди.

Тадеуш Стивенс оказался настолько неугомонным и поистине «бешеным», что ухитрился попасть в Конгресс США... и после своей смерти! Правда, его собственных заслуг в том не было решительно никаких. Просто-напросто господа республиканцы, коллеги «неистового Тэдди», во время очередной избирательной кампании внесли имя Стивенса в списки и яростно за него агитировали — хотя прошло уже два с половиной месяца с тех пор, как того похоронили с почестями. Как это произошло — понять невозможно. Осознанно и старательно проводить в Конгресс заведомого покойника — по-

ступок, для вменяемых людей, в общем-то, не характерный. Как бы там ни было, избиратели *проголосовали* за Стивенса — и мертвец получил юридическое право заседать в Конгрессе, по-прежнему представляя штат Пенсильвания. Хорош сюжетец? (24). Так и тянет написать сценарий фильма ужасов: поздний вечер, опустевшие длиннющие коридоры Капитолия, блондиночка-секретарша собирается домой, и тут в полумраке приоткрывается дверь кабинета Стивенса, высовывается тронутая разложением рука... Брр!

После того как Джонсон покинул свой пост в соответствии с Конституцией, после истечения срока, деловые люди решили, что пускать все на самотек не стоит и пора подыскивать по-настоящему надежного человека. Искали недолго, такой человек был тут же, под рукой: овеянный боевой славой генерал Грант. С одной стороны, фигура крайне привлекательная для электората, с другой, что гораздо важнее, не идеалист, не романтик, не правдолюб, помаленьку занимается бизнесом, а его папочка и вовсе приличный человек — во время войны занимался контрабандной торговлей хлопком с южанами...

Грант вольготно расположился в президентском кресле — и понеслось...

Сам он, насколько можно судить, взяток все же не брал и своим положением для бизнеса не пользовался, что, однако, смягчающим обстоятельством служить не может: *другие* как раз при его благодушном попустительстве и развели несказанную грязь. Грант в этом плане напоминает позднего Ельцина: бывший генерал, имевший, как мы помним, нешуточную страсть к доброму виски, по неделям «работал с документами» — а окружающие этим пользовались на всю катушку.

Письмо посла одного из германских государств: «Когда в школе нам рассказывали о добродетелях античных республиканцев, мы представляли себе республику совсем не такой, как она выглядит здесь. Кругом сплошное жульничество, в правительстве взятки, обман, воровство со стороны самых высших чиновников... Союз — это республика, охваченная коррупцией».

Вице-президент Колфакс периодически оказывался замешан в разных интересных махинациях, сопровождаемых приятным шуршанием зеленых бумажек. Корнелиус Вандербильт, вляпавшись однажды в какую-то очередную аферу, увильнул от расследования, попросту скупив всех влиятельных конгрессменов. Не кто иной, как госсекретарь Хей, грустно констатировал: «У нас больше нет правительства, избранного народом и для народа. У нас правительство, назначенное бизнесом для бизнеса».

Именно при Гранте господа банкиры пробили принятие крайне прибыльного для себя закона: раньше долги, сделанные в пересчете на золото, полагалось оплачивать золотом же. Теперь их следовало вернуть бумажками, которые государство печатало в неимоверных количествах...

О том, что стал представлять собой Конгресс, тогда же высказался американский журналист и редактор У. У. Аллен: «Один сенатор, к примеру, представлял железнодорожную систему „Юнион пасифик", другой — „Нью-Йорк сентрал", еще один — интересы страховых компаний... За углем и железом стояла целая клика, хлопок владел полудюжиной сенаторов. И так далее... То был плутократический феодализм, чрезвычайно респектабельный. Ошейник любого крупного финансового интереса носился с гордостью».

Сенатский старожил Дэвис, как-то проходя со своим

коллегой новичком мимо рядов кресел, даже не понижая голоса, представлял присутствующих:

— Шакал, стервятник, собака-убийца-овец, горилла, крокодил, канюк, старая квочка, голубь, пожиратель индюков... А это волк, сэр, проклятый, голодный, бездельничающий, трусливый волк.

Это он как раз увидел некоего достопочтенного сенатора с Запада...

Некий член кабинета министров сказал писателю Генри Адамсу предельно откровенно:

— Имея дело с конгрессменом, оставаться тактичным невозможно! Конгрессмен — это свинья! Вам надлежит взять в руки палку и дать ей по рылу!

Генри Адамс, набравшись впечатлений в Вашингтоне, в 1880 г. выпустил роман «Демократия» (1), где написал всю правду о тогдашнем политическом закулисье. Роман и сегодня читается с интересом...

Вудро Вильсон, уже в бытность свою экс-президентом, отказался баллотироваться в сенат, объяснив свое решение кратко: «За пределами Соединенных Штатов Сенат не стоит ни гроша. А в Соединенных Штатах Сенат в основном презирают». Приведший эти его высказывания Дж. Ф. Кеннеди добавляет: «В 1920 г. многие были согласны с ним, и есть немало людей, которые согласны с этим мнением и сегодня».

Что до внешней политики, то Грант и тут не подвел тех, кто на него поставил. Сразу после его избрания Штаты бросились укрепляться на островах Карибского моря — где имелись обширные плодороднейшие земли, да вдобавок масса чернокожих бедняков, которых можно было в два счета заставить на этих землях гнуть спину за смешные копейки.

Половину острова Гаити занимало независимое негритянское государство Доминиканская Республика. Едва она

освободилась от испанского владычества, как тут же объявился военный корабль флота США с морской пехотой на борту и крайне представительной комиссией, сопровождаемой репортерами. Не прошло и полутора суток, как комиссия авторитетным образом объявила, что, по ее высокому мнению, весь доминиканский народ единодушно и добровольно хочет присоединиться к США. Сотня морских пехотинцев и пятьсот моряков одобрительно кивали, постукивая прикладами...

Во всем этом балагане активнейшее участие принимал «несгибаемый» негритянский лидер Фредерик Дуглас. Северяне оказались людьми толковыми и Дугласа, не мудрствуя, купили со всеми потрохами: предоставили сначала один неплохой и высокооплачиваемый пост федерального служащего, потом повысили, потом назначили послом на Гаити. Благодарный Дуглас с тех пор выступал в той же роли, в какой обретались «передовые доярки» и «знатные токари» в Верховном Совете СССР. Чуть что, северные политиканы выставляли вперед Дугласа (натуральнейший черный! у нас без обману!), и тот, не моргнув глазом, доказывал, что Республиканская партия — «подлинно рабочая партия страны» и самый верный союзник освобожденных негров; что на Юге все идет не так уж и жутко; что черное население Доминиканской Республики ночи не спит от желания присоединиться к США. Образцово-показательный негр, одним словом. Впервые в истории человечества, что ли? Сколько пламенных трибунов и несгибаемых борцов быстренько продавались властям, и не счесть...

Доминиканскую Республику прибрать к рукам не удалось — в Конгрессе все же сыскалось некоторое количество честных людей, которые эту акцию провалили.

Следующей была Корея. Там еще при Джонсоне занимался крайне интересными делами некий американ-

ский торговец Престон. Объявив на манер Индианы Джонса, что он собирается заняться «раскопками королевских гробниц», Престон направился по реке Тедонган на корабле, вооруженном двумя пушками, — инструменты, понятно, для раскопок самые необходимые. Корейское правительство, заподозрив неладное, попыталось «археологическую экспедицию» выставить. Тогда Престон напал на ближайший корейский город, ограбил все, что успел, но силы оказались неравны, и «археолог» убрался восвояси.

Грант отправил к берегам Кореи не жалкую посудину с двумя пушечками, а эскадру адмирала Роджерса (5 боевых кораблей, 85 орудий, 1230 солдат). Высаженный десант осадил две корейских крепости, однако на тот момент корейцы оказались сильнее делавших первые шаги янки — полностью вывели из строя три корабля из пяти, и американцы вынуждены были уйти. Правда, взяли они свое в 1882 г., заключив кабальный для Кореи договор, по которому практически могли делать в стране все, что хотели, не платя ни гроша налогов и не подлежа местному суду.

В 1868 г. дипломаты Гранта выкрутили руки китайцам, заставив тех подписать не менее кабальный договор, после которого в Штаты и хлынул поток китайцев, за гроши выполнявших самую тяжелую и грязную работу.

Ну, а попутно Штаты подкармливали на своей территории тайные организации ирландских повстанцев-фениев, которые периодически забрасывали партизанские отряды на территорию сопредельной Канады и устраивали там заварушки — неплохой был рычаг давления на дряхлеющую Британскую империю...

Одним словом, Грант действовал в интересах большого бизнеса так успешно, что деловые люди, уловив тен-

денцию, стали в дальнейшем пользоваться услугами исключительно людей в погонах. Следующие после Гранта шесть президентов, занимавшие этот пост с 1877 по 1901 г., были либо бывшими офицерами, либо отставными генералами: Хейс, Гарфилд, Артур, Кливленд, Гаррисон и Мак-Кинли.

С последним, правда, вышла промашка. Даром что бывший военный, но традициям Гранта следовать не желал и всерьез готовился принять кое-какие судьбоносные решения, значительно ушемлявшие разгул финансовых воротил. Но тут по какому-то случайному совпадению появился некий экзотический молодой человек, негр-анархист, совершеннейший одиночка — и положил президента насмерть из дешевого револьвера. Анархист, что подслать, вечно они так...

Но это случилось гораздо позже — а во времена Гранта на взятках как-то попались личный секретарь президента, военный министр и вице-президент. «Грант работал с документами», и дело кончилось ничем...

Джефферсон Дэвис, как и генерал Ли, прожил оставшуюся жизнь, так и не восстановившись в правах гражданина США, потому что прошение о помиловании подписывать отказался. Иегуда Бенджамин стал успешным адвокатом в Лондоне. Тысячи конфедератов, не смирившись с поражением, покинули страну. На своих надгробных плитах многие из них завещали написать: «Восставший навеки».

Война, как легко понять, сломала множество судеб. Знаменитый американский бандит Джесси Джеймс, если докопаться до сути, — одна из таких жертв.

Родился он в семье пастора. В шестнадцать лет ушел на Гражданскую, примкнув к одному из южных партизанских отрядов. После войны некая железнодорожная компания

вышибла мать Джеймса из домика — земля под ним принадлежала компании...

Бывший партизан с братом почистили кольты и подались на большую дорогу, причем грабили исключительно то, что подпадало под понятие «федеральной собственности» или принадлежало крупным компаниям: поезда, банки, дилижансы. Многие «прогрессивно настроенные» авторы с возмущением пишут, что простые южане, реакционеры этакие, отчего-то считали Джеймса не вульгарным гангстером, а благородным борцом с янки...

Последний солдат Гражданской войны, конфедерат, умер в 1959 г. в Техасе ста семнадцати лет от роду. Звали его Уолтер Уильямс.

Самое интересное, что на Севере так и не появилось по-настоящему большой, талантливой книги о Гражданской войне, которая хотя бы отдаленно могла сравниться с получившим мировую известность романом Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», трактовавшим события с *южной* точки зрения.

А вот теперь, когда мы подробно рассмотрели, что творилось после смерти Линкольна, самое время вернуться к его убийству, истории весьма темной и чрезвычайно грязной, в которой до сих пор многое неясно. Буквально с того момента, как она случилась, стали говорить, что речь идет не об убийце-одиночке, а о настоящем заговоре, причем задуманном вовсе не «реакционными плантаторами»...

Глава тринадцатая

ВЫСТРЕЛ ИЗ НИОТКУДА

Смерть взяток не берет.
Б. Франклин

Тема эта — исследование какого бы то ни было заговора — крайне скользкая. Потому что нередко *прямых* доказательств нет и полагаться приходится исключительно на косвенные, а это стопроцентной уверенности все же не дает. Самые зловещие, казалось бы, улики иногда при ближайшем рассмотрении оказываются результатом откровенного головотяпства или дурацкого совпадения. Вдобавок хватает и сторонников «теории заговора».

Но, с другой стороны, никак нельзя отрицать, что за всю историю человечества произошло немало заговоров с целью убийства высокопоставленных лиц. Вспомним американский фильм, который так и называется: «Теория заговора». Рационально мыслящая красотка (Джулия Робертс) считает героя Мэла Гибсона параноиком, живущим в мире собственных фантазий, — тем сильнее потрясение, когда оказывается, что заговор все же существует и героиню преследуют не параноидальные фантазии, а вполне реальные преступники с пистолетами и бомбами...

В общем, постараемся соблюдать осторожность и деликатность в обращении с историческими фактами, но собственные версии все же выдвигать будем, поскольку ни законы, ни Конституция сего занятия не запрещают...

Сначала — об откровенной клинике. К таковой, безусловно, относится появившаяся еще в XIX в. гипотеза о том, что американскую Гражданскую войну развязали... злокозненные иезуиты. Правда, доказательств нет ни малейших. Никак нельзя считать доказательствами утверждения типа: «А некому больше!» или упоминания о присущей иезуитам особенной злокозненности. Иезуитов не обвиняли разве что в крушении «Титаника» — хотя, как знать, возможно, я и преувеличиваю людское здравомыслие и где-то в пыльных архивах и эта версия дремлет...

Точно также не выдерживает критики утверждение, будто Гражданская война развязана «международными еврейскими банкирами». Если отвлечься от лирики и заняться чистой воды прагматикой, то быстро выясняется, что в те времена роль евреев в финансовой жизни Америки была крайне мала — зато чистокровные англосаксы на этом поприще резвились так, что небу жарко становилось. Есть сильные подозрения, что господа вроде Моргана (носившего примечательное прозвище «Пират»), Гулда, Фиска и Вандербильта и перевели стрелки на евреев, замазывая *собственную* роль в событиях, коих они были главным мотором. В 1959 г., правда, о том же самом — жидомасоны все устроили! — орал внук генерала Гранта, но это у него, надо полагать, наследственная хворь: дедушка печально прославился на ниве жидоедства, и внучек туда же...

Существует также совершенно очаровательная версия, согласно которой и Джордж Вашингтон, и многие «отцы-основатели» были членами некоей тайной секты, на протяжении столетий почитавшей число 13. Доказательства предъявляются неопровержимые: сколько штатов насчитывалось в новорожденной республике? Тринадцать! А если взять дату провозглашения независимости — 1876 г. — и сложить две последних цифры, то опять-таки выйдет тринадцать!

Правда, этим все доказательства и исчерпываются. Однако «теория чертовой дюжины» порой проявляла себя в самых неожиданных местах. В 1863 г. поверенный в делах США в России Баярд Тейлор, устроив в Санкт-Петербурге пышный званый обед в честь дня рождения Джорджа Вашингтона, закатил длиннющую речь, где все беды Штатов, в том числе и Гражданскую войну, объявил кознями той же самой «чертовой дюжины»: мол, все из-за того, что штатов было ровнехонько тринадцать: как среди тринадцати участников Тайной вечери сыскался предатель Иуда, так и среди тринадцати штатов нашелся предатель, Южная Каролина. А будь штатов, скажем, пятнадцать или двенадцать, вдохновенно вещал Тейлор россиянам, глядишь, и обошлось бы... (89).

Интересно, нашелся кто-нибудь, втихаря шепнувший официанту «Так, Баярдику больше не наливать»?

Но давайте о серьезном...

14 апреля 1865 г. президент Авраам Линкольн приехал в Театр Форда смотреть эксцентрическую комедию, как она значилась в афишах — «Наш американский кузен». Его сопровождали первая леди и молодой светский шеголь майор Рэтбоун с невестой — явившийся отнюдь не в качестве охранника.

Всё. Охраны у президентской ложи не было вообще. Куда-то подевались те четверо полицейских, что должны были «неотступно сопровождать президента», в том числе и при посещении театров. Постоянный охранник прези-

Театр Форда, где был убит А. Линкольн

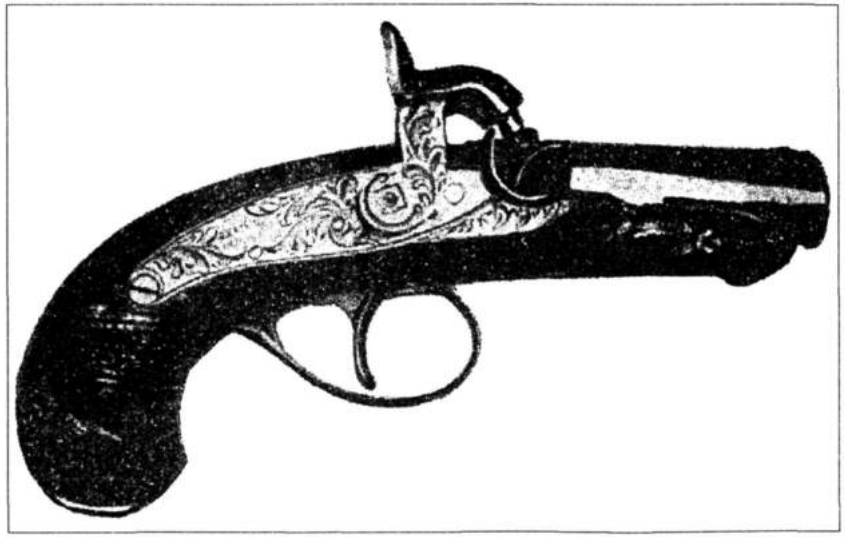
дента Паркер преспокойно ушел с поста пропустить рюмочку-другую с приятелями.

Газеты сообщали, что с Линкольном вместе придет и генерал Грант, — однако тот в ложе так и не появился.

В середине пьесы в ложу вошел молодой, но достаточно известный актер Джон Уилкс Бут и выстрелил президенту в затылок, после чего, ранив кинжалом в руку ото-

ропевшего майора, выскочил на сцену, прокричал что-то насчет «мести тиранам», пробился за кулисы (благо никто его и не задерживал), у черного хода вскочил на коня и был таков. Как пишут многие авторы, «вскоре в зрительный зал ворвались солдаты президентской охраны с примкнутыми штыками и очистили театр от публики». Ни один из пишущих не пытается объяснить, где эти солдаты с примкнутыми штыками были раньше и почему они гуртовались где-то на значительном отдалении от президентской ложи, у дверей которой им было самое место...

Очень быстро выяснилось, что практически в то же самое время сообщник Бута ворвался в дом государственного секретаря Сьюарда и ранил того кинжалом. Террористов начали ловить, но как-то странно и вяло. Самая интересная загадка — оперативно расклеенное повсюду объявление о розыске. На плакате был помещен сквернейший снимок Бута, по которому его никак нельзя опознать.

Пистолет, из которого был убит А. Линкольн

Фотография другого террориста, Геролда, относилась к временам, когда он был еще школьником. Что до третьего объявленного в розыск, Саррота, то на плакате вообще была не его фотография, а *чужая* (чуть позже для широкой публики срочно изготовили фальшивку, другой плакат, «правильный» — но при этом не озаботились уничтожить все «неправильные»...)

Вскоре Бута настигают на какой-то уединенной ферме и, несмотря на строжайший приказ военного министра взять его живым, там же и убивают. В показаниях о том, кто из военных стрелял, царит совершеннейший разнобой: одни признаются, что убили Бута, другие от такой чести отказываются и уверяют, что не стреляли вовсе...

Найденный там же, на ферме, дневник Бута попадает из военного министерства к главному армейскому прокурору с вырванными страницами. Военные уверяют, «что так и было» — но присутствовавшие на ферме не могут припомнить, в каком виде нашли дневник: без части страниц или целым. А Лафайет Бейкер, бывший глава секретной службы, отчего-то настаивает, что дневник в военное министерство попал целым.

Почти сразу начинают кружить слухи, что привезенный с фермы покойник — вовсе и не Бут, а так, неизвестно кто. Тем более что и тут странности: для опознания трупа вызывают некоего доктора Мея, который опознает Бута исключительно по шраму на шее — следу от операции, сделанной им два года назад. При этом отчего-то не привозят родного брата Бута, который сидит тут же в северной тюрьме...

Подробно вся эта история рассмотрена в книгах лучшего отечественного специалиста по делу об убийстве Линкольна Е. Черняка. Поэтому я не стану переписывать оттуда целые страницы, а буду лишь выделять ключевые

моменты — тем более что меня интересуют не детали, а один-единственный вопрос: «Кто?»

Скажу сразу: иные зловещие детали при ближайшем рассмотрении оказываются случайным стечением обстоятельств или имеют вполне прозаические объяснения, разрушающие теорию заговора. Например, генерал Грант в театр не явился по вполне житейской причине: за несколько дней до спектакля первая леди, особа на язык несдержанная, устроила сцену супруге Гранта, кажется, приревновав к ней мужа. После этого ни Грант, ни его жена както не горели желанием появляться там, где присутствует миссис Линкольн. То, что охрана президента была поручена пьянице и лентяю Паркеру, опять-таки объясняется просто: к нему отчего-то благоволила первая леди и старательно защищала от всех нападок: мол, пьет-то он пьет, да дело разумеет...

Точно также могут быть объяснены и некоторые другие якобы загадочные эпизоды. Однако процент странностей все же ненормально высок — и многие из них до сих пор не получили вразумительного объяснения.

Почему Паркера простили за уход с поста — а чуть позже за гораздо более мелкое прегрешение без жалости выгнали со службы? Почему он оказался единственным охранником, приставленным к Линкольну? Почему военный министр Стэнтон, за полтора месяца до того получивший сведения о плане похищения президента (где фигурировал и Бут, и его будущие сообщники), эту информацию совершенно проигнорировал? Почему на плакате о розыске разместили фотографии, по которым невозможно было опознать беглецов? Почему вместо Саррота (которого в городе знала каждая собака) поместили снимок неизвестно кого? Почему родного брата Бута так и не привели опознать труп — ни тогда, ни потом, при перезахоронении?

И таких каверзных вопросов немало...

Но меня, повторяю, интересуют не *детали*, а те *объяснения* произошедшего, что были тогда же выдвинуты.

О мотивах задумывались недолго. «Ослепительным алмазом блеснула версия» (пользуясь словами Стругацких, написанными по другому поводу), что виновны во всем, конечно же, зловредные южане. Бут был агентом разведки Конфедерации, а направлял злодейскую руку, ясное дело, сам Джефферсон Дэвис.

Началось нечто, чему больше всего подходит определение «вакханалия». Некий подвыпивший англичанин на улице неосторожно выразился о Линкольне: «Я приехал издалека, чтобы увидеть этого... в гробу» (какое именно определение крылось за многоточием, мне, честно, неизвестно). Суд ему припаял полгода каторжных работ — чтобы впредь держал язык за зубами. Менее понятно, почему посадили ведущую актрису театра Лору Кинф и ее коллегу — они были виноваты исключительно в том, что мимо них, стоявших в коридоре, пробежал после убийства президента махавший кинжалом Бут... Точно также сестру Бута упрятали в тюрьму только за родственную связь с убийцей президента...

Тех из сообщников Бута, кого удалось арестовать, быстро повесили, в том числе и хозяйку меблированных комнат, где у заговорщиков была явка.

Потом принялись за Джефферсона Дэвиса — «главаря» заговора. Но никаких улик, вот незадача, не нашлось. А «абсолютно надежные свидетели», тут же вынырнувшие на суде, были уличены в лжесвидетельстве — и тут же выяснилось, что эту теплую компанию (состоявшую из законченных мошенников) подготовил военный министр Стентон, с олимпийским спокойствием пожавший плечами после разоблачения: ну, не получилось...

В общем, ни малейших улик против кого бы то ни было из руководства Конфедерации так и не нашли. Однако (особенно в советской историографии) *принято считать*, будто выстрел в Линкольна — все же дело рук южан.

Вот тут и возникают разнообразнейшие вопросы. Первый из них: а зачем, собственно, конфедератам смерть Линкольна? Коли уж они за всю войну так и не предприняли серьезной попытки покушения на президента? Как они вообще могли что-то организовать в свои последние дни, когда всё рушилось, южные армии капитулировали, а правительство Конфедерации (как и ее секретная служба) ничего уже не контролировали? Зачем? Просто так, из мести? Простите, это попахивает голливудскими боевиками и дешевыми приключенческими романами. В реальной жизни серьезные люди ведут себя совершенно иначе.

И наконец, смерть Линкольна была невыгодна в первую очередь *южанам*! Не случайно же генерал конфедератов Джонстон, узнав о смерти Линкольна, сказал: «Мистер Линкольн был самым лучшим нашим другом... это самое страшное бедствие для Юга». Свидетель надежный — генерал Шерман...

В самом деле, какой смысл был убивать Линкольна, прекрасно зная, что на смену ему автоматически придет вице-президент Джонсон, известный южанам как «ястреб»? Для Юга выгодным был как раз живой Линкольн...

Всего за два месяца до капитуляции Юга Линкольн вел тайные переговоры с посланцем южан, на которых обсуждались наиболее приемлемые для Юга условия капитуляции. Во время беседы он высказал много интересного: признал, что «северяне не менее южан виноваты в существовании рабства», и упомянул, что есть план просто-напросто выкупить у Юга всех чернокожих невольников за кругленькую компенсацию в 400 миллионов долларов.

И разрабатывал проект капитуляции, который «нанесет наименьший ущерб южной чести».

Разве после этого южане планировали бы убийство Линкольна? Превосходно зная, что вся власть перейдет к «изменнику» Джонсону, известному своими призывами «вешать руководство конфедератов без суда и следствия»? Не смешите! Южане должны были с Линкольна пылинки сдувать! Только с *ним* были связаны их надежды на будущее...

Не кто-нибудь, а Шерман вспоминал: «Он (Линкольн. — *А. Б.*) уполномочил меня заверить губернатора Ванса и население Северной Каролины, что, как только мятежники сложат оружие и займутся своими гражданскими делами, им немедленно будут гарантированы все права, общие для граждан всей страны; дабы избежать анархии, существующие правительства штатов и все их гражданские функции будут признаны де-факто до тех пор, пока Конгресс не найдет нужным установить новые».

После оккупации Юга все происходило вопреки плану Линкольна — а когда Джонсон все же пытался его выполнять, его и ославили «агентом рабовладельцев». Нет никаких сомнений, что Линкольн категорически был бы против «великого ограбления» Юга...

Как уже говорилось, «старина Эйби» был чертовски противоречивой фигурой. В нем прожженное политиканство сочеталось с той самой старомодной порядочностью, что нацелившихся на грабеж олигархов категорически не устраивало.

Так *откуда* на самом деле прилетела пуля?

Если мы возьмемся исследовать то, что происходило в Республиканской партии в последние дни жизни Линкольна и после его смерти, вскроется немало интересного... и зловещего.

Едва только Джонсон принял присягу в качестве президента, к нему явился один из видных деятелей правящей партии, сенатор Уэйд, и заявил в лоб:

— Мистер Джонсон, я благодарю Бога, что вижу вас здесь. В жилах Линкольна текло слишком много благостного млека, чтобы расправиться как следует с этими проклятыми мятежниками. Теперь они получат по заслугам...

И в тот же день закрытое заседание верхушки партии (точнее, ее радикального крыла) обсуждало вопрос о принятии «политической линии, менее примиренческой, чем у Линкольна».

5 февраля 1865 г. кабинет министров отверг проект Линкольна о выкупе рабов за четыреста миллионов — но всем и каждому было известно, что «старина Эйби» умеет упрямо и жестко *пробивать* те планы, которые считает необходимыми.

И наконец, Сэндберг упоминает о серьезных разногласиях, возникших между президентом и самыми ярыми радикалами: «Они опасаются, что теперь, после переизбрания, он попытается освободиться от их опеки...» Члены радикальной партии, по донесению российского посланника барона Стекля, «готовились наброситься на президента, если он хоть в чем-нибудь уступит Югу».

Сэндберг цитирует вовсе уж ошеломляющее донесение Стекля о разговоре с кем-то из лидеров радикалов: «Мы переизбрали президента Линкольна не за его способности, а лишь потому, что он пунктуально выполняет указания партии (совершенно советская формулировочка, а? — *А. Б.*). Он должен согласиться с нашими решениями, каковы бы они ни были, иначе мы найдем способ сокрушить его. Мы хотим полностью подавить Юг, низвести его на положение управляемой территории».

Интересно, кто был собеседником Стекля? Быть может, Стивенс? Ко всему этому можно добавить, что в последние дни Конфедерации Линкольн вовсе не стремился к аресту ее руководства, недвусмысленно заявив: пусть они потихонечку куда-нибудь скроются...

Быть может, разъяренные всем этим (и напуганные возможным выходом Линкольна в будущем из-под их контроля) радикалы все же быстренько отыскали способ «сокрушить» президента? Самый надежный?

А если учесть, что за спинами радикалов, как обычно, стояли серьезные дельцы, имевшие все основания предполагать, что Линкольн может воспрепятствовать их планам по тотальному грабежу Юга, — получается и вовсе интересно...

«Я ненадолго переживу войну...» Чувствовал, зная соратников по партии и господ с Уолл-стрит?

Довольно давно американский историк Саймонс так и написал: «Немало данных указывает на то, что пуля, убившая Линкольна, была направлена со стороны Уолл-Стрит, а не из Ричмонда».

Итак, что мы видим? Смерть Линкольна на деле была категорически невыгодна Югу, а вот кое-кому на Севере— очень даже выгодна. Он им больше был не нужен, более того — опасен. Им страшно хотелось стать настоящими олигархами, а с Линкольном у власти этого могло и не случиться...

Должно быть, они здорово промахнулись с Джонсоном — зная его прежние убеждения, выступления и взгляды, полагали, что он будет послушным исполнителем тотального грабежа. Кто ж мог предполагать, что Джонсон станет скрупулезно проводить в жизнь планы Линкольна и едва не сорвет все прибыльнейшее предприятие?

Еще о Буте. Исследователи давным-давно обратили внимание на интересную подробность: все антисеверные заговоры, к которым примыкал Бут, начинали как-то очень уж регулярно пробуксовывать, топтаться на месте и, наконец, помаленьку разваливаться. Так что еще до меня задавался вопрос: чьим все же агентом Бут был на самом деле? Северный контрразведчик, быть может?

И, если уж вспомнить, что, согласно строгим правилам судопроизводства, любое сомнение трактуется непременно в пользу обвиняемого...

Строго говоря, у нас вообще нет данных, что Линкольна убил именно Бут. Поскольку ни одна живая душа этого собственными глазами не видела. События выглядели следующим образом: раздался выстрел, президент упал с пулей в голове. После этого в ложу ворвался Бут, поранил кинжалом майора, выскочил на сцену, привлекши к себе всеобщее внимание, и скрылся...

Бута любят представлять совершенно спившимся субъектом, законченным алкоголиком. Мог ли алкаш с трясущимися руками с одного выстрела в полумраке поразить цель в затылок? Учитывая еще несовершенство тогдашних пистолетов?

Теоретически рассуждая, мог быть и кто-то *другой*. Который нажал на курок, а потом преспокойно удалился коридором, пока все внимание было отвлечено на сцену, где Бут мелодраматически орал какую-то латинскую фразу о неизбежной погибели всех на свете тиранов. Это не более чем гипотеза — но разве она такая уж фантастическая?

Не углубляясь в безапелляционные утверждения, выразимся дипломатично: имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют выдвинуть версию, что гораздо больше оснований и поводов для организации убийства Линкольна имели как раз *свои*...

Курьеза ради следует упомянуть и о парочке, мягко скажем, экзотических версий, получивших хождение еще в девятнадцатом столетии. Согласно одной, Линкольна изничтожили по задумке Ватикана. Опять-таки по врожденному злодейству страшных католических епископов. По другой, убийство Линкольна организовал не кто иной, как барон Ротшильд, оттого что... Линкольн не хотел брать у него кредиты.

Будем это всерьез рассматривать, а?

Или все же согласимся с нехитрой истиной: если после некоего убийства в отдалении замаячили серьезнейшие денежные интересы, искать виновного надо именно в этом направлении, а не отвлекаться на дурацкие побасенки о «страшной мести» и «романтическом кинжале». У нас нет бесспорных доказательств, что убийцей был именно Бут. У нас нет даже бесспорных доказательств, что именно Бута застрелили на той ферме. Однако у нас перед глазами — сплоченная кучка дельцов, которые вдруг обнаружили, что их шансы на многомиллионную добычу могут остаться лишь мечтами...

Вот *эти* убьют, не задумываясь... Мало примеров?

Когда убили Линкольна, в Бостоне беззаботно жила маленькая девочка. Она выросла в настоящую красавицу, вышла замуж за ирландского парня, небогатого, но многообещающего...

Это бабушка Джона Фицджеральда Кеннеди. Она была маленькой девочкой, когда убили Линкольна, — и дряхлой старушкой, когда убили Кеннеди. Жутковатая «связь времен» вообще-то, холодком пробирает...

Да, вот еще что. Давным-давно по всевозможным «альманахам чудес» и «мирам непознанного» странствует живописная история про то, как однажды Линкольн, вечером войдя в одну из комнат Белого дома, увидел там призрачную процессию, «отпевавшую президента Линкольна». Эту историю иногда расцвечивают не менее красочными дополнениями — будто бы порой по американским железным дорогам раскатывает поезд-призрак с гробом Линкольна.

Вздор, конечно. В серьезных источниках ничего подобного обнаружить не удалось, девятнадцатый век с этой сказочкой был не знаком совершенно.

Зато есть прекрасно документированное свидетельство старого друга Линкольна Лэймона о вещем сне, который Линкольну привиделся еще в 1860 г., в родном городе. В зеркале Линкольн увидел свое двойное отражение: одно лицо «светилось жизненной силой», другое «было смертельно бледным, как у привидения». Линкольн, по словам старого приятеля, не сомневался в значении этого: «Жизненное изображение предвещало, что он целым и невредимым закончит первый срок президентства, а появление привидения означало, что смерть его поразит до конца второго срока».

По словам Лэймона, будучи человеком практичным, приземленным, неверующим, Линкольн тем не менее верил в сны. И считал, что у каждого сна есть свой смысл, нужно только его найти.

Быть может, именно из-за этого сна у Линкольна потом и вырвалось знаменитое:

— Я ненадолго переживу войну...

Ну, в мистику мы углубляться не будем, хотя она, есть подозрение, на периферии все же присутствует: как-никак многие помнят вереницу тех странных совпадений, что сопровождали убийства Линкольна и Кеннеди.

Но в данный момент это не наша тема. Мы сейчас рассмотрим тему не менее интересную: а могло ли все обернуться иначе? Точнее, попытаемся определить, каким стал бы наш мир в результате поражения Севера.

Ключевые точки, в которых при другом раскладе история могла пойти по совершенно иному пути, я рассматривать подробно не буду — они, в общем, неплохо описаны и изучены. Меня интересуют *последствия*.

Что-то, конечно, остается совершенно непредсказуемым — но что-то можно предсказывать со стопроцентной вероятностью.

Итак, победил Юг — причем совершенно неважно, произошла ли полная оккупация Севера победителями или обе страны просто обитают бок о бок...

Глава четырнадцатая

НЕСБЫВШЕЕСЯ МАНИТ НАС...

Те, другие, были овеяны красотой, которую ничто не могло затмить, с которой ничто не могло сравниться. Они навсегда остались молодыми и прекрасными, им не грозило ни время, ни двусмысленные поздние размышления, от которых тускнеет самое ясное молодое лицо. Они умерли каждый во всеоружии своей первой любви, и матери оплакали их, так неужели все было напрасно? Они были так совершенны, что она не могла в это поверить. Они отдали жизнь за все самое высокое...

А. Мэрдок

Прежде всего, не подлежит сомнению, что независимый Север практически моментально скатился бы в неприкрытую *нищету*.

Дело даже не в военной инфляции, которая тоже присутствовала. Как мы помним, восемьдесят процентов федерального бюджета поступало с Юга... Теперь, в виртуальности, эта лафа, разумеется, кончилась бы.

Во-первых, северная промышленность находила рынки сбыта исключительно на Юге — но, получив независимость, Юг непременно стал бы приобретать все необходимое в Европе (в первую очередь в Англии), потому что так, несмотря на морские перевозки, все же выходило гораздо дешевле. Как следствие — спад производства на Севере.

Во-вторых, больше не было бы северного посредника, который вынуждал Юг приобретать все импортные товары с немыслимыми накрутками — Юг торговал бы с внешним миром самостоятельно. Как следствие — масса маклеров, посредников, брокеров и прочих дилеров разорилась бы.

В-третьих, своим хлопком Юг торговал бы с заграницей без северного посредничества. Как следствие — останавливается северная хлопкообрабатывающая промышленность, ненужным оказывается многочисленный торговый флот, занятый до того главным образом перевозками на Юг и с Юга.

В-четвертых, Юг после своей победы немедленно стал бы расширять границы на западные, на те территории, что еще не были Соединенными Штатами. Как следствие — прекращение эмиграции из Европы в США (что добавило бы Европе горючего материала) и ухудшение жизненного уровня на Севере.

Все это, вместе взятое, непременно привело бы к тому, что на Севере рано или поздно вспыхнули бы мятежи, по сравнению с которыми нью-йоркский бунт 1863 г. выглядел бы мирным скаутским пикничком. Что в таких случаях бывает, прекрасно известно, примеров хватает: в городах начинается хаос, полиция не справляется, жару подбавляют многие тысячи оставшихся не у дел солдат, горожане кидаются искать продовольствие на фермах, сельское ополчение берется за ружья...

Вполне вероятно, пользуясь случаем, на охваченную смутой территорию вступают из Канады английские полки — Лондон ни за что не прошел бы мимо такого подарка судьбы, позволившего бы пересмотреть наконец результаты американской революции...

Даже если бы Север удержался в качестве государства, это было бы крайне беднос государство, занимавшееся в основном поставками зерна в Европу. Иного варианта просто не просматривается.

Практически моментально стала бы неосуществимой доктрина Монро. У небольшой аграрной республики, Северных Соединенных Штатов, просто-напросто не нашлось бы силенок для внешнеполитической и военной экспансии.

И образовавшийся вакуум быстренько, с превеликой охотой заполнила бы Англия, имевшая тогда в Южной Америке сильнейшие позиции...

Еще в 1806 г. англичане попытались захватить Буэнос-Айрес и Монтевидео — но местное население, отнюдь не горевшее желанием менять испанское ярмо на британское, дало отпор непрошеным гостям, и те убрались восвояси, ограничившись захватом Фолклендских островов.

Но в Латинскую Америку все же заползали мирно...

Аргентина. Английские компании ведут широкое строительств железных дорог (и, как магнаты в Штатах, получают в придачу «полосу отчуждения» шириной пять километров вправо, пять влево на всем протяжении рельсов). Дороги прокладываются исключительно с учетом интересов английских компаний, монополизировавших внешнюю торговлю Аргентины: скот, мясо, шкуры, шерсть. В английских руках не только железные дороги, но и мясохладобойни, крупные поместья, коммунальное хозяйство больших городов...

Венесуэла. Обширные концессии английских нефтяных компаний (в реальности — еще и американских, но в нашей виртуальности британцы конкурентов не пустили бы).

Гондурас. Разделен на две части — колонию Британский Гондурас и независимую Республику Гондурас, которую британцы всерьез намереваются захватить (чему в реальности помешала конкуренция американцев).

Мексика. Все железные дороги в руках англичан — как и ряд банков, горнорудных компаний, нефтепромыслов. В реальности приходилось делить влияние с американцами, в виртуальности янки вышибли бы оттуда...

Никарагуа. Еще один лакомый кусок для англичан, которые постоянно пытались захватить часть ее территории и не смогли этого сделать исключительно из-за противодействия *единых* США.

Парагвай. Широкомасштабная экспансия английского капитала.

Перу. Английский капитал контролирует почти весь вывоз селитры (селитра — это порох). В реальности американцы взяли контроль над богатыми перуанскими медными рудниками, в виртуальности им этого не удалось бы.

Уругвай. Железные дороги и коммунальное хозяйство — в руках англичан. В реальности уругвайское животноводство стали контролировать американцы, в виртуальности британцы наверняка бы прихватили это сами.

Чили. Горнодобывающая промышленность (медь) и вывоз селитры в руках англичан.

А кроме того, Англия имела бы в Южной Америке колонии — не только Британский Гондурас, но и Британскую Гвиану, а также острова в Карибском море. Плацдарм, как видим, весьма впечатляющий: а после разделения США англичане, лишившись основного конкурента, довольно скоро заменили бы доктрину Монро на «доктрину Пальмерстона» и сделали Южную Америку фактически своей колонией — в чем им мало кто мог бы помешать.

В реальности США в конце XIX в. захватили Гавайские острова. В нашей виртуальности это непременно сделала бы Англия.

Французы остались бы в Мексике. В реальности им пришлось вывести оттуда войска после ультиматума США, прямо грозившего войной, — но в виртуальности Вашингтон оказался бы слабоват для таких ультиматумов.

(А французское присутствие в Мексике обязательно вызвало бы новые, неизвестные нашей реальности трения меж Лондоном и Парижем).

В Южной Африке наверняка не появились бы американские горнорудные компании, которые в нашей реальности к началу XX в. серьезно конкурировали там с англичанами.

А вот франко-прусская война 1870–1871 гг. была бы неизбежна и в виртуальности. Слишком далеко зашло, пути назад просто не было: Пруссия добивалась объединения германских государств под своим главенством, а Франция считала своим долгом этого не допустить, прекрасно понимая унылые для себя последствия. Как и в нашей реальности, пруссаки быстро разгромили бы французов.

Ну, а после поражения Франции британцы обязательно попытались бы воспользоваться этим, чтобы изменить в свою пользу ситуацию в Мексике. Тем более что французы там уже всех достали. Либералы кипели гневом против иностранного императора, удерживавшегося у власти на французских штыках, а консерваторы тоже не питали к Парижу никакой любви, потому что французы ухитрились к и н у т ь мексиканскую католическую церковь: сначала пообещали вернуть церкви ее огромное имущество, конфискованное очередным мексиканским революционным

правительством (после чего мексиканские католики поддержали французскую интервенцию), но, укрепившись, повели дело так, что означенное имущество (в том числе и обширные земельные владения) оказалось в собственности французских подданных...

А тут еще Наполеон III, после революции во Франции отсиживавшийся в Англии и всерьез собиравшийся вернуться, как-то очень уж внезапно умер после достаточно простой операции по раздроблению камней в мочевом пузыре: английские доктора переборщили с наркозом. Может быть, и сам умер — но, зная англичан, плохо верится...

Одним словом, США как сверхдержава никогда не появилась бы на мировой арене. Сверхдержав году к 1875-му было бы всего две. Британская империя и империя Германская.

Организовавшись в единое государство, немцы прямо-таки *рванули* вперед со страшной силой. Мало кто помнит, что и в нашей реальности Германия имела обширные колонии и в Африке, и на островах Южных морей. А уж в виртуальности, где в игру не вступили США... С уверенностью можно говорить, что планета стала бы гигантской шахматной доской, где игроков было, повторяю, только два. Две империи. Остальные маячили бы где-то на вторых ролях.

Что в реальности? Германский капитал энергичнейшим образом конкурировал в Южной Америке с британским. 5 германских банков имели там 40 отделений, а 5 британских — 70, в Аргентине, Бразилии и Уругвае немцы с англичанами разместили четыре миллиарда долларов.

Ну, а в виртуальности, без участия США, две империи попросту поделили бы между собой не только Южную Америку, но и многие другие уголки земного шара, где в нашей реальности доминировали США.

Аляска при этом раскладе осталась бы у России — но вот удалось ли бы уберечь ее от Англии, вопрос спорный...

Соперничество двух империй непременно закончилось бы *большой* войной. Первая мировая война, если отсечь романтическую шелуху, была развязана англичанами исключительно из-за того, чтобы остановить мирную немецкую экономическую экспансию, грозившую крахом Британской империи. В нашей виртуальности ставки были бы еще более высоки, точки конфликтов и соперничества — еще более многочисленны, противоречия — еще острее. А значит, Первая мировая война и в виртуальности непременно разразилась бы. И вовсе не факт, что Россия обязательно выступала бы на стороне Англии — но *здесь* стопроцентная надежность прогнозов улетучивается, и они становятся такими сложными, что затрагивать тему нет смысла...

Да, а рабство на Юге? Почти наверняка можно предсказать, что оно еще до конца XIX столетия умерло бы само по себе, естественным образом, под давлением чисто экономических причин.

Это прекрасно иллюстрирует пример Бразилии, где именно так и произошло...

Рабство в Бразилии служило для того, чтобы обеспечивать экспорт хлопка, сахара и каучука. Особенно каучука. Тогда уже развивалась сильная резиновая промышленность, основанная на каучуке, — а каучук получали исключительно из сока гевеи, которая произрастала только в Бразилии, державшей монополию на мировые поставки каучука.

Представляете, как сытно и богато живется монополисту? Шалевшие от легких денег бразильские дельцы строили целые города из лучшего европейского мрамора, украшали их роскошными дворцами, приглашали в теат-

ры мировых знаменитостей за бешеные гонорары... Шиковали, как могли. Гевея росла только у них. А во избежание нехороших случайностей в Бразилии в 1876 г. приняли немудреный закон: всякий, кто тайно или явно попытался бы вывезти семена гевеи, карался смертью. Таможенники свирепствовали. Во всех бразильских портах на видном месте торчали виселицы, редко пустовавшие...

И вот в том же 1876 г. в Бразилии появился некий английский ученый муж, зоолог и ботаник Генри Уикхем, этакий жюльверновский Паганель, чудак не от мира сего — тишайший очкарик, который хватал за рукав всех и каждого и часами повествовал о своих любимых бабочках и ужиках.

Около года этот безобидный чудак странствовал по сельве — бразильским джунглям, собирая гербарии и зоологические коллекции. И отправился домой, навьюченный чучелами крокодилов, змей и ящериц, а также сотнями папок с высушенными листиками-цветочками.

Бразильские таможенники, не верившие и чудакам, его багаж перерыли тщательно... недостаточно тщательно, как оказалось, — чудаковатый недотепа-ботаник вывез в чучеле аллигатора семьдесят тысяч семян гевеи...

В Лондоне их немедленно высадили в теплицах в Ботаническом саду. Оказалось, что морское путешествие перенесли и всходы дали только 2800 семян — но этого вполне хватало! Саженцы отправили в места, где климат походил на бразильский, — в Индию, Индокитай, Малайзию, на Филиппины.

И через несколько лет бразильская монополия на каучук кончилась! Англия выбрасывает на мировой рынок нехилые партии каучука!

Цены на каучук моментально обрушились. Бразильские магнаты банкротились сотнями. Роскошные мраморные

города были покинуты жителями. Бразилия *ухнула* в неописуемый кризис (206).

А тут еще на мировом рынке появился египетский хлопок, опять-таки сбивший цены. Мало того, сахарная промышленность Европы, работавшая на сахарной свекле, обрушила цены на сахар, получаемый из тростника...

Рабство в Бразилии моментально стало экономически невыгодным. Там еще в 1858 г. законом была запрещена работорговля, а согласно другому закону (1871 г.) все дети, рождавшиеся от рабынь, становились свободными. Теперь пришла пора покончить с рабством окончательно — и его отменили в 1888 г. А год спустя с рабством покончили и в испанских владениях на Кубе, где оно точно также стало невыгодным на плантациях сахарного тростника...

Ну, а поскольку рабство на Юге Америки держалось исключительно по экономическим причинам, то оно и там кончилось бы в те же времена, по тем же причинам...

Подводя итоги — мир, возникший в результате победы Юга, оказался бы совершенно лишен американского влияния. Никакого экспорта американской идеологии и культуры, никакой американской экспансии. Совершенно другой мир.

Но вот был бы он лучше? Не знаю, право. Он попросту стал бы *другим*, вот и все. Британская империя — тоже, знаете ли, не подарок в качестве сверхдержавы...

Эпилог

Любые виртуальности бессмысленны: мы имеем то, что имеем, — тот мир, в котором мы сейчас живем. И тому, кто, вполне возможно, обидится на меня за поношение своего любимого демократического Севера, хочу напоследок кое-что напомнить.

Одним из самых крупных и зверских негритянских погромов — если не самым крупным — считается тот, что произошел в город Тулса, штат Оклахома, когда белые расисты не просто убивали и калечили негров, но за одну ночь еще и разрушили тридцать пять кварталов негритянской части города. Не домов, а кварталов. Оклахома ни малейшего отношения к Югу не имеет. Кстати, знаменитый судья Линч, чьим именем названа бессудная расправа, жил и, если можно так выразиться, работал в штате Канзас — «свободном» штате (о чем оставил подробные воспоминания путешественник Ладлоу (124).

Избирательные права женщинам в США были предоставлены впервые в 1893 г. — в одном-единственном штате Колорадо (это не Север, это Запад!). В период с 1896 по 1918 г. еще двенадцать штатов предоставили женщинам право голоса — но штаты снова не северные, а в основном западные. И только в 1920 г. Конгресс распространил это право на всю страну.

(Правда, это еще не говорит о каком-то особенном консерватизме американцев. Вот небольшая таблица:

В Норвегии женщины получили право голоса в 1921 г.

В Нидерландах — в 1922 г.

Во Франции — в 1944 г.

В Италии, Японии, Венесуэле — в 1946 г.

В Бельгии — в 1948 г.

В Швейцарии — в 1971 г. (47).

Ну, а американские индейцы получили право голоса только в 1924 г.

Вот несколько премилых законов, которые действовали в *северных* штатах США еще в 1950 г.

Делавэр. Наказания предусмотрены не только для тех, кто нарушит запрет на брак с негром или мулатом, но и для тех, кто этот брак оформлял и просто присутствовал на церемонии.

Мэриленд. Запрещены браки между белыми и лицами с одной восьмой и более негритянской крови, а также с малайцами. Запрещены браки между неграми и малайцами. Наказание — от 10 месяцев тюрьмы до 10 лет. «Всякая белая женщина, родившая ребенка от негра или мулата, подлежит лишению свободы на срок от 18 месяцев до 10 лет».

Орегон. Запрещены браки между белыми и людьми, имеющими хотя бы одну четвертую негритянской, китайской, малайской, гавайской или индейской крови. Наказания предусмотрены для вступивших в брак и совершивших брачную церемонию.

И примеров таких — множество (78).

А. С. Пушкин не зря еще в 1836 г. написал примечательные строки: «Уважение к сему новому народу (американцам. — *А. Б.*) и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебались. С изумлением увиде-

ли демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму» (242).

Рабство тогда существовало на *всей* территории Америки, так что не следует относить слова Пушкина только к южанам. А взяты они из его статьи о только что появившейся тогда в России книги Джона Теннера (241), который мальчишкой попал в плен к индейцам, прожил с ними около тридцати лет и оставил подробные воспоминания о том, как новоанглийские пуритане уничтожали краснокожих даже без особой злобы — будто сорную траву косили.

Я не намеревался этой книгой доказать, будто Юг был «лучше». Я всего лишь пытался показать, что Север был *не лучше*. Как минимум.

Что еще? С 1880-го по 1933 г. ни один деятель Республиканской партии на каких бы то ни было выборах не получал где бы то ни было на Юге большинства.

И не стоит думать, будто в с ё забыто. Отнюдь. Не только в памяти южан дело. Обратите как-нибудь внимание на голливудские боевики: там существует стойкая и вряд ли случайная тенденция размещать на заднем плане флаг Конфедерации всякий раз, когда на экране предстают разнообразнейшие экстремисты, расисты, подонки, бандиты и прочая малопочтенная публика. Вряд ли это случайно: давным-давно в подсознание зрителя вбивается нехитрый тезис: всякая компания, использующая флаг конфедератов, — «плохие парни». Установочка такая дается, мягко и ненавязчиво.

Солдат Гражданской войны

А ведь когда-то под этим флагом дрались и умирали не худшие представители человечества... Всмотритесь в это лицо. Перед вами — Эдвин Френсис Джемисон, рядовой солдат Конфедерации, убитый в одной из «незнаменитых» битв Гражданской — под Малверн-Хиллом, Виргиния, в 1862 г.

А теперь, добросовестно напрягши воображение, представьте двухкилометровой ширины поле под Геттисбергом, по которому мерным шагов, без единого выстрела, наклонив штыки, шагают пятнадцать тысяч таких мальчиков — голодных, оборванных, босых... *упрямых*. По ним беспрестанно бьют пушки, картечь вырывает целые шеренги, а они шагают и шагают — два километра, без выстрела, под неумолчный треск барабанов. И те, кто остался в живых, всё же добираются до пушек...

Кто-нибудь и впрямь полагает, что *так* можно идти в бой за что-нибудь *подлое*?

Красноярск, август 2007

ПРИЛОЖЕНИЕ

АКТ об установлении РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ, принятый Ассамблеей Виргинии в начале 1786 г.

В полной мере осознавая, что Всемогущий Господь создал разум человека свободным,

что все попытки подчинить его влиянию в этом мире, налагая на человека наказания и отягощая его существование или лишая его гражданских прав, приводят только к порождению навыков лицемерия и низости, что эти попытки далеки от замысла Святого Творца нашей религии, который, будучи Господином как тела, так и разума человека, тем не менее предпочел не распространять нашу религию через принуждение и насилие над телом или разумом, хотя то и другое — во власти Всемогущего;

что нечестивая самонадеянность руководит теми законодателями и правителями, как светскими, так и церковными, которые, будучи сами не кем иным, как небоговдохновенными и способными заблуждаться людьми, присваивают себе власть над верованиями других и устанавливают свои взгляды и образ мышления как единственно истинные и безошибочные, и стремятся насильно навязать их как таковые другим, создавая и поддерживая ложные религии по всему свету и во все времена;

что это грех и тирания — вынуждать человека вносить денежные пожертвования для распространения взглядов и мнений, в которые он не верит; что заставлять его материально поддерживать даже проповедника его собственных религиозных верований, но не выбранного им самим, значит лишать его успокоительной вольности предоставлять свои пожертвования тому именно духовному наставнику, чью нравственность он принимает себе за образец, в чьи силы подвигать людей к пути праведному он верит; что делать так, значит лишать священнослужителей тех мирских вознаграждений, которые проистекают из одобрения его личного поведения и образа жизни и являются дополнительным поощрением к серьезным и непрестанным трудам в наставлении человечества;

что наши гражданские права находятся не в большей зависимости от наших религиозных воззрений, чем от наших воззрений в области физики или геометрии;

что поэтому осуждать любого гражданина как недостойного общественного доверия, делая для него невозможным занимать должности, требующие общественного доверия и дающие доход, если только он не исповедует те или иные религиозные взгляды или не откажется от каких-либо из них, — это значит наносить ему ущерб, отказывая ему в тех привилегиях и преимуществах, на которые он вместе со своими согражданами имеет естественное право; что это ведет к разложению принципов той самой религии, которой предполагается способствовать, — к разложению через подкуп, через монопольное право на мирские почести и доходы, через тех, кто будет лишь внешне исповедовать ее и сообразовываться с ней; и что хоть, конечно, преступны будут те, кто не сможет устоять перед таким соблазном, однако, не явятся невиновными и те, кто предложил им этот соблазн;

что допускать вторжение правящей власти в сферу взглядов и мнений и ограничивать исповедание или распространение принципов на основе их предполагаемой дурной направленности — опасная ошибка и заблуждение, разрушающие разом всю религиозную свободу, поскольку тот, кто будет выносить суждение о такой направленности, будет руководствоваться в нем своими взглядами и одобрит или осудит мнения других только в зависимости от того, насколько они ему близки или отличаются от его собственных;

что для правомерных действий гражданской администрации и ее представителей будет достаточно времени, чтобы вмешаться, если какие-либо принципы приведут к явным действиям против мира, спокойствия и доброго порядка;

и наконец, что правда поистине велика, что истина восторжествует, если будет предоставлена своим собственным силам, что она сама является надлежащим и достойным противником заблуждения, и не следует опасаться за исход их столкновения до тех пор, пока людское вмешательство не лишит ее естественного оружия — свободы доводов и дискуссий: заблуждения перестают быть опасными, когда разрешается свободно им возражать.

И потому Генеральная ассамблея устанавливает на правах закона:

что никто не должен принуждаться посещать или участвовать в содержании любого религиозного культа, места богослужений или каких бы то ни было священнослужителей, так же как никто не должен быть понуждаем насильно, вынужден или подвергнут наложению каких-либо тягот, как личных, так и имущественных, и не должен нести какой-либо иной ущерб по причине его религиозных взглядов или убеждений;

что, напротив, все люди должны быть свободны в исповедании и отстаивании в дискуссии своих религиозных взглядов и что это ни в малейшей мере не должно ограничивать, расширять или еще каким-либо образом сказываться на их гражданских правах.

И хотя мы отдаем себе полностью отчет в том, что настоящая ассамблея, избранная народом для отправления обычной законодательной деятельности, не имеет полномочий ограничивать действия ассамблей последующих созывов, которые будут обладать равными с ней правами, и что поэтому провозглашение настоящего акта неотменяемым не имело бы законной силы, мы тем не менее свободны провозгласить:

если в будущем будет принят какой-либо акт, отменяющий настоящий или ограничивающий права, подтвержденные настоящим актом как естественные права человека, и тем самым ограничивающий действие настоящего акта, это будет нарушением естественного права.

Библиография

1. Адамс Г., Видал Г., Дидион Д. Демократия. М.: Прогресс, 1989.
2. Акимов Ю. От межколониальных конфликтов к битве империй: Англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. СПб., 2005.
3. Аксельрод А. История Америки. М.: Астрель, 2006.
4. А что, если бы? Альтернативная история. М.: АСТ, 2002.
5. Александр Ф., Л'Онуа де Б. Королева Виктория. М.: МГ, 2007.
6. Анастасьев Н. Американцы. М.: Культура, 2002.
7. Антрушин А., Успенский Л. Спутник пятнадцатилетнего капитана. Л. Детгиз, 1955.
8. Аптекер Г. Колониальная эра. М.: 1961.
9. Арлазоров М. Человек на крыльях. М.: Досааф, 1958.
10. Бакунин М. Анархия и порядок. М.: Эксмо, 2000.
11. Бейклесс Дж. Америка глазами первооткрывателей. М., 1969.
12. Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома. М.: Астрель, 2003.
13. Богуславский И. Американский успех. Люди и символы. М., 2004.
14. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения 1815–1832 г. М.: Наука, 1975.
15. Боршаговский А. Где поселится кузнец. М.: Сов. писатель, 1978.

16. Бояджи З. История шпионажа. Т. 1. М.: Олма-пресс, 2003.
17. Брей Дж. Ф. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению. М.: Политиздат, 1956.
18. Бродель Ф. Игры обмена. Т. 2. М.: Весь мир, 2006.
19. Брукс В. В. Писатель и американская жизнь. Т. 1–2. М.: Прогресс, 1971.
20. Бурова М. Две тысячи лет истории Англии. Бельведер, 2001.
21. Бушков А. Русская Америка. М.: Олма-пресс, 2006.
22. Ваджра А. Путь зла. М.: АСТ, 2006.
23. В Америке все возможно: Антология американского юмора. М.: БСГ-пресс, 2006.
24. Вершовский М. А другого глобуса у вас нет? М.: Альпина Паблишер, 2002.
25. Веселовский А. Мерлин и Соломон. М.: Эксмо, 2001.
26. Владимиров В. Путешествие в далекое и близкое. М.: Сов. Россия, 1963.
27. Военная энциклопедия.Т. 2. СПб.: Т-во Сытина, 1910.
28. Военный энциклопедический словарь. М.: Оникс 21 век, 2001.
29. Военно-морской флот. Военно-воздушные силы США. М.: Эксмо, 2004.
30. Волк С. Исторические взгляды декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
31. М. Вологжанин. Виселица — и ликует весь народ. «Максим», июль 2007.
32. Ковалевский Н. Всемирная военная история в поучительных и занимательных примерах. М.: Крон-пресс, 2000.
33. Всемірная исторія от Венскаго конгресса до наших лней. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1910.

34. Всемирная история. Наполеоновские войны. Гражданская война в США. Минск: Харвест, 2001.

35. Всемирная история. Т. 4. М.: Соцэконлит,1958.

36. Всемирная история. Т. 6. М.: Соцэконлит, 1959.

37. Всемирная история. Национально-освободительные войны. Минск: Харвест, 2000.

38. Всемирная история. Эпоха английской революции. Минск, Харвест, 2000.

39. Всемирная история флота. М.: Вече, 2001.

40. Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир. М.: Прогресс, 1992.

41. Григулевич И. Р. Церковь и олигархия в Латинской Америке. 1810–1959.

42. Громыко А. 1036 дней президента Кеннеди. М.: Политиздат, 1969.

43. Грэхем Ш. Фредерик Дуглас. М.: МГ, 1959.

44. Гюго В. Т. 14. М.: Худ. лит., 1956.

45. Демин В. Бакунин. М.: МГ, 2006.

46. Дефорест Д. Мисс Рэвенел уходит к северянам. М.: Худ. лит., 1972.

47. К. Джанда, Д. Берри, Д. Голдман, К. Хула. Трудным путем к демократии. М.: Росспэн, 2006.

48. Диккенс Ч. Т. 9. М.: Худ. лит. 1958.

49. Ди Меркурио М. Подводные лодки. М.: АСТ, 2007.

50. Драницын С. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л.: Соцэкгиз, 1937.

51. Дроговоз И. Крепости на колесах. История бронепоездов. Минск: Харвест, 2002.

52. Дуршмид Э. Победы, которых могло не быть. М.: АСТ, 2000.

53. Дюбуа У. Джон Браун. М.: Соцэкгиз, 1960.

54. Дюбуа У. Воспоминания. М.: Иностр. лит., 1962.

55. Дюпюи Р., Дюпюи Т. Всемирная история войн. Т. 3. СПб.: Полигон, 1998.

56. Заславский Д. Очерки истории Северо-Американских Соединенных штатов XVIII и XIX вв. М.: Огонек, 1931.

57. Зиман Л. Экономические районы США. М.: Географиздат, 1959.

58. Зинн Г. Народная история США. М.: Весь мир, 2006.

59. Зорин В. Некоронованные короли Америки. М.: Политиздат, 1970.

60. Иванов Р. Дюбуа. М.: МГ, 1968.

61. Иванов Р. Борьба негров за землю и свободу на юге США. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

62. Иванов Р. Авраам Линкольн и гражданская война в США. М.: Эксмо, 2004.

63. История Бразилии. М.: Альтернатива, 2003.

64. История Латинской Америки. М.: Альтернатива, 2003.

65. История дипломатии. Т. 1. М.: Политиздат, 1959.

66. История XIX века. Т. 6. М.: Огиз, 1938.

67. История политических учений. М.: Госюриздат, 1953.

68. История США. Хрестоматия. М.: Дрофа, 2005.

69. История США. М.: Дрофа, 2004 (Э. Иванян).

70. История человечества. Америка после открытия Колумба. (К. Геблер). СПб.: Полигон, 2003.

71. Кальма Н. Джон Браун. М.: МГ, 1940.

72. Карцева Е. Вестерн: эволюция жанра. М.: Искусство, 1976.

73. Каторин Ю. Парадоксы военной истории. СПб.: Полигон, 2003.

74. Кастро Ж. де. География голода. М.: Иностр. лит., 1954.

75. Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М.: АСТ, 2007.
76. Келли Д. Порох: от алхимии до артиллерии. М.: Колибри, 2005.
77. Кеннеди Д. Ф. Профили мужества. М.: Международные отношения, 2005.
78. Кеннеди С. Путеводитель по расистской Америке. М.: Иностр. лит., 1955.
79. Книга Мормона. Солт-Лейк-Сити, 1988.
80. Копелев Д. Золотая эпоха морского разбоя. М.: Остожье, 1997.
81. Которн Н. Президенты и секс. Т. 2. Интердайджест, 1997.
82. Коротков Ю. Писарев. М.: МГ, 1976.
83. Коэн М. Американская мысль. М.: Иностр. лит., 1958.
84. Краткая история США. Минск: Харвест, 2003.
85. Курлански М. Всеобщая история соли. М.: Колибри, 2007.
86. Курукин И., Никулина Е. Повседневная жизнь русского кабака. М.: МГ, 2007.
87. Лапиров-Скобло М. Эдисон. М.: МГ, 1960.
88. Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М.: Иностр. лит., 1948.
89. Лакермайер Н. Чертова дюжина. История одного суеверия. М.: Колибри, 2006.
90. Ленин В. И. Т. 37. М.: Политиздат, 1963.
91. Ленин В. И. Т. 28. М.: Политиздат, 1962.
92. Ленин В. И. Т. 27. М.: Политиздат, 1962.
93. Лене С. Бедность: неискоренимый парадокс Америки. М.: Прогресс, 1976.
94. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. Европа, 2007.

95. Лиддел Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. М.: АСТ, 2003.
96. Линтнер В. Италия: история страны. М.: Эксмо, 2007.
97. Лурье А. Портреты деятелей Парижской коммуны. М.: Политиздат, 1956.
98. Майроф Б. Лики демократии. М.: Весь мир, 2007.
99. Маль К. Гражданская война в США. 1861–1865. Минск: Харвест, 2000.
100. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1949.
101. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2. М.: Политиздат, 1966.
102. Медведева И., Шишова Т. Орден глобалистов: российская ложа. М.: Алгоритм, 2006.
103. Мендельсон М. Марк Твен. М.: МГ, 1964.
104. Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства. М.: Воениздат. 1937.
105. Мильштейн К., Слободенко А. О буржуазной военной науке. М.: Воениздат. 1957.
106. Миронов В. Народы и личности в истории. Т. 3. М.: Звонница-МГ, 2001.
107. Митчелл М. Унесенные ветром. М.: Эксмо, 2006.
108. Можейко И. Пираты, корсары, рейдеры. М.: Наука, 1991.
109. Молчанов Н. Герои Коммуны. М.: МГ, 1971.
110. Монархи, министры, дипломаты XIX — начала XX века. СПб., 2002.
111. Монтгомери Б. Краткая история военных сражений. М.: Центрполиграф, 2004.
112. Морозов Н. Повести моей жизни. Т. 2. М.: Наука, 1965.
113. Морская энциклопедия. ТЕРРА-книжный клуб, 2004.

114. Моррис Д. Игры политиков. М.: АСТ, 2004.
115. Муравьева Н. Гюго. М.: МГ, 1961.
116. Надеждин Н. История науки и техники. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
117. Настольный словарь для справок по всем областям знания. Т. 3. СПб., 1864.
118. Новая история стран Европы и Америки. М.: Дрофа, 2002.
119. Нойкирхен Х. Пираты. М.: Прогресс, 1980.
120. Окороков А. Русские добровольцы. М.: Авуар консалтинг, 2004.
121. Орден иезуитов: правда и вымысел. М.: АСТ, 2004.
122. Очерки истории Италии. М.: Учпедгиз, 1959.
123. Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990.
124. Петровский В. Суд Линча. М.: Международные отношения, 1967.
125. Пессен Э. Миф о бревенчатой хижине: социальное происхождение американских президентов. М.: Прогресс, 1987.
126. Печатнов В. Гамильтон и Джефферсон. М.: Международные отношения, 1984.
127. Поллинг Б. Энциклопедия скандалов. М.: Вече, 1997.
128. Полная морская энциклопедия. М.: Астрель, 2006.
129. Пономарев В. Таинственный мир женского шпионажа. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
130. Потемкина А. Happy Birtday, Америка! «Совершенно секретно», № 6–7, 2007.
131. Протоколы Парижской коммуны. Т. 1. М.: Партиздат, 1933.
132. Прэтт Ф. Битвы, изменившие историю. М.: Центрполиграф. 2004.

133. Райт Д. Иезуиты. М.: Эксмо, 2006.
134. Ревякин А. Новая история стран Европы и Америки. Конец XV–XIX век. М.: Астрель, 2006.
135. Роуэн Р. 3000 лет тайных войн. М.: Вече, 2004.
136. Сафрански Р. Гофман. М.: МГ, 2005.
137. Сборник посмертных статей А.М. Герцена. Женева, 1870.
138. Свиньин П. Американские дневники и письма. М.: Парад, 2005.
139. Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М.: Прогресс, 1976.
140. Скандалиада, или Белый дом с черного хода. Минск: Вега-принт, 1996.
141. Скидмор Т. Права человека на собственность. М.: Наука, 1988.
142. Скопин В. Милитаризм. М.: Воениздат, 1957.
143. Слезкин Л. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд, 1630–1642. М.: Наука, 1980.
144. Слезкин Л. У истоков американской истории. Виргиния и Мериленд в годы английской революции. 1642–1660. М.: Наука, 1929.
145. Снисаренко А. Джентльмены удачи. СПб.: Судостроение, 1997.
146. Современные США. Энциклопедический справочник. М.: Политиздат, 1988.
147. Согрин В. Джефферсон: человек, мыслитель, политик. М.: Наука, 1989.
148. Сол Д. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М.: АСТ, 2006.
149. Спивак Л. Иуда. Ретро, 2005.
150. Сто великих загадок истории. М.: Вече, 2005.
151. Сто великих богачей. М.: Вече, 2005.

152. Строков А. История военного искусства.Т. 4. СПб.: Полигон 1994.
153. Строус Д. Морган. М.: АСТ, 2002.
154. США. Словарь-справочник. М.: Политиздат, 1960.
155. Сюжеты из истории нового времени. Западная Европа и США М.: Сфера, 2001.
156. Сэндберг К. Линкольн. М.: МГ, 1961.
157. Тайны политических убийств. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
158. Тернбулл Э. Скотт Фицджеральд. М.: МГ, 1981.
159. Тишков В., Кошелев Л. История Канады. М.: Мысль, 1982.
160. Твен М. Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. М.: Детгиз, 1958.
161. Твен М. Жизнь на Миссисипи. Петрозаводск, 1960.
162. Твен М. Письма с Земли. М.: 1963.
163. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1994.
164. Уин Ф. Карл Маркс. М.: АСТ, 2002.
165. Уоллер М. Лондон. 1700 год. Смоленск: Русич, 2003.
166. Урнов Д. Неистовый Том, или потерянный прах. М.: Политиздат, 1989.
167. Уткин А. Теодор Рузвельт. М.: Эксмо, 2003.
168. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Д. Мэдисона, Д. Джея. М.: Весь мир, 2000.
169. Федурин Д. Морские клинки. СПб.: Атлант, 2007.
170. Фернау И. Аллилуйя! История Америки. М.: 2007.
171. Форд Р. Адский косильщик. Пулемет на полях сражений XX века. М.: Эксмо, 2006.
172. Франклин Б. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1956.
173. Фурсенко А. Династия Рокфеллеров. Л.: Наука, 1972.

174. Ханке Х. Люди, корабли, океаны. Судостроение, 1976.
175. Харви Р. Освободители. М.: АСТ, 2004.
176. Харт Х. Техасские богачи. М.: Прогресс, 1984.
177. Хатчинсон. Карманная энциклопедия. М.: Внешсигма, 1995.
178. Хибберт К. Королева Виктория. М.: Аст, 2005.
179. Хиршсон С. Генерал Паттон: жизнь солдата. М.: Эксмо, 2004.
180. Хобсбаум Э. Век революции. 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
181. Хобсбаум Э. Век капитала 1848–1875. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
182. Чернер Ю. ФБР: история и реальность. М.: Вече, 2003.
183. Черняк В. История промышленного шпионажа. М.: Вече, 2002.
184. Черняк Е. Интриги старины глубокой. М.: Рипол классик, 2003.
185. Черняк Е. Химеры старого мира. М.: МГ, 1970.
186. Черняк Е. Судебная петля. М.: Мысль, 1991.
187. Черняк Е. Тайны Старого и Нового света. М.: Остожье, 1996.
188. Черняк Е. Судьи и заговорщики. М.: Мысль, 1984.
189. Черняк Е. Пять столетий тайной войны. М.: Межд. отношения, 1972.
190. Чичерин Б. Собственность и государство. СПб.: РХГА. 2005.
191. Шамбаров В. Правда о варварской Руси. М.: Алгоритм, 2006.
192. Шамбаров В. Тайна воцарения Романовых. М.: Алгоритм, 2007.

193. Широкорад А. Россия—Англия: неизвестная война 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

194. Широкорад А. Русские пираты. М.: Вагриус, 2007.

195. Шершер Э. Тайна гибели Гагарина. И. Дроговоз. Биография несущего винта. Минск: Харвест, 2006.

196. Шлезингер А. Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992.

197. Штейнберг М. Евреи в войнах тысячелетий. М.-Иерусалим, 2005.

198. Функен Л., Функен Ф. Энциклопедия вооружения и военного костюма. Войны на Американском континенте XVII–XIX века. М.: Астрель, 2003.

199. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 16. СПб., 1895.

200. Энциклопедический словарь М. М. Филиппова, Т. 3. СПб., 1901.

201. Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т. 2. СПб., Алетейя, 2002.

202. Яковлев Н. Братья Кеннеди. М.: Эксмо, 2003.

203. Яковлев Н. Вашингтон. М.: МГ, 1973.

204. Яковлев Н. Преступившие грань. М.: Межд. отношения, 1971.

205. Яковлев Н. Джордж Вашингтон. М.: Эксмо, 2003.

206. Herlinger T. Niezwykle peripetii odkryu i wynalazkyw. Warszawa, N. K. 1985.

207. Kaltenberg L. Czarne ïagle czterdziesty morz. Warszawa. M.O.N. 1979.

208. Ryniewicz Z. Bitwy ћwiata. Warszawa, W.P. 1995.

209. Sawicki J. Paragrafy; ћywi ludzie. Warszawa, Iskry, 1961.

210. The Wordsworth. Dictionary of British History. J.P. Kenyon. Market House Books LTD, 1991.

211. Блон Ж. Великий час океанов. Т. 1–2. М.: Славянка, 2002.

212. Харботл Т. Битвы мировой истории. М.: Внешсигма, 1993.

213. Вандам Е. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.

214. Революция против свободы. М.: Европа, 2007.

215. Иллюстрированная хроника открытий и изобретений с древнейших времен до наших дней. М.: АСТ, 2002.

216. Военная энциклопедия. Т. 8. СПб.: Т-во Сытина, 1910.

217. Военная энциклопедия. Т. 14. СПб.: Т-во Сытина, 1911.

218. Кара-Мурза С. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007.

219. Дипломатический словарь. Т. 1. М.: Политиздат, 1960.

220. Самир Амин. Вирус либерализма. М.: Европа, 2007.

221. Свифт Джонатан. Памфлеты. М.: Гослитиздат, 1955.

222. Миллер Дж. Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе. М.: Наука, 1984.

223. Грибачев Н. Семеро в Америке. М.: Сов. пис., 1956.

224. Валюты мира. СПб.: Нева, 2002.

225. Белоусов Р. Ловцы удачи, или Искатели приключений. М.: Олма-пресс, 2000.

226. Иванько С. Фенимор Купер. М.: МГ, 1990.

227. Прицкер Д. Жорж Клемансо. М.: Мысль, 1983.

228. Браун Ди. Схороните мое сердце у Вундед-Ни. История американского Запада, рассказанная индейцами. Хабаровск: Кн. изд-во. 1988.

229. Семар Г. Семь раз отмерь! Среди мер, монет и весов. М.: Финансы и статистика, 1992.

230. Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. М.: Центрполиграф, 2004.

231. Томас Джефферсон. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л. Наука, 1990.

232. Спивак Л. Дорога в Плимут. Истории города Бостона. СПб.: ТИД «Ретро», 2007.

233. Уайт Е. Великая борьба. Источник жизни, 2006.

234. Грэхем Ш. Ваш покорный слуга. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.

235. Гельд А. Развитие крупной промышленности в Англии. СПб.: Тип. Пороховщикова, 1899.

236. Голосов В. Очерки по истории английского материализма XVII–XVIII вв. Красноярск: Кн. изд-во. 1958.

237. Кенни К. Основы уголовного права. М.: Изд-во иностр. лит. 1949.

238. Исаев С. Мэдисон. Политическая биография. СПб.: Наука, 2006.

239. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. СПб.: Издание Н. Глаголева (без указания года).

240. Я берег покидал туманный Альбиона: Русские писатели об Англии. 1646–1946. М.: Росспэн, 2001.

241. Теннер Д. Тридцать лет среди индейцев. М.: ИЛ. 1963.

242. Пушкин А. С., ПСС. Т. VII. М.: Изд-во АН СССР. 1958.

243. Чикалов Р. А., Чикалова И. Р. Новая история стран Европы и США 1815–1918 гг. М.: Высшая школа, 2005.

244. Раннее новое время. Книга для чтения по истории. М.: Астрель, 2006.

245. Мальков В. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004.

246. Стукалин Ю. Хороший день для смерти. М.: Гелеос, 2005.

247. Емельянов Ю. Европа судит Россию. М.: Вече, 2007.

248. Энциклопедия пиратов. М.: Вече, 1998.

249. Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М.: МГ, 2007.

250. Варшавский А. Дорога ведет на юг. М.: Географгиз, 1960.

251. Минаев В. Тайное становится явным. М.: Воениздат, 1960.

252. Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии. М.: МГ, 2007.

253. Савин А. Лекции по истории английской революции. М.: Крафт +, 2000.

254. Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991.

255. Тарас А. Сражения и кампании русского парусного флота. Минск: Харвест, 2007.

256. Вихнович В. 2000 лет вместе: евреи России. М.: Питер, 2007.

257. Молок А. И. Хрестоматия по истории Парижской коммуны. М.: Высшая школа, 1976.

258. Эврич П. Русские анархисты. М.: Центрполиграф, 2006.

259. Зельдич Ю. П. А. Валуев и его время. М.: Аграф, 2006.

260. Айзенштат М. Британия нового времени. Политическая история. М.: КДУ, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. Умное слово от автора 5

Глава первая. Земля обетованная 17
1. Там, за синью непогоды, есть блаженная страна... 17
2. Семь — число несчастливое... 29
3. «Черное дерево» 42
4. Да здравствует республика! 55
5. Загадочная американская душа 77
6. Люди в черном 109

Глава вторая. Черные и белые 129
1. Слышен звон кандальный... 129
2. Глашатаи свободы 142

Глава третья. Северные скелеты в шкафу 164
1. Золото манит нас... 164
2. Подрос звереныш! 171

Глава четвертая. Прежде чем перегореть, ярче лампочка... 191
1. Небо начинает хмуриться 191
2. Родина Элли и Тотошки 204
4. Вампир с Библией в руке 213

Глава пятая. Человек с большим топором 238

Глава шестая. Гроза у порога 261

Глава седьмая. Кровавые годы 279

Глава восьмая. На окраине войны 332
1. Твердь земная, волны и небеса 332
2. И призрак легендарного корвета качается в созвездии Весов... ... 352

Глава девятая. Рыцари плаща и кинжала 366

Глава десятая. Люди со стороны 383
1. Семь пар нечистых 383
2. Беглые фрегаты 416

Глава одиннадцатая. Братья и пушки 432
1. Великий манифест 432
2. Пожарища Нью-Йорка 438
3. Окружающие 444
4. Синие и серые 448
5. Катаклизм по фамилии Шерман 459
6. Костры Ричмонда 465

Глава двенадцатая. Пятая четверть пути 472
1. Вольный полет стервятников 472
2. Свобода без равенства и братства 487
3. Поле чудес 500
4. Финал и занавес 504

Глава тринадцатая. Выстрел из ниоткуда 523

Глава четырнадцатая. Несбывшееся манит нас... 539

Эпилог 548

Приложение 552

Библиография 556

Официальный сайт А. Бушкова
www.shantarsk.ru

Литературно-художественное издание

Бушков Александр

**НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА.
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ США**

Ответственный за выпуск *Д. Хвостова*
Выпускающий редактор *М. Егорина*
Художественный редактор *А. Гладышев*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *И. Слепцовой*
Корректор *А. Гундаев*

Подписано в печать 05.06.2008.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,0.
Доп. тираж 3000 экз. Изд. №. 07-8902. Заказ № 2836.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
105062, Москва, ул. Макаренко, д. 3, стр. 1
www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

АЛЕКСАНДР БУШКОВ В ПРОЕКТЕ «ЗАГАДКИ ИСТОРИИ»

60x90/16, 7БЦ, 576 с.

«Чингисхан. Неизвестная Азия»

Книга Александра Бушкова посвящена одному из самых одиозных правителей в мировой истории — Чингисхану. В варианте Бушкова он предстает не как малообразованный азиатский деспот, а как человек, построивший идеальную модель империи, исключительно разумную и прогрессивную. По крайней мере, за прошедшие восемь веков никто не смог повторить его достижений. И задолго до того, как Европа заявила о себе как о законодательнице демократических моделей общественного устройства, Азия уже пользовалась этими моделями благодаря Чингисхану.

«Планета призраков»

Документы, деньги, произведения искусства подделывали всегда. Но только девятнадцатый век явил миру поддельные науки. В первую очередь марксизм и антропологию — «науку» о происхождении человека. И в том, и в другом случае речь идет о чистейшей воды теориях, не получивших подтверждения ни тогда, ни в дальнейшем, но тем не менее самозванно присвоивших себе статус «настоящих» наук, наподобие астрономии или физики...

«Иван Грозный. Кровавый поэт»

Иван Грозный — первый официально провозглашенный русский царь. Человек, расширивший пределы России. Человек, заложивший основы государственного устройства, создавший настоящее государство из рыхлой массы полунезависимых феодальных уделов. Однако чаще всего он изображался в роли омерзительного палача, проливавшего кровь направо и налево — просто так, забавы и потехи ради, по природному своему садизму, из любви к казням и пыткам. Книга Александра Бушкова позволит нам разоблачить многие мифы об Иване Грозном, взглянув на историю *первого* царя-реформатора с совершенно неожиданной стороны...